

Генри Джорджъ.

~~21895~~
19894.

ЗАПУТАВШІЙСЯ ФИЛОСОФЪ.

Разборъ мнѣній Герберта Спенсера по земельному вопросу въ связи съ его синтетической философіей.

Переводъ съ англійскаго

С. Д. Николаева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1902.

19894

82413

СОДЕРЖАНІЕ.

Введеніе.

	СТРАН.
Цѣль этого изслѣдованія	1

Часть I.—Провозглашеніе.

Глава I. „Общественная Статика“.—Право на землю.	13
II. Несообразность	30
III. „Общественная Статика“.—Право собственности	35
IV. Путаница г. Спенсера въ отношеніи правъ.	49
V. Путаница г. Спенсера въ отношеніи цѣнности	58
VI. Отъ „Общественной Статики“ до „Политическихъ Учрежденій.	69

Часть II.—Отступленіе.

Глава I. Письмо въ Сэнтъ-Джемзскую газету	81
II. „Человѣкъ или Государство“	96
III. Письмо въ газету „Таймзъ“.	106
IV. Разборъ апологіи г. Спенсера	115
V. Второе письмо въ газету „Таймзъ“.	133
VI. Послѣдующія письма	143

Часть III.—Отреченіе.

Глава I. Судьба „Общественной Статики“.	149
II. Мѣсто „Справедливости“ въ синтетической философіи.	153

	СТРАН.
Глава III. Синтетическая философія	156
IV. Идея справедливости въ синтетической философіи.	185
V. Задача г. Спенсера.	194
VI. „Право пользованія природною средою“	201
VII. „Справедливость“ о правѣ на свѣтъ и воздухъ	219
VIII. „Справедливость“ о правѣ на землю.	229
IX. „Справедливость“.—Право собственности	254
X. Право собственности и право налогообложенія	273
XI. Вознагражденіе	285
XII. „Справедливость“.—Земельный вопросъ.	316
XIII. Ректоръ Браунъ	335

З а к л ю ч е н і е.

Нравственный смыслъ этого изслѣдованія.	349
---	-----

ВВЕДЕНИЕ

ЦѢЛЬ ЭТОГО ИССЛЕДОВАНІЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

ЦѢЛЬ ЭТОГО ИССЛЕДОВАНІЯ.

Ни одна освященная временемъ нелѣпость не сохранила бы своей власти надъ умами людей, если бы они дали себѣ трудъ отвѣчать на возраженія дѣтей.

Мишле.

ВВЕДЕНІЕ.

Цѣль этого изслѣдованія.

Гербертъ Спенсеръ занимаетъ въ интеллектуальномъ мірѣ, безъ сомнѣнія, выдающееся положеніе. Огромная масса людей признаетъ его за наиболѣе глубокаго, оригинальнаго и авторитетнаго мыслителя изъ всѣхъ современныхъ намъ, изъ всѣхъ жившихъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ и даже изъ всѣхъ, которыхъ когда либо видѣлъ свѣтъ,—хотя далеко не все во взглядахъ этого философа остается внѣ спора и сомнѣнія.

Область, которую охватываютъ обобщенія Спенсера, такъ обширна; спеціальныя отрасли знанія, въ которыя онъ вдается, такъ многочисленны; отвлеченности, съ которыми онъ имѣетъ дѣло, и термины, въ которые онъ ихъ облакаетъ, такъ мало доступны для обыкновеннаго читателя,—что огромная репутація его для значительнаго большинства интеллигентныхъ людей является болѣе предметомъ вѣры, чѣмъ знанія. Тѣмъ не менѣе это обстоятельство скорѣе содѣйствуетъ, чѣмъ вредитъ высокому мнѣнію о немъ общества, ибо то, что представляется въ смутныхъ очертаніяхъ, обыкновенно лишь выигрываетъ отъ того въ размѣрахъ, и темныя воды кажутся болѣе глубокими. Нельзя сказать однако, чтобы репутація Спенсера, какъ одного изъ величайшихъ философовъ,—въ глазахъ многихъ, даже величайшаго изъ философовъ,—не имѣла серьезной опоры во мнѣніи людей,

которые признаются вполне компетентными въ оцѣнкѣ интеллектуальной силы.

Джонъ Стьюартъ Милль называетъ его „однимъ изъ наиболѣе проникательныхъ метафизиковъ новаго времени, однимъ изъ наиболѣе смѣлыхъ и сильныхъ мыслителей, какихъ только создавало развитіе спекулятивной мысли въ Англіи“. Профессоръ Рэ Ланкастеръ признаетъ его „тонкимъ наблюдателемъ и экспериментаторомъ, сильно свѣдущимъ въ физикѣ и химіи“, придавая особую важность тому, что онъ „въ совершенствѣ владѣетъ научнымъ методомъ“. Ричардъ Прокторъ характеризуетъ его, какъ „наиболѣе яснаго изъ мыслителей“. Г. Г. Льюисъ выражаетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы оказался въ нашемъ столѣтіи какой-либо мыслитель болѣе проникательный“, и признаетъ, что „онъ одинъ изъ всѣхъ британскихъ мыслителей оказался въ состояніи придать органическое единство философіи“. Профессоръ Давидъ Массонъ считаетъ его за мыслителя, „который единолично выработалъ новый, наиболѣе обширный планъ систематической философіи“. Въ основѣ расходящейся со Спенсеромъ Dr. Мэк-Кошъ выражается о немъ такъ: „его смѣлыя обобщенія всегда поучительны, и нѣкоторыя изъ нихъ въ концѣ концовъ должны быть признаны за глубочайшіе законы познаваемаго міра“. Сент-Джорджъ-Мивартъ, какъ католикъ, тоже расходящейся съ нимъ во взглядахъ по вопросамъ первостепенной важности, говоритъ о немъ такъ: „мы не можемъ отрицать права на названіе философа за такимъ мыслителемъ, какъ г. Спенсеръ, который надлежащимъ образомъ объединилъ предметы, казавшіеся различными и совершенно чуждыми, пользуясь яснымъ, широко охватывающимъ, хотя отнюдь не всеобъемлющимъ и не религіознымъ, принципомъ эволюціи“. Профессоръ Тиндаль называетъ его „апостоломъ знанія“. Его „глубокомысленныя, исполненныя могучей силы произведенія“ профессоръ Гёксли признаетъ „за воплощеніе духа Декарта въ знаніи нашего времени“.

Дарвинъ называетъ его „нашимъ великимъ философомъ“, привѣтствуетъ его, какъ „великаго истолкователя принципа эволюціи“ и въ письмѣ къ нему выражается такимъ образомъ: „всякій, имѣющій глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать, долженъ преклонить предъ вами свои колѣна“. Профессоръ Стэнли Джевонсъ ставитъ его труды наравнѣ съ „Principia“ Ньютона. Джонъ Фiske, который смѣло можетъ быть признанъ за выразителя мнѣній огромнаго большинства интеллигентныхъ и вліятельныхъ людей, видитъ въ немъ человѣка одинаковой силы съ Аристотелемъ и Ньютономъ, утверждая притомъ, что его сочиненія, по обширности своего замысла, настолько же превосходятъ труды этихъ двухъ философовъ, насколько желѣзная дорога превосходитъ восточныя носилки, или телеграфъ — почтовыхъ голубей. Барнардъ заявляетъ въ томъ же духѣ, что „философія его есть единственная философія, могущая удовлетворить человѣка, привыкшаго къ серьезнымъ изслѣдованіямъ“, добавляя, что „въ Гербертѣ Спенсерѣ слѣдуетъ признавать не только глубочайшаго мыслителя нашего времени, но также одинъ изъ наиболѣе обширныхъ и могучихъ интеллектовъ всѣхъ вѣковъ. Аристотель и его учитель возвышались надъ пигмеями, которые предшествовали имъ, не болѣе, чѣмъ онъ возвышается надъ Аристотелемъ. Кантъ, Гегель, Фихте и Шеллингъ сравнительно съ нимъ—не болѣе, какъ люди, блуждающіе во тьмѣ“.

Подобные отзывы не оставались безъ возраженій, и не трудно было бы привести мнѣнія совсѣмъ иного рода, выраженные людьми, занимающими въ наукѣ почетное положеніе. Однако общее движеніе мысли, подкрѣпляемое чудесными научными пріобрѣтеніями нашего времени, рѣшительно, почти непреодолимо, склонялось въ пользу идей, съ которыми связано было имя Спенсера. Оппозиція имъ заглушалась и подавлялась даже тамъ, гдѣ она казалась наиболѣе обоснованной, и всякое сомнѣніе въ этихъ идеяхъ сдѣлалось въ

настоящее время не только признакомъ ненаучной вѣры, но даже прямо доказательствомъ невѣжества и суевѣрія. Каковъ бы ни былъ приговоръ будущаго, а въ настоящемъ человѣкъ, признаваемый за великаго истолкователя эволюціонной философіи, несомнѣнно, долженъ былъ встрѣчать всюду такой пріемъ, какого не видѣлъ еще никто изъ предшествовавшихъ философовъ. Поэтому, если какіе отзывы о немъ могли получить широкое распространеніе, то только лишь родъ приведенныхъ выше, и только лишь они могли имѣть какое-либо значеніе, налагая отпечатокъ высокаго авторитета на всякое заявленіе Спенсера по предметамъ, затрогивавшимъ его вниманіе. Одно изъ такихъ заявленій, сдѣланное имъ съ наибольшей осмотрительностью въ его послѣднемъ и, какъ онъ и его поклонники полагаютъ, наиболѣе зрѣломъ и важномъ трудѣ, я и предполагаю рассмотреть въ этомъ изслѣдованіи.

Я не имѣю въ виду заниматься обсужденіемъ философіи Герберта Спенсера или дѣлать обзоръ его сочиненій; я желаю касаться ихъ лишь постольку, поскольку они имѣютъ отношенія къ его взглядамъ на одинъ только вопросъ. А вопросъ этотъ хотя и имѣетъ первостепенное практическое значеніе, есть какъ разъ одинъ изъ тѣхъ, которые не требуютъ ни спеціальныхъ знаній того или другаго рода, ни полнаго знакомства съ метафизической терминологіей, ни свободнаго обращенія съ отвлеченностями,—есть какъ разъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, при обсужденіи которыхъ каждый человѣкъ среднихъ способностей и образованія можетъ быть самъ судьей въ дѣлѣ.

Моя главная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы отстоять и выдвинуть впередъ принципъ, въ которомъ я вижу единственное средство спасенія отъ той неурядицы, которая путаетъ, унижаетъ и развращаетъ людей, превращая свѣтъ въ тьму и замѣняя зломъ добро. Мнѣ нѣтъ дѣла до самого философа и его философіи; тѣмъ не менѣе при изслѣдованіи, которое

я имѣю въ виду, мнѣ волей неволей придется оцѣнивать и личность философа, и его философію. Такъ какъ обсужденіе упомянутаго принципа Спенсеромъ начинается съ первой его книги и оканчивается въ послѣдней, то оно открываетъ для насъ какъ бы поперечный разрѣзъ всѣхъ его научныхъ построеній, проходящій чрезъ обширную область очевидныхъ фактовъ и обычныхъ представленій и дающій возможность намъ, людямъ обыкновеннаго ума и знанія, вполне самостоятельно оцѣнить интеллектуальную силу этого философа и, что особенно важно, его писательскую честность. Ибо, если и можно гдѣ отдѣлять умственные способности человѣка отъ его честности, уважая талантъ извѣстнаго лица, но не вѣря его словамъ, все же такого отдѣленія нельзя допустить въ области философіи. Философія есть исканіе истины, и философъ, который въ своихъ ученіяхъ отклоняется въ сторону изъ-за пристрастія или боязни, теряетъ уже всякое право на уваженіе къ своимъ трудамъ.

Къ тому же и связь между практическими проблемами, которыя выдвигаются на очередь нашей цивилизаціей, и тѣми глубочайшими вопросами, съ которыми имѣетъ дѣло спекулятивная философія, отнюдь не представляетъ изъ себя чего-либо исключительно личнаго или случайнаго. Она вытекаетъ изъ природы человѣческаго духа, изъ нашихъ отношеній къ тому міру, въ который мы вступаемъ для сознательной жизни. Прослѣживая въ „Прогрессѣ и Бѣдности“ явленія экономического порядка, мы должны были перейти къ разсмотрѣнію Спенсеровой теоріи общественной эволюціи и возвышенныхъ вопросовъ о существованіи Бога и безсмертіи души. И теперь подобная же связь между предметами, подлежащими разсмотрѣнію, должна будетъ привести насъ отъ разбора взглядовъ Спенсера по одному изъ наиболѣе важныхъ общественныхъ вопросовъ къ изслѣдованіямъ въ той болѣе обширной и глубокой об-

ласти знанія, въ которой такъ зарекомендовалъ себя этотъ философъ.

Только лишь потому, что занимающій насъ вопросъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ вопросомъ, предъ которымъ становится ничтожнымъ все практическое; только лишь потому, что философъ, авторитетъ котораго служить для отрицанія за народной массой права на физическую основу существованія въ этомъ мірѣ, является вмѣстѣ съ тѣмъ также философъ, авторитетъ котораго разбиваетъ въ людяхъ всякую вѣру въ будущую жизнь,—только лишь потому счелъ я необходимымъ заняться изслѣдованіемъ, имѣющимъ по формѣ личный характеръ, и съ большей подробностью, чѣмъ желать бы, разбирать выраженія г. Спенсера.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы читатель ни въ чемъ не полагался на меня. Пусть только онъ относится вполне самостоятельно къ публичнымъ заявленіямъ Спенсера. Уваженіе къ авторитетамъ, предрасположеніе въ пользу людей, прославившихся въ интеллектуальномъ мірѣ, въ извѣстныхъ предѣлахъ и благоразумно и умѣстно. Но въ немъ не слѣдуетъ заходить слишкомъ далеко, и есть вещи, въ отношеніи которыхъ всѣ мы должны по возможности держаться собственнаго сужденія, сохраняя полную свободу въ мысляхъ. Ибо, съ одной стороны, исторія міра показываетъ намъ, что чрезмѣрное уваженіе къ авторитетамъ во многихъ случаяхъ являлось главной причиной торжества заблужденій и укорененія суевѣрій, а съ другой, намъ извѣстны области мысли, въ которыхъ самыя крупныя способности и самыя обширныя знанія не могутъ уберечь отъ промаховъ или дать полного пониманія предмета. Какой-либо человѣкъ можетъ стоять на ящикѣ и смотрѣть чрезъ головы окружающихъ его лицъ, но онъ не лучше ихъ будетъ видѣть звѣзды. Телескопъ и микроскопъ открываютъ міры, недоступныя для невооруженнаго глаза. Тѣмъ не менѣе они не только не приближаютъ насъ къ причинѣ существованія звѣздъ и бактерій, но даже требуютъ,

чтобы, наблюдая въ нихъ, человѣкъ закрывалъ глаза на все окружающее. Глубина взгляда въ ущербъ его широтѣ замѣчается и въ умственной сферѣ такъ же, какъ въ физической. Человѣкъ специальныхъ познаній можетъ быть невѣждой въ предметахъ житейской мудрости. А что люди, занимающіе высокое положеніе въ области мысли, могутъ стоять очень низко въ нравственной области, тому мы видимъ примѣры повсюду.

Желая имѣть хорошую обувь, мы обращаемся къ сапожнику; желая имѣть хорошо сшитое платье, мы обращаемся къ портному; точно такъ же, имѣя нужду въ специальныхъ отрасляхъ знанія, мы принуждены бываемъ обращаться къ людямъ, которые занимались ихъ изученіемъ. Тѣмъ не менѣе, склоняясь въ сторону людей прославленныхъ и отдавая полную дань уваженія авторитетамъ, мы не должны слишкомъ низко цѣнить свои собственные силы въ тѣхъ дѣлахъ, которыя входятъ въ кругъ повседневной жизни и затрогиваютъ наши общія отношенія. Если мы не ученые и не философы, то вѣдь все же мы люди. Не будемъ забывать, что нѣтъ такого религіознаго суевѣрія, котораго не проповѣдывали бы признанные учителя вѣры, — что нѣтъ такого вульгарнаго экономическаго заблужденія, которое не встрѣчалось бы въ сочиненіяхъ профессоровъ, и нѣтъ такой общественной нелѣпицы, распространенной въ средѣ „невѣждъ“, которой корни не обнаруживались бы въ средѣ людей „воспитанныхъ и просвѣщенныхъ“. Способность судить правильно объ общихъ предметахъ не вырабатывается въ школахъ и не приходитъ вмѣстѣ съ специальнымъ знаніемъ. Она является лишь тамъ, гдѣ есть внимательное умственное раздѣленіе предметовъ, осторожность при сочетаніи ихъ, привычка давать себѣ отчетъ въ каждомъ словѣ, которымъ пользуются, въ каждомъ шагѣ, который дѣлаютъ въ разсужденіи, а главное, — тамъ, гдѣ есть преданность истинѣ.

Пусть же читатель относится съ довѣріемъ къ Спенсеру

въ виду его огромной репутаціи, но пусть въ то же время онъ пользуется и своимъ собственнымъ разумомъ при обсужденіи тѣхъ предметовъ, которыхъ мы будемъ касаться въ нашемъ изслѣдованіи.

Послѣднее сочиненіе Герберта Спенсера „Справедливость“ содержитъ въ себѣ его послѣднее слово по земельному вопросу, по тому вопросу, къ которому, на мой взглядъ, сводится рѣшеніе всѣхъ мучительныхъ и грозныхъ общественныхъ и политическихъ проблемъ нашего времени. Отказавшись отъ своихъ прежнихъ словъ, въ этомъ сочиненіи своемъ, онъ рѣшительно становится на сторону тѣхъ людей, которые утверждаютъ, будто справедливость не дозволяетъ возставать противъ пользованія землею, какъ частной собственностью, т. е. признаетъ за истину прямо противоположное тому, что нѣкогда самъ онъ вполне сознательно утверждалъ.

Въ вопросахъ, уже переходящихъ въ сферу практической политики и долженствующихъ вскорѣ сдѣлаться злобою дня, мнѣніе человѣка, пользующагося огромной репутаціей и вліяніемъ, всегда имѣетъ серьезное значеніе; но въ данномъ случаѣ оно пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе въ виду факта этой переменѣ. Ибо переходъ отъ одного строго обдуманнаго мнѣнія къ другому, прямо противоположному, предполагаетъ серьезное и всестороннее обсужденіе предмета. И тогда, если побужденія къ такому переходу оказываются основательными, и нѣтъ причины предполагать вліяніе какихъ-либо постороннихъ соображеній, мы начинаемъ еще болѣе уважать человѣка, измѣнившаго свои взгляды, ибо видимъ, что онъ болѣе заботится о правдѣ, чѣмъ о послѣдовательности.

Въ нашемъ случаѣ предметъ получаетъ особый интересъ еще въ виду того обстоятельства, что г. Спенсеръ измѣняетъ лишь свои заключенія, не измѣняя посылокъ, и, отстаивая право частной собственности на землю, придержи-

вается того самого принципа равной свободы, исходя изъ котораго онъ прежде это право отвергалъ. Прослѣдить эту перемѣну становится дѣломъ въ высшей степени интереснымъ не только въ виду огромной важности предмета, но и въ виду уясненія самыхъ логическихъ процессовъ столь выдающагося философа.

Такъ какъ никто не потрудился сдѣлать этого, то я счелъ своимъ долгомъ изслѣдовать эту перемѣну и причины, вызвавшія ее. Ибо я не только держусь тѣхъ мнѣній, которыя оспариваетъ теперь г. Спенсеръ, но представляю изъ себя также прямого или косвеннаго виновника такого распространенія его прежнихъ заключеній, какого не могли бы имъ дать его собственные сочиненія. Мой долгъ, стало быть, дать такую же извѣстность и его отказу отъ этихъ заключеній и тѣмъ самымъ исправить ошибку людей, которые считаютъ насъ единомышленниками въ томъ, въ чемъ мы расходимся.

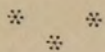
Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить теперешній взглядъ г. Спенсера на земельный вопросъ и понять его доводы, оправдывающіе перемѣну въ его убѣжденіяхъ, необходимо уяснить себѣ его прежнее положеніе.

Потому, начавъ съ его перваго заявленія, я имѣю въ виду прослѣдить всѣ открыто выраженные имъ мнѣнія по этому предмету вплоть до настоящаго времени, причемъ, во избѣжаніе недоразумѣній, я буду цитировать его полностью. Въ послѣдующихъ главахъ читатель найдетъ изложеніе всего того, что было писано г. Спенсеромъ по земельному вопросу съ 1850 по 1892 годъ. Собственные выраженія Спенсера вездѣ отмѣчены вноснымъ знакомъ.

ЧАСТЬ I-я.

ПРОВОЗГЛАШЕНІЕ.

- I. „Общественная Статика“.—Право на землю.
 - II. Несообразность.
 - III. „Общественная Статика“.—Право собственности.
 - IV. Путаница г. Спенсера въ отношеніи правъ.
 - V. Путаница г. Спенсера въ отношеніи цѣнности.
 - VI. Отъ „Общественной Статики“ до „Политическихъ Учрежденій“.
-

„Наше общественное зданіе можетъ быть построено съ чрезвычайнымъ трудолюбіемъ и искусствомъ и можетъ быть заботливо скрѣплено хитроумными постановленіями; но, если не окажется прямизны въ составляющихъ его частяхъ, если оно будетъ построено слѣдуя ложнымъ принципамъ, оно неминуемо распадется въ куски... Потому, мудрый человѣкъ всегда будетъ смотрѣть на вѣру, которая есть въ немъ, не какъ на нѣчто случайное, не какъ на нѣчто могущее ослабѣвать или подчиняться его житейскимъ расчетамъ, а какъ на высшій авторитетъ, къ которому должны склоняться всѣ его поступки. Постигнутыя имъ возвышенныя истины онъ будетъ безбоязненно выражать и будетъ стремиться къ воплощенію въ дѣлахъ своего чистѣйшаго идеализма. Онъ будетъ знать, что онъ во всякомъ случаѣ исполнить при этомъ назначенное ему въ мірѣ дѣло. Достигнетъ онъ того, къ чему стремится, будетъ хорошо; не достигнетъ, будетъ тоже хорошо, хотя и не въ такой же мѣрѣ“.—Гербертъ Спенсеръ, 1850.

ГЛАВА I.

„Общественная Статика“—Право на землю.

Въ своемъ первомъ сочиненіи: „Общественная статика“, вышедшемъ въ 1850 году, г. Спенсеръ пытается найти какой-нибудь устойчивый принципъ, который могъ бы служить исходнымъ пунктомъ для политической этики и представлять изъ себя болѣе твердое основаніе, чѣмъ шаткое понятіе цѣлесообразности или смутная формула наибольшаго блага для наибольшаго числа лицъ. Онъ останавливается на принципѣ: „каждый человѣкъ можетъ требовать самой полной свободы для проявленія своихъ способностей, совмѣстимой съ такой же свободой всѣхъ другихъ людей“, или—другое выраженіе того же принципа—„каждый человѣкъ свободенъ дѣлать все, что онъ пожелаетъ, лишь бы только имъ не нарушалась при этомъ равная свобода всѣхъ другихъ людей“.

Первый выводъ, какой дѣлаетъ онъ изъ этого основного принципа, состоитъ въ признаніи равенства правъ на жизнь и личную свободу, а второй — въ признаніи равенства на пользованіе землей.

Свой первый выводъ онъ кратко обсуждаетъ въ главѣ VIII „Права на жизнь и личную свободу“, признавая, что эти права являются настолько очевидными слѣдствіями изъ самого принципа, что едва ли нуждаются въ отдѣльномъ выраженіи“.

Второй выводъ, немного уступающій по своей важности первому и, въ сущности, заключающійся въ правѣ на жизнь и личную свободу, онъ подробно разсматриваетъ въ главѣ, которую я привожу цѣликомъ:

„Глава IX.—Право на пользованіе землею.“

„§ 1. Представимъ себѣ существъ, одинаково стремящихся къ удовлетворенію своихъ желаній; представимъ себѣ міръ, „приспособленный къ удовлетворенію этихъ желаній, міръ, „въ который эти существа рождаются одинаковымъ образомъ,—и мы тотчасъ же замѣтимъ, что они должны имѣть „равныя права на пользованіе этимъ міромъ. Ибо, если какое-дое изъ нихъ „свободно дѣлать все, что пожелаетъ, лишь „бы только оно не нарушало равной свободы всѣхъ другихъ „существъ“, то каждое изъ нихъ, значитъ, обладаетъ свободой пользоваться землею для удовлетворенія своихъ нуждъ, „предоставляя лишь всѣмъ другимъ подобную же свободу. И „мы замѣтимъ также, что, наоборотъ, ни одно изъ нихъ и „никакая часть ихъ не можетъ пользоваться землею, не допуская остальныхъ до подобнаго же пользованія землею, ибо „черезъ это они признали бы за собой большую свободу, чѣмъ „за остальными, а потому нарушили бы законъ.

„§ 2. Принципъ равноправности, стало-быть, не допускаетъ собственности на землю, ибо, если бы одна часть „земной поверхности могла по справедливости сдѣлаться „владѣніемъ какого-либо индивидуума и удерживаться имъ „для собственного употребленія и пользованія, какъ нѣчто „такое, на что онъ имѣетъ исключительное право, то и всякая другая часть земной поверхности могла бы удерживаться „въ такомъ же владѣніи, могла бы удерживаться въ такомъ „владѣніи и вся поверхность земли; вся наша планета „могла бы оказаться во владѣніи частныхъ лицъ. Подумайте теперь о той дилеммѣ, къ какой приводило бы та-

„кое положеніе. Предположивъ, что такимъ образомъ быть
„бы разобранъ по участкамъ весь обитаемый міръ, мы
„должны были бы сдѣлать выводъ, что если землевладѣльцы
„имѣютъ сколь-нибудь обоснованное право на поверхность
„земли, то всѣ прочіе люди, не землевладѣльцы, не имѣютъ
„на нее никакихъ правъ, что они могутъ существовать на
„ней только по снисхожденію. Всѣ они являлись бы не-
„прошенными гостями. Безъ позволенія владѣльцевъ земли
„они не могли бы имѣть столько мѣста, сколько занимаютъ
„ступни ихъ ногъ. Болѣе того, признай владѣльцы земли за
„удобное для себя отказывать имъ въ мѣстопребываніи, и всѣ
„безземельные люди могли бы быть прогнаны съ лица земли.
„И потому, если признаніе земли предметомъ собственности
„допускаетъ обращеніе всего земного шара въ собственность
„нѣкоторой части ея жителей, причемъ все остальное насе-
„леніе могло бы пользоваться своими силами и могло бы
„существовать лишь съ дозволенія землевладѣльцевъ, то не
„ясно ли, что исключительное владѣніе землею есть наруше-
„ніе закона равной свободы. Вѣдь люди, которые не могутъ
„жить и пользоваться жизнью безъ позволенія другихъ лю-
„дей, конечно, не могутъ считаться столь же свободными,
„какъ эти другіе люди.

„§ 3. Переходя отъ разсмотрѣнія возможнаго къ дѣйстви-
„тельности, мы замѣтимъ еще больше основаній къ отрица-
„нію частной собственности на землю. Никто не можетъ ска-
„зать, чтобы основы существующихъ правъ собственности на
„землю представляли изъ себя нѣчто законное, а если бы
„кто и вздумалъ говорить о нихъ, какъ о чемъ-то законномъ,
„то, чтобы заставить его замолчать, ему достаточно было
„бы указать на лѣтописи. Насилія, обманы, преимущества,
„какія даетъ сила или хитрость, — вотъ источники этихъ
„правъ. Первоначальныя записи ихъ вездѣ были сдѣланы
„скорѣе мечомъ, чѣмъ перомъ; ихъ утверждали скорѣе сол-
„даты, чѣмъ законовѣды; по нимъ рассчитывались по пре-

„имуществу одной монетою: ударами, и къ нимъ прилагались оравыя печати предпочтительно предъ сургучными. „Могли ли такимъ образомъ установиться серьезныя права? „Едва ли. А если нѣтъ, то какое значеніе могутъ имѣть „претензіи всѣхъ послѣдующихъ владѣльцевъ земель, пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ? Можетъ ли продажа или завѣщаніе породить право, котораго ранѣе не существовало? „Можетъ ли судъ отказать въ искѣ первоначальнымъ собственникамъ на томъ основаніи, что вещь, украденная у нихъ, перешла въ другія руки? Конечно, нѣтъ. А если одинъ актъ „перехода изъ рукъ въ руки не создаетъ права собственности, то создаетъ ли его множество такихъ актовъ? Никомъ образомъ: сколько бы разъ мы ни умножали ничто, а въ результатѣ мы все равно никогда не получимъ единицы. Даже законъ признаетъ этотъ принципъ. Всякій владѣлецъ обязанъ, въ случаѣ надобности, доказать права тѣхъ „лицъ, отъ которыхъ наслѣдовалъ или у которыхъ онъ купилъ свою собственность, и ошибка въ первоначальныхъ „документахъ, хотя бы собственность эта прошла чрезъ длинный рядъ промежуточныхъ владѣльцевъ, можетъ быть для „него причиной потери владѣнія.

„Однако, — говорятъ нѣкоторые, — „время есть великій узаконитель. Владѣніе съ незапамятныхъ временъ уже само по „себѣ должно составлять законное право собственности. Все, „что изъ вѣка въ вѣкъ признавалось за частную собственность, что покупалось и продавалось въ качествѣ таковой, „должно и въ настоящее время безспорно признаваться за „принадлежащее владѣльцу“. Съ этимъ предложеніемъ можно „было бы охотно согласиться, если бы лица высказывающія „его были въ состояніи придать ему болѣе опредѣленный „смысль. А для этого, однако, имъ пришлось бы дать удовлетворительный отвѣтъ на вопросы вродѣ нижеслѣдующихъ: „Чрезъ какое время бывшее первоначально несправедливымъ становится справедливымъ?“ „Въ какой мѣрѣ, съ

„каждымъ годомъ, сомнительное право становится несомнѣннымъ? И если всякое право становится несомнѣннымъ, скажемъ, чрезъ тысячу лѣтъ, то въ какой мѣрѣ усилится его несомнѣнность чрезъ двѣ тысячи лѣтъ?“—и т. д. А это все вопросы, для отвѣта на которые долженъ потребоваться особый особый родъ исчисленія.

„Цѣлесообразно ли поддерживать извѣстное право, это—другой разговоръ. Въ данномъ случаѣ мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ условныя привилегіи или законодательныя разграниченія. Мы ищемъ лишь приговора, опирающагося на принципъ равноправности или справедливости. А этотъ приговоръ таковъ, что имъ отвергаются всѣ существующія индивидуальныя права собственности на землю и утверждается, наперекоръ всѣмъ записямъ, обычаямъ и законамъ, право человѣчества, въ его цѣломъ.

82743 § 4. Но мало того, что нельзя оправдывать происхожденія правъ теперешнихъ землевладѣльцевъ; даже и въ воображеніи нельзя представить себѣ такого способа, какимъ могла бы земля сдѣлаться частной собственностью. Обыкновенно обработка ея признается за нѣчто, дающее на нее законное право. Всякій, кто выводитъ участокъ земли изъ ея первобытнаго состоянія, признается чрезъ это его собственникомъ. Но если право этого человѣка оспаривается, то какая система логики можетъ поддержать его? Вслушаемся на минуту въ тяжбу изъ-за владѣнія такого рода.

„Эй, сударь!“ кричитъ космополитъ какому-либо обитателю полѣсья, покуривающему на порогѣ своей хижины. „По какому праву владѣете вы той землей, которую вы расчистили, огородили плетнемъ, и на которой вы построили бревенчатый домъ?“

„По какому праву?.. Я занялъ ее потому, что никто не противился этому; потому, что я былъ столь же свободенъ занять ее, какъ и всякій другой человѣкъ. Съ другой стороны, теперь, послѣ того, какъ я расчищалъ эту землю, рас-

„пахивалъ ее и засѣвалъ, я сдѣлался болѣе собственникомъ „ея, чѣмъ вы или чѣмъ кто-либо другой, и я желаю вла- „дѣть ею“.

„Ну, такъ всѣ вы говорите, однако въ этомъ я не вижу „доказательствъ вашего права. Когда вы явились сюда, то вы „нашли землю, на которой произрастали деревья, быть мо- „жетъ, сахарный кленъ, или которая была покрыта степной „травой и дикими ягодами. Въмѣсто нихъ, вы стали выращи- „вать на ней пшеницу, маисъ и табакъ. И мнѣ очень хотѣ- „лось бы знать, какимъ образомъ, уничтоживъ одинъ родъ „растеній и выращивая на его мѣстѣ другой, вы сдѣлались „господиномъ этой земли на все послѣдующее время?“

„Но вѣдь тѣ естественныя произведенія, которыя я уни- „чтожилъ, были мало полезны или бесполезны, тогда какъ я „сдѣлалъ такъ, что земля стала производить предметы год- „ные для пищи, предметы, могущіе содѣйствовать жизни или „благосостоянію“.

„Тѣмъ не менѣе вы не доказываете, чтобы часть земной „поверхности, подвергавшаяся вашей обработкѣ, стала чрезъ „это вашей собственностью. Что въ сущности дѣлали вы? „Разворачивали землю на нѣсколько вершковъ въ глубину „при помощи лопаты или плуга, разбрасывали по ней неболь- „шое количество сѣмянъ и собирали плоды, которые выра- „щивались землею при содѣйствіи солнца, дождя и воздуха. „Теперь скажите же мнѣ, прошу васъ, какимъ чудомъ, эти „акты сдѣлали васъ единственнымъ собственникомъ той огром- „ной массы вещества, которая имѣетъ своимъ основаніемъ „поверхность вашего владѣнія, а вершиной—центръ земного „шара? Какъ могли они дать вамъ право монополизировать „на вѣки вѣковъ за собой и своимъ потомствомъ все, что „заключается въ этой землѣ?“

„А если эта земля не моя, то чья же она? Вѣдь я не „нарушалъ ничьихъ правъ. Когда я переѣзжалъ здѣсь Мис- „сиссипи, то я находилъ лишь пустынные лѣса, и всякій дру-

„гой человекъ, который поселился бы здѣсь и расчистилъ бы „эту землю, имѣлъ бы на нее такое же право, какъ и я. Я не „сдѣлалъ ничего такого, чего не вправѣ былъ бы сдѣлать „всякій другой человекъ, пришедшій сюда ранѣе меня. Пока „эта земля оставалась въ дикомъ состояніи, она принадлежала „всѣмъ людямъ: одному столько же, сколько другому; а те- „перь она стала моею просто потому, что я первый открылъ „и устроилъ ее“.

„Вы совершенно вѣрно замѣтили, что земля эта принад- „лежала всѣмъ людямъ, пока оставалась въ дикомъ состояніи. „И я считаю своимъ долгомъ увѣрить васъ, что она и до „сего времени принадлежитъ всѣмъ людямъ, и что все это „ваше „устройство“ не можетъ отмѣнить права всѣхъ людей. „Вы можете пахать и боронить, сѣять и жать. Вы можете „развораживать землю такъ часто, какъ вамъ требуется; всѣ „эти манипуляціи не сдѣлаютъ вашимъ то, что напередъ не „было вашимъ. Позвольте мнѣ пояснить мою мысль. Предпо- „ложите, что въ концѣ вашихъ странствованій вы пришли бы „къ пустому дому, который несмотря на свое полуразрушен- „ное состояніе все же поправился бы вамъ; предположите, „съ цѣлью основать въ немъ свое пребываніе вы расходуете „на починку его множество времени и труда—красите его, „бѣлите, оклеиваете стѣны обоями и послѣ значительныхъ за- „тратъ приводите его въ порядокъ. Предположите теперь, „что въ одинъ несчастный день вамъ объявляютъ о пріѣздѣ „какого-то незнакомаго человека, которому этотъ домъ до- „стался по наслѣдству, и который имѣетъ всѣ необходимыя „документы для доказательства своего права. Что станется „со всѣмъ вашимъ устройствомъ? Поддержитъ ли оно сколь „нибудь серьезно ваше право на этотъ домъ? Уничтожитъ ли „оно право первоначальнаго собственника?“

„Никимъ образомъ“.

„Не ясно ли, въ такомъ случаѣ, что и всѣ ваши труды „при занятіи этой земли не давали вамъ серьезнаго права

„на нее? Не ясно ли, что они не уничтожили права ея первоначальнаго собственника,—человѣчества? Миръ завѣщанъ отъ Бога всему человѣческому роду. Всѣ люди вмѣстѣ суть его наслѣдники, и вы въ ихъ числѣ. Потому, занимая извѣстную часть земли, улучшая и обрабатывая ее, вы отнюдь не становились чрезъ это ея полнымъ собственникомъ. А если бы и сдѣлались имъ, то всегда могли бы быть съ полнымъ правомъ прогнаны съ нея законнымъ владѣльцемъ—обществомъ“.

„Прекрасно. Но вы, конечно, не прогнали бы меня, не вознаградивъ за ту значительную добавочную цѣнность, которую я придалъ этому участку, превративъ его изъ пустыни въ плодородное поле. Вы не пустили бы меня на вѣтеръ и не лишили бы меня плодовъ того многолѣтняго труда, который требовался для того, чтобы довести этотъ участокъ до его теперешняго состоянія?“

„Понятно, нѣтъ. Какъ владѣя чужимъ домомъ вы имѣли бы законное право на вознагражденіе отъ собственника за вашъ ремонтъ и улучшенія, такъ и передавая во владѣніе общества это помѣстье, вы сохраняли бы полное право на все то, что было сдѣлано вами. Та добавочная цѣнность, которая была внесена въ него вами, есть по справедливости ваша собственность; и хотя бы вы вносили улучшенія въ землю, которая принадлежитъ обществу, безъ его дозволенія, тѣмъ не менѣе оно, все же, должно бы было разсчитаться съ вами за ваши труды. Но признавать ваше право на вознагражденіе не значитъ признавать ваше право на самую землю. Вы, безъ сомнѣнія, имѣете право на вознагражденіе за тѣ улучшенія, какія внесены были въ этотъ участокъ вашимъ трудомъ; тѣмъ не менѣе никакой актъ, никакая проценка, никакая формальность или обрядъ не могли сдѣлать этотъ участокъ вашей частной собственностью“.

„§ 5. На первый взглядъ инымъ покажется, что земля можетъ сдѣлаться исключительной собственностью частныхъ

„лицъ путемъ справедливаго раздѣленія ея. „Почему же“, „скажутъ нѣкоторые, — „люди не могли бы согласиться на „полюбовный раздѣлъ земли? Если всѣ они сонаслѣдники, то „почему же нельзя бы имъ было раздѣлить землю на одина- „ковые участки и затѣмъ считать каждого изъ своей среды „полнымъ хозяиномъ доставшагося ему участка?“

„На этотъ вопросъ можно бы было, прежде всего, отвѣ- „тить, что противъ такого дѣленія говорить трудность въ „опредѣленіи цѣнности различныхъ участковъ земли. Они на- „столько различались бы по своей производительности, до- „ступности, климатическимъ условіямъ, близости къ цент- „рамъ цивилизаціи, что отъ простыхъ измѣреній, мы вскорѣ „дошли бы до рѣшенія проблемъ, превышающихъ наше ра- „зумѣніе.

„Однако, оставляя въ сторонѣ все это, спросимъ себя: „кто долженъ бы быть въ числѣ счастливицевъ надѣленныхъ зем- „лей? Всѣ взрослые люди мужескаго пола и всѣ достигшіе „двадцати одного года къ извѣстному дню? Но если такъ, то „что же случилось бы съ людьми достигшими совершеннолѣтія на „слѣдующій день? Или должны бы были получить по участку „всѣ мужчины, женщины и дѣти? Но что же случилось бы съ „людьми, рожденными на слѣдующій годъ? И какова была бы „судьба тѣхъ, родители которыхъ продали бы свои участки и „прожили вырученныя деньги? Развѣ эти обездоленные су- „щества не составили бы изъ себя описанный выше классъ „людей, живущихъ по милости своихъ собратьевъ и, по су- „ществу, не отличающійся отъ крѣпостныхъ? Развѣ существо- „ваніе такого класса не стояло бы въ рѣзкомъ противорѣчій „съ закономъ равной свободы?

„А потому, не обладая властью устанавливать такого рас- „предѣленія, не будучи въ силахъ доказать, что Богъ далъ „одну хартію привилегій одному поколѣнію и другую—дру- „гому, слѣдующему за нимъ; что люди, рожденные послѣ из- „вѣстнаго срока, должны быть осуждены на рабство, — мы

„должны признавать недозволительнымъ всякое подобное дѣленіе земли.

„6. Вѣроятно, нѣкоторые увидятъ въ трудностяхъ, неотдѣлимыхъ отъ частной собственности на землю, нѣчто такое, что зависитъ отъ доведенія до крайности доктрины, приложимой лишь въ раціональныхъ предѣлахъ. Это излюбленная манера разсужденія у многихъ лицъ. Есть люди, которые питаютъ ненависть ко всему, имѣющему видъ точнаго заключенія; изъ ихъ числа и эти мыслители. По ихъ словамъ всегда выходитъ такъ, что правымъ никогда не бываетъ то или другое крайнее мнѣніе, но, что имъ всегда бываетъ, нѣчто стоящее въ срединѣ между крайностями. Они всегда стремятся примирить да и нѣтъ. „Если“, „однако“, „за исключеніемъ“ — вотъ ихъ любимыя словечки. Они питаютъ такую глубокую вѣру въ „благоразумную серединку“, что едва ли бы приняли слова самого оракула, если бы онъ провозгласилъ имъ какой-либо прямолинейный принципъ. Спросите ихъ о томъ, въ какую сторону вращается земля на своей оси: съ востока на западъ или съ запада на востокъ,—и вы навѣрно услышите въ отвѣтъ: „пожалуй, можно сказать, что въ обѣ стороны“, или: „собственно, ни въ ту, ни въ другую“. И въ высшей степени сомнительно, чтобы они могли согласиться даже съ такой аксіомой, какъ та, что цѣлое болѣе своей части,—не сдѣлавъ при этомъ разнаго рода оговорокъ. У нихъ какая-то страсть къ компромиссамъ. Чтобы удовлетворить ихъ вкусамъ, истина всегда должна быть приправлена небольшимъ количествомъ заблужденій. Они не въ состояніи постигнуть яснаго, опредѣленнаго, цѣлаго и неограниченнаго закона. И потому, въ вѣпросахъ, подобныхъ интересующему насъ, они всегда хлопчуютъ объ ограниченіяхъ; всегда желаютъ что-то умѣрить, убавить и смягчить, и всегда протестуютъ противъ того, чтобы тѣ или иныя ученія доводились до ихъ окончательныхъ заключеній.

„Но надо напомнить такимъ людямъ, что нравственные „истины бываютъ столь же точны и непреложны, какъ физическія, и что въ занимающемъ насъ вопросѣ о землевладѣніи приговоромъ этики можетъ быть либо да, либо нѣтъ. „Или люди имѣютъ право на то, чтобы дѣлать землю частной собственностью, или не имѣютъ. Средины нѣтъ. Мы „должны выбрать одно изъ двухъ положеній. Половинчатыхъ „мнѣній не можетъ быть. Самая природа вещей требуетъ „признанія того или другого.

„Не имѣютъ люди такого права—и мы сразу освобождаемся отъ множества доводовъ, приведенныхъ ранѣе. „Имѣютъ они такое право—и ихъ право должно признаваться абсолютнымъ, священнымъ, ненарушимымъ. Имѣютъ „они такое право, и Его Высокопреосвященство архіепископъ „Лидзскій долженъ считать себя правымъ, не допуская „путешественниковъ на Бен-Макдуй; герцога Атольскій — „запирая Тильтскую долину; герцога Бёклу — отказывая въ „мѣстѣ для постройки протестантскихъ церквей, и герцога „Сутерландскій — сгоняя шотландскихъ крестьянъ съ земли „ради устройства овечьихъ загоновъ. Имѣютъ они такое „право, и единственный собственникъ какого-либо земельнаго владѣнія, — скажемъ Джёрзея — или Гернзея, съ — полнымъ „основаніемъ могъ бы вводить какія угодно обязательныя „постановленія для обитателей этого владѣнія, могъ бы согнать съ своей собственности всякаго, кто не желалъ бы „исповѣдывать извѣстную религію, говорить на извѣстномъ „языкѣ, оказывать ему извѣстное уваженіе, носить указанную „одежду и подчиниться всѣмъ тѣмъ условіямъ, которыя могли „бы казаться ему подходящими. Имѣютъ они такое право, — „и ультра-консервативная школа могла бы съ полнымъ „основаніемъ утверждать, что землевладѣльцы суть единственные „законные правители страны; что народъ, въ его цѣломъ, можетъ оставаться въ ней лишь съ ихъ позволенія и, слѣдовательно, долженъ подчиняться управленію землевладѣль-

„цевъ и уважать всѣ установленныя ими учрежденія. Проти-
„тивъ такихъ утвержденій нельзя было бы сказать ни слова,
„ибо они суть необходимыя слѣдствія теоріи, будто земля
„можетъ быть частной собственностью, и отвергать ихъ
„можно, лишь отвергая самую теорію.

„§ 7. Въ сущности, люди не имѣютъ безусловной вѣры
„въ лэндлордизмъ. Мы слышимъ о помѣстьяхъ, находящихся
„во владѣніи короля, то есть государства; — о владѣніяхъ,
„находящихся въ вѣдѣніи частныхъ лицъ въ виду обще-
„ственной пользы, — тѣмъ не менѣе никто не признаетъ ихъ
„неотчуждаемымъ владѣніемъ ихъ номинальныхъ собственни-
„ковъ. Болѣе того, мы постоянно отвергаемъ лэндлордизмъ
„въ нашемъ законодательствѣ. Требуется провести каналъ,
„желѣзную дорогу или шоссе — и мы, ни мало не стѣсняясь,
„отбираемъ столько земли, сколько нужно, предоставляя вла-
„дѣльцамъ требовать себѣ вознагражденія за потерянный ка-
„питалъ. Мы не ждемъ ихъ согласія. Актъ парламента дѣ-
„лаетъ ничтожными всѣ владѣльческія записи и обязываетъ
„владѣльцевъ оставить землю, несмотря на то, желаютъ ли
„они этого или нѣтъ. Поступать такъ — или справедливо, или
„несправедливо. Или общество въправѣ отбирать столько земли,
„сколько оно находитъ нужнымъ, или права землевладѣль-
„цевъ должны признаваться абсолютными, и всякая обще-
„ственная работа должна откладываться до тѣхъ поръ, пока
„землевладѣльцы не пожелаютъ разстаться съ землей, потреб-
„ной для общества. Если мы рѣшаемъ, что частные собствен-
„ники должны отступать съ своими правами въ виду требо-
„ваній общества, то тѣмъ самымъ мы признаемъ за нѣчто
„высшее право всего народа на землю; признаемъ, что право
„частной собственности существуетъ лишь съ общаго согла-
„сія и прекращается вмѣстѣ съ нарушеніемъ этого согласія, —
„другими словами, что оно вовсе не есть право.

„§ 8. „Но къ чему же должна повести эта доктрина, утвер-
„ждающая, будто люди надѣлены одинаковыми правами на

„пользованіе земель? Неужели слѣдуетъ намъ вернуться къ
„временамъ нераздѣленныхъ и необрабатываемыхъ земель-
„ныхъ пространствъ и довольствоваться кореньями, ягодами
„и дичью? Или слѣдуетъ намъ отдаться во власть господъ
„Фурье, Оуэна, Луи Блана и К°?“

„Никоимъ образомъ. Подобная доктрина совмѣстима съ
„наивысшимъ состояніемъ цивилизаціи, можетъ быть прове-
„дена въ жизнь безъ установленія общности имущества и не
„должна вести къ сколь-нибудь серьезному перевороту въ
„существующихъ порядкахъ. Требуемая перемѣна была бы
„просто перемѣной землевладѣльцевъ. Отдѣльная собствен-
„ность исчезла бы въ соединенной собственности народа.
„Вмѣсто того, чтобы быть во владѣніи лицъ, страна находи-
„лась бы во владѣніи великаго совокупнаго цѣлаго—обще-
„ства. Вмѣсто того, чтобы снимать землю у отдѣльнаго соб-
„ственника, фермеръ снималъ бы ее у народа. Вмѣсто того,
„чтобы передавать плату агенту г. Джона или Его Милости *),
„онъ передавалъ бы ее агенту или довѣренному лицу обще-
„ства. Управляющіе сдѣлались бы общественными должност-
„ными лицами, вмѣсто частныхъ, а аренда—единственнымъ
„видомъ землевладѣнія.

„Порядокъ вещей такого рода былъ бы въ совершенной
„гармоніи съ нравственнымъ закономъ. При немъ всѣ люди
„были бы одинаково землевладѣльцами, и всѣмъ безъ разли-
„чія было бы предоставлено право сдѣлаться арендаторами.
„А, Б, В и прочіе люди могли бы гнаться за какой-либо
„фермой такъ же, какъ они гонятся теперь, и всякій изъ нихъ
„могъ бы оставить за собою эту ферму ничуть не нарушая
„принциповъ полной справедливости. Всѣ были бы равно
„свободны набавлять цѣну: всѣ были бы равно свободны
„не идти далѣе извѣстной цѣны. И когда ферма доста-
„валась бы А, Б или В,—всѣ заинтересованныя въ ней
„лица дѣлали бы то, что находили нужнымъ: одинъ чело-

*) Титуль герцоговъ и архіепископовъ въ Англіи. *Прим. пер.*

„вѣкъ соглашался бы уплачивать известную сумму своимъ
„собратьямъ за пользованіе такой-то землей, — прочіе люди
„отказывались бы отъ этого. Ясно, стало быть, что при такой
„системѣ землю можно было бы отгораживать, занимать и обра-
„батывать съ полнымъ соблюденіемъ закона равной свободы.

„§ 9. Возстановленіе всего человѣчества въ его правахъ
„на землю, безъ сомнѣнія, связано съ огромными затрудне-
„ніями. Вопросъ о вознагражденіи существующихъ собствен-
„никовъ есть вопросъ сложный, — вопросъ, который, пожа-
„луй, не можетъ быть рѣшенъ безусловно справедливымъ пу-
„темъ. Будь предъ нами лица, которыя первоначально похи-
„тили у человѣческаго рода его наслѣдіе, — и мы могли бы
„быстро покончить съ дѣломъ. Но, къ несчастію, большин-
„ство теперешнихъ нашихъ землевладѣльцевъ суть люди, ко-
„торые получили свои помѣстья сами или въ лицѣ своихъ
„предковъ въ обмѣнъ на честно пріобрѣтенныя богатства,
„полагая, что при этомъ они вполне законно примѣняли къ
„дѣлу свои сбереженія. Справедливая оцѣнка и ликвидація
„правъ этихъ людей представляетъ изъ себя одну изъ наи-
„болѣе запутанныхъ задачъ, какія только придется со вре-
„менемъ рѣшать человѣчеству. Но эта запутанность и наше
„выпутываніе изъ нея есть нѣчто совсѣмъ постороннее для
„отвлеченной нравственности. Люди сами создали предъ со-
„бой дилемму своимъ неповиновеніемъ закону, и сами должны
„устранить ее, какъ знаютъ, съ возможно меньшимъ вредомъ
„для землевладѣльческаго класса.

„При этомъ будетъ не лишнимъ напомнить, что помимо
„землевладѣльческаго класса должно принимать въ сообра-
„женіе также другихъ лицъ. При нашемъ заботливомъ вни-
„маніи къ законнымъ интересамъ небольшой кучки людей
„не будемъ, однако, забывать того, что права множества
„лицъ остаются въ пренебреженіи и будутъ оставаться въ
„немъ до тѣхъ поръ, пока земля не перестанетъ монополи-
„зироваться индивидуумами. Не будемъ забывать и того, что

„причиняемая такимъ образомъ несправедливость всему чело-
„вѣческому роду есть одна изъ наиболѣе тяжкихъ, и если
„на нее не смотреть какъ на таковую, то это нимало не из-
„мѣняетъ сущности дѣла. На первыхъ ступеняхъ цивилиза-
„ціи, даже челоѣкоубійство не признается за что-либо осо-
„бенно важное. Въ Индіи вмѣстѣ съ умершимъ мужемъ сжи-
„гають также и жену, какъ и повсюду практиковался обы-
„чай приносить гекатомбы челоѣческихъ жертвъ при погре-
„беніи начальниковъ; а людоѣды, конечно, смотрятъ на избіе-
„ніе тѣхъ, которыхъ военное счастье сдѣлало ихъ плѣнни-
„ками, какъ на нѣчто вполне согласное съ справедливостью.
„Равнымъ образомъ рабство разсматривалось нѣкогда всюду
„какъ естественное и вполне законное учрежденіе, — какъ
„условіе, при которомъ извѣстныя лица вступаютъ въ жизнь
„и которому они должны подчиняться какъ божественному
„предназначенію; болѣе того, огромная масса людей, въ сущ-
„ности, до сего времени держится этого взгляда. Болѣе вы-
„сокое общественное развитіе привело насъ къ болѣе отрад-
„ному взгляду, и мы въ настоящее время въ значительной
„мѣрѣ признаемъ права челоѣчества. Тѣмъ не менѣе наша
„цивилизациа все же остается односторонней. Быть можетъ
„недалеко то время, когда люди узнаютъ, что предписанія
„справедливости еще не исполнены ими, и когда они пой-
„мутъ, что лишать другихъ ихъ права на пользованіе землей
„значитъ совершать преступленіе, лишь немногимъ меньшее
„лишенія жизни или личной свободы.

„§ 10. Излагая кратко свою аргументацію, мы скажемъ,
„что право каждаго челоѣка на пользованіе землей, огра-
„ниченное лишь подобнымъ же правомъ другихъ людей, пред-
„ставляетъ изъ себя непосредственный выводъ изъ закона
„равной свободы. Признаніе этого права несовмѣстимо съ
„частной собственностью на землю. Всѣ существующія оправ-
„данія этой собственности по изслѣдованіи оказываются не
„дѣйствительными,—въ томъ числѣ и оправданіе ея, осно-

„ванное на трудъ того лица, которое привело землю въ культурное состояніе. Оказывается, что даже раздѣленіе земли на равные участки между всѣми обитателями ея не могло бы создать законнаго права собственности. Доводя до его „конечныхъ слѣдствій право исключительнаго владѣнія землей, мы неизбежно приходимъ къ землевладѣльческому депотизму. Мы замѣчаемъ, далѣе, что это право постоянно отвергается постановленіями нашего законодательства. И мы видимъ, наконецъ, что теорія сонаслѣдничества всѣхъ людей на землю совместиа съ наивысшей цивилизаціей, и что, какъ бы ни было трудно провести эту теорію въ жизнь, а справедливость грозно требуетъ этого.“

Вкратцѣ содержаніе этой главы можно выразить въ нижеслѣдующихъ положеніяхъ:

1. Равное право всѣхъ людей на пользованіе землею вытекаетъ изъ факта ихъ существованія въ мірѣ, приспособленномъ къ ихъ потребностямъ, въ который они рождаются одинаковымъ образомъ.

2. Равенство, стало быть, не допускаетъ частной собственности на землю, ибо ею предполагается за нѣкоторыми людьми право лишать другихъ людей пользованія землею.

3. Частная собственность на землю, существующая въ настоящее время, по своему происхожденію не имѣетъ оправданія съ точки зрѣнія справедливости, и не можетъ пріобрѣсти его путемъ продажи, завѣщанія или мирнаго владѣнія въ теченіе какого бы то ни было времени.

4. Не существуетъ ни единого способа, посредствомъ котораго земля могла бы, по справедливости, сдѣлаться частной собственностью. Обработка земли и разнаго рода улучшенія въ ней могутъ дать право лишь на то, что создается ими, но отнюдь не на самую землю.

5. Не могло бы и равное дѣленіе земли съ общаго согласія,—на самомъ дѣлѣ невозможное,—представить сколь-

нибудь серьезное основаніе для частной собственности на землю. Ибо равнымъ правомъ на пользованіе землей обладали бы и всѣ тѣ люди, которые рождались впослѣдствіи, не взирая на какое-либо соглашеніе, установленное ихъ предшественниками.

6. Не можетъ быть никакихъ измѣненій въ требованіяхъ справедливости. Или всѣ люди обладаютъ равнымъ правомъ на пользованіе землей, или нѣкоторые люди имѣютъ законное право поработать другихъ и лишать ихъ жизни.

7. Въ сущности, на дѣлѣ никто не вѣритъ въ право частной собственности на землю. Какой-либо актъ парламента, даже въ настоящее время, дѣлаетъ ничтожными всѣ владѣльческія записи. Другими словами, право частной собственности на землю существуетъ лишь въ силу общаго согласія; гдѣ послѣдняго нѣтъ, тамъ уничтожается и первое.

8. Однако доктрина, что всѣ люди равно надѣлены правомъ на пользованіе землей, никоимъ образомъ не ведетъ къ коммунизму или социализму и отнюдь не требуетъ сколько-нибудь серьезной перемѣны въ существующихъ порядкахъ. Нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы государство завѣдывало землей: требуется только, чтобы рента, вмѣсто того, чтобы доставаться индивидуумамъ, отбиралась обществомъ для общественныхъ надобностей.

9. Могутъ встрѣтиться трудности при справедливой ликвидаціи правъ теперешнихъ землевладѣльцевъ: однако люди сами создали передъ собою дилемму, и сами должны выпутываться изъ нея, какъ знаютъ. Слѣдуетъ принимать въ соображеніе не одинъ только землевладѣльческій классъ. Все то время, когда земля признается частной собственностью, народныя массы страдаютъ отъ несправедливости, не многимъ меньшей лишенія ихъ жизни или личной свободы.

10. Какъ бы ни было трудно провести въ жизнь теорію сонаслѣдничества всѣхъ людей на землю, а справедливость грозно требуетъ этого.

ГЛАВА II.

Несообразность.

Хотя эта глава и показываетъ, что г. Спенсеръ не обдумалъ вполне вопроса, и не видѣлъ иного способа обезпеченія равенства въ пользованіи землей, кромѣ того неуклюжаго, когда государство формально отбирало бы землю, чтобы сдавать ее затѣмъ участками,—тѣмъ не менѣе содержаніе этой главы все же ясно и логично, за исключеніемъ одного только мѣстечка. Вотъ это слабое и запутанное мѣстечко, находящееся въ началѣ 9-го параграфа:

„Возстановленіе всего человѣчества въ его правахъ на землю, безъ сомнѣнія, связано съ огромными затрудненіями. Вопросъ о вознагражденіи существующихъ собственниковъ есть вопросъ сложный,—вопросъ, который, пожалуй, не можетъ быть рѣшенъ безусловно справедливымъ путемъ. Будь предъ нами лица, которыя первоначально похитили у человѣческаго рода его наслѣдіе, — и мы могли бы быстро покончить съ дѣломъ. Но, къ несчастью, большинство теперешнихъ нашихъ землевладѣльцевъ суть люди, которые получили свои помѣстья сами или въ лицѣ своихъ предковъ въ обмѣнъ на честно пріобрѣтенное богатство, полагая, что при этомъ они вполне законно примѣняли къ дѣлу свои сбереженія. Справедливая оцѣнка и ликвидація правъ этихъ людей представляетъ изъ себя одну изъ наиболѣе запутанныхъ задачъ, какія только придется со временемъ рѣшать человѣчеству“.

Взятыя независимо отъ всего прочаго, эти выраженія, повидимому, заключаютъ въ себѣ ту мысль, что существующіе землевладѣльцы должны быть вознаграждены за землю, которой они владѣютъ, лишь только общество пожелаетъ отобрать ее ради общаго блага. Такого рода смыслъ ихъ прямо противорѣчитъ тому, что имъ предшествуетъ, и что за ними слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе они понимались всегда именно въ этомъ смыслѣ; такъ понималъ ихъ и я, когда, цитируя ихъ въ „Прогрессъ и бѣдности“ изъ „Общественной Статики“, говорилъ, что они представляютъ изъ себя неосторожную уступку, отъ которой, безъ сомнѣнія, г. Спенсеръ, по размышленіи, отказался бы. Даже такой человѣкъ, какъ Джонъ Стьюартъ Милль, могъ сказать: „земля каждой страны принадлежитъ народу этой страны; индивидуумы, называемые собственниками земли, съ точки зрѣнія нравственности и справедливости, имѣютъ право лишь на ренту или на вознагражденіе въ размѣрѣ ея продажной цѣнности“. Англійскіе авторы представлялись мнѣ какъ бы страдающими слѣпотою въ вопросѣ о вознагражденіи. И единственное объясненіе приведеннымъ выраженіямъ г. Спенсера я находилъ въ томъ, что и его поразила такая же слѣпота. На самомъ дѣлѣ, для нихъ и не могло бы быть другого объясненія, если бы въ нихъ говорилось о вознагражденіи за землю. Ибо г. Спенсеръ все время настаивалъ на естественномъ, неотчуждаемомъ и равномъ правѣ всѣхъ людей на пользованіе землей. Онъ не только не признавалъ серьезными всѣ существующія основанія для права частной собственности на землю, но даже заявлялъ, что путь, какимъ земля могла бы сдѣлаться частной собственностью, прямо невозможенъ. Онъ подвергъ безпощадному анализу и съ презрѣніемъ отбросилъ то заблужденіе, на которомъ основывается требованіе о вознагражденіи землевладѣльцевъ: будто перемѣна лицъ и теченіе времени могутъ сдѣлать правымъ несправедливое, превратить ни на чемъ не основанныя требованія въ нѣчто подлежащее удовлетворенію

и лишить человѣческой родъ того, что по самой природѣ вещей является на всѣ времена его неотчуждаемымъ наслѣдіемъ. Только лишь нравственной слѣпотой можно было бы объяснить себѣ, почему писатель, утверждавшій это, могъ, не говоря ничего иного, настаивать на вознагражденіи землевладѣльцевъ.

Однако болѣе внимательное чтеніе этой главы приводитъ меня теперь къ убѣжденію, что кажущаяся несостоятельность мыслей г. Спенсера зависитъ отъ неточности въ ихъ формулировкѣ, и что г. Спенсеръ говорилъ собственно о вознагражденіи землевладѣльцевъ не за ихъ землю, а за ихъ улучшенія.

Въ контекстѣ г. Спенсеръ съ презрѣніемъ отвергалъ ту мысль, чтобы могли представить какое-либо основаніе для права частной собственности на землю сила, взаимное согласіе, полюбовный раздѣлъ, непререкаемое присвоеніе, обработка, улучшенія, продажа, завѣщанія или давность. Но онъ признавалъ (что особенно ясно видно изъ конца параграфа 4), какъ и всѣ мы признаемъ, что въ томъ случаѣ, если бы общество рѣшилось возстановить за всѣми людьми ихъ неотчуждаемое право на пользованіе землей, то оно все же должно было бы дать справедливое вознагражденіе собственникамъ за улучшенія, сдѣланные ими по доброй совѣсти.

Изъ всей „Общественной Статики“ представляется несомнѣннымъ, что г. Спенсеръ, говоря объ обезпеченіи равнаго права на землю, видѣлъ только одинъ путь, ведущій къ цѣли: чтобы государство владѣло землей и сдавало ее въ аренду. А такъ какъ во всѣхъ населенныхъ странахъ земля, долженствующая перейти во владѣніе государства, въ значительной своей части оказывалась бы нераздѣльно соединенной съ различными улучшеніями, сдѣланными по доброй совѣсти, то и предметъ опредѣленія размѣровъ того справедливаго вознагражденія, которое пришлось бы уплачивать собственникамъ въ счетъ этихъ улучшеній, естественно, пред-

ставлялся ему весьма щекотливой и трудной задачей, въ сущности, допускающей лишь приблизительно справедливое рѣшеніе.

Имѣя это въ виду, мы легко замѣтимъ, что нѣсколькихъ вставокъ, оправдываемыхъ контекстомъ, даже необходимыхъ для контекста, было бы достаточно для устраненія путаницы. Приведу вновь выраженія Спенсера со вставками такого рода, отмѣчая послѣднія курсивомъ.

„Вопросъ о вознагражденіи существующихъ собственниковъ за ихъ *улучшенія* есть вопросъ сложный, — вопросъ, который, пожалуй, не можетъ быть рѣшенъ безусловно справедливымъ путемъ. Будь предъ нами лица, которыя первоначально похитили у человѣческаго рода его наслѣдіе, — и мы могли бы быстро покончить съ дѣломъ, ибо мы *отнюдь не были бы обязаны принимать въ соображеніе ихъ улучшеній*. Но, къ несчастью, большинство теперешнихъ нашихъ землевладѣльцевъ суть люди, которые получили свои помѣстья *вмѣстѣ съ неотдѣлимыми отъ нихъ улучшениями*, — сами или въ лицѣ своихъ предковъ, — въ обмѣнъ на честно пріобрѣтенное богатство, полагая, что при этомъ они вполне законно примѣняли къ дѣлу свои сбереженія. Справедливая оцѣнка и ликвидація правъ этихъ людей на *принадлежащія имъ улучшения* представляетъ изъ себя одну изъ наиболѣе запутанныхъ задачъ, какія только придется со временемъ рѣшать человечеству“.

При такомъ пониманіи эти выраженія становятся въ тѣсную связь съ контекстомъ. И смыслъ, какой мы имъ придаемъ, подтверждается позднѣйшими выраженіями Спенсера. Если эти слова его можно было понять въ томъ смыслѣ, будто онъ говоритъ о вознагражденіи землевладѣльцевъ за

ихъ землю, то все же тамъ, гдѣ ему приходится точно обозначать родъ предлагаемаго имъ вознагражденія, онъ всегда говоритъ,—какъ это мы будемъ видѣть впослѣдствіи,—лишь о вознагражденіи „за искусственную цѣнность, придаваемую обработкой“, или всегда такъ или иначе показываетъ, что имѣеть въ виду только лишь вознагражденіе за улучшенія. И я считаю своимъ долгомъ публично просить у г. Спенсера извиненія въ томъ, что я невѣрно понялъ его, вообразивъ, будто въ своей „Общественной Статикѣ“ онъ раздѣлялъ мысль о необходимости вознагражденія теперешнихъ собственниковъ за землю, когда люди пожелали бы вернуть ее себѣ, какъ свое наслѣдіе.

Г Л А В А ІІІ.

„Общественная Статика“.—Право собственности.

За главою о правѣ пользованія землей въ „Общественной Статикѣ“ слѣдуетъ глава о правѣ собственности. Такъ какъ г. Спенсеръ постоянно ссылался на эту главу, какъ на имѣющую ближайшее отношеніе къ предшествовавшей, то я позволю себѣ перепечатать ее цѣликомъ:

„Глава X.—Право собственности“.

§ 1. Нравственный законъ, какъ законъ общественнаго „состоянія, всюду долженъ игнорировать до-общественное со-
„стояніе. Представляя изъ себя кодексъ, регулирующий по-
„веденіе совершеннаго человѣка, принципы чистой нравствен-
„ности не могутъ быть приспособляемы къ дѣйствіямъ неци-
„вилизованнаго человѣка, хотя бы при самыхъ замысловатыхъ
„гипотетическихъ условіяхъ; въ нихъ не можетъ заключаться
„даже признанія этихъ дѣйствій, хотя бы въ видѣ опредѣ-
„леннаго сужденія о нихъ. Не замѣчая этого факта, мысли-
„тели, въ своихъ попыткахъ доказать основныя теоремы этики,
„обыкновенно впадали въ ту ошибку, что устремлялись на-
„задъ, къ воображаемому состоянію первобытной дикости,
„вмѣсто того, чтобы направляться впередъ, къ идеальной ци-
„визации; а вслѣдствіе этого они запутывались всегда въ
„трудностяхъ, порождаемыхъ разногласіемъ между этическими

„принципами и допущенными посылками. Именно этимъ обстоятельствомъ обусловливается та неопредѣленность, которой характеризуются аргументы, пускаемые въ ходъ для установленія права собственности логическимъ путемъ. Они обладаютъ извѣстнымъ правдоподобіемъ, тѣмъ не менѣе, ихъ отнюдь нельзя признать убѣдительными, ибо ими вызываются вопросы и возраженія, для которыхъ уже не можетъ быть найдено удовлетворительнаго отвѣта. Возьмемъ для примѣра одинъ изъ такихъ аргументовъ и разберемъ его недостатки:

«Хотя земля, со всѣми низшими созданіями», — говоритъ Локкъ, — «есть общее достояніе всѣхъ людей, тѣмъ не менѣе каждый человѣкъ обладаетъ правомъ собственности на свою личность: на нее никто не имѣетъ права, кромѣ его самого. Трудъ его тѣла и работа его рукъ, можно сказать, по праву принадлежать ему. Затѣмъ, всѣ предметы, которые онъ выводитъ изъ того состоянія, въ какомъ заготовила ихъ природа, примѣшивая къ нимъ свой трудъ и соединяя съ ними нѣчто ему принадлежащее, тоже дѣлаются чрезъ это его собственностью. Предметы эти, будучи выведены изъ своего обычнаго состоянія, въ какомъ они находятся въ природѣ, благодаря труду какого-либо человѣка, уже содержатъ въ себѣ нѣчто исключющее общее право другихъ людей. Трудъ этого человѣка составляетъ его безспорную собственность, и никто другой не можетъ имѣть права на тѣ предметы, къ которымъ онъ присоединяется, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока для другихъ людей остается достаточное количество и столь же хорошихъ предметовъ въ ихъ общемъ владѣніи».

„Кто-нибудь, склонный къ придиркамъ, могъ бы на это возразить, что, если «земля и всѣ низшія созданія» — въ сущности все, что производитъ земля — «есть общее достояніе всѣхъ людей», стало быть, для того, чтобы «вывести какой-либо предметъ законнымъ образомъ изъ обычнаго состоянія, въ какомъ онъ находится въ природѣ», необходимо имѣть на то предварительное согласіе всѣхъ людей. Можно

„было бы замѣтить, что самая сущность вопроса остается
„нетронутой, когда говорятъ, что, собирая какой-либо есте-
„ственный продуктъ, человѣкъ «примѣшивалъ къ нему свой
„трудъ и соединялъ съ нимъ нѣчто ему принадлежащее,
„дѣлая его чрезъ это своею собственностью». Ибо именно въ
„томъ-то и вопросъ, имѣетъ ли кто право собирать или при-
„мѣшивать свой трудъ къ тому, что, по предположенію, ранѣе
„принадлежало всему человѣческому роду. То разсужденіе,
„какимъ доказывалось въ предшествующей главѣ, что ни-
„какое количество труда, затраченнаго индивидуумомъ на
„какой-либо части земной поверхности, не въ состояніи уни-
„чтожить права общества на эту часть земной поверхности,
„могло бы быть подобнымъ же образомъ приведено для до-
„казательства того, что никакой человѣкъ простымъ актомъ
„присвоенія какого-либо дикаго, никѣмъ не охраняемаго жи-
„вотнаго или плода не могъ бы уничтожить общаго совокуп-
„наго права на него всѣхъ другихъ людей. Несомнѣнно, что
„трудъ, который расходуется какимъ-либо человѣкомъ на
„ловлю животнаго или на собираніе плодовъ, даетъ этому
„человѣку болѣе права на пойманное животное или собран-
„ные плоды, чѣмъ какому бы то ни было другому
„человѣку. Но, вѣдь, требуется доказать не то, а то, что
„трудъ, такимъ образомъ затраченный, даетъ этому человѣку
„право на пойманное животное или собранные плоды, пре-
„вышающее ранѣе существовавшія права всѣхъ другихъ
„людей взятыхъ вмѣстѣ. И пока этого не сдѣлано, человѣкъ
„этотъ можетъ признаваться владѣльцемъ не въ силу какого-
„либо правового принципа, а только лишь ради из-
„вѣстныхъ удобствъ для общества.

„Затѣмъ возникаютъ новыя трудности въ виду оговорки,
„что такого рода право собственности на какой-либо пред-
„метъ дѣйствительно лишь въ томъ случаѣ, когда «для дру-
„гихъ людей остается достаточное количество и столь же
„хорошихъ предметовъ въ ихъ общемъ владѣніи». Подобная

„оговорка можетъ создать такую массу недоразумѣній, сомнѣній и изъятій, что изъ-за нихъ и общее положеніе „практически будетъ совершенно нейтрализовано. Спросять, „напримѣръ, какимъ образомъ можетъ быть узнано, что для „другихъ людей «остается достаточное количество такихъ „предметовъ въ ихъ общемъ владѣніи». Кто можетъ опредѣлить, что остающіеся предметы столь же хороши, какъ „тѣ, которые взяты? Какъ быть, если остающіеся предметы „менѣе доступны? Какимъ образомъ можетъ быть проявляемо „право присвоенія въ томъ случаѣ, когда для другихъ людей „не остается достаточнаго количества такихъ предметовъ въ „ихъ общемъ владѣніи? Почему въ этомъ случаѣ соединеніе „труда съ приобрѣтаемымъ предметомъ перестаетъ «исключать общее право другихъ людей»? Какимъ правиломъ „долженъ руководиться человѣкъ тогда, когда еще имѣется „достаточное количество предметовъ, но не столь же „хорошихъ? Устранить подобные вопросы, ссылаясь на „упомянутое право, повидимому невозможно, не исказивъ его „въ такой мѣрѣ, что съ нравственной точки зрѣнія оно „утратило бы уже всякую цѣну.

„Такимъ образомъ мы видимъ, какъ это и ранѣе было „замѣчено, что обстоятельства дикой жизни дѣлаютъ неприложимыми принципы отвлеченной нравственности; ибо при „до-общественныхъ условіяхъ справедливости или несправедливости извѣстныхъ дѣйствій бываетъ невозможно опредѣлить путемъ точнаго измѣренія количества свободы, какимъ „пользуются заинтересованныя стороны. И, стало быть, мы „не можемъ ожидать сколько-нибудь удовлетворительнаго „обоснованія права собственности соотвѣтствующаго этой „ступени существованія.

§ 2. Но при системѣ землевладѣнія, на которую мы указывали въ послѣдней главѣ какъ на единственную совмѣстную съ равнымъ правомъ всѣхъ людей на пользованіе „землей, эти трудности устраняются, и право собственности

„получаетъ законное основаніе. Мы видѣли, что безъ всякаго
„нарушенія закона равной свободы каждый индивидуумъ
„можетъ снимать у общества извѣстное количество земли,
„обязуясь уплачивать въ вознагражденіе опредѣленное ко-
„личество предметовъ, получаемыхъ имъ съ этой земли. Мы
„нашли, что, поступая такимъ образомъ, онъ будетъ дѣлать
„не болѣе того, что свободенъ дѣлать всякій другой чело-
„вѣкъ,—ибо каждый имѣетъ такое же право сдѣлаться арен-
„даторомъ,—и что рента, которую онъ будетъ уплачивать,
„будетъ доставаться одинаково всѣмъ. Если бы одинъ чело-
„вѣкъ снималъ такимъ образомъ у своихъ земляковъ какой-
„либо участокъ земли на данный періодъ времени для из-
„вѣстныхъ цѣлей и на точно обозначенныхъ условіяхъ; если
„бы онъ пріобрѣталъ такимъ образомъ на какое-либо время
„право исключительнаго пользованія этой землей путемъ
„опредѣленнаго соглашенія съ ея собственниками, то было бы
„очевидно, что этотъ человѣкъ безъ всякаго нарушенія правъ
„другихъ людей могъ присваивать себѣ ту часть произве-
„деній, которая оставалась бы у него за уплатой обществу
„обѣщанной ренты. Онъ могъ бы тогда, говоря словами
„Локка, «примѣшивать свой трудъ» къ извѣстнымъ про-
„изведеніямъ земли; и его право на нихъ было бы тогда
„дѣйствительнымъ, ибо онъ пріобрѣталъ бы согласіе об-
„щества передъ такой затратой своего труда. Будь выпол-
„нено то условіе, на какомъ давалось это согласіе, т. е. будь
„уплочена рента, и общество, для выполненія съ своей сто-
„роны обязательства, должно было бы признавать право этого
„человѣка на тотъ излишекъ, какой оставался бы у него за
„уплатою ренты. «Если вы будете отдавать намъ указанную
„долю произведеній, которыя вы можете получать съ этого
„участка земли при его обработкѣ, то мы будемъ признавать
„за вами право исключительнаго пользованія остающейся
„долей произведеній». Такова была бы формула договора.
„И въ силу этого договора арендаторъ могъ бы, по спра-

„ведливости, брать себѣ эту добавочную долю какъ свою частную собственность; могъ бы брать ее, нимало не нарушая закона равной свободы, и потому имѣлъ бы право считать ее своей собственностью.

„Таковъ логическій выводъ изъ нашего перваго принципа, „что каждый человѣкъ обладаетъ свободой дѣлать все, что „пожелаетъ, лишь бы при этомъ не нарушалась равная свобода всѣхъ другихъ людей. И если бы возникло въ немъ „какое-либо сомнѣніе, то его легко было бы разсѣять, сравнивъ относительную степень свободы, какой пользуется „въ этомъ случаѣ человѣкъ, владѣющій землею, и члены общества, у которыхъ онъ ее снимаетъ. Если бы общество, „какъ это мы рассматривали въ предшествующей главѣ, цѣликомъ лишило какого-либо индивидуума права пользования землею, то оно дало бы ему менѣе свободы, чѣмъ „другимъ своимъ членамъ, и, нарушивъ такимъ образомъ „законъ равной свободы, совершило бы преступленіе. Если „же, наоборотъ, какой-либо индивидуумъ захватилъ бы себѣ „опредѣленное количество земли, на которую, какъ мы видѣли, всѣ другіе люди имѣютъ такое же право, какъ онъ, „то онъ нарушилъ бы законъ, требуя себѣ болѣе свободы, чѣмъ другіе люди. Но, когда индивидуумъ владѣлъ бы „землею какъ арендаторъ общества, поддерживалось бы „равновѣсіе между этими крайностями, и права обѣихъ сторонъ были бы уважены. Одна сторона вносила бы извѣстную „плату, другая—давала бы за нее извѣстную привилегію, и „самый фактъ состоявшагося соглашенія доказывалъ бы, что „эта цѣна и эта привилегія признаются эквивалентными. „Лица, сдающія землю и снимающія ее, въ указанныхъ предѣлахъ дѣлали бы то, чего они желали: одни сдавали бы извѣстное владѣніе за опредѣленную плату, другія — соглашались бы давать эту плату. И до тѣхъ поръ, пока оставался бы ненарушеннымъ этотъ договоръ, законъ равной „свободы соблюдался бы во всей своей полнотѣ. Но, если бы

„какое-либо изъ указанныхъ условій было не выполнено, то „законъ этотъ неизбѣжно былъ бы нарушенъ, и стороны заняли бы одно изъ вышеуказанныхъ положеній. Если бы „арендаторъ отказался уплачивать ренту, то онъ молча призналъ бы за собой право на исключительное владѣніе и „пользованіе землей, которую онъ занимаетъ,—въ сущности, „выразилъ бы чрезъ это, что признаетъ себя единственнымъ „собственникомъ ея произведеній, а потому—нарушилъ бы „законъ, предоставивъ себѣ бѣольшую долю свободы, чѣмъ „остальному человѣчеству. А если бы, съ другой стороны, „общество стало брать у арендатора ту часть плодовъ, полученныхъ имъ при обработкѣ его участка, которая оставалась бы у него за уплатой ренты, то оно, въ сущности, „цѣликомъ отвергло бы его право на пользованіе землей „(ибо пользоваться землей — значитъ пользоваться ея продуктами), и, поступивъ такимъ образомъ, захватило бы „себѣ большую долю свободы, чѣмъ какую дало ему. Ясно, „стало быть, что этотъ излишекъ продуктовъ, по справедливости, долженъ бы былъ оставаться у арендатора: общество „не могло бы взять его, не нарушивъ свободы этого человека, а онъ могъ бы брать его себѣ, не нарушая свободы общества. А такъ какъ, согласно закону, онъ былъ бы „свободенъ дѣлать все, что пожелаетъ, лишь бы только при „этомъ не нарушалась равная свобода всѣхъ другихъ людей, „то онъ былъ бы воленъ брать въ свое владѣніе этотъ излишекъ, какъ свою собственность.

„§ 3. Доктрина, утверждающая равенство правъ людей „на пользованіе землей, на первый взглядъ можетъ показаться клонящейся къ строю общества, непохожему на „тотъ, для котораго мы только что вывели право собственности. Она можетъ показаться клонящейся къ той общественной организаціи, при которой общество вмѣсто того, „чтобы сдавать землю своимъ индивидуальнымъ членамъ, „стало бы удерживать ее въ своихъ рукахъ, обрабатывать

„на артельныхъ началахъ и раздѣлять затѣмъ произведенія, —
„въ сущности, къ тому строю общества, который обыкно-
„венно называютъ соціалистическимъ или коммунистическимъ.

„Однако, при всей своей кажущейся пригодности, такой
„строй нельзя было бы установить въ строгомъ соотвѣтствіи
„съ нравственнымъ закономъ. Изъ двухъ формъ, въ какихъ
„онъ можетъ быть представленъ, одна является несовершен-
„ной съ нравственной точки зрѣнія, а другая, правильная
„въ теоріи, оказывается невыполнимой на практикѣ.

„Именно, если бы за каждымъ человѣкомъ обезпечивалась
„равная доля произведеній земли, независимо отъ количе-
„ства или качества труда, какимъ онъ содѣйствовалъ добы-
„ванію этихъ произведеній, то постоянно происходило бы на-
„рушеніе справедливости. Нашъ основной принципъ тре-
„буетъ не того, чтобы всѣ имѣли одинаковыя количества
„предметовъ, служащихъ для удовлетворенія человѣческихъ
„потребностей, но того, чтобы всѣ имѣли одинаковую свободу
„добывать эти предметы. Одно дѣло — давать каждому возмож-
„ность пріобрѣтенія тѣхъ предметовъ, которыхъ онъ желаетъ;
„другое дѣло и совсѣмъ другое дѣло — давать самые предметы,
„не разбирая того, содѣйствовалъ ли извѣстный человѣкъ,
„или не содѣйствовалъ ихъ добыванію. Давая всѣмъ возмож-
„ность трудиться, мы исполняли бы основной законъ Боже-
„ственного предначертанія; тогда какъ раздѣляя произведенія,
„мы отклонялись бы отъ этого предначертанія и постоянно
„нарушали бы установленныя отношенія между желаніями
„и ихъ удовлетвореніемъ. Болѣе того, мы вызывали бы посто-
„янно безусловное нарушеніе принципа равной свободы.
„Ибо, утверждая за каждымъ человѣкомъ полную свободу,
„ограниченную лишь подобной же свободой другихъ людей,
„мы тѣмъ самымъ признаемъ, что каждый человѣкъ свобо-
„денъ дѣлать то, что подсказываютъ ему его желанія, не
„выходя изъ предписанныхъ предѣловъ; что каждый, стало
„быть, въ правѣ требовать для себя того удовлетворенія своихъ

„желаній и тѣхъ источниковъ удовлетворенія, какіе доступны
„для него въ этихъ предѣлахъ, того удовлетворенія этихъ
„желаній и тѣхъ источниковъ его, какихъ онъ можетъ до-
„стигнуть, не впутываясь въ сферу дѣйствія своего ближ-
„няго. Если, стало быть, изъ множества людей, одинаково
„вступающихъ въ жизнь, одинъ какой либо человѣкъ, благо-
„даря своей большей силѣ, большому искусству или боль-
„шему прилежанію, достигаетъ большаго удовлетворенія своихъ
„желаній, чѣмъ остальные, или пріобрѣтаетъ больше источ-
„никовъ этого удовлетворенія, не покушаясь при этомъ на
„равную свободу остальныхъ людей, то нравственный законъ
„утверждаетъ за нимъ исключительное право на весь его избы-
„токъ удовлетворенія и на всѣ его источники удовлетворенія;
„другіе люди не могутъ взять у него этого избытка, не потребо-
„вавъ для себя большей свободы дѣйствій, чѣмъ та, которой
„располагаетъ этотъ человѣкъ, т. е. не нарушивъ нравствен-
„наго закона. Откуда слѣдуетъ, что равное раздѣленіе пло-
„довъ земли между всѣми членами общества было бы несо-
„вмѣстимо съ принципомъ справедливости.

„Если бы, съ другой стороны, каждому человѣку назнача-
„лась доля произведеній, пропорціональная той степени, въ
„какой онъ содѣйствовалъ производству, то такой порядокъ,
„будучи справедливымъ въ отвлеченіи, на дѣлѣ оказывался бы
„неосуществимымъ. Когда всѣ люди были бы воздѣльвате-
„лями земли, тогда, пожалуй, еще можно бы было установить
„приблизительную оцѣнку ихъ различныхъ правъ. Но опредѣ-
„лить относительное количество энергій, затрачиваемой людьми
„при разнаго рода умственной и физической работѣ, потреб-
„ной для добыванія всѣхъ жизненныхъ припасовъ, было бы
„полной невозможностью. Для такого пропорціональнаго дѣ-
„ленія мы не имѣли бы другого средства кромѣ того, какое
„представляетъ изъ себя законъ спроса и предложенія, а это
„средство гипотезой исключается ¹⁾.

¹⁾ Всѣ выводы такого рода отнюдь не направлены противъ

§ 4. Роковое возраженіе противъ коммунистической теоріи доставляетъ тотъ фактъ, что желаніе собственности „есть одинъ изъ элементовъ нашей природы. Было бы излишне повторять ту признанную истину, что алчность есть „неразсуждающій импульсъ, совершенно отличный отъ тѣхъ „желаній, удовлетвореніе которыхъ обеспечивается собственностью,—импульсъ, нерѣдко овладѣвающий человѣкомъ къ „ущербу для этихъ желаній. Разъ склонность къ личнымъ „пріобрѣтеніямъ дѣйствительно оказывается составной частью „человѣческой природы, то, понятно, не можетъ быть и рѣчи „о справедливости той формы общества, которая не открывала бы для нея простора. Вотъ социалисты и утверждаютъ, „что всякое частное присвоеніе есть злоупотребленіе этой „склонностью. Ея нормальное назначеніе, говорятъ они, состоитъ въ томъ, чтобы побуждать насъ къ накопленію на „благо общества въ его цѣломъ. Но, пытаясь такимъ образомъ избѣгнуть одной трудности, они волей-неволей наталкиваются на другую. При своемъ объясненіи они упускаютъ „изъ виду тотъ фактъ, что пользованіе какой либо „способностью и злоупотребленіе ею (какова бы ни „была этимологія этихъ словъ) различаются между собой „лишь въ степени, и признаютъ, что они различаются „въ родѣ. Обжорство есть злоупотребленіе аппетитомъ; „трусость есть злоупотребленіе тѣмъ чувствомъ, которое въ „умѣренной степени приводитъ къ благоразумію; раболѣпство есть злоупотребленіе тѣмъ чувствомъ, которое является „источникомъ уваженія; упрямство есть злоупотребленіе тѣмъ „чувствомъ, которое придаетъ твердость характеру: всюду „мы видимъ, что законное проявленіе какого либо чувства „или стремленія отличается отъ незаконнаго только лишь „количественно, а отнюдь не качественно. И именно это замѣчаемъ мы относительно инстинкта накопленія. Не подакціонерной системы производства и потребленія, къ которой, въ сущности, сводится вся проповѣдь социализма.

„лежить сомнѣнію, что, слѣдую его внушеніямъ, люди впа-
„дали и впадаютъ въ излишества; тѣмъ не менѣе отнюдь
„нельзя допустить, чтобы съ перемѣнами въ состояніи об-
„щества могла измѣниться природа и назначеніе этого ин-
„стинкта. И какъ бы онъ ни былъ умѣренъ, онъ всегда
„будетъ оставаться желаніемъ личнаго пріобрѣтенія. Откуда
„слѣдуетъ, что система, открывающая возможность для его
„проявленія, навсегда должна сохраниться, т. е. навсегда
„должна сохраниться система частной собственности; а ею
„предполагается право частной собственности, ибо подъ
„правомъ мы понимаемъ то, что гармонируетъ съ Боже-
„ственно предначертаннымъ порядкомъ жизни человѣка.

§ 5. Прудонъ и его послѣдователи наталкиваются, однако,
„на дилемму еще болѣе грозную. Ибо, если утверждать вмѣ-
„стѣ съ ними, что «всякая собственность есть кража», если
„никто не можетъ, по справедливости, претендовать на ис-
„ключительное обладаніе какимъ-либо предметомъ, или, какъ
„мы говоримъ, пріобрѣсти на него право, то въ ряду другихъ
„слѣдствій неизбѣжно будетъ вытекать отсюда заключеніе,
„что человѣкъ не можетъ имѣть права на тѣ предметы, какіе
„онъ потребляетъ для своего пропитанія. И если эти пред-
„меты не его предъ тѣмъ, какъ онъ ихъ потребляетъ, то
„какъ они могутъ сдѣлаться его собственностью когда бы
„то ни было? Какъ спрашиваетъ Локкъ: «когда они начнутъ
„сдѣлаться его собственностью? когда ихъ перевариваетъ его
„желудокъ? когда онъ ѣстъ ихъ? когда онъ ихъ варитъ? или
„когда онъ приносить ихъ къ себѣ домой?» Если никакой
„изъ предшествующихъ актовъ не могъ сдѣлать ихъ его
„собственностью, то не можетъ ихъ сдѣлать его собствен-
„ностью и никакой процессъ ассимиляціи, хотя бы даже
„превращеніе ихъ въ ткани его тѣла. И развивая эту мысль,
„мы можемъ притти къ забавному заключенію. Если, ска-
„жемъ мы, всѣ его кости, мускулы, кожа и пр. составлены
„изъ пищевыхъ веществъ, принадлежащихъ ему, то и самъ

„человѣкъ не можетъ считать своей собственностью свою
„плоть и кровь, не имѣетъ никакого права на самого себя,
„можетъ располагать своими членами не болѣе, чѣмъ чле-
„нами всякаго другого лица, и имѣетъ на тѣло своего сосѣда
„столько же права, сколько на свое собственное! Живи мы
„на образецъ колоніи полиповъ, въ которой множество осо-
„бей держится на одномъ живомъ стволѣ, общемъ для всѣхъ
„ихъ, и такая теорія представляла бы изъ себя нѣчто до-
„статочно разумное. Но, пока коммунизмъ нельзя еще практи-
„ковать до такого размѣра, лучше будетъ для насъ держаться
„старой доктрины.

§ 6. Дальнѣйшіе аргументы представляются излишними.
„Мы видѣли, что право собственности вытекаетъ какъ слѣд-
„ствие изъ закона равной свободы; что оно предполагается
„самой природой человѣка, и что отрицаніе его приводитъ
„къ нелѣпостямъ.

Замѣтимъ, собственно ради удобствъ нашей послѣдующей
„аргументаціи, что присвоеніе собственности другого лица
„представляетъ изъ себя нарушеніе закона равной свободы
„и есть, стало быть, преступленіе. Если А присвоиваетъ
„нѣчто принадлежащее В, то бываетъ одно изъ двухъ: или
„дѣлаетъ В то же въ отношеніи А, или не дѣлаетъ. Если
„А не имѣетъ собственности, или если его собственность
„недоступна для В, то, очевидно, В не имѣетъ возможности
„проявить свободу, равную съ А, потребовавъ съ него что-
„либо одинаковой цѣнности; А, стало быть, захватываетъ
„себѣ большую долю свободы, чѣмъ та, какую онъ предо-
„ставляетъ В, и такимъ образомъ нарушаетъ законъ. Если же
„собственность А открыта для В, и А позволяетъ В восполь-
„зоваться равной съ нимъ свободой и взять какой-либо экви-
„валентъ, тогда не оказывается нарушенія закона, и все
„дѣло сводится, въ сущности, къ обмѣну. Но такого рода
„сдѣлка можетъ имѣть мѣсто только лишь въ теоріи, ибо А
„не станетъ брать себѣ собственность В, имѣя въ виду, что

„В возьметъ у него эквивалентъ. Въмѣсто того, чтобы пре-
„доставлять выборъ эквивалента усмотрѣнію В, онъ предпо-
„чтетъ сдѣлать обычный обмѣнъ съ общаго согласія. А мо-
„жетъ сдѣлать нѣчто подобное лишь въ томъ случаѣ, если
„онъ возьметъ у В вещь, съ которой В не желаетъ раз-
„статься, другими словами,—вещь, за которую А не можетъ
„дать В ничего такого, что В счелъ бы эквивалентомъ; а
„такъ какъ количество удовлетворенія, которое получаетъ В
„отъ обладанія этой вещью, есть мѣра ея цѣнности для него,
„то отсюда слѣдуетъ, что, если А не можетъ дать В вещи,
„которая доставляла бы В равное удовлетвореніе, т. е. ко-
„торую тотъ счелъ бы эквивалентомъ, значить, А возъ-
„метъ у В то, что можетъ доставить А удовлетвореніе, но
„не возвратитъ В того, что можетъ доставить удовлетвореніе
„В; и онъ нарушитъ, стало быть, законъ, присвоивъ себѣ
„большую долю свободы. Потому, слѣдуя логическому вы-
„воду изъ закона равной свободы, мы должны признать, что
„ни одинъ человѣкъ не можетъ справедливымъ путемъ взять
„собственность отъ другого противъ его воли“.

Какъ замѣтитъ читатель, во всемъ этомъ нѣтъ ни ма-
лѣйшаго отступленія отъ смѣлаго утвержденія главы IX,
касающагося равенства, естественности и неотчуждаемости
правъ всѣхъ людей на пользованіе землею. Напротивъ того,
г. Спенсеръ такъ рѣшительно и неуклонно настаиваетъ на
нравственной несообразности частной собственности на землю,
что дѣлаетъ формальное согласіе общества и уплату ему
ренды условіемъ, долженствующимъ предшествовать личному
праву собственности на вещи, произведенныя трудомъ. А
такъ какъ формальное согласіе такого рода можетъ быть
дано лишь тогда, когда общество оказывается хорошо орга-
низованнымъ, то онъ не останавливается даже предъ отри-
цаніемъ того, чтобы могло быть полное право собственности,

или какое-либо приложение принциповъ отвлеченной нравственности при состояніи общества болѣе низкомъ, чѣмъ цивилизованное.

Содержаніе этой главы мы можемъ вкратцѣ выразить такимъ образомъ:

1. Право индивидуума на его трудъ не дѣлаетъ индивидуальной собственностью продукты труда, ибо трудъ можетъ производить лишь пользуясь землей, которая принадлежитъ не одному какому-либо лицу, а всѣмъ людямъ.

2. При системѣ землевладѣнія, признанной ранѣе за единственно справедливую, при которой организованное общество предоставляло бы для пользованія индивидуума извѣстный участокъ земли и за это брало бы съ него ренту, условія равной свободы всѣхъ людей были бы соблюдены, и индивидуумъ пріобрѣталъ бы право собственности на все то, что оставалось бы у него за уплатой ренты изъ продуктовъ его труда.

3. Эта система, при которой организованное общество сдавало бы индивидуумамъ землю и собирало съ нихъ ренту, отнюдь не совпадаетъ съ той системой, при которой оно само вело бы производство и раздѣляло произведенія между своими членами. Силы и прилежаніе различныхъ людей—различны, и потому при этой послѣдней системѣ одни люди получали бы болѣе, чѣмъ сколько они заслуживаютъ, другіе—менѣе.

4. Эта послѣдняя, коммунистическая или социалистическая система должна быть осуждена также въ виду естественности желанія къ пріобрѣтенію личной собственности.

5. Отрицаніе индивидуальной собственности можетъ быть представлено въ формѣ неуклюжей дилеммы, отрицающей право индивидуума на самого себя.

6. Право собственности такимъ образомъ оказывается установленнымъ, и потому присвоеніе кѣмъ-либо собственности, принадлежащей другому, признается нарушеніемъ закона равной свободы.

Г Л А В А IV.

Путаница г. Спенсера въ отношеніи правъ.

Я цитировалъ главу X съ цѣлью показать, каковы были взгляды Спенсера на земельный вопросъ, выраженные имъ въ его „Общественной Статикѣ“. Однако, мимоходомъ не бесполезно будетъ выяснитъ ту путаницу, какую онъ вноситъ при этомъ въ пониманіе права на произведенія труда и права на землю. Онъ до сего времени еще не раздѣлался съ этой путаницей, какъ это можно видѣть изъ его послѣдней книги „Справедливость“, гдѣ онъ, стремясь свести къ наименьшей величинѣ земельный вопросъ, все же признаетъ, что опорой права собственности на предметы, добытые изъ природы, можетъ быть лишь согласіе на ихъ добываніе всѣхъ людей, выраженное въ той или другой формѣ.

И г. Спенсеръ путается такъ не только въ отношеніи права собственности. Онъ самъ становится какъ разъ предъ той дилеммой, какую въ параграфѣ 5 онъ ставитъ передъ Прудономъ; ибо, если, какъ онъ утверждаетъ въ этой главѣ, никто не можетъ, по справедливости, сдѣлаться исключительнымъ обладателемъ какого-либо природнаго вещества или продукта до тѣхъ поръ, пока общее право всего остального человѣчества не перейдетъ къ нему при посредствѣ какой-либо сдѣлки,—

„то въ ряду другихъ слѣдствій неизбѣжно будетъ вытекать отсюда заключеніе, что человѣкъ не можетъ имѣть права

„на тѣ предметы, какіе онъ потребляеть для своего пропитанія. И если эти предметы не его предъ тѣмъ, какъ онъ ихъ потребляеть, то какъ они могутъ сдѣлаться его собственностью когда бы то ни было? Какъ спрашиваетъ Локкъ: „когда они начнутъ дѣлаться его собственностью? когда ихъ перевариваетъ его желудокъ? когда онъ ихъ ѣстъ? когда онъ ихъ варитъ? или когда онъ приносить ихъ домой?“ Если „никакой изъ предшествующихъ актовъ не могъ сдѣлать ихъ его собственностью, то не можетъ ихъ сдѣлать его собственностью и никакой процессъ ассимиляціи, хотя бы даже „превращеніе ихъ въ ткани его тѣла. И, развивая эту мысль, „мы можемъ притти къ забавному заключенію. Если, скажемъ „мы, всѣ его кости, мускулы, кожа и пр. составлены изъ „пищевыхъ веществъ, не принадлежащихъ ему, то и самъ „человѣкъ не можетъ считать своей собственностью самого „себя, можетъ располагать своими членами не болѣе, чѣмъ „членами всякаго другого лица, и имѣетъ на тѣло своего со- „сѣда столько же права, сколько на свое собственное“.

На самомъ дѣлѣ, не замѣчая того, г. Спенсеръ бросилъ идею равнаго права на землю и поставилъ на ея мѣсто нѣчто совершенно иное — идею общаго или соединеннаго права на землю. А разницу между тѣмъ и другимъ нетрудно замѣтить, ибо общее или соединенное право можетъ быть и нерѣдко бываетъ — неравнымъ правомъ.

Предметъ этотъ имѣетъ большую важность, ибо отсюда проистекаетъ немалая путаница въ мысляхъ людей. А потому я позволю себѣ выяснить его болѣе или менѣе полно.

Когда извѣстныя лица имѣютъ равное право на какой-либо предметъ, напримѣръ, на комнаты и принадлежности клуба, членами котораго они состоятъ, то каждый изъ нихъ имѣетъ право на пользованіе всѣмъ этимъ предметомъ или извѣстной частью его, когда имъ не пользуется никто изъ прочихъ членовъ. И лишь когда кто либо пользуется имъ, или имѣются какія-либо указанія на то, что имъ пользуется кто

либо изъ другихъ лицъ, общая для всѣхъ вѣжливость предписываетъ обращаться съ фразами: „могу ли я взять“... или: „не будете ли вы любезны дать мнѣ“ и т. п.

Но, гдѣ люди имѣютъ общее, совокупное право на какой-либо предметъ, напримѣръ, на извѣстную сумму денегъ, находящуюся на ихъ общемъ счету, тамъ для пользованія этимъ предметомъ или какой-либо частью его нѣкоторыми изъ числа этихъ людей требуется согласіе всѣхъ ихъ.

Право людей на пользованіе землей не есть общее право: оно есть равное право.

Будь на землѣ только одинъ человѣкъ, и онъ имѣлъ бы право на пользованіе всей землей или какой-либо частью ея.

Когда на землѣ есть болѣе, чѣмъ одинъ человѣкъ, то право на пользованіе землей, какое имѣлъ бы каждый человѣкъ въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ одинъ, отнюдь не уничтожается: оно лишь ограничивается. Право каждаго человѣка на пользованіе землей все же остается прямымъ первоначальнымъ правомъ, которое онъ получаетъ самостоятельно, а отнюдь не въ силу даренія или согласія другихъ людей; оно лишь ограничивается подобнымъ правомъ другихъ людей, и потому является равнымъ правомъ. Его право на пользованіе землей не прекращается, но въ силу этого ограниченія, вмѣсто абсолютнаго права на пользованіе какой-либо частью земли, оно становится (1) абсолютнымъ правомъ на пользованіе какой-либо частью земли, на которой не можетъ быть столкновенія съ равнымъ правомъ другихъ людей (т. е. которой никто другой не хочетъ пользоваться въ то же время), и (2) одинаковымъ съ прочими людьми правомъ на пользованіе какой-либо частью земли, которой этотъ человѣкъ и прочіе люди желаютъ пользоваться въ одно и то же время.

Такимъ образомъ только лишь тогда, когда два или болѣе человѣка желаютъ пользоваться одной и той же землей въ одно и то же время, приходятъ въ столкновеніе равныя

права людей на пользованіе землей, и становится необходимымъ вмѣшательство общества.

Если мы будемъ удерживать въ виду эту идею равнаго права, —собственно, ту мысль, что на первомъ планѣ стоитъ право, а равенство его есть лишь его ограниченіе, то мы не встрѣтимъ предъ собой трудностей, и только лишь упустивъ это изъ виду г. Спенсеръ могъ спутаться въ выводахъ.

Въ Главѣ IX. „Право на пользованіе землей“, онъ совершенно вѣрно признаетъ и устанавливаетъ право на пользованіе землей, какъ равное право. Онъ говоритъ:

„Каждый человѣкъ обладаетъ свободой пользоваться землей для удовлетворенія своихъ нуждъ“,

„предоставляя лишь всѣмъ другимъ людямъ подобную же свободу“.

Здѣсь, въ первой части предложенія, выражено основное право, а во второй—его ограниченіе, оговорка.

Но въ слѣдующей главѣ, „Право собственности“, онъ, видимо, самъ того не замѣчая, уже подмѣниваетъ идею равнаго права на землю идеей общаго, совокупнаго права на нее. Онъ говоритъ (параграфъ 1):

„Никакое количество труда, затраченнаго индивидуумомъ на какой-либо части земной поверхности, не въ состояніи уничтожить права общества на эту часть.... Никакой человѣкъ простымъ актомъ присвоенія какого-либо дикаго, никому не охраняемаго животного или плода, не могъ бы уничтожить общаго совокупнаго права на него всѣхъ другихъ людей. Несомнѣнно, что трудъ, который расходуется какимъ-либо человѣкомъ на ловлю животного или на собираніе плодовъ, даетъ этому человѣку болѣе права на пойманное животное или на собранные плоды, чѣмъ какому бы то ни было другому человѣку. Но, вѣдь, требуется доказать не то, а то, что трудъ, такимъ образомъ затраченный, даетъ этому человѣку право на пойманное животное или собранные плоды, превышающее ранѣе су-

„ществовавшия права всѣхъ другихъ людей взятыхъ вмѣстѣ. „И пока этого не сдѣлано, человекъ этотъ можетъ признаваться „владѣльцемъ не въ силу какого-либо правового прин- „ципа, а только лишь ради извѣстныхъ удобствъ для об- „щества“.

Здѣсь основное право, въ силу котораго каждый чело- вѣкъ обладаетъ свободой пользоваться землею для удовле- творенія своихъ нуждъ, уже упущено изъ виду, а на его мѣсто поставлена простая оговорка къ нему; ограниченію этого права придано значеніе основного права.

Г. Спенсеръ, не замѣчая перемѣны въ своей аргумента- ціи, здѣсь утверждаетъ уже не то, что право людей на пользование землею есть равное право, но что оно есть ихъ общее право. И вслѣдствіе этой небрежности въ разсужде- ніи онъ доходитъ, затѣмъ, не только до придирчивой кри- тики локковского вывода права собственности, но и до при- знанія, что человекъ не можетъ имѣть права на собираніе дикихъ ягодъ въ пустынѣ, пока не заручится на это согла- сіемъ всѣхъ другихъ людей. Это *reductio ad absurdum* является какъ выводъ изъ идеи общаго права на землю, тогда какъ выводомъ изъ равенства правъ на землю была бы истина, что при подобныхъ обстоятельствахъ человекъ обла- далъ бы правомъ собирать столько ягодъ, сколько нужно, и всѣ прочіе люди вмѣстѣ не имѣли бы права запретить ему этого. На самомъ дѣлѣ, г. Спенсеръ попалъ въ этомъ слу- чаѣ въ такую путаницу и поставилъ себѣ такія преграды къ признанію яснаго и неопровержимаго права собственно- сти, что ему оставалось только разсѣчь узелъ и прибѣгнуть къ нелѣпому заявленію, будто предписанія этики могутъ имѣть приложеніе и могутъ существовать лишь при наивыс- шемъ состояніи цивилизаціи.

Локкъ не ошибался. Право собственности на произведе- нія труда,—а это есть одно только истинное право собствен- ности,—вытекаетъ непосредственно изъ права индивидуума

на самого себя или, слѣдуя выраженію Локка, изъ права собственности индивидуума на свою личность. Оно столь же ясно и обладаетъ столь же полной санкціей справедливости при дикомъ состояніи общества, какъ и при наиболѣе развитой цивилизаціи. Трудъ, конечно, ничего не можетъ производить безъ земли, и право на пользованіе землей является основнымъ личнымъ правомъ, не зависящимъ отъ общества; для него не требуется согласія общества, открыто выраженнаго или предполагаемаго, оно присуще индивидууму и вытекаетъ изъ факта его существованія на землѣ. Люди должны имѣть это право прежде, чѣмъ они могутъ имѣть его какъ равное право. Каждый человѣкъ имѣетъ право на пользованіе землею просто потому, что онъ находится на ней и нуждается въ пользованіи ею. Равенство этого права есть не болѣе, какъ ограниченіе, вытекающее изъ присутствія другихъ людей съ такимъ же правомъ. Другими словами, право на пользованіе землей дается не обществомъ, общество, по справедливости, не можетъ лишить этого права и какого-либо индивидуума. Это право существуетъ ранѣе общества и независимо отъ общества. Оно является достояніемъ каждого индивидуума при его рожденіи и прекращается лишь его смертію. Само общество не имѣетъ первичнаго права на пользованіе землей. То право, которое оно имѣетъ въ отношеніи пользованія землей, представляетъ изъ себя лишь нѣчто производное и требуется только для разграниченія правъ индивидуумовъ, его составляющихъ. Другими словами, функція общественной власти въ отношеніи пользованія землей возникаетъ лишь тамъ, гдѣ сталкиваются индивидуальныя права, и состоитъ въ обезпеченіи равенства между этими сталкивающимися правами индивидуумовъ.

Выразивъ въ полной и наиболѣе удобной формѣ мысль Локка, мы поймемъ, что онъ хотѣлъ сказать только то, что равное право на жизнь предполагаетъ собой равное право на пользованіе природными матеріалами,—что, слѣдовательно, каждый человѣкъ имѣетъ право пользоваться тѣми есте-

ственными удобствами, какія не требуются ни для кого другого, и что результатъ его труда, затраченнаго при этомъ, по праву дѣлается его личной собственностью предо всѣмъ міромъ. Ибо, гдѣ одинъ человѣкъ желаетъ пользоваться естественнымъ удобствомъ, которымъ не хочетъ пользоваться никто другой, тамъ онъ имѣетъ на это право, вытекающее изъ факта его существованія и удостовѣряемое этимъ фактомъ. Это право его есть абсолютное неограниченное право до тѣхъ поръ, пока никто другой не желаетъ пользоваться тѣмъ же самымъ естественнымъ удобствомъ. Тогда, и только тогда, оно ограничивается подобнымъ же правомъ другихъ людей. Такимъ образомъ, вопросъ о правѣ кого-либо на пользование какимъ-либо естественнымъ удобствомъ можетъ возникнуть лишь тогда, когда окажется, что кто-либо другой желаетъ пользоваться тѣмъ же удобствомъ, и только тогда можетъ потребоваться вмѣшательство общества съ цѣлью установленія равенства правъ на землю.

Неправда, будто не можетъ быть права собственности до тѣхъ поръ, пока общество не разовьется настолько, что будетъ надлежащимъ образомъ оцѣнена и сдана на года вся земля. Абсолютное право собственности на предметы, произведенные трудомъ, существуетъ съ самаго начала, со времени появленія человѣка,—вытекая изъ его права на самого себя и изъ его права на пользованіе міромъ.

Локкъ видѣлъ это, какъ это видѣлъ и первый человѣкъ. Но г. Спенсеръ, запутавшись, вслѣдствіе небрежной подстановки терминовъ, утратилъ вѣрное пониманіе права собственности и затѣмъ уже не вернулся къ нему.

Оставивъ въ сторонѣ идею общаго права, мы замѣтимъ, что дѣло обезпеченія за всѣми людьми, при развитой и сложной цивилизаціи, равнаго права на пользованіе землей есть дѣло гораздо болѣе простое и легкое, чѣмъ предполагають г. Спенсеръ и приверженцы націонализаціи земли. Мы замѣтимъ, что нѣтъ необходимости для общества брать себѣ

землю и затѣмъ сдавать ее въ аренду. Ибо до тѣхъ поръ, пока только лишь одинъ человѣкъ желаетъ пользоваться какимъ-либо естественнымъ удобствомъ, оно не имѣетъ цѣнности. Цѣнность возникаетъ лишь тогда, когда два человека и болѣе желаютъ пользоваться однимъ и тѣмъ же естественнымъ удобствомъ. Потому какой-либо вопросъ объ установленіи равнаго права на пользованіе землей можетъ возникнуть только лишь въ отношеніи цѣнной земли, т. е. въ отношеніи земли, имѣющей цѣнность независимо отъ цѣнности улучшеній, сдѣланныхъ въ ней или на ней. Что же касается земли не имѣющей цѣнности—или, пользуясь экономическимъ выраженіемъ,—что касается земли не приносящей ренты, то всякій, кто пожелаетъ пользоваться ей, не только въ правѣ разсчитывать на все, что производитъ на ней его трудъ, но въ правѣ также разсчитывать на то, что общество не потребуетъ съ него платы за пользованіе ею. Что же касается земли, которая имѣетъ цѣнность, или, употребляя извѣстное выраженіе въ его политико-экономическомъ смыслѣ,—что касается земли, приносящей ренту, то принципъ равной свободы требуетъ только, чтобы эта цѣнность ея, или экономическая рента, была достояніемъ общества. Потому формальное присвоеніе земли обществомъ и затѣмъ отдача ея въ аренду являются отнюдь не необходимыми: необходимо только, чтобы владѣлецъ цѣнной земли отдавалъ обществу эквивалентъ земельной цѣнности, или уплачивалъ экономическую ренту; а это можетъ быть достигнуто очень простымъ путемъ: стоитъ только собирать всѣ государственные доходы въ формѣ налога съ цѣнности земли, независимо отъ улучшеній, сдѣланныхъ въ ней или на ней. Этимъ путемъ всѣ члены общества были бы поставлены въ равное положеніе въ отношеніи тѣхъ естественныхъ удобствъ, которыя представляютъ большія преимущества, чѣмъ тѣ удобства, какими можетъ пользоваться всякій членъ общества, т. е. въ отношеніи тѣхъ

удобствъ, которыми пожелали бы пользоваться многіе изъ людей, имѣющихъ равное право на пользованіе ими. Такъ какъ цѣнность земли возникаетъ вслѣдствіе конкуренціи и устанавливается всегда конкуренціей, то и вопросъ о томъ, кому пользоваться той землею высшаго качества, которой желали бы пользоваться многіе люди, по существу дѣла рѣшался бы конкуренціей. Конкуренція эта и примиряла бы сталкивающіеся интересы индивидуумовъ, опредѣляя лицо, которое желаетъ пользоваться землею высшаго качества и въ то же время можетъ пользоваться ею наиболѣе производительно. Такимъ путемъ всѣ члены общества, и въ ихъ числѣ лица, пользующіяся большими естественными удобствами, сдѣлались бы въ равной долѣ обладателями этихъ удобствъ, отбирая на общую пользу ихъ цѣнность; а вмѣстѣ съ тѣмъ были бы устранены всѣ трудности, неотдѣлимые отъ сдачи земли въ аренду государствомъ и отъ опредѣленія и установленія цѣнности улучшеній. Такова система единого налога.

ГЛАВА V.

Путаница г. Спенсера въ отношеніи цѣнности.

Кажется малоправдоподобнымъ, чтобы человекъ, который такъ много имѣлъ дѣла съ различными отраслями знанія и такъ много писалъ по вопросамъ соціологіи, могъ до сего времени оставить въ пренебреженіи основные принципы политической экономіи. Тѣмъ не менѣе ошибка въ разграниченіи понятій равнаго права и общаго права, которая повела къ указанной нами путаницѣ, въ значительной мѣрѣ обуславливалась именно тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Спенсеръ не уяснилъ себѣ природу ренты. Въ „Общественной Статикѣ“ онъ допускаетъ, что рента со всякой земли должна уплачиваться государству, и затѣмъ, въ связи съ этимъ допущеніемъ, а можетъ быть вслѣдствіе его, превращая равное право въ общее право, выводитъ отсюда важное заключеніе относительно права собственности. Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи „Справедливость“ онъ говоритъ обо всемъ этомъ не съ большей ясностью, однако ставитъ уже внѣ всякаго сомнѣнія то, что „Общественная Статика“ позволяла лишь подозрѣвать: свою полную неспособность оцѣнить природу основного экономического понятія,—цѣнности.

Такъ, въ одной изъ главъ „Справедливости“, носящей названіе „Право собственности“, онъ говоритъ (параграфъ 55) объ оружіи, орудіяхъ, одеждѣ и украшеніяхъ, какъ о предметахъ, „въ которыхъ цѣнность, придаваемая трудомъ, осо-

бенно преобладаетъ надъ цѣнностью сырого матеріала“, и затѣмъ выражается такимъ образомъ:

„Если къ этимъ предметамъ мы присоединимъ хижины, „которыя, однако, обыкновенно сооружаются на началахъ „взаимности, при помощи товарищей, и потому, съ меньшей ясностью представляютъ изъ себя произведеніе труда „индивидуума,—то мы назовемъ почти всѣ тѣ предметы, „въ которыхъ съ самаго начала цѣнность, придаваемая трудомъ, преобладаетъ надъ присущей имъ цѣнностью; ибо „цѣнность, присущая собраннымъ дикимъ плодамъ или поиманнымъ дикимъ животнымъ, бываетъ болѣе замѣтна, чѣмъ „цѣнность труда, затраченнаго на ихъ собираніе или ловлю. „И именно это обстоятельство, безъ сомнѣнія, является „причиною того, что въ самыхъ грубыхъ обществахъ право „собственности представляетъ изъ себя нѣчто болѣе определенное въ отношеніи принадлежностей костюма и вооруженія, чѣмъ въ отношеніи какихъ бы то ни было другихъ предметовъ“.

Минутя странныя понятія о томъ, будто предметы, созданные двоими или болѣе людьми, менѣе ясно представляютъ изъ себя произведеніе труда индивидуума, чѣмъ предметы, созданные однимъ человѣкомъ, остановимся на той мысли, будто въ природныхъ матеріалахъ и самопроизвольныхъ дарахъ природы,—т. е. земли, въ экономическомъ смыслѣ,—можетъ быть какая-то присущая имъ цѣнность, непронизванная и независимая отъ труда. Самого поверхностнаго знакомства съ экономической литературой, самой ничтожной попытки къ анализу значенія термина было бы достаточно для Спенсера, чтобы замѣтить нелѣпость этой мысли.

Слово „цѣнность“ имѣетъ два значенія. Во-первыхъ, оно является синонимомъ пригодности или полезности. Мы говоримъ, напримѣръ, о цѣнности океана для человѣка, о цѣнности чистаго воздуха, о цѣнности компаса для море-

плаванія, о цѣнности стетоскопа для распознаванія болѣзней, о цѣнности антисептическаго метода лѣченія для хирургіи, или, имѣя въ виду внутреннее достоинство какого либо литературнаго произведенія, его полезность для читателя или народа, мы говоримъ о цѣнности книги. Во всѣхъ этихъ случаяхъ внутренней цѣнностью предмета, цѣнностью присущей ему, являются одно или нѣсколько свойствъ предмета, которыя дѣлають его полезнымъ для человѣка.

Во-вторыхъ, слово „цѣнность“ имѣетъ то значеніе, въ какомъ употребляетъ его г. Спенсеръ, когда говоритъ о цѣнности, придаваемой трудомъ, преобладающей надъ цѣнностью сырого матеріала,—значеніе обмѣниваемости. Тутъ цѣнность означаетъ собою уже не полезность, и не какое либо качество, присущее самому предмету, а его свойство давать своему обладателю возможность брать за него или за пользованіе имъ другіе предметы. Такъ мы говоримъ о цѣнности золота, какъ о превышающей цѣнность желѣза; о цѣнности переплетенной книги, какъ о превышающей цѣнность непереплетенной; о цѣнности права собственности на какое-либо литературное произведеніе или техническое изобрѣтеніе; о цѣнности стали, понизившейся благодаря способу Бессемера, или цѣнности алюминія, падающей благодаря совершающимся улучшеніямъ въ способахъ его добыванія.

Цѣнность въ этомъ, своемъ обычномъ смыслѣ представляетъ изъ себя нѣчто вполне относительное. Ея существованіе обусловливается возможностью пріобрѣтенія предметовъ въ обмѣнъ на другіе предметы, и она измѣряется этой возможностью. Потому нелѣпо было бы говорить въ этомъ смыслѣ о цѣнности, присущей предмету, или о его внутренней цѣнности. Воздухъ обладаетъ присущимъ ему качествомъ полезности или цѣнности для употребленія въ чрезвычайно высокой степени, ибо безъ обильнаго снабженія

имъ мы не могли бы жить ни минуты. Однако воздухъ совсѣмъ не имѣетъ никакой цѣнности для обмѣна.

Что же дѣлаетъ предметъ цѣннымъ въ этомъ обычномъ и собственномъ смыслѣ слова?—а именно его мы будемъ имѣть въ виду въ нашемъ послѣдующемъ изложеніи.

Какой-либо предметъ имѣетъ цѣнность и можетъ обмѣниваться на другіе предметы отнюдь не вслѣдствіе своего вѣса, цвѣта, дѣлимости или другихъ какихъ-либо свойствъ, присущихъ ему; отнюдь также и не вслѣдствіе своей полезности для человѣка. Правда, цѣннымъ не можетъ быть то, что неспособно удовлетворять какія-либо физическія или умственныя потребности человѣка, хотя бы его прихоть или капризъ. Тѣмъ не менѣе полезность сама по себѣ не дѣлаетъ цѣннымъ предметъ. Воздухъ, обладающій чрезвычайной полезностью, не имѣетъ цѣнности, тогда какъ алмазы, которыхъ полезность ничтожна, имѣютъ огромную цѣнность.

Если мы спросимъ себя о причинахъ такого различія въ цѣнности; если мы вникнемъ въ тѣ атрибуты или условія, которыми сопутствуются наличность цѣнности, ея отсутствіе или измѣненіе, то мы замѣтимъ, что всѣ предметы, какъ бы они ни были полезны или желательны, имѣютъ цѣнность или лишены ея въ зависимости отъ того, насколько трудно или легко ихъ добывать. Вдумавшись, мы замѣтимъ, что для большинства предметовъ, имѣющихъ цѣнность, эта трудность или легкость добыванія ихъ, которой опредѣляется цѣнность, зависитъ отъ количества труда, потребнаго для ихъ произведенія, т. е. дляжелаемаго измѣненія ихъ мѣста, формы и положенія. Такъ, воздухъ, который имѣетъ наивысшую полезность, ибо всякую минуту онъ необходимъ для нашего существованія, получается нами безъ труда. Онъ представляетъ изъ себя вещество того океана, омывающаго поверхность земли, въ который мы постоянно бываемъ погружены. Если требуется трудъ, то не для

полученія его,—онъ надавлиываетъ на насъ отовсюду,—а для удаленія его въ тѣхъ случаяхъ, когда это бываетъ нужно. Потому воздухъ, при всей своей полезности, не имѣетъ цѣнности. Крупные и чистые алмазы, напротивъ того, могутъ быть добываемы лишь съ большимъ трудомъ, ибо ихъ находятъ только въ немногихъ мѣстахъ и послѣ утомительнаго и долгаго исканія. Потому, несмотря на ихъ ничтожную полезность,—они идутъ лишь на удовлетвореніе чувства красоты и потребностей тщеславія,—они цѣнятся чрезвычайно дорого. Подобнымъ же образомъ золото, на вѣсь, цѣнится дороже серебра и много дороже желѣза просто потому, что для добыванія извѣстнаго количества золота, въ среднемъ, требуется болѣе труда, чѣмъ для добыванія такого же количества серебра, и гораздо болѣе труда, чѣмъ для добыванія такого же количества желѣза.

Что въ отношеніи такихъ предметовъ, какъ эти, качество цѣнности вытекаетъ изъ труда, потребнаго для ихъ произведенія, и что, слѣдовательно, въ отношеніи ихъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть ничего подобнаго присущей цѣнности,—въ этомъ мы убѣдимся еще болѣе, принявъ въ соображеніе, какъ измѣняется ихъ цѣнность при увеличеніи или уменьшеніи названнаго количества труда.

Желѣзо, по сравненію съ золотомъ, цѣнилось въ прежнее время гораздо дороже, чѣмъ теперь. А почему? Да потому, что не было еще тѣхъ улучшеній въ способахъ выплавки его, которыя такъ уменьшили количество труда, потребнаго для производства. Алюминій, немного лѣтъ тому назадъ, цѣнился дороже золота, и—потому, что требовалось больше труда для его добыванія. Сберегающія трудъ усовершенствованія сдѣлали его уже дешевле серебра и немногимъ дороже мѣди, и весьма вѣроятно, что при продолжающихся усовершенствованіяхъ, цѣнность его въ скоромъ времени дойдетъ до цѣнности желѣза. Цѣнность стали понизилась въ огромной мѣрѣ благодаря введенію бессемеровскаго и другихъ способовъ. Цѣн-

ность бобрового мѣха, китоваго уса, слоновой кости и пр. возросла вслѣдствіе бѣльшей рѣдкости животныхъ, которыя ихъ доставляютъ, и потому—бѣльшаго труда, потребнаго для ихъ добыванія. Подобнымъ же образомъ улучшенія въ способахъ перевозки всегда понижаютъ цѣнность предметовъ, которыхъ производство въ значительной мѣрѣ слагается изъ перевозки, тогда какъ таможенные пошлины и другіе косвенные налоги повышаютъ цѣнность предметовъ, съ которыхъ они взимаются, ибо, вслѣдствіе пошлинъ, увеличивается количество труда, потребнаго для добыванія этихъ предметовъ. Мы видимъ такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи бѣльшаго числа цѣнныхъ предметовъ, что присущей или внутренней цѣнности быть не можетъ, и что цѣнность есть просто выраженіе труда, потребнаго для произведенія этихъ предметовъ. Однако существуютъ предметы, въ отношеніи которыхъ мы не видимъ этого съ такой же ясностью. Земля не производится трудомъ; тѣмъ не менѣе земля, независимо отъ улучшеній, сдѣланныхъ на ней трудомъ, нерѣдко имѣетъ цѣнность. И такимъ же образомъ нерѣдко имѣютъ цѣнность многія природныя произведенія, въ сущности входящія въ экономическую категорію „земли“, какъ-то: деревья въ ихъ естественномъ состояніи, руда въ жилахъ, камень или мраморъ въ залежахъ, песокъ или гравій въ пластахъ и т. п.

Но небольшого размышленія достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что факты такого рода суть не болѣе, какъ случаи приложенія одного и того же общаго принципа, все равно какъ поднятіе воздушнаго шара и паденіе камня представляютъ изъ себя случаи приложенія одного и того же всеобщаго закона тяготѣнія.

Возьмемъ примѣръ: предположимъ, что какой-нибудь человѣкъ случайно наталкивается на алмазъ. Безъ всякаго труда съ своей стороны,—ибо онъ только лишь нагнулся и поднялъ что-то ради удовлетворенія своего любопытства,—онъ

становится обладателемъ огромной цѣнности. Но гдѣ беретъ свое начало эта цѣнность? Конечно, въ томъ фактѣ, что, какъ правило, подобные алмазы можно пріобрѣтать лишь съ большою затратой труда. Если бы всякій могъ брать алмазы такъ же легко, какъ этотъ человѣкъ, то, понятно, алмазы не имѣли бы цѣнности.

Или, вотъ, первобытный лѣсъ. Въ томъ видѣ, какъ онъ есть, и помимо всякой затраты труда на него, онъ уже имѣетъ значительную цѣнность, и лѣсопромышленники дали бы хорошія деньги за право вырубить его. Но развѣ причиной этой цѣнности является не то же, что мы признали сейчасъ причиной цѣнности алмаза? Развѣ причина эта заключается не въ томъ фактѣ, что строевой матеріалъ, какой можно вырывать въ этомъ лѣсу, для удовлетворенія всего спроса на него долженъ привозиться издалека, такъ что стоимость перевозки его достигаетъ той суммы, которую охотно готовы платить за него здѣсь промышленники?

Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ лѣса первоначально не только не имѣли никакой цѣны, но считались даже помѣхой, ибо для избавленія отъ нихъ поселенцамъ приходилось расходовать трудъ на рубку и сжиганіе. Лѣсной строительный матеріалъ имѣлъ тогда цѣнность лишь въ размѣрѣ стоимости выработки его изъ срубленныхъ деревьевъ, ибо трудъ рубки ихъ производился ради ихъ удаленія. Но потомъ, съ увеличеніемъ расчистки, желаніе уничтожать лѣса оказывалось настолько слабымъ сравнительно съ желаніемъ добывать строевой матеріалъ, что лѣса стали сводить только лишь ради добыванія этого матеріала. Цѣнность лѣсного строительнаго матеріала тогда возросла, ибо къ ней приходилось присчитывать трудъ срубанія деревьевъ; но лѣса еще не имѣли цѣнности. Затѣмъ, съ разрастаніемъ расчищенной площади и увеличеніемъ спроса на лѣсные матеріалы вслѣдствіе роста народонаселенія, приходилось привозить лѣсъ все болѣе и болѣе издалека. Пере-

возка сдѣлалась тогда замѣтной частью труда, потребнаго для добыванія лѣсныхъ матеріаловъ, и лѣса, оставшіеся невырубленными, стали уже пріобрѣтать цѣнность, ибо, воспользовавшись ими, можно было сберечь трудъ перевозки. И по мѣрѣ того, какъ спросъ на лѣсные матеріалы побуждалъ лѣсопромышленниковъ переходить все къ болѣе и болѣе отдаленнымъ мѣстностямъ, эта цѣнность оставшихся лѣсовъ все возрастала и возрастала. Тѣмъ не менѣе эта цѣнность не представляла и не представляетъ изъ себя чего-либо присущаго лѣсу: эта цѣнность имѣетъ свою основу въ трудѣ, и представляетъ собой сбереженіе труда, какой, иначе, пришлось бы расходовать. Причина, въ силу которой лѣсъ въ такихъ мѣстностяхъ имѣетъ цѣнность, заключается въ томъ, что, пользуясь имъ, можно достигнуть того же результата, какого можно достигнуть при затратѣ труда на перевозку соотвѣтственнаго количества лѣснаго матеріала изъ тѣхъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, къ какимъ приходится обращаться для удовлетворенія всего спроса на лѣсъ.

То же можно замѣтить и относительно цѣнности руды, песку или гравія. Цѣнность ихъ всегда имѣетъ ближайшее отношеніе къ количеству труда, потребнаго для полученія ихъ изъ болѣе далекихъ мѣстностей или менѣе обильныхъ залежей, къ какимъ необходимо обращаться для покрытія существующаго спроса.

Мы видимъ такимъ образомъ природу и причины цѣнности земель, другими словами — ренты. Какъ бы ни была плодородна извѣстная земля, какими бы желательными качествами она ни обладала, она, все равно, не можетъ имѣть цѣнности до тѣхъ поръ, пока, изъ-за ея качества или положенія, между нею и самой удобной землей, къ какой трудъ можетъ имѣть свободный доступъ, не установится такого отношенія, что пользованіе ею станетъ давать преимущество, равноцѣнное сбереженію труда. Или, выражая иначе ту признанную теорію, которую называютъ иногда Рикардов-

ской теоріей ренты и которую Джонъ Стьюартъ Милль признавалъ за *rons asinorum* политической экономіи: рента съ земли опредѣляется излишкомъ продуктовъ, какой она можетъ доставлять свѣше того, что можетъ быть получено при той же затратѣ труда съ наименѣе производительной земли, находящейся въ употребленіи.

Понять этотъ принципъ значитъ убѣдиться въ томъ, что земля не можетъ имѣть присущей цѣнности; что цѣнность никогда не можетъ быть достояніемъ всѣхъ земель, а ее могутъ пріобрѣтать лишь нѣкоторыя земли: или вслѣдствіе распространенія производства на земли низшаго качества, или вслѣдствіе развитія особой производительности въ извѣстныхъ мѣстностяхъ.

Такимъ образомъ явленія цѣнности, по существу дѣла, представляютъ изъ себя какъ бы различныя формы приложенія одного и того же принципа. Цѣнность всякаго предмета, производимаго трудомъ, отъ куска мѣла и коробки булавокъ до сложной постройки и принадлежностей перво-класснаго океанскаго парохода, сводится, въ конечномъ анализѣ, къ эквиваленту труда, потребнаго для точнаго воспроизведенія такого предмета въ извѣстномъ мѣстѣ; тогда какъ цѣнность предметовъ, не производимыхъ трудомъ, а тѣмъ не менѣе допускающихъ право собственности, подобнымъ же образомъ, сводится къ эквиваленту труда, какой могутъ пріобрѣтать или сберегать собственники этихъ предметовъ въ силу своего права собственности на нихъ.

Причина, вслѣдствіе которой въ грубыхъ обществахъ цѣнность придается, главнымъ образомъ или исключительно, произведеніямъ труда, при чемъ земля гдѣ имѣетъ ничтожную цѣнность, а гдѣ не имѣетъ никакой, причина этого явленія кроется отнюдь не въ томъ, въ чемъ видитъ ее г. Спенсеръ; или, пользуясь выраженіемъ г. Спенсера: „причиною того, что въ самыхъ грубыхъ обществахъ право собственности представляетъ изъ себя нѣчто болѣе опредѣленное въ

отношеніи принадлежностей костюма и вооруженія, чѣмъ въ отношеніи какихъ бы то ни было другихъ предметовъ“,— бываетъ отнюдь не то обстоятельство, что оружіе, орудія, одежда, украшенія и хижины представляютъ изъ себя „почти всѣ тѣ предметы, въ которыхъ съ самаго начала цѣнность, придаваемая имъ трудомъ, преобладаетъ надъ присущей имъ цѣнностью; ибо цѣнность, присущая собраннымъ дикимъ плодамъ или пойманнымъ дикимъ животнымъ, бываетъ болѣе замѣтна чѣмъ цѣнность труда, затраченнаго на ихъ собираніе или ловлю“. Причина эта кроется въ томъ, что произведенія труда всегда достаются цѣною усилій и потому имѣютъ цѣнность съ самаго начала; тогда какъ земля добывается безъ всякихъ усилій, и въ такихъ обществахъ ростъ народонаселенія и развитіе техники обыкновенно еще не успѣваютъ связать съ пользованіемъ извѣстной землей тѣ особыя преимущества, которыя бываютъ позднѣе эквивалентомъ сбереженія труда. Такимъ образомъ, при отсутствіи искусственнаго малоземелья, создаваемого монополизацией, для всякаго легко бываетъ занять землю одинаково хорошаго качества съ прочими, и земля не имѣетъ цѣнности.

При рѣдкомъ народонаселеніи и грубомъ состояніи техники не существуетъ еще тѣхъ различій въ производительности отдѣльныхъ участковъ, которыя такъ бросаются въ глаза въ нашихъ большихъ городахъ, гдѣ земля на одной сторонѣ улицы имѣетъ нерѣдко цѣну вдвое большую, чѣмъ на другой. Даже тѣ различія въ природныхъ свойствахъ земли, которыя у насъ такъ сильно сказываются на ея цѣнности, не могли бы имѣть значенія при охотничьемъ, пастушескомъ или даже земледѣльческомъ населеніи. Кто могъ подумать даже тогда, когда производство вышло уже за предѣлы хлѣбопашества, чтобы въ землѣ Западной Пенсильваніи скрывались такія различія, благодаря которымъ одинъ клочокъ земли могъ получить со временемъ цѣнность, въ

сотни тысячъ разъ превышающую цѣнность, повидимому, такой же земли, лежащей рядомъ съ нимъ, или, чтобы узкая полоска земли въ Невадѣ могла пріобрѣсть стоимость нѣсколькихъ милліоновъ въ то время, какъ земля, прилегающая къ ней, оставалась ничего не стоящей.

Именно эта путаница г. Спенсера въ отношеніи ренты и цѣнности привела его къ путаницѣ въ отношеніи права собственности, и именно она, сначала по крайней мѣрѣ, помѣшала ему увидѣть, что для обезпеченія равнаго права людей на землю нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы общество формально вступало во владѣніе землей и затѣмъ сдавало ее въ аренду, что всѣ трудности, какія онъ предвидѣлъ въ отобраніи земли вмѣстѣ съ улучшеніями, были лишь воображаемыми.

ГЛАВА VI.

Отъ „Общественной Статики“ до „Политическихъ Учрежденій“.

Спенсеровское обсужденіе земельного вопроса въ „Общественной Статикѣ“, недостаточно зрѣлое и заключавшее въ себѣ сѣмена ошибокъ, все же представляло изъ себя нѣчто выдающееся по своимъ достоинствамъ. Оно являлось открытымъ и, — если исключить одну несообразность, допускающую объясненіе, — непоколебимымъ утвержденіемъ нѣкоторой нравственной истины первостепенной важности, — истины, которую игнорировали въ то время. Если Спенсеръ и не разобрался во всѣхъ подробностяхъ, то все же онъ усмотрѣлъ и провозгласилъ тотъ основной принципъ, что всѣ люди имѣютъ естественное, равное и неотчуждаемое право на пользованіе землей; что право собственности, которое съ полнымъ основаніемъ прилагается къ предметамъ, производимымъ трудомъ, неприложимо къ землѣ; что ни сила, ни обманъ, ни договоръ, ни давность не могутъ оправдать частной собственности на землю; что равное право на землю до сего времени остается еще въ силѣ, „наперекоръ всѣмъ записямъ, обычаямъ и законамъ“, и должно оставаться въ силѣ до тѣхъ поръ, „пока не будетъ доказано, что одно какое либо поколѣніе было одарено Богомъ болѣе щедро, чѣмъ другое, слѣдующее за нимъ“.

Онъ показалъ, сверхъ того, что практическое осуществленіе этого равенства правъ, даже тѣмъ грубымъ путемъ,

какой онъ предлагалъ, отнюдь не вело бы къ установленію общности имуществъ или къ чему либо похожему на социализмъ и коммунизмъ; что оно могло бы быть осуществлено безъ всякаго „сколь-нибудь серьезнаго“ переворота въ существующихъ порядкахъ и было бы „совмѣстимо съ найвысшей цивилизаціей“.

И это было писано имъ въ Англіи, — гдѣ весь общественный, политическій и промышленный строй имѣлъ свою основу и опору въ частной собственности на землю, — и въ 1850 году, — когда за исключеніемъ кучки „мечтателей“ никому и въ голову не приходило дѣлать различіе между собственностью на землю и собственностью на другіе предметы, а огромное большинство людей всѣхъ состояній и положеній видѣло въ частной собственности на землю нѣчто такое, что всегда существовало и, въ природѣ вещей, всегда должно существовать.

Тѣмъ не менѣе есть полное основаніе думать, что эти революціонныя выраженія въ „Общественной Статикѣ“, какъ въ то время, такъ и въ послѣдующіе годы, не вызывали ни малѣйшихъ непріятныхъ замѣчаній для г. Спенсера, если только не считать предостереженій, какія, безъ сомнѣнія, дѣлали ему его друзья относительно того, что это, молъ, все — не можетъ содѣйствовать его успѣхамъ. Если „Господинъ Джонъ и Его Милость“ (такъ Спенсеръ обозначаетъ представителей земельныхъ интересовъ въ Великобританіи) когда либо брали въ руки его книгу, то вскорѣ же начинали дремать, не успѣвъ разгнѣваться. Сознывая прочность своего положенія, люди, пользующіеся какой-либо несправедливостью, утвержденной закономъ, относятся съ терпимостью къ чисто академическимъ возраженіямъ противъ нея. Ибо въ ихъ средѣ досуга и богатства обыкновенно преобладаютъ также либеральное воспитаніе и вкусы, и они очень любятъ пощеголять радикализмомъ, когда тотъ не выходитъ за предѣлы ихъ круга. Искусный

софистъ могъ открыто расточать похвалы свободѣ за столомъ римскаго императора. Вольтеръ, Руссо и энциклопедисты были модной дурью въ гостиныхъ французской аристократіи. А въ началѣ этого столѣтія, да и долгое время потомъ, теоретическій приверженецъ отмѣны рабства, если только онъ не велъ разговоръ съ рабами, могъ свободно высказывать свои взгляды на рабство въ средѣ культурныхъ рабовладѣльцевъ южныхъ Штатовъ. Тома Джефферсонъ открыто выразилъ свое отвращеніе къ рабству и, несмотря на поправку, ясно высказалъ свое осужденіе ему въ самой Декларациі независимости. Тѣмъ не менѣе рабовладѣльцы подписывались подъ этой деклараціей, ежегодно читали ее, и отнюдь нельзя сказать, чтобы самъ Джефферсонъ былъ непопуляренъ въ ихъ средѣ. Но, когда устроена была „подземная желѣзная дорога“ ¹⁾, когда Гаррисонъ и его товарищи потребовали немедленнаго, безусловнаго освобожденія рабовъ, тогда положеніе дѣлъ измѣнилось, и климатъ южныхъ Штатовъ сдѣлался слишкомъ жаркимъ для всякаго, кто хотя бы только подозрѣвался въ непочтительномъ отношеніи къ „своеобразному учрежденію“ Юга.

То же было съ частной собственностью на землю за время болѣе тридцати лѣтъ послѣ написанія „Общественной Статики“. Когда вышло въ свѣтъ первое (авторское) изданіе „Прогресса и Бѣдности“, всего въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ, и когда люди, даже знакомые съ малымъ спросомъ на сочиненія по экономическимъ вопросамъ, не допускали и мысли о томъ, чтобы могло когда либо потребоваться новое изданіе, тогда однимъ изъ первыхъ, принесшихъ мнѣ поздравленіе, былъ нѣкій весьма крупный землевладѣлецъ. По его словамъ, онъ могъ спокойно наслаждаться тѣмъ, что ему угодно было называть

¹⁾ „Underground railway“ — общество тайной переправы бѣглыхъ рабовъ въ Канаду.

ясной логикой и изящнымъ слогомъ моей книги, ибо онъ былъ увѣренъ, что она будетъ прочтена лишь немногими философами, но никогда не достигнетъ массы и „не окажется вредной“.

Такова же была въ теченіе долгаго времени судьба спенсеровскаго провозглашенія, направленнаго противъ частной собственности на землю. Оно, безъ сомнѣнія, дѣлало свое дѣло, то тамъ, то здѣсь принося плодъ въ сердцахъ людей. Но вопросъ, затронутый имъ, не выходилъ за узкіе предѣлы академическихъ споровъ, да и сама спенсера книга не выдвигала его куда-либо далѣе.

„Общественная Статика“ сдѣлала Спенсера извѣстнымъ въ тѣсномъ кружкѣ и обезпечила за нимъ начало его литературной карьеры; но она имѣла лишь малое распространеніе и медленно завоевывала вниманіе публики. Первое и единственное англійское изданіе ея,—какъ то дѣлають обыкновенно, когда не ожидаютъ большой продажи,—печаталось прямо съ набора, безъ изготовленія стереотипныхъ досокъ. Для продажи его, —какъ о томъ повѣствуетъ г. Спенсеръ въ предисловіи къ своему недавнему сокращенію „Статики“, —потребовалось около десяти лѣтъ; къ концу этого времени спросъ былъ настолько слабъ, что нечего было и думать о новомъ изданіи, которое, за отсутствіемъ стереотипныхъ досокъ, надо было бы набирать вновь, и книга вышла въ Англіи изъ продажи, не затронувъ сколько-нибудь общаго вниманія. Это было лишь въ природѣ вещей, ибо люди, которые получаютъ выгоду отъ какой-либо неправды, вліяющей на распредѣленіе богатства, необходимо будутъ богатыми людьми и, слѣдовательно, людьми, взгляды которыхъ обыкновенно подчиняютъ себѣ общественное мнѣніе. А частная собственность на землю до послѣдняго времени была чѣмъ-то въ родѣ священнаго бѣлаго слона англійской знати, о которомъ нельзя было даже и говорить безъ привѣтственнаго вступленія. Заговоръ молчанія представлялъ изъ себя,

стало-быть, нѣчто роковое для такой книги до тѣхъ поръ, пока она не начала бы распространяться въ народѣ, а на это распространеніе не былъ рассчитанъ ни слогъ „Общественной Статики“, ни ея объявленная цѣна. Одинаковую съ ней судьбу испытала на себѣ въ Англіи весьма похожая на нее и заходившая почти такъ же далеко книга Патрікія Эдуарда Дева—„Теорія человѣческаго прогрессированія“ ¹⁾, вышедшая на одномъ году съ „Общественной Статикой“, хотя и нѣсколько ранѣе ея, въ которой тоже провозглашалось равенство правъ на пользованіе землей. Изложеніе у Дева менѣе обстоятельное, чѣмъ у Спенсера, но онъ говоритъ яснѣе его, открыто отвергая мысль о вознагражденіи и предлагая отобрать въ пользу общества земельную ренту путемъ налога, уничтоживъ всѣ прочіе налоги. Его книга должна была оказывать извѣстное благотворное вліяніе на тѣхъ людей, которыхъ она достигала, тѣмъ не менѣе она вышла изъ продажи и, въ сущности, была забыта.

„Общественная Статика“ была однако счастливѣе, ибо ей удалось перебраться въ Соединенные Штаты. Въ числѣ лицъ, заинтересовавшихся сочиненіями Спенсера, однимъ изъ первыхъ былъ покойный профессоръ Э. Л. Юманзъ, который искалъ, въ 1861—1862 году, знакомства съ Спенсеромъ и вступилъ съ нимъ въ переписку. Съ того времени вся неутомимая энергія профессора Юманза, опиравшагося на средства крупной издательской фирмы „Д. Эпльтонъ и К^о“ въ Нью-Йоркѣ, къ которой онъ стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ, направилась исключительно на популяризацию г. Спенсера и его ученій въ Соединенныхъ Штатахъ. Благодаря усиліямъ профессора Юманза, фирма Эпльтонъ и К^о вошла въ соглашеніе съ г. Спенсеромъ относительно печатанія его сочиненій и въ 1864 году, изготовивъ стереотипныя доски,

¹⁾ „The Theory of Human Progression“, by Patrick Edward Dove.

выпустила въ свѣтъ новое изданіе его „Общественной Статики“, все время затѣмъ поддерживая ее въ продажѣ. Англійскій спросъ на нее,—какъ можно видѣть изъ предисловія 1877 года къ этому изданію и изъ предисловія къ сокращенному изданію 1892 года,—былъ покрытъ путемъ отправки въ Англію уже отпечатанныхъ экземпляровъ ¹⁾,—что, конечно, было выгоднѣе, чѣмъ печатать мало распространенную книгу на обсахъ берегахъ Атлантическаго океана. Такимъ образомъ „Общественная Статика“ продолжала распространяться въ болѣе широкомъ кругу, — главнымъ образомъ въ Соединенныхъ Штатахъ (гдѣ репутація Спенсера, благодаря содѣйствію Юманза, впервые возросла во мнѣніи общества), но также и въ Великобританіи, хотя и въ меньшей мѣрѣ. Однако ни изъ чего не видно, чтобы радикальныя выраженія по земельному вопросу, содержащіяся въ ней, гдѣ-либо пробуждали активный интересъ и переступали границу академическихъ мнѣній.

За время между 1850 и 1882 годами, когда Спенсеръ былъ занятъ большею частью разработкой своей эволюціонной философіи, кромѣ приведеннаго мною, отъ него ничего не было слышно по земельному вопросу. Однако „Общественная Статика“,—въ Соединенныхъ Штатахъ, по крайней мѣрѣ,—захватывала все большій и большій кругъ читателей вмѣстѣ съ ростомъ репутаціи Спенсера, и ея заявленія продолжали служить выраженіемъ его мнѣній, безъ всякаго намека на какую-либо перемѣну. Отъ поры до времени къ ней

¹⁾ „Прошло нѣсколько лѣтъ, я полагаю—около десяти, прежде чѣмъ изданіе было распродано; а такъ какъ спросъ оказывался слишкомъ незначительнымъ для того, чтобы могъ оправдаться новый наборъ, то и было рѣшено доставить изданіе изъ Америки, гдѣ книга была отпечатана стереотипомъ. Когда и оно вышло изъ продажи, подобнымъ же образомъ доставлено было третье изданіе“.—Предисловіемъ сокращенному и просмотрѣнному изданію „Общественной Статики“, 1892.

дѣлались прибавленія въ видѣ разныхъ предисловіій или замѣтокъ, но нигдѣ ни единымъ словомъ не упоминалось въ нихъ о какой-либо переменѣ во взглядахъ автора на земельный вопросъ. Последнее изъ американскихъ изданій помѣчено 17 января 1877 года. Въ немъ указывались нѣкоторыя переменныя во взглядахъ Г. Спенсера на ученіе о конечныхъ причинахъ, на положеніе женщины, на полезное дѣйствіе войны и т. под., но нимало не измѣнялись радикальныя выраженія, относившіяся къ владѣнію землей. Напротивъ того, Спенсеръ заявлялъ:

„Я по прежнему остаюсь вѣренъ тому основному нравственному принципу, который, въ его отвлеченной формѣ, мы называемъ справедливостью. Я остаюсь также вѣренъ тѣмъ производнымъ принципамъ, которые формулируются обыкновенно въ видѣ, такъ называемыхъ, личныхъ правъ того или другого наименованія“.

Въ „Политическихъ Учрежденіяхъ“, вышедшихъ первоначально въ видѣ журнальныхъ статей и, наконецъ, въ началѣ 1882 года въ видѣ отдѣльной книги, г. Спенсеръ снова высказывался по вопросу о владѣніи землей и при томъ такъ, что всякій, знакомый съ его прежнимъ полнымъ обсужденіемъ предмета, неизбѣжно долженъ былъ заключить, что онъ остается вѣренъ всему тому, что было сказано имъ въ „Общественной Статикѣ“.

„Политическія Учрежденія“, подобно прочимъ частямъ „Основаній соціологіи“, являются „отчасти обзоромъ прошлаго, отчасти обзоромъ будущаго“. Объясняя сначала, въ согласіи съ своей общей теоріей, тотъ путь, какимъ развились общественныя учрежденія, г. Спенсеръ намѣчаетъ затѣмъ путь, какимъ они будутъ слѣдовать въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Въ главѣ „О собственности“, послѣ нѣсколькихъ страницъ изслѣдованія, онъ говоритъ (параграфъ 539):

„Индукція и дедукція одинаково убѣждаютъ насъ въ

„томъ, что земля сначала представляет изъ себя общую „собственность, и самъ собой возникаетъ вопросъ: «какимъ „образомъ могло индивидуализироваться обладаніе ею». Мало „можетъ быть сомнѣній въ общемъ характерѣ отвѣта. Только „одна сила, въ той или въ другой формѣ, можетъ заста- „вить членовъ общества отказаться отъ ихъ общаго права „на землю, которую они населяютъ. Такой силой можетъ „быть сила внѣшняго врага или сила внутренняго врага,— „но въ обоихъ случаяхъ ею предполагается воинствующая „дѣятельность“.

Повторивъ такимъ образомъ, въ формѣ соотвѣтствующей особенностямъ книги, то заявленіе „Общественной Статистики“, что первоначальныя записи, утверждающія права частной собственности на землю, были сдѣланы мечомъ, онъ переходитъ затѣмъ къ его развитію. Между прочимъ онъ выказываетъ пониманіе того факта, что при феодальномъ владѣніи землей не признавалось право частной собственности на землю, которое развилось въ послѣдующее время; онъ говоритъ: „право частной собственности на землю, установленное военной властью было неполное право“, ограниченное правами крѣпостныхъ и другихъ подчиненныхъ и обязательствами въ отношеніи короны или государства. Онъ замѣчаетъ:

„Въ нашей странѣ этой формѣ владѣнія землей былъ „положенъ конецъ въ 1660 году, когда феодальныя обязательства (налогъ на землевладѣльцевъ) замѣнены были акцизомъ на пиво (налогомъ на все населеніе).“

Отсюда, въ томъ мѣстѣ, которое мы будемъ имѣть передъ собою впослѣдствіи ¹⁾, онъ переходитъ къ разсмотрѣнію вѣроятнаго будущаго въ эволюціи землевладѣнія. Замѣтивъ, что „собственность, установленная силой, не имѣетъ той же опоры, какъ собственность, установленная путемъ

1) См. далѣе первое письмо г. Спенсера въ газету „Таймзъ“.

договора“, онъ уподобляетъ индивидуальную собственность на землю собственности на рабовъ и намекаетъ, что, какъ уничтожилась одна, такъ, безъ сомнѣнія, уничтожится и другая, дабы дать мѣсто владѣнію землей „на основаніи соглашенія между индивидуумами, въ качествѣ арендаторовъ, и обществомъ, въ качествѣ собственника.... послѣ того, какъ было бы выдано полное вознагражденіе за *накопленную цѣнность*, искусственно придаваемую.

Это есть новое выраженіе того, что было высказано въ параграфѣ 9 „Общественной Статики“, гдѣ, говоря о нѣкогда всеобщемъ признаніи рабства за нѣчто естественное и справедливое и о возникшемъ затѣмъ болѣе отрадномъ взглядѣ, Спенсеръ замѣчаетъ:

„Быть можетъ недалеко то время, когда люди узнаютъ, „что предписанія справедливости еще не исполнены ими, „и когда они поймутъ, что лишать другихъ ихъ права на „пользованіе землей значитъ совершать преступленіе, близкое къ лишенію жизни или личной свободы“.

Такимъ образомъ, оставаясь въ соотвѣтствіи съ совершенно иными задачами и характеромъ своей книги, г. Спенсеръ въ мартѣ 1882 года вторично выражалъ тѣ самые взгляды на земельный вопросъ, какіе были имъ высказаны въ 1850 году. Его слова, печатаемые мною курсивомъ, пріобрѣтаютъ въ связи съ ранѣе сказаннымъ имъ особый интересъ, ибо ими ясно указывается, какъ слѣдуетъ понимать ту несообразность въ „Общественной Статикѣ“, которую мы ранѣе истолковывали.

На этомъ повторномъ выраженіи въ „Политическихъ Учрежденіяхъ“ тѣхъ взглядовъ на земельный вопросъ, какіе были высказаны въ „Общественной Статикѣ“, мы должны провести черту въ нашемъ обзорѣ.

ЧАСТЬ II-я.

ОТСТУПЛЕНІЕ.

- I. Письмо въ Сэнтъ-Джемзскую газету.
 - II. „Человѣкъ или государство“.
 - III. Письмо въ газету „Таймзъ“.
 - IV. Разборъ апологіи г. Спенсера.
 - V. Второе письмо въ газету „Таймзъ“.
 - VI. Послѣдующія письма.
-

* * *

Есть люди, которые питаютъ ненависть ко всему, имѣющему видъ точнаго заключенія; изъ ихъ числа и эти мыслители. По ихъ словамъ всегда выходитъ такъ, что правымъ никогда не бываетъ то или другое крайнее мнѣніе, но что имъ всегда бываетъ нѣчто стоящее въ срединѣ между крайностями. Они всегда стремятся примирить Да и Нѣтъ. „Если“, „однако“, „за исключеніемъ“ — вотъ ихъ любимыя словечки. Они питаютъ такую глубокую вѣру въ „благоразумную серединку“, что едва ли бы приняли слова самого оракула, если бы онъ провозгласилъ имъ какой либо прямолинейный принципъ. Спросите ихъ о томъ, въ какую сторону вращается земля на своей оси: съ востока на западъ или съ запада на востокъ,—и вы, навѣрно, услышите въ отвѣтъ: „пожалуй, можно сказать, что въ обѣ стороны“, или: „собственно, ни въ ту, ни въ другую“. И въ высшей степени сомнительно, чтобы они могли согласиться даже съ такой аксіомой, какъ та, что цѣлое болѣе своей части,—не сдѣлавъ при этомъ разнаго рода оговорокъ.—Гербертъ Спенсеръ, 1850 г.

ГЛАВА I.

Письмо въ Сэнтъ-Джемзскую Газету.

Съ первыхъ лѣтъ минувшаго десятилѣтія въ народной мысли стала обнаруживаться замѣтная перемѣна, при чемъ доктрина естественнаго, неотчуждаемаго и равнаго права на землю, которая проповѣдывалась г. Спенсеромъ, такъ сказать, въ академическихъ рощахъ, начала привлекать къ себѣ сердца и умы обыкновенныхъ людей и проникать въ среду обездоленныхъ. Въ Ирландіи выдвинулся на очередь земельный вопросъ, правда, въ смутной и неопредѣленной формѣ; но и въ этой формѣ онъ все же проложилъ себѣ путь въ область британской политики, тогда какъ моя книга „Прогрессъ и Бѣдность“, впервые вышедшая въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1879 году, въ концѣ 1882 начала распространяться въ Англіи съ неимовѣрной быстротой, давая экономическое обоснованіе всему тому, что говорилъ Гербертъ Спенсеръ о нравственной несостоятельности частной собственности на землю, и предлагая практическую мѣру для возстановленія равенства правъ. Словомъ, всюду въ странахъ англійскаго языка, идея естественнаго права на пользованіе землей, казавшаяся мертвой въ 1850 году, стала оживать съ такой силой и въ такихъ формахъ, которыя показывали, что борьба за ея признаніе по меньшей мѣрѣ уже началась.

Вѣря въ полную искренность г. Спенсера, считая его не за болтуна, а за человѣка, горячо желающаго установленія

правды на землѣ, мы, люди, стремившіеся къ исполненію того, чего, какъ онъ самъ говорилъ, грозно требуетъ справедливость, естественно ожидали отъ него и помощи и сочувственнаго слова, — тѣмъ болѣе, что годы укрѣпили его положеніе и вліяніе, дали ему способность направлять вниманіе и власть руководить желаніями огромнаго числа своихъ почитателей, видѣвшихъ въ немъ своего духовнаго вождя.

Но тщетно было наше ожиданье. Когда справедливость, о которой такъ смѣло проповѣдывалъ г. Спенсеръ въ академическихъ обителяхъ, появилась на улицахъ и площадяхъ, поднявъ свое знамя и призывая своихъ приверженцевъ, онъ, вмѣсто того чтобы радостно поспѣшить къ ней навстрѣчу, счелъ за лучшее улизнуть отъ нея, подобно молодой женщинѣ въ старинномъ разсказѣ, которая очаровала всѣхъ присутствующихъ своей мольбой къ смерти, прося унести скорѣе ее, чѣмъ ея пожилого мужа, когда же та постучалась у двери и спросила „Кто зоветъ меня?“ — живо отвѣтила: „Господинъ въ сосѣдней комнатѣ!“

Въ мартѣ 1882 года, когда г. Спенсеръ выпустилъ въ свѣтъ свои „Политическія Учрежденія“, и даже въ августѣ, — когда онъ покидалъ Англію для поѣздки въ Соединенные Штаты, въ англійскомъ обществѣ, насколько можно было видѣть, не замѣтно было никакихъ указаній на то, чтобы взгляды, подобные выраженнымъ въ „Общественной Статикѣ“, сколь нибудь сильнѣе привлекали къ себѣ общественное вниманіе и сильнѣе дѣйствовали на чувство, чѣмъ въ 1850 году; ибо въ ирландскомъ движеніи видѣли тогда лишь то, что оно, дѣйствительно, представляло изъ себя въ главномъ, — не нападеніе на частную собственность, а попытку арендаторовъ самимъ сдѣлаться собственниками земли или облегчить для себя условія аренды. Но, когда г. Спенсеръ вернулся, въ концѣ ноября, уже нетрудно было замѣтить, что времена презри-

тельной терпимости со стороны господина Джона и Его Милости миновали, и что вся, такъ называемая, „респектабельная“ часть общества возбуждена была противъ нечестивыхъ людей, дерзнувшихъ отрицать законность частной собственности на землю.

Чтобы объяснить перемѣну, совершившуюся въ столь короткое время, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ о судьбѣ моихъ книгъ.

„Прогрессъ и Бѣдность“ была принята англійской печатью, какъ вообще принимаются сначала подобныя книги,— молча или съ легкой насмѣшкой. Фирма „Поль, Тренчъ и К^о“, впервые выпустившая въ Англіи изданіе, печатанное въ Соединенныхъ Штатахъ, могла продать за первое время во всей Великобританіи всего лишь двадцать экземпляровъ. Но вскорѣ книга начала прокладывать себѣ путь, а когда, въ концѣ августа 1882 года появилось шестипенсовое изданіе ея, то она стала продаваться въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ; „во всѣхъ углахъ и закоулкахъ Англіи“, по выраженію „Трехмѣсячнаго обозрѣнія“ „ее открыто привѣтствовали, какъ торжественное возвѣщеніе справедливости“.

Едва появилось и стало расходиться это дешевое изданіе, какъ въ газетѣ „Таймзъ“, въ номерѣ отъ 11 сент. 1882 г., напечатана была обстоятельная и безпристрастная рецензія какъ на „Прогрессъ и Бѣдность“, такъ и на мою брошюру „Ирландскій Земельный Вопросъ“ ¹⁾, также вышедшую въ Англіи въ дешевомъ изданіи. Разомъ молчаніе печати было прервано, и во всѣхъ британскихъ журналахъ, начиная съ трехмѣсячныхъ и кончая сатирическими, то и дѣло стали появляться замѣтки и отзывы — въ большинствѣ случаевъ,

¹⁾ Теперь она печатается подъ заглавіемъ „Земельный Вопросъ“, ибо ея цѣль состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что Ирландскій земельный вопросъ есть не что иное, какъ всеобщій земельный вопросъ.

естественно, такого рода, что предъ ними казались милостивыми выраженія герцога Аргайльскаго, называвшаго меня „такимъ проповѣдникомъ нечестія, какого еще не видѣлъ свѣтъ“, и толковавшаго о моихъ „безнравственныхъ ученіяхъ“, „безпутныхъ выводахъ“, о „невыразимой низости той чудовищной подлости“, которую я отстаиваю, и т. п.

Если бы г. Спенсеръ остался вѣренъ своимъ взглядамъ, то, очевидно, ему не удалось бы избѣгнуть подобной же участи въ томъ обществѣ, въ которомъ онъ, какъ великій философъ, сдѣлался почетнымъ членомъ. Ибо, хотя „Общественная Статика“ и была мало извѣстна въ Англіи, но его взгляды были очень рельефно выставлены на видъ въ тѣхъ цитатахъ изъ нея, которыя сдѣланы были мною какъ въ „Прогрессѣ и Бѣдности“, такъ и въ „Ирландскомъ Земельномъ Вопросѣ“.

Вотъ какое положеніе дѣлъ засталъ г. Спенсеръ при своемъ возвращеніи изъ Соединенныхъ Штатовъ. Великій вопросъ, неизмѣримо превосходящій по своему значенію даже вопросъ о правѣ собственности на рабовъ, былъ поднятъ въ Англіи. И ему приходилось, или защищать истину, которую онъ видѣлъ, и подвергнуться за это въ своемъ обществѣ остракизму, или отрицать ее.

„Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать, и всячески злословить!“ Ибо для человѣка, стремящагося искоренить какую-либо великую неправду, это служитъ вѣрнымъ признакомъ близкаго исполненія его надеждъ. Всякая общественная неправда, уже въ силу самого факта своего спокойнаго существованія въ теченіе долгаго времени, неизбѣжно склоняетъ на свою сторону тѣ могущественныя вліянія, которыя господствуютъ надъ органами общественнаго мнѣнія и правятъ обществомъ.

Когда, въ 1850 году, г. Спенсеръ говорилъ, что рента съ земли могла бы собираться агентомъ или довѣреннымъ лицомъ общества совершенно такъ же, какъ она собирается

агентомъ Господина Джона или Его Милости, то онъ, конечно, зналъ, что, если бы только его предложеніе достигло слуха тѣхъ лицъ, о которыхъ шла рѣчь, онъ былъ бы осужденъ всѣми установленными органами общественнаго мнѣнія и въ „хорошемъ“ обществѣ былъ бы признанъ за разбойника. Въ то время,—я склоненъ думать,—онъ радостно привѣтствовалъ бы такое указаніе на прогрессъ въ мысли. Но въ 1882 году, едва только онъ узналъ, что Господинъ Джонъ и Его Милость возмутились такимъ предложеніемъ и, вѣроятно, услышали о томъ, кѣмъ оно было сдѣлано, какъ тотчасъ же поторопился убрать съ глазъ долой улику и, по возможности, опровергнуть ее. Онъ сразу рѣшилъ,—какъ это видно изъ того, что онъ повѣствуетъ намъ въ 1892 г.,—„не ввозить новаго изданія“ „Общественной Статики“ ¹⁾, и воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы написать письмо въ одну изъ редакцій.

Въ „Эдинбургскомъ Обозрѣніи“, за январь 1883 года, въ статьѣ, озаглавленной „Націонализація земли“, былъ сдѣланъ обзоръ „Прогресса и Бѣдности“—болѣе безпристрастный, чѣмъ того можно было ожидать, хотя все же враждебный. Между прочимъ, авторъ этой статьи ссылался на сказанное г. Спенсеромъ по земельному вопросу въ „Общественной Статикѣ“, при чемъ приписывалъ ему предложеніе вознаграждать землевладѣльцевъ, приводя съ собственнымъ истолкованіемъ несообразныя выраженія параграфа 9. Въ заключеніи статьи говорилось:

„Писатели, подобные г. Джорджу и г. Герберту Спенсеру—въ войнѣ не только съ основными принципами политической „экономіи и права, общественнаго порядка и семейной жизни,

¹⁾ Десять лѣтъ тому назадъ, когда всѣ экземпляры третьяго изданія были проданы, я рѣшилъ не ввозить новаго изданія для покрытія еще продолжавшагося спроса.—Предисловіе къ просмотрѣнному и сокращенному изданію „Общественной Статики“, 1892 г.

„но даже съ самыми элементами человѣческой природы...
„Выступить противъ права частной собственности на землю
„значить выступить противъ собственности въ ея наиболѣе
„конкретной формѣ. Не будь обезпечена земельная собствен-
„ность, и всякая другая собственность перестала бы пользо-
„ваться покровительствомъ закона. Не стало бы болѣе пере-
„дачи богатства въ большомъ ли, въ маломъ ли видѣ, и
„уничтожилась бы непрерывность семейной жизни. Не стало
„бы болѣе и тѣхъ надеждъ на будущее, которыя оказываютъ
„всегда такое ободряющее и облагораживающее вліяніе на
„трудящихся. Коммунистическія доктрины эти одинаково ги-
„бельны, какъ для благосостоянія общества, такъ и для нрав-
„ственного характера человѣка“.

Это вызвало письмо г. Спенсера въ „Сэнтъ-Джемзскую Газету“, вліятельный консервативный органъ въ Лондонѣ. Рѣчь шла о его взглядахъ на земельный вопросъ. Онъ могъ бы, съ одной стороны, исправить заблужденіе (нынѣ ясное для меня), будто въ „Общественной Статикѣ“ онъ предлагалъ вознаградить землевладѣльцевъ за ихъ земли. Онъ могъ бы, если бы желалъ того, защитить себя отъ обвиненія, будто онъ нападаетъ на право собственности и оказываетъ поддержку коммунистическимъ доктринамъ, и доказать, за всѣхъ насъ и за себя, что отрицать справедливость частной собственности на землю никоимъ образомъ не значитъ отрицать истинное право собственности. Съ другой стороны, онъ могъ бы, если бы это ему заблагоразсудилось, напрямикъ отказаться отъ своихъ прежнихъ взглядовъ, извиниться предъ землевладѣльцами и объяснить, въ свое оправданіе, что онъ былъ юнъ и глупъ, когда писалъ цитированныя въ „Эдинбургскомъ Обозрѣніи“ слова, будто „принципъ равноправности не допускаетъ собственности на землю“, и будто „приговоромъ справедливости утверждается, наперекоръ всѣмъ записямъ, обычаямъ и законамъ, право человечества, въ его цѣломъ, на земную поверхность“.

Но г. Спенсеръ, вмѣсто того, чтобы мужественно защищать истину, выраженную имъ, или прямо отказаться отъ нея, принялся прятаться за разныя „если бы“ и „однако“, „пожалуй“ и „быть можетъ“, и за выраженія, въ которыхъ заключается неправда. Вотъ его письмо:

Редактору Сэнтъ-Джемзской Газеты:

„За время моего пребыванія въ Америкѣ въ „Сэнтъ-Джемзской Газетѣ“ (въ номерѣ отъ 27 октября 1882 „года“) была напечатана статья, озаглавленная „Политическія теоріи г. Герберта Спенсера“. Когда, по моемъ возвращеніи, мнѣ указали ее, я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ въ объясненіе моихъ взглядовъ; однако мое намѣреніе, вѣроятно, „осталось бы неисполненнымъ, если бы я не замѣтилъ, что въ другомъ мѣстѣ мои взгляды распространяются въ такомъ „извращенномъ видѣ, что съ моей стороны настоятельно требуется исправленіе.

„Прежде чѣмъ дѣлать свои замѣчанія на утвержденія „вашего сотрудника, я долженъ сказать нѣсколько словъ о „нѣкоторыхъ болѣе новыхъ утвержденіяхъ, гораздо менѣе „извинительныхъ. Въ старыя времена у персовъ покорность „начальству была настолько развита, что даже будучи на- „казанъ подданный благодарилъ правителя за то, что тотъ „удостоивалъ его своимъ вниманіемъ. Быть можетъ, и я теперь, считая за собой цѣлую треть вѣка писательской дѣятельности, съ подобною же покорностью благодарилъ бы „руководящій органъ критики“ за то, что онъ удостоилъ „меня своимъ вниманіемъ, хотя бы только для того, чтобы „выразить мнѣ свое порицаніе. Да, вотъ, два обстоя- „тельства являются помѣхою къ тому, чтобы я могъ возгордиться отъ такой чести. Во-первыхъ, то, что „Эдинбургское Обозрѣніе“ не само узнало о моемъ существованіи, а обратило на меня вниманіе лишь благодаря цитатамъ „въ книгѣ г. Генри Джорджа,—въ книгѣ, которую я закрылъ

„спустя нѣсколько минутъ послѣ того, какъ открылъ, замѣ-
„тивъ, какъ призрачны были заключавшіяся въ ней идеи. И
„во-вторыхъ, то, что, хотя рецензентъ и узналъ такимъ обра-
„зомъ объ одной моей книгѣ, вышедшей тридцать два года тому
„назадъ, которую я изъялъ изъ обращенія въ Англіи и запре-
„тилъ переводить, тѣмъ не менѣе его свѣдѣнія обо мнѣ не за-
„шли далѣе этого; онъ, очевидно, не узналъ того, что мною
„написаны были другія книги, въ числѣ ихъ политическія, и,
„что особенно важно, не узналъ того, что въ послѣдней изъ
„нихъ, озаглавленной „Политическія Учрежденія“, содержатся
„мѣста, касающіяся того вопроса, который онъ обсуждаетъ.
„Писатели въ критическихъ журналахъ, желая подкопаться
„подъ чью-либо репутацію, обыкновенно разыскиваютъ воз-
„можно болѣе новое выраженіе взглядовъ автора; а болѣе
„добросовѣстные изъ ихъ числа даютъ себѣ трудъ провѣ-
„рить, оправдывается ли тотъ смыслъ, какой они вкладыва-
„ютъ въ оторванные выраженія, другими выраженіями того
„же автора, или нѣтъ. Если бы эдинбургскій рецензентъ про-
„челъ хотя бы главу, непосредственно слѣдующую за той,
„изъ которой онъ цитировалъ, то онъ замѣтилъ бы, что я
„не только не нападаю на право частной собственности,
„какъ это ему показалось, но, наоборотъ, признавая доводы
„Локка несостоятельными, старался установить это право
„на болѣе твердомъ основаніи. Онъ замѣтилъ бы, далѣе, что
„я не только не оказывалъ никакой поддержки коммунисти-
„ческимъ теоріямъ, но посвятилъ цѣлыхъ четыре параграфа
„этой главы ихъ опроверженію. Если бы онъ заглянулъ въ
„послѣднюю часть моей книги или справился съ вышед-
„шими значительно позднѣе сочиненіями „Объ изученіи со-
„ціологіи“ и „Политическія Учрежденія“, то онъ опромет-
„чиво не отнесъ бы меня въ одну категорію съ г. Джор-
„джемъ, къ классу людей, поддерживающихъ «коммунисти-
„ческія доктрины, одинаково гибельныя, какъ для благосо-
„стоянія общества, такъ и для нравственного характера

„человѣка», ибо онъ открылъ бы тогда тотъ фактъ (хорошо „извѣстный многимъ, но неизвѣстный ему), что добрая часть „текущаго законодательства признается мною коммунисти- „ческой и въ виду этого осуждается, какъ вредная для об- „щества и гибельная для нравственного достоинства инди- „видуумовъ.

„Авторъ статьи въ „Сэнтъ-Джемзской Газетѣ“ пред- „ставляетъ факты въ невѣрномъ видѣ, когда говоритъ, что „взглядъ на земельную собственность, выраженный въ „Об- „щественной Статикѣ“, снова излагается въ „Политическихъ „Учрежденіяхъ“,—«если не съ такой же полнотой, то по „крайней мѣрѣ съ такою же увѣренностью, какъ прежде». „Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи я говорилъ: «хотя индуст- „ріализмъ до сего времени стремился индивидуализиро- „вать право собственности на землю, какъ онъ индивидуа- „лизировалъ всѣ другіе виды собственности, тѣмъ не менѣ „еще можетъ быть сомнѣніе въ томъ, чтобы въ на- „стоящее время достигнута была конечная ступень». Да- „лѣе я говорилъ: «на еще болѣе высокой ступени, *быть* „можетъ, уничтожится и частная собственность на землю» „и *«представляется возможнымъ, что... оживетъ та пер- „вичная форма владѣнія землей, когда единственнымъ соб- „ственникомъ земли является общество»*. И затѣмъ я го- „ворилъ: *«быть можетъ, право общества на землю, та- „кимъ образомъ негласно признаваемое, въ грядущія вре- „мена будетъ признаваться открыто»*. Мнѣ кажется, что въ „словахъ, отмѣченныхъ мною курсивомъ, не заключается „большой «увѣренности». Наоборотъ, я полагаю, они совер- „шенно ясно показываютъ, что выраженные мною мнѣнія „представляли изъ себя лишь нѣкоторую попытку въ мысли. „На самомъ дѣлѣ я выражался здѣсь болѣе условно, чѣмъ „это вообще мнѣ свойственно; ибо я не могъ представить „себѣ, къ какимъ конечнымъ результатамъ должны приве- „сти нѣкоторыя несомнѣнно сталкивающіяся тенденціи. Чисто

„этическій взглядъ на предметъ, очевидно, не гармонировалъ
„съ политическимъ и политико-экономическимъ взглядами;
„другія изъ явныхъ несообразностей были того же рода,
„какъ указанная вашимъ сотрудникомъ. Здѣсь не мѣсто
„повторять мои доводы въ пользу той мысли, что тепереш-
„няя система не представляетъ изъ себя конечной системы.
„Не имѣю я также намѣренія разсматривать тѣ препят-
„ствія,--безъ сомнѣнія, не малые,—которыя стоятъ на пути
„къ перемѣнѣ. Я желалъ здѣсь лишь поставить на видъ:
„во первыхъ, что мое мнѣніе никоимъ образомъ не предста-
„вляетъ изъ себя чего-либо положительнаго; и во вторыхъ,
„что рѣшеніе затронутаго вопроса, на мой взглядъ, скорѣе
„есть дѣло будущаго, чѣмъ настоящаго. И то, и другое
„убѣдительно доказывается приведенными мною цитатами.
„Примите и пр.

Гербертъ Спенсеръ.

Г. Спенсеръ много говорилъ о томъ, что его критики относятся къ нему не такъ, какъ должно. Но самъ онъ относится къ нимъ не только не такъ, какъ должно, а прямо безчестно, ибо въ его отвѣтѣ открыто выставляется явная ложь.

Изъ этого письма случайный читатель пойметъ, что сотрудникъ эдинбургскаго журнала, основываясь на выхваченныхъ изъ книги выраженіяхъ, выставилъ противъ г. Спенсера обвиненіе въ томъ, будто онъ нападаетъ на право частной собственности и оказываетъ поддержку социализму,—обвиненіе, которое не подтверждается контекстомъ и опровергается слѣдующей главой; и затѣмъ, что мѣсто, цитированное въ „Политическихъ Учрежденіяхъ“, заходитъ такъ же далеко, какъ и „Общественная Статика“, и уничтожаетъ тотъ смыслъ, какой придаютъ выраженіямъ послѣдней.

На самомъ же дѣлѣ, „Эдинбургское Обозрѣніе“ обвиняло, какъ Г. Спенсера, такъ и меня лишь въ нападеніи на

частную земельную собственность. И мы безъ сомнѣнія оба нападали на нее не только въ цитированныхъ мѣстахъ, но и во многихъ другихъ. Журналъ не извращалъ смысла нашихъ словъ. И то, что онъ говорилъ о нападеніи на право частной собственности и о поддержаніи коммунистическихъ доктринъ, было не болѣе какъ риторическимъ украшеніемъ, которое представляло изъ себя выводъ изъ нашего отрицанія права частной собственности на землю и какъ бы отвѣтъ на него. Г. Спенсеръ игнорируетъ истинное обвиненіе и признаетъ за обвиненіе простой выводъ. Измѣнивъ такимъ образомъ сущность дѣла, онъ цитируетъ ближайшую главу, какъ опровергающую будто бы обвиненіе „Эдинбургскаго Обозрѣнія“. Однако эта глава (Глава X., „Право Собственности“), приведенная нами во всей цѣлости, не содержитъ въ себѣ ничего такого, чѣмъ ослаблялась бы сила нападенія на частную собственность, сдѣланнаго въ предшествующей главѣ. Напротивъ того, въ этой главѣ онъ возобновляетъ свое нападеніе на частную земельную собственность и пытается отыскать основаніе для собственности, доводя до границъ нелѣпости ту мысль, что общество должно распоряжаться землей.

Также и сотрудникъ „Сэнтъ-Джемзской Газеты“ не былъ неправъ, принявъ выраженія, относящіяся къ землѣ въ „Политическихъ Учрежденіяхъ“, за болѣе краткое выраженіе взглядовъ, подробно развитыхъ въ „Общественной Статикѣ“. Ибо въ „Политическихъ Учрежденіяхъ“ частная собственность на землю упоминается, какъ установленная силой; о ней говорится, что она не имѣетъ такой же основы, какъ собственность, установленная путемъ договора; затѣмъ, проводится аналогія между нею и рабствомъ, и предсказывается ея уничтоженіе. А это все, при отсутствіи какого-либо измѣненія во взглядахъ, обстоятельно изложенныхъ въ „Общественной Статикѣ“, могло быть понято не иначе, какъ въ смыслѣ подтвержденія тѣхъ взглядовъ. Выраженія,

приводимыя г. Спенсеромъ, опровергали взгляды, изложенныя въ „Общественной Статикѣ“, не болѣе, чѣмъ бульверовская „Грядущая раса“ — смитовское „Богатство народовъ“. Въ „Общественной Статикѣ“ г. Спенсеръ провозглашалъ, что должно быть сдѣлано; въ выраженіяхъ, цитированныхъ изъ „Политическихъ учрежденій“, онъ предсказывалъ, что, вѣроятно, будетъ сдѣлано. Но теперь, подставляя предсказаніе на мѣсто провозглашенія права, г. Спенсеръ пытается вызвать ложное впечатлѣніе, будто во всемъ виновата небрежность эдинбургскаго рецензента и искаженіе сотрудника „Сэнтъ-Джемзской Газеты“, самъ же онъ никогда не позволялъ себѣ ничего большаго, какъ выразить съ осторожностью мнѣніе, что когда-нибудь, въ отдаленномъ будущемъ, люди могутъ замѣнить частную собственность на землю—общей.

Затѣмъ, г. Спенсеръ дѣлаетъ болѣе, чѣмъ несправедливость, утверждая, будто обвиненіе въ оказаніи поддержки коммунизму и пр. можетъ относиться ко мнѣ, а не къ нему, ибо, если моя книга была слишкомъ призрачна для него, чтобы читать ее, то онъ, по крайней мѣрѣ, читалъ статью въ „Эдинбургскомъ Обозрѣніи“ и видѣлъ изъ нея, что обвиненіе противъ меня построено было на томъ же, на чемъ построено было и обвиненіе противъ него: на нашемъ отрицаніи нравственной санкціи за правомъ частной собственности на землю.

Даже то, что онъ говоритъ о такихъ простыхъ предметахъ, какъ изъятіе „Общественной Статики“ изъ обращенія въ Англіи, роковымъ образомъ должно было приводить къ невѣрному заключенію.

Г. Спенсеръ сѣтуетъ, что „Эдинбургское Обозрѣніе“ завело рѣчь о книгѣ, „вышедшей тридцать два года тому назадъ“, которую онъ „изъялъ изъ обращенія въ Англіи и запретилъ переводить“. Изъ словъ этихъ можно понять, какъ, очевидно, и г. Спенсеръ желалъ, чтобы поняли, что онъ,

вѣроятно нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъялъ изъ обращенія „Общественную Статику“ не только въ Англіи, въ отличіе отъ Шотландіи, Ирландіи или Соединенныхъ Штатовъ, но всюду въ странахъ англійскаго языка. Чтобы обезпечить именно такое пониманіе, онъ добавляетъ, что онъ запретилъ ее переводить,—конечно, на другіе языки. Но въ дѣйствительности, въ то самое время, какъ онъ писалъ это, его книга выходила подъ его редакціей въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ она выходила тамъ за нѣсколько лѣтъ раньше и продолжала выходить нѣсколько лѣтъ спустя; а до того времени онъ ввозилъ ее въ Англію и пускалъ тамъ въ обращеніе. Въ этихъ словахъ г. Спенсера, хотя и сказанныхъ случайно, но имѣющихъ огромную важность для его цѣлей, есть лишь небольшая доля истины, и мы можемъ знать о ней теперь изъ его же заявленія, сдѣланнаго въ 1892 году. Она состоитъ въ томъ, что въ то самое время или, быть можетъ, за нѣсколько недѣль раньше онъ рѣшилъ не ввозить болѣе въ Англію новыхъ экземпляровъ „Общественной Статики“ изъ Соединенныхъ Штатовъ, хотя оставилъ въ обращеніи эту книгу въ Соединенныхъ Штатахъ, чтобы ее могъ тамъ покупать всякій, кто пожелаетъ!

Что касается остальной части письма, то поклонники г. Спенсера могутъ уже сами рѣшать: что это за нравственные взгляды, которые не гармонируютъ съ политической экономіей, что это за политическая экономія, которая не гармонируетъ съ нравственностью, и что это за учитель нравственности, который въ вопросѣ, касающемся здоровья и счастья, — болѣе того, — жизни и смерти огромной массы людей, прячется за такія выраженія, какъ „еще можетъ быть сомнѣніе“, „быть можетъ“, „представляется возможнымъ“ и т. п., и старается при ихъ помощи доказать, что онъ смотритъ на возстановленіе справедливости скорѣе какъ на дѣло будущаго, чѣмъ настоящаго.

Это письмо не есть даже отказъ или отреченіе отъ того,

что говорено было г. Спенсеромъ противъ частной собственности на землю. Такое названіе было бы слишкомъ почетно для него. Оно представляетъ изъ себя просто попытку избѣгнуть отвѣтственности и при помощи увертки успокоить расходившійся гнѣвъ могущественныхъ представителей земельныхъ интересовъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ оно указываетъ на нѣкоторую нравственную перемѣну, совершившуюся въ г. Спенсерѣ со времени написанія „Общественной Статики“.

Во многихъ мѣстахъ этой книги встрѣчается сильное, близкое сердцу автора выраженіе: „прямой человѣкъ“. Письмо въ „Сэнтъ-Джемзскую Газету“ уже не есть письмо прямого человѣка.

Но, какъ лицемѣріе есть дань, которую порокъ платитъ добродѣтели, такъ и самое криводушіе этого письма указываетъ на отвращеніе г. Спенсера къ прямому отрицанію той истины, о которой онъ свидѣтельствовалъ. Онъ такъ же мало хотѣлъ отречься отъ нея, какъ Симонъ-Петръ отъ своего Господа. Да времена-то перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ имъ была написана „Общественная Статика“. Изъ неизвѣстнаго человѣка, съ трудомъ печатавшаго неидущую съ рукъ книгу, онъ сдѣлался общеизвѣстнымъ философомъ, которому стали доступны всевозможныя удовлетворенія чувства и ума ¹⁾. Онъ уже вкусилъ прелестей лондонскаго

¹⁾ „Его развлеченія слѣдовали въ систематическомъ порядкѣ—концерты, опера, театръ, билліардъ, рыбная ловля, яхты, прогулки по городу и загородныя прогулки; онъ всегда держался того правила, что, какъ только работа становится обременительной, немедленно бросать ее и отдаваться увеселеніямъ и забавамъ до тѣхъ поръ, пока работа снова не сдѣлается привлекательной и радостной“.—Предисловіе проф. Юманза къ брошюрѣ „Гербертъ Спенсеръ объ американцахъ и американцы о Гербертѣ Спенсерѣ. Полный отчетъ о бесѣдѣ съ нимъ и обо всемъ происходившемъ на прощальномъ банкетѣ 9 ноября 1882 г.“. Нью-Йоркъ: Эппль-тонъ и К°.

общества, а въ Соединенныхъ Штатахъ, откуда онъ только что вернулся, его привѣтствовали, какъ мыслителя, котораго можно было бы поставить рядомъ съ Ньютономъ и Аристотелемъ, — только лишь для того, чтобы выказать его превосходство передъ ними. И вотъ, въ то время, какъ огонь во дворѣ первосвященника пылалъ такъ ярко и привѣтливо, „общество“ внезапно набросилось на людей, которые дерзнули высказать сомнѣнныя касательно частной собственности на землю. Когда „Сэнтъ-Джемзская Газета“ и „Эдинбургское Обозрѣніе“, излюбленные органы Господина Джона и Его Милости, обвинили Герберта Спенсера въ томъ, что и онъ — одинъ изъ числа тѣхъ людей, то ихъ слова прозвучали для него, какъ обвиняющій голосъ служанки для Петра. Онъ также побоялся быть выгнаннымъ на холодъ и также сослался на свое alibi.

ГЛАВА II.

„Человѣкъ или Государство.“

Письмо въ „Сэнтъ-Джемзскую Газету“, повидимому, произвело то дѣйствіе, на какое рассчитывалъ г. Спенсеръ, и если въ Соединенныхъ Штатахъ фирма „Эпльтонъ и К^о“ продолжала печатать въ объявленіяхъ и продавать „Общественную Статику“, отсылая автору условленный гонораръ ¹⁾, то въ Англіи, по крайней мѣрѣ, господинъ Джонъ и Его Милость приведены были къ убѣжденію, что г. Спенсеръ сдѣлался жертвой клеветы людей, вырвавшихъ и извратившихъ отдѣльныя мѣста изъ какого-то его ранняго сочиненія, уже изъятаго имъ изъ обращенія.

Но самъ г. Спенсеръ, видимо, чувствовалъ, что для полного обезпеченія своего комфортабельнаго положенія въ Домѣ Изобилія, ему надо было предпринять кой-что положительное на ряду съ отрицательнымъ. И вотъ появляется его произведеніе такого рода, что оно начинаетъ ревностно распространяться Лигой Защиты Свободы и Собственности, — обществомъ, сформировавшимся въ Лондонѣ для защиты частной собственности на землю.

¹⁾ „Американцы не оставили любезности безъ отвѣта: ими куплено было сочиненій Спенсера болѣе ста тысячъ томовъ, отпечатанныхъ въ нашей странѣ, и каждый его томъ оплачивался такъ, какъ будто бы авторъ былъ американцемъ“. — Профессоръ Юманзъ: „Гербертъ Спенсеръ объ американцахъ и американцы о Спенсерѣ“.

Въ 1884 году г. Спенсеръ печатаетъ четыре журнальных статьи: „Новый консерватизмъ“, „Грядущее рабство“, „Грѣхи законодателей“ и „Великое политическое суетвѣріе“. Затѣмъ онѣ выходятъ отдѣльной книгой, озаглавленной „Человѣкъ или государство“, и послѣ (съ 1892 г.) печатаются, какъ дополненіе къ просмотрѣнному изданію „Общественной Статики“.

Статьи эти строго индивидуалистическаго направленія; въ нихъ рѣзко осуждается обращеніе къ правительственной власти или фондамъ даже ради упорядоченія положенія трудящихся или облегченія золь бѣдности. Въ этомъ случаѣ г. Спенсеръ лишь продолжалъ и дѣлалъ болѣе рѣзкой ту линію, которая была намѣчена имъ въ „Общественной Статикѣ“, и въ главномъ, на мой взглядъ, былъ правъ; ибо правительственное вмѣшательство разнаго рода, регламентація и преміи, по самой природѣ своей, являются не чѣмъ инымъ, какъ стѣсненіемъ свободы, и не могутъ избавить отъ золь, которыя проистекають, въ концѣ концовъ, отъ отрицанія свободы.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ статьяхъ этихъ обнаруживается уже нѣчто новое и знаменательное, нѣчто такое, что дѣлаетъ ихъ индивидуализмъ столь же близорукимъ, какъ социализмъ, и въ то же время крайне грубымъ; а именно: въ нихъ выражается убѣжденіе, что нѣтъ никакой надобности ни въ палліативахъ, ни въ радикальныхъ средствахъ, и совершенно игнорируется первичная неправда, порождающая зло, противъ котораго слѣпо протестуетъ социализмъ. Г. Спенсера въ нихъ можно уподобить человѣку, который настаивалъ бы на томъ, чтобы каждый самъ переплывалъ рѣку, но въ то же время забывалъ бы, что одни люди искусственно снабжены пробкой, а другіе искусственно нагружены свинцомъ. Онъ похожъ въ нихъ на проповѣдниковъ, которые громили рабовъ заповѣдью „Не кради!“ и

ни единымъ словомъ не возражали противъ воровства, заключавшагося въ ихъ порабощеніи.

Основная мысль этихъ статей такова: „Кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь!“ Мысль эта провозглашается въ нихъ какъ догматъ христіанской вѣры, который, точно, подтверждается наукой, хотя и игнорируется христіанами и учеными.

О комъ же говорить г. Спенсеръ, какъ о людяхъ праздныхъ, которые однако ѣдятъ?

„Конечно“, сказали бы читатели „Общественной Статики“, „онъ говоритъ о господинѣ Джонѣ и Его Милости и о тѣхъ герцогахъ землевладѣльцахъ, которыхъ онъ называетъ по имени въ своей „Общественной Статикѣ“,—главнымъ образомъ, о нихъ и объ ихъ сословіи. Вѣдь, они никогда не трудятся и гордятся тѣмъ, что ихъ отцы, дѣды и прадѣды никогда не трудились. Однако они ѣдятъ и ѣдятъ какъ нельзя быть лучше въ то время, какъ другіе сидятъ безъ хлѣба“.

Но читатели „Общественной Статики“ ошиблись бы. Г. Спенсеръ говоритъ не объ этихъ людяхъ. О нихъ онъ умалчиваетъ и, кажется, не думаетъ. Кого онъ желалъ бы научить исполненію заповѣди: „Кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь!“, такъ это не свѣтскихъ лѣнтыевъ, единственное занятіе которыхъ состоитъ въ убиваніи времени и въ „возбужденіи аппетита“, а тѣхъ жалкихъ праздношатающихся, которые не могутъ найти для себя работы. „Скажите, лучше, что они или отказываются отъ работы, или бросаютъ ее тотчасъ же, какъ получаютъ!“ восклицаетъ негодующій философъ, забывъ уже о томъ, что нѣкогда онъ самъ провозглашалъ,—что люди эти обездолены, лишены въ силу несправедливаго закона своего природнаго права, своей законной доли въ томъ элементѣ, безъ котораго человѣкъ не можетъ трудиться, и, стало быть, поставлены въ зависи-

мость отъ другихъ людей изъ-за позволенія трудиться, позволенія, котораго они часто не получаютъ.

Въ 1850 году, осуждая соціалистическія палліативы противъ бѣдности, г. Спенсеръ признавалъ однако ту истину, которая побуждала къ ихъ изысканію. Онъ не довольствовался доказательствомъ бесполезности попытокъ такого рода къ устраненію золь незаслуженной бѣдности, а отмѣчалъ также ту гигантскую неправду, которая доводитъ людей до незаслуженной бѣдности. Свое перечисленіе золь излишняго правительственнаго вмѣшательства онъ начиналъ не такъ, какъ теперь, — съ простого осужденія благородныхъ, хотя и дурно направленныхъ усилій къ облегченію положенія угнетенныхъ, — а съ признанія основной несправедливости. Начиная свое перечисленіе онъ говорилъ („Общественная Статика“, стр. 293):

„Во главѣ нашего перечня слѣдуетъ поставить ту гигантскую несправедливость, которой подвергаются девятнадцать двадцатыхъ всѣхъ членовъ общества изъ-за захвата земли, — изъ-за нарушенія ихъ права на пользованіе силами природы. За это правонарушеніе отвѣтственна гражданская власть, ибо она сама участвовала въ немъ, облекала его въ законныя формы и поддерживала все время, какъ нѣчто правомѣрное.

А о нравственной истинѣ, заключающейся въ тѣхъ теоріяхъ, которыя онъ безусловно осуждаетъ въ своей книгѣ „Человѣкъ или государство“, онъ говорилъ („Общественная Статика“, стр. 345—46):

„Какъ ни ошибочны всѣ эти законы о бѣдныхъ и коммунистическія теоріи, — всѣ эти утвержденія, будто человѣкъ имѣетъ право на то, чтобы ему давали содержаніе или чтобы его снабжали работой, а тѣмъ не менѣе они стоятъ въ близкомъ отношеніи къ истинѣ. Они представляютъ изъ себя неудачную попытку дать выраженіе тому факту, что всякій человѣкъ, вступая въ міръ, пріобрѣтаетъ право

„на нѣкоторую долю въ немъ; что его уже нельзя прогнать
„безъ дальнихъ разговоровъ, и существованіе его не могутъ
„игнорировать лица, имѣющія владѣльческія права. Они
„представляютъ изъ себя, другими словами, попытку вопло-
„тить мысль, — находящую свое правомѣрное выраженіе въ
„законѣ, — что всѣ люди обладаютъ равнымъ правомъ на
„пользованіе землей. Господство этихъ грубыхъ идей —
„вполнѣ естественно. Рано или поздно должно было воз-
„никнуть смутное сознаніе какой-то несправедливости въ
„томъ отношеніи, въ какое поставлена огромная масса людей
„къ землѣ и къ жизни. Уничтоживъ рабство и освободив-
„шись такимъ образомъ отъ болѣе тяжелой и глубокой не-
„справедливости, люди не могли не почувствовать со време-
„немъ всей чудовищности того положенія дѣлъ, при кото-
„ромъ девять десятыхъ населенія живетъ на землѣ лишь
„благодаря терпимости нѣкоторыхъ лицъ, не имѣя даже
„мѣста, гдѣ встать, безъ позволенія людей, владѣющихъ
„поверхностью земли. Справедливо ли, чтобы вся эта масса
„человѣческихъ существъ лишена была не только права на
„средства къ жизни, но и права на пользованіе тѣми эле-
„ментами природы, изъ которыхъ могутъ быть добываемы
„эти средства; чтобы она не имѣла возможности обмѣнивать
„свой трудъ на эти средства иначе, какъ испрашивая на
„то позволенія нѣкоторыхъ счастливицевъ? Мыслимое ли это
„дѣло, чтобы большинство, оправдывая свое существованіе,
„могло ссылаться лишь на благосклонность и удобства
„меньшинства? Возможно ли, чтобы всѣ эти безземельные
„люди «были ошибочно посланы въ міръ, гдѣ всѣ мѣста
„уже заняты?» Конечно, нѣтъ. А если такъ, то каковъ дол-
„женъ быть надлежащій порядокъ вещей? Вопросы такого
„рода, въ болѣе или менѣе опредѣленной формѣ, неизбѣжно
„возникали въ умахъ людей, и отвѣтомъ на нихъ, между
„прочимъ, оказывались также теоріи права на содержаніе
„и права на трудъ. Потому, отвергая эти теоріи, какъ не-

„состоятельныя, мы все же должны признать въ нихъ не-
„совершенное выраженіе нравственнаго чувства, побуждаю-
„щаго къ установленію равенства.

„Та несправедливость, какой подвергается народъ, въ
„его цѣломъ, — когда у людей похищаютъ ихъ природное право,
„ихъ наслѣдіе на землѣ, — нѣкоторыми лицами, дѣйствительно,
„разсматривается какъ оправданіе для законовъ о бѣдныхъ,
„въ которыхъ они видятъ средство къ вознагражденію
„обездоленныхъ. И такое пониманіе дѣла кажется очень
„правдоподобнымъ. Да какъ разсчитывать на творческую спо-
„собность разстроеннаго организма?.. Но рано или поздно
„все же должно наступить измѣненіе въ томъ несчастномъ
„положеніи дѣлъ, при которомъ большая часть политическаго
„цѣлаго не имѣетъ прямого доступа къ источнику жизни“.

Ни о чемъ подобномъ въ книгѣ „Человѣкъ или госу-
дарство“ нѣтъ уже ни слова. Г. Спенсеръ снова говоритъ
въ ней противъ правительственнаго вмѣшательства, но го-
воритъ уже безъ всякаго отношенія къ той гигантской не-
справедливости, какой подвергается девятнадцать двадца-
тыхъ его соотечественниковъ, — говоритъ тщательно избѣ-
гая того, что могло бы оскорбить людей богатыхъ и влія-
тельныхъ.

Не останавливается онъ и передъ представленіемъ въ
ложномъ свѣтѣ людей, защищающихъ ту истину, отъ кото-
рой онъ, въ сущности, уже отступилъ. Въ своемъ письмѣ
въ „Сэнтъ-Джемзскую Газету“ онъ заявлялъ, что не
читалъ моего сочиненія; но въ статьѣ „Грядущее рабство“
онъ говоритъ:

„Коммунистическія теоріи, то и дѣло находящія для себя
„частичное выраженіе въ актахъ парламента и молчаливо,
„если не гласно, одобряемыя множествомъ государственныхъ
„дѣятелей, ищущихъ приверженцевъ, начинаютъ все съ
„большимъ и большимъ жаромъ проповѣдываться народными
„вожаками и распространяться организованными обществами.

„И вотъ, обнаруживается теперь движеніе въ пользу націо-
„нализациі земли, которое, въ видахъ установленія системы
„землевладѣнія, справедливой въ отвлеченіи, развивается г.
„Джорджемъ и его друзьями съ явнымъ пренебреженіемъ къ
„законнымъ правамъ существующихъ собственниковъ и кла-
„дется ими въ основу плана, непосредственно ведущаго къ
„государственному социализму“.

А въ статьѣ „Грѣхи законодателей“ онъ выражается та-
кимъ образомъ:

„Эта доктрина (абсолютнаго права общества надъ иму-
„ществомъ индивидуумовъ), прежде молча признаваемая,
„проповѣдуется теперь уже открыто. Г. Джорджъ и его друзья,
„Г. Гайндманъ и его приверженцы, доводятъ теорію до ея
„логическихъ заключеній. Они научены были примѣрами,
„число которыхъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ, что ин-
„дивидуумъ не имѣетъ правъ, которыми не могло бы, по
„справедливости, пренебречь общество, и они теперь гово-
„рятъ: «это — дѣло нелегкое; но мы улучшимъ обученіе и
„совершенно уничтожимъ индивидуальныя права».

Долгъ милосердія повелѣваетъ признать, что г. Спенсеръ
не читалъ ни одного изъ моихъ сочиненій въ то время,
когда писалъ все это, и что онъ не читалъ ни одного изъ
нихъ вплоть до настоящаго времени, хотя и перепечатывалъ
свои статьи.

Ибо мною никогда не было сказано или написано ничего
такого, что сколь-нибудь оправдывало бы подобную ха-
рактеристику. Я не принадлежу даже къ сторонникамъ на-
ціонализациі земли, какъ это хорошо извѣстно привержен-
цамъ націонализациі въ Англіи, Германіи и Австраліи. Я
никогда не высказывался за отобраніе земли въ собствен-
ность государства или за государственное владѣніе земель,
помимо тѣхъ случаевъ, когда они могутъ требоваться для
надобностей общества, того менѣе—за государственное за-
вѣдываніе земель. Съ перваго моего слова, касаясь этого

предмета, я отстаивалъ то, что въ послѣдствіи получило обширную извѣстность подъ именемъ „единого налога“,—т. е. собираніе общественныхъ доходовъ посредствомъ налога на цѣнность земли, независимо отъ сдѣланныхъ на ней улучшеній,—налога, который всюду, гдѣ позволяютъ обстоятельства, возможно скорѣе слѣдуетъ доводить до такого размѣра, чтобы имъ поглощена была вся экономическая рента и замѣнены были всѣ другіе налоги. А среди доводовъ въ пользу его я всегда выставлялъ упрощеніе правительства и устраненіе той несправедливости, которую учиняетъ правительство, отбирая у индивидуумовъ собственность, по праву принадлежащую лично имъ. Я не заходилъ такъ далеко, какъ г. Спенсеръ, въ ограниченіи функцій правительства, ибо все, что необходимо становится монополіей, я считалъ функціей государства и полагаю, что сфера правительственного дѣйствія должна начинаться какъ разъ тамъ, гдѣ оканчивается свободная конкуренція, такъ какъ нельзя иначе обезпечить равной свободы. Но я всегда былъ противъ правительственного вмѣшательства тамъ, гдѣ можетъ проявлять свое дѣйствіе конкуренція. Я былъ дѣятельнымъ, послѣдовательнымъ и безусловнымъ приверженцемъ свободной торговли и противникомъ всевозможныхъ плановъ, направленныхъ къ ограниченію свободы индивидуумовъ. Я безъ колебанія отвергалъ мысль о правѣ общества на имущество своихъ членовъ и высказывался за право собственности съ большей ясностью и рѣшимостью, чѣмъ г. Спенсеръ. Я былъ противъ всякаго предложенія помогать бѣднымъ на счетъ богатыхъ. Я всегда былъ того мнѣнія, что нельзя облагать налогами человека просто потому, что онъ богатъ, и что общество не должно брать себѣ ни копѣйки изъ законныхъ пріобрѣтеній индивидуума, хотя бы они достигали милліоновъ.

Все это было бы ясно для г. Спенсера, если бы онъ, прежде чѣмъ писать обо мнѣ, прочелъ какое-нибудь изъ моихъ сочиненій. Но онъ, очевидно, предпочитаетъ болѣе

легкій методъ, которому слѣдовалъ въ отношеніи анти-невольнической газеты Парсонъ Уилльбёръ въ лоуэллевскихъ „Бумагахъ Биглоу“. „Я пользовался“, говорилъ тотъ, „всякимъ удобнымъ случаемъ для опроверженія ересей газеты „Освободитель“ и, благодареніе Богу, за всю мою жизнь не прочелъ въ ней ни единой строчки“.

Говоря по совѣсти, я не думаю, чтобы г. Спенсеръ имѣлъ желаніе представить меня въ ложномъ свѣтѣ. Онъ сдѣлалъ это изъ того самаго побужденія, изъ какого люди, измѣнившіе дѣлу, бранятъ тѣхъ, кто остается ему вѣренъ: желая поскорѣе увѣрить господина Джона и Его Милость въ томъ, что на будущее время ни одно предложеніе, могущее помѣшать ихъ доходамъ, не будетъ исходить отъ него.

Еще одно обстоятельство заслуживаетъ, однако, чтобы сказать о немъ здѣсь нѣсколько словъ. Въ „Грядущемъ рабствѣ“ мы наталкиваемся на признанье, что движеніе въ пользу націонализаціи земли имѣетъ цѣлью установленіе „системы землевладѣнія, справедливой въ отвлеченіи“.

Г. Спенсеръ не дошелъ еще до полного отрицанія той истины, которую онъ видѣлъ. Отмѣна частной собственности на землю еще признается имъ справедливой въ отвлеченіи.

Что же надо понимать подъ „справедливой въ отвлеченіи“? На это мы находимъ отвѣтъ въ „Общественной Статикѣ“, на стр. 64:

„Какой, собственно, смыслъ вкладываемъ мы въ свои „слова, говоря о чемъ-либо, какъ о „теоретически справедливомъ въ принципѣ“ или „отвлеченно-справедливомъ“? Да просто тотъ, что въ нашемъ представленіи оно согласуется съ порядкомъ, установленнымъ Божественною властью. Говоря о чемъ-либо, какъ о теоретически справедливомъ, мы признаемъ, что оно должно быть исполнено при точномъ слѣдованіи долгу. Говоря о чемъ-либо, какъ о „справедливомъ въ принципѣ“, мы, собственно, признаемъ, что оно находится въ гармоніи съ предписаннымъ для насъ

„поведеніемъ. И называя извѣстный порядокъ „отвлеченно-
„справедливымъ“, мы тѣмъ самымъ выражаемъ свое убѣ-
„жденіе, что именно онъ долженъ сдѣлать возможнымъ че-
„ловѣческое счастье. Выбора нѣтъ. Слова имѣютъ или этотъ
„смыслъ, или не имѣютъ никакого.

Г Л А В А III.

Письмо въ газету „Таймзъ“.

Кто смѣло выразить великую истину, тотъ уже не можетъ говорить о ней лишь шопотомъ въ такое время, когда она станетъ жечь сердца людей и пробуждать ихъ сознаніе. И г. Спенсеру пришлось вновь подвергнуться безпокойствамъ изъ-за того, что высказано было имъ по земельному вопросу въ „Общественной Статикѣ“, не взирая на его оправдательное слово предъ лэндлордами въ Сэнтъ-Джемзской Газетѣ и на всѣ усилія примириться съ ними, сдѣланныя имъ въ его книжкѣ „Человѣкъ или государство“.

Собственно, въ его положеніи относительно земельного вопроса была двойственность, и въ теченіе долгаго времени онъ очень похожъ былъ на д-ра Джекиля и мистера Гайда ¹⁾. Въ средѣ лицъ, его окружавшихъ, онъ, безъ сомнѣнія, признавался за ревностнаго защитника частной собственности на землю. Кто зналъ его прежнія мнѣнія, тотъ думалъ, что онъ лишь сожалѣетъ о нихъ. И онъ считался, если не дѣйствительнымъ членомъ, то по крайней мѣрѣ цѣннымъ со-

¹⁾ Добрый и честный д-ръ Джекиль, въ повѣсти Р. Стивенсона, открылъ способъ превращать себя на время въ другого человека, въ грубаго и жестокаго Гайда. Повторяя нерѣдко свой опытъ превращенія, онъ развилъ дурныя стороны своего характера и довелъ себя въ концѣ концовъ до того, что его личность была совсѣмъ подавлена личностью Гайда.

юзникомъ Лиги Защиты Свободы и Собственности. Но въ болѣе широкомъ кругу написанное имъ противъ частной собственности на землю продолжало повторяться все съ большимъ и большимъ жаромъ. Его апологія въ Сентъ-Джемской Газетѣ не достигла до этого болѣе широкаго круга, и если кто узнавалъ тамъ о ней, то все же не смотрѣлъ на нее, какъ на отреченіе отъ мнѣній, обдуманно выраженныхъ въ „Общественной Статикѣ“, которую авторъ, чрезъ Эпльтона и К^о, продолжалъ выпускать въ свѣтъ безъ всякихъ измѣненій. Постоянный ростъ движенія, начавшагося со времени выхода въ свѣтъ „Прогресса и Бѣдности“, сталъ всюду привлекать дѣятельныхъ людей къ распространенію идеи равенства правъ на землю и настойчиво направлять ихъ вниманіе къ тому, что было сказано касательно этого предмета. И они, естественно, останавливались на аргументѣ противъ справедливости частной собственности на землю въ главѣ IX „Общественной Статики“ и всюду ссылались на него, какъ на мнѣніе наиболѣе уважаемаго и величайшаго изъ философовъ. Такимъ образомъ изъ всего написаннаго г. Спенсеромъ эта глава получила наиболѣе широкое распространеніе. Она перепечатывалась, да и до настоящаго времени продолжаетъ перепечатываться многими американскими газетами ¹⁾, и ее издавали въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ для даровой раздачи въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Канадѣ и въ Австраліи; выходили одновременно изданія по нѣскольکو сотъ тысячъ экземпляровъ ²⁾, изъ коихъ многіе

¹⁾ Вотъ и теперь, когда пишу это, я постоянно получаю, особенно съ Запада, номера газетъ, содержащія въ себѣ главу IX-ю „Общественной Статики“. Не вѣдая о томъ, что было сказано г. Спенсеромъ, газеты эти по прежнему говорятъ о немъ, какъ о защитникѣ равенства правъ на землю.

²⁾ Во время моей кандидатуры въ мэры Нью-Йорка (въ 1886 г.), когда въ выставленной мною программѣ наиболѣе видное мѣсто отведено было идеѣ равенства правъ на землю, одинъ восторженный приверженецъ этой идеи, г. В. Д. Аткинсонъ, самъ отпечаталъ около 500,000 экземпляровъ.

должны были достигать Великобританіи, хотя бы ихъ тамъ и не перепечатавали.

Однако такое обширное распространеніе выраженій г. Спенсера, въ которыхъ осуждалась частная собственность на землю, вѣроятно, не причиняло ему большихъ безпокойствъ, ибо выраженія эти не доходили до его лондонскаго общества. Но въ ноябрѣ 1889 года, шесть лѣтъ спустя послѣ письма въ Сэнтъ-Джемзскую Газету, нѣкоторый отголосокъ этихъ выраженій достигъ таки газеты „Таймзъ“, важнѣйшаго органа англійской знати.

Случилось это такимъ образомъ. Г. Джонъ Морлей, членъ парламента, депутатъ отъ Ньюкэсла, находясь въ этомъ городѣ, имѣлъ бесѣду съ нѣкоторыми изъ своихъ избирателей, — собственно, съ представителями выборной организаціи рабочихъ. Между прочимъ, разговоръ коснулся вопроса о націонализациіи земли; г. Джонъ Ледлеръ, каменщикъ, высказался за нее, г. Морлей разошелся съ нимъ во мнѣніяхъ. Тогда г. Ледлеръ сослался на авторитетъ г. Спенсера для подтвержденія той мысли, что частная собственность на землю была установлена силой и обманомъ, и что земля должна быть обращена въ собственность государства, дабы всякій могъ ею пользоваться. Въ газетѣ „Таймзъ“, отъ 5 ноября, и появился отчетъ объ этой бесѣдѣ.

Г. Спенсеръ былъ сразу задѣтъ имъ за живое. Онъ ни мало не возражалъ противъ распространенія своихъ радикальныхъ выраженій въ Америкѣ; напротивъ того, чрезъ Эпльтона и К^о, онъ продолжалъ тамъ печатать и публиковать свою „Общественную Статику“. Но онъ, очевидно, не могъ не отнестись совершенно иначе къ тому, чтобы эти выраженія его получили извѣстность въ томъ любезномъ для него кругу, гдѣ онъ встрѣчался постоянно съ господиномъ Джономъ, Его Милостью и именитыми членами Лиги Защиты Свободы и Собственности. Немедленно онъ отправляетъ такое письмо въ газету „Таймзъ“. Оно было напечатано въ номерѣ отъ 7 ноября.

Редактору газеты „Таймзъ“.

М. Г.

„Въ бесѣдѣ г. Морлея съ нѣкоторыми изъ его избирателей, отчетъ о которой былъ напечатанъ въ вашей газетѣ отъ 5 ноября, сдѣланы были ссылки на меня по поводу тѣхъ мнѣній, которыя были высказаны мною относительно земельной собственности. Опасаясь, что въ случаѣ моего молчанія многіе будутъ думать, что мною сказано было то, чего я никогда не говорилъ, я счелъ за необходимое дать нѣкоторое объясненіе.

„За послѣдніе годы мнѣ уже два раза приходилось указывать на то, что эти мнѣнія (представленные въ совершенно извращенномъ видѣ людьми, пустившими ихъ въ оборотъ безъ другихъ сопутствующихъ моихъ мнѣній) высказаны были въ первомъ моемъ произведеніи, вышедшемъ въ свѣтъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, и что за послѣднія двѣнадцать или пятнадцать лѣтъ я удерживался отъ выпуска новыхъ изданій этого сочиненія и запрещалъ его переводы, ибо, оставаясь вѣрнымъ его общимъ принципамъ, я отклонился отъ него въ нѣкоторыхъ выводахъ.

„Сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, „Общественная Статика“, должно было представить систему политической этики, абсолютной политической этики, той, которой надлежало бы быть, — въ отличіе отъ относительной политической этики, отъ той, которая въ настоящее время всего болѣе приближается къ ней въ дѣйствительности. Заключение, высказанное въ немъ относительно земельной собственности, было достигнуто мною въ то время, когда я искалъ сколь-нибудь твердаго основанія для права собственности, усумнившись въ надежности указаннаго Локкомъ. Я доказывалъ, что съ нравственной точки зрѣнія достаточное оправданіе для частной собственности могло бы быть найдено лишь въ случаѣ договора между обществомъ, какъ

„первоначальнымъ собственникомъ населенной земли, и от-
„дѣльными членами его, которые дѣлались бы арендаторами
„земли, соглашаясь отдавать извѣстную долю продуктовъ
„или эквивалентъ ея въ деньгахъ за признаніе ихъ права
„на остальную долю. Затѣмъ я доказывалъ, что такой взглядъ
„на земельную собственность ни мало не расходится съ су-
„ществующей правовой теоріей и практикой, такъ какъ по
„закону каждый собственникъ земли признается за аренда-
„тора у короны, т. е. у государства, и такъ какъ въ прак-
„тикѣ высшее право государства то и дѣло утверждается
„парламентомъ, когда онъ, имѣя въ виду пользу общества,
„прямо или чрезъ уполномоченныхъ отбираетъ землю у вла-
„дѣльцевъ, выдавая имъ должное вознагражденіе.

„Все это говорилось мной при томъ предположеніи, что
„поднятые мною вопросы, вѣроятно, не выступятъ на очередь
„ни въ наше время, ни спустя много поколѣній; однако, до-
„пуская, что они все же когда-нибудь да выступятъ на оче-
„редь, я говорилъ, что, если бы государство пожелало от-
„крыто выразить то высшее право, которое теперь лишь
„молчаливо признается, вопросъ о вознагражденіи соб-
„ственниковъ земли оказался бы вопросомъ сложнымъ, во-
„просомъ, «который, пожалуй, не можетъ быть рѣшенъ бе-
«зусловно справедливымъ путемъ... Большинство тепереш-
«нихъ нашихъ землевладѣльцевъ суть люди, которые полу-
«чили свои помѣстья сами, или въ лицѣ своихъ предковъ,
«въ обмѣнъ на честно пріобрѣтенныя богатства, полагая,
«что при этомъ они вполне законно примѣняли къ дѣлу свои
«сбереженія. Справедливая оцѣнка и ликвидація правъ этихъ
«людей представляетъ изъ себя одну изъ наиболѣе запутан-
«ныхъ задачъ, какія только придется со временемъ рѣшать
«человѣчеству“.

„Для полного выясненія занятого мною тогда положенія,
„считаю необходимымъ добавить, что я настаивалъ на этой
„доктринѣ, указывающей законное основаніе для права соб-

„ственности, между прочимъ, въ виду того обстоятельства, „отмѣченнаго въ X главѣ, что ею исключался социализмъ и „коммунизмъ, къ которымъ я питалъ тогда такое же глубокое „отвращеніе, какое питаю теперь.

„Исслѣдованія, касавшіяся различныхъ формъ обществен- „ной организаціи, произведенныя мною въ недавнее время, „когда я писалъ „Начала социологіи“, отчасти подтвердили, „отчасти измѣнили взгляды, выраженные мною въ 1850 году. „Я позволю себѣ удѣлить нѣсколько мѣста цитатѣ изъ „По- „литическихъ Учрежденій“, дающей понятіе о заключеніяхъ, „къ которымъ я пришелъ:

«Съ перваго взгляда кажется вполне основательнымъ «выводомъ та мысль, будто абсолютное право частныхъ соб- «ственниковъ на землю представляетъ изъ себя предѣльное «состояніе, создаваемое индустриализмомъ. Однако, хотя ин- «дустриализмъ до сего времени стремился индивидуализиро- «вать право собственности на землю, какъ онъ индивидуа- «лизировалъ всѣ другіе виды собственности, тѣмъ не менѣе «еще можетъ быть сомнѣніе въ томъ, чтобы въ настоящее «время достигнута была конечная ступень. Собственность, «установленная силой, не имѣетъ той же опоры, какъ соб- «ственность, установленная путемъ договора; и хотя эти оба «вида собственности ассимилировались вслѣдствіе множества «продажъ и покупокъ, при которыхъ они разсматривались «какъ тождественные, тѣмъ не менѣе, все же можетъ на- «ступить время, когда ихъ ассимиляція будетъ отвергнута. «Въ этой возможности убѣждаетъ насъ аналогія съ ложнымъ «правомъ владѣнія человѣческими существами. Военноплѣн- «ные, захватываемые силой и смутно признаваемые за соб- «ственность (ибо жили они первоначально почти на одномъ «положеніи со всѣми прочими членами семьи), тоже превра- «щены были болѣе опредѣленно въ форму собственности «благодаря развившемуся порядку продажи и покупки ра- «бовъ, и тоже, столѣтіе тому назадъ, изъ этого факта можно

«было сдѣлать выводъ, что рабовладѣльческая власть чело-
«вѣка надъ людьми стремится сдѣлаться прочнымъ, постоян-
«нымъ установленіемъ. Тѣмъ не менѣе мы видимъ, что на
«дальнѣйшей ступени цивилизаціи начался обратный про-
«цессъ, и право собственности человѣка на людей было
«уничтожено. Подобнымъ образомъ на еще болѣе высокой
«ступени, быть можетъ, уничтожится и частная собствен-
«ность на землю. Вѣдь стала же возстановляться съ паде-
«ніемъ милитаризма первичная свобода индивидуумовъ, су-
«ществовавшая до того времени, какъ вслѣдствіе войнъ
«установились принудительныя учрежденія и личное рабство.
«Такъ представляется возможнымъ, что при дальнѣйшемъ
«развитіи индустріализма оживетъ та первичная форма вла-
«дѣнія землей, когда единственнымъ собственникомъ земли
«является общество,—форма, которая, съ развитіемъ прину-
«дительныхъ учрежденій, въ значительной мѣрѣ или цѣли-
«комъ замѣнилась частной собственностью на землю. Режимъ
«договора, развившійся въ настоящее время уже до того,
«что право собственности на движимость признается лишь
«въ томъ случаѣ, когда оно возникаетъ путемъ обмѣна услугъ
«или продуктовъ при добровольномъ соглашеніи или путемъ
«даренія со стороны тѣхъ лицъ, которыя пріобрѣли его при
«добровольномъ соглашеніи, можетъ развиваться далѣе такъ,
«что и продукты земли станутъ признаваться собственностью
«лишь на основаніи соглашенія между индивидуумами, въ
«качествѣ арендаторовъ, и обществомъ, въ качествѣ соб-
«ственника. Даже теперь, среди насъ, частная собственность
«на землю не считается абсолютной. Въ теоріи закона соб-
«ственники земли являются, прямо или косвенно, арендато-
«рами у короны (которая, въ наше время, есть эквивалентъ
«государства, т. е. общества), и общество нерѣдко отбираетъ
«владѣнія у частныхъ лицъ, уплачивая имъ должное воз-
«награжденіе. Быть можетъ, право общества на землю, та-
«кимъ образомъ негласно признаваемое, въ грядущія вре-

«мена будетъ признаваться открыто и будетъ всюду осу-
«ществляться на дѣлѣ послѣ того, какъ было бы выдано
«полное вознагражденіе за накопленную цѣнность, искус-
«ственно придаваемую... Есть основаніе предполагать, что
«право частной собственности на предметы, производимые
«трудомъ, съ теченіемъ времени будетъ лишь выигрывать
«въ своей опредѣленности и приобрѣтаетъ все бѣольшую свя-
«тость, тогда какъ населенная земля будетъ выдѣлена, въ
«концѣ концовъ, въ особую категорію, на которую не мо-
«жетъ распространяться право частной собственности. Какъ
«индивидуумъ, вполнѣ располагающій собой первоначально,
«утрачиваетъ, цѣликомъ или отчасти, право собственности
«на самого себя въ періодѣ милитаризма и вновь возвращаетъ
«его себѣ съ развитіемъ индустріализма, такъ возможно и
«право общества на землю, замѣщенное, цѣликомъ или от-
«части, правомъ владычествующихъ лицъ за время развитія
«милитарнаго типа, возстановится вновь при болѣе полномъ
«развитіи типа индустріальнаго» (pp. 643—646).

„Употребленные мною въ приведенныхъ отрывкахъ вы-
„раженія „быть можетъ“, „можетъ быть“, „возможно“ ука-
„зываютъ на то, что у меня нѣтъ опредѣленнаго мнѣнія
„относительно перемѣнъ, могущихъ наступить впослѣдствіи.
„Я нахожусь въ состояніи колебанія, ибо не вижу пути къ
„примиренію нравственныхъ требованій съ политико-эконо-
„мическими. Порядокъ вещей, при которомъ собственникъ,
„хотя бы Силійскихъ острововъ ¹⁾, можетъ требовать отъ
„своихъ арендаторовъ, чтобы они исповѣдывали назначенную
„имъ религію и слѣдовали предписанному имъ образу жизни,
„изгоняя всѣхъ, кто ему не подчинялся,—конечно, не имѣетъ

¹⁾ Входя въ составъ Англіи, острова эти, съ населеніемъ свыше 2 м. ч., долгое время находились подъ патріархальнымъ управленіемъ единоличнаго владѣльца; съ апрѣля 1891 г. тамъ введено самоуправленіе.

„нравственного оправданія. Однако не подлежит сомнѣнію, „что и „націонализація земли“, выполненная при вознагра- „жденіи за искусственную цѣнность, придаваемую обработкой „и достигающую большей части всей цѣнности земли, по- „требовала бы, въ видѣ процента на выкупную сумму, почти „такихъ же платежей, какіе вносятся теперь въ видѣ ренты, — „и даже болѣе высокихъ платежей, если принять въ сообра- „женіе различіе въ размѣрѣ процента съ земельной собствен- „ности и другихъ видовъ собственности. Къ тому же, нѣтъ „ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы новая адми- „нистрація оказалась лучше существующей. Убѣжденіе, будто „чиновники стали бы лучше завѣдывать землей, чѣмъ частные „собственники, есть не что иное, какъ сумасбродство.

„Что будетъ въ отдаленномъ будущемъ, этого мы не „знаемъ; но при человѣчествѣ такомъ, каково оно есть, пре- „образование, о которомъ идетъ рѣчь, несомнѣнно, оказа- „лось бы бѣдственнымъ.

Примите и пр.

Гербертъ Спенсеръ.

Атенэумъ-клубъ.

Ноября 6.

ГЛАВА IV.

Разборъ апологіи г. Спенсера.

Пояснимъ дѣло, воспользовавшись излюбленнымъ методомъ г. Спенсера:

«Я узнала, что ты — тотъ мальчикъ, который повалилъ мою загородку и объявилъ всѣмъ прочимъ мальчикамъ, что «они могутъ теперь свободно идти въ мой садъ и рвать мои «яблоки», — говорила почтенная бабушка, держа въ рукѣ «толстый пруть.

«О, нѣтъ! — возражалъ дрожащій мальчуганъ. — „Это — не- «правда. Я этого не дѣлалъ. И я не хотѣлъ этого сдѣлать. «Я дѣлалъ это, лишь желая исправить загородку, которая «показалась мнѣ недостаточно прочной. И я дѣлалъ это, «чтобы не допустить въ вашъ садъ мальчишекъ. Я всегда «говорилъ, что вамъ слѣдуетъ платить за ваши яблоки. И «опять я этого никогда не сдѣлаю. Я вѣрно знаю, что отъ «вашихъ яблоковъ у мальчиковъ разболятся животы“.

Въ своемъ письмѣ въ газету „Таймъзъ“ г. Спенсеръ слѣдуетъ той же системѣ оправданія, какъ и въ письмѣ въ „Сэнтъ-Джемзскую Газету“. Ободренный успѣхомъ своей первой апологіи, — охотниковъ разбираться въ ней, видимо, не оказывалось, — г. Спенсеръ и противъ нью-кэсльскаго каменищика пускаетъ въ ходъ тѣ же приемы опроверженія, лишь еще смѣлѣе отступая отъ истины.

Вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію, есть вопросъ факта: дѣйствительно ли, какъ утверждалъ г. Ледлеръ, г. Спенсеръ отстаивалъ въ своей „Общественной Статикѣ“ идею націо-

нализации земли, и точно ли онъ заявлялъ, что земля обращена была въ частную собственность путемъ насилія и обмана. Не рѣшаясь прямо отвергать этого, г. Спенсеръ отвергаетъ это косвенно и внушаетъ мысль, которую редакція „Таймза“ выражаетъ такимъ образомъ въ замѣткѣ отъ 7 ноября:

„Итакъ, не отвергая того, что нѣкогда имъ было сказано „нѣчто въ этомъ родѣ, онъ (г. Спенсеръ) объясняетъ, что это „было сказано имъ сорокъ лѣтъ тому назадъ; что, вотъ, уже „пятнадцать лѣтъ, какъ онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы „изъять изъ обращенія книгу, въ которой это было сказано, „и что онъ никогда не предполагалъ, чтобы сказанное имъ „имѣло какое-либо отношеніе къ практическимъ вопросамъ“.

Выразимъ простымъ и яснымъ языкомъ то, что говоритъ г. Спенсеръ въ этомъ письмѣ своемъ въ газету „Таймзъ“.

Онъ не былъ сторонникомъ націонализации земли.

Онъ былъ представленъ сторонникомъ ея при помощи цитатъ изъ „Общественной Статики“, оторванныхъ отъ контекста, которымъ опредѣлялся ихъ смыслъ.

За послѣднія двѣнадцать или пятнадцать лѣтъ онъ прекратилъ печатаніе этого сочиненія.

„Общественная Статика“ не предназначалась къ тому, чтобы внушать какія-либо дѣйствія въ области политической практики.

Слова его въ „Общественной Статикѣ“, относящіяся къ земельной собственности, были сказаны имъ въ стремленіи найти сколько-нибудь твердое основаніе для права собственности, исключющее социализмъ и коммунизмъ; въ словахъ этихъ не заключалось отклоненія отъ существующей правовой теоріи и практики, и они сказаны были въ предположеніи, что земельный вопросъ не выдвинется на очередь въ теченіе многихъ поколѣній; право землевладѣльцевъ на вознагражденіе онъ признавалъ.

Въ настоящее время онъ допускаетъ возможность того,

что общество когда-нибудь отберетъ земли у частныхъ собственниковъ, выдавъ имъ должное вознагражденіе, но не имѣетъ опредѣленнаго мнѣнія относительно того, будетъ ли это когда-нибудь, или нѣтъ.

Относительно этого предмета онъ не можетъ привести къ гармоніи заключенія этики и политической экономіи. Съ одной стороны, возможны условія, при которыхъ частная собственность на землю оказывалась бы несправедливой. Съ другой — отмѣна ея потребовала бы уплаты землевладѣльцамъ суммы, которая равнялась бы уплачиваемой теперь и даже превосходила ее; привела бы къ завѣдыванію землей чрезъ чиновниковъ, и все преобразование оказалось бы бѣдственнымъ.

Все это, поскольку оно относится къ затронутому предмету, есть, попросту, неправда.

Г. Спенсеръ въ „Общественной Статикѣ“ о с у ж д а лъ частную собственность на землю, о т с т а и в а лъ отобраніе земли обществомъ и прямо, безъ обиняковъ, со всею силою своей, провозглашалъ то, что нынѣ сдѣлалось извѣстнымъ подъ именемъ націонализаціи земли. Это ясно не изъ извращенныхъ словъ, не изъ выраженій, оторванныхъ отъ контекста; это ясно изъ всего, что онъ говоритъ, изъ наиболѣе жизненной части его сочиненія. Во всей его книгѣ нѣтъ ни единого слова, которымъ сколько-нибудь измѣнялось бы то, что было имъ высказано такъ сильно и ясно въ приведенныхъ мною полностью цитатахъ.

Неправда и то, будто заключеніе „Общественной Статистики“, касающееся земельной собственности, „было достигнуто имъ въ то время, когда онъ искалъ сколько-нибудь твердаго основанія для права собственности“. Оно было достигнуто имъ въ результатъ установленія перваго принципа: свободы каждаго человѣка дѣлать все, что онъ пожелаетъ; лишь бы только имъ не стѣснялась равная свобода всѣхъ другихъ людей, — явилось ближайшимъ слѣдствіемъ этого

принципа и было выведено непосредственно изъ условій человеческого существованія:

„Представимъ себѣ существъ, одинаково стремящихся къ „удовлетворенію своихъ желаній; представимъ себѣ міръ, „приспособленный къ удовлетворенію этихъ желаній,—міръ, „въ который эти существа рождаются одинаковымъ образомъ, „и мы тотчасъ же замѣтимъ, что они имѣютъ равныя права „на пользованіе этимъ міромъ“.

Сомнѣніе въ локковомъ выводѣ права собственности не могло привести г. Спенсера къ отрицанію законности частной собственности на землю, ибо, какъ мы видѣли, само оно возникло въ немъ изъ-за его взгляда на земельныя права, какъ на исключительное достояніе общества. Его мысли противъ социализма и коммунизма не были для него побужденіемъ къ защитѣ націонализаціи земли и приводятся имъ лишь въ подтвержденіе принципа націонализаціи, какъ доказательство того, что имъ не предполагается ни коммунистическій, ни социалистическій строй общества. А его заявленіе въ газетѣ „Таймзъ“, будто взглядъ на земельную собственность, выраженный въ „Общественной Статикѣ“, не расходился съ существующей правовой теоріей и практикой, представляетъ изъ себя такую вопіющую неправду, что остается лишь дивиться его смѣлости.

Что касается выраженій г. Спенсера, относящихся къ предназначенію „Общественной Статики“, то единственный смыслъ, какой они могутъ имѣть, приданъ имъ редакціей „Таймза“: „что онъ никогда не предполагалъ, чтобы сказанное имъ имѣло какое-либо отношеніе къ практическимъ вопросамъ“.

Вотъ подлинныя выраженія г. Спенсера:

„Сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, „Общественная Статика“, должно было представить систему политической „этики,—абсолютной политической этики, той, которой надлежало бы быть, — въ отличіе отъ относительной полити-

„ческой этики, отъ той, которая въ настоящее время всего „болѣе приближается къ ней въ дѣйствительности“.

Если это имѣетъ какой-либо смыслъ, такъ только лишь тотъ, что „Общественная Статика“ была написана съ цѣлью представить систему политической этики, которая не можетъ быть проведена въ жизнь въ настоящее время и не можетъ представлять изъ себя чего-либо обязательнаго для людей.

Приложенія этики, подобно приложеніямъ механики, химіи или другой какой-либо науки или законодательной системы, всегда должны быть относительными, въ томъ смыслѣ, что одинъ принципъ или законъ всегда долженъ прилагаться, принимая въ соображеніе другіе принципы или законы. Такъ, поведеніе, которое имѣло бы санкцію этики въ томъ случаѣ, если бы такой-то человѣкъ подвергся нападенію разбойниковъ или убійцъ, могло бы весьма отличаться отъ того, которое санкціонировалось бы этикой при нормальныхъ и мирныхъ условіяхъ. Въ „Данныхъ Этики“, одномъ изъ позднѣйшихъ сочиненій, излагающихъ спенсеровскую философію, написанномъ спустя долгое время послѣ „Общественной Статикѣ“, это различіе между чистой этикой и прикладной, путемъ ошибочнаго опредѣленія, уже превращается въ различіе между абсолютной этикой и относительной. Однако, если возможна этика, не имѣющая отношенія къ жизни людей здѣсь и теперь, то наилучшимъ названіемъ для нея было бы „пиквикская“ этика.

Тѣмъ не менѣе вопросъ занимающій насъ касается не опредѣленій. Онъ—вопросъ факта.

Мнѣнія и желанія г. Спенсера могли измѣниться со времени написанія „Общественной статикѣ“, тѣмъ не менѣе эта книга его несомнѣнно доказываетъ, что въ то время, когда онъ писалъ ее, онъ имѣлъ въ виду, объяснивъ несправедливость частной собственности на землю, добиться ея отмѣны. Въ „Общественной статикѣ“ онъ осуждалъ не одну только частную собственность на землю: онъ осуждалъ раб-

ство, въ то время еще крѣпко державшееся въ Соединенныхъ Штатахъ и другихъ странахъ; осуждалъ покровительственную систему; осуждалъ стѣсненіе свободы слова, ограниченіе правъ женщины, обязательное обученіе дѣтей, существовавшія тогда ограниченія въ избирательномъ правѣ, дороговизну и проволочку судебной процедуры, сохраненіе законовъ о бѣдныхъ, учрежденіе государственныхъ школъ, правительственную колонизацію и пр. Неужели его требованіе соответственныхъ реформъ,—изъ коихъ нѣкоторыя осуществились у него на глазахъ, а другія до сего времени отстаиваются имъ,—было также „пиквикскимъ“ требованіемъ?

Если г. Спенсеръ, касаясь земельного вопроса въ „Общественной статикѣ“, имѣлъ въ виду чисто отвлеченную политическую этику, нѣчто совершенно отличное отъ практической этики, то какой смыслъ имѣли его слова, когда онъ заявлялъ, что „принципъ равноправности не допускаетъ собственности на землю“. Какой смыслъ имѣли его слова, когда онъ заявлялъ, что приговоромъ, опирающимся на принципъ справедливости, „отвергаются всѣ существующія претензіи на индивидуальное владѣніе землей, и утверждается, наперекоръ всѣмъ записямъ, обычаямъ и законамъ, право человеческое, въ его цѣломъ, на земную поверхность“? Какой смыслъ имѣли его слова, когда онъ съ презрѣніемъ говорилъ о людяхъ, которые „всегда стремятся примирить „да“ и „нѣтъ“ и питаютъ особое пристрастіе къ словамъ: „если“, „однако“ и „за исключеніемъ“? Какой смыслъ имѣли его слова, когда онъ заявлялъ, что „въ занимающемъ насъ вопросѣ о землевладѣніи приговоромъ этики можетъ быть либо „да“, либо „нѣтъ“. Или люди имѣютъ право на то, чтобы дѣлать землю частной собственностью, или не имѣютъ. Средины нѣтъ“? Какой смыслъ имѣли его слова, когда онъ заявлялъ, что реформа, извѣстная теперь подъ именемъ націонализаціи земли, „не должна вести къ скольнибудь серьезному перевороту въ существующихъ порядкахъ“, и что

„справедливость грозно требует“ осуществленія этой реформы? Какой смысл имѣли его слова, когда, приступая къ перечисленію зла, находившаго опору въ правительствѣ того времени, онъ заявлялъ, что во главѣ своего перечня онъ ставитъ ту гигантскую несправедливость, которой подвергается девятнадцать двадцатыхъ всѣхъ членовъ общества изъ-за захвата земли,—изъ-за нарушенія ихъ права на пользование силами природы“? Какой смысл имѣли его слова, когда онъ говорилъ, что „несправедливость, какой подвергается народъ въ его цѣломъ, когда у людей похищаютъ ихъ природное право, ихъ наслѣдіе на землѣ“, представляетъ единственное благовидное оправданіе для „законовъ о бѣдныхъ“,—когда онъ спрашивалъ: „какъ разсчитывать на творческую способность разстроеннаго организма?“ и заявлялъ, что „рано или поздно, все же, должно наступить измѣненіе въ томъ несчастномъ положеніи дѣлъ, при которомъ большая часть политическаго цѣлаго не имѣетъ прямого доступа къ источнику жизни“?

Неужели всѣ эти слова его были лишь выраженіемъ той этики, которая не имѣетъ никакого отношенія къ практическимъ вопросамъ?

Каковы бы ни были этическія воззрѣнія г. Спенсера теперь, послѣ того, какъ были выколоты у него глаза, и онъ сталъ вертѣть жернова въ палатѣ лордовъ у филистимлянъ, несомнѣнно, однако, что юный Самсонъ „Общественной статикѣ“, когда его волосы еще не были обрѣзаны общественной Далилой, не зналъ такого рода этики. Не только въ цитированныхъ мною мѣстахъ, но и всюду въ „Общественной статикѣ“, съ первой до послѣдней ея страницы, центральнымъ пунктомъ разсужденій автора является необходимость, священный долгъ борьбы съ тѣми злоупотребленіями, которыми нарушается равная свобода людей. Онъ видитъ, правда, и этого нельзя не видѣть,—что люди, прежде чѣмъ пользоваться свободой, должны быть подгото-

влены къ ней, и онъ понимаетъ, что возможны общественныя условія, при которыхъ свобода временно будетъ причинять зло, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень настойчиво внушаетъ читателямъ, что всюду, гдѣ замѣчается стремленіе къ свободѣ и пониманіе зла, проистекающаго отъ ея отрицанія, наступило и время для борьбы съ неправдой, и что подготовить людей къ пользованію своими правами можно лишь уничтожая неправду. Вся его книга, во всѣхъ своихъ частяхъ, проникнута однимъ чувствомъ: сознаніемъ божественно-начертаннаго порядка, которому люди должны слѣдовать,—Богомъ даннаго закона, столь же непреложнаго въ общественной сферѣ, какъ законы физики въ сферѣ физической, съ которымъ должны сообразоваться всѣ человѣческія постановленія, и этотъ законъ есть законъ равной свободы,—законъ, изъ котораго выводится осужденіе частной собственности на землю. А къ людямъ, которые не прямо идутъ къ тому, что считаютъ за благо; къ людямъ, которые не прочь и отъ заигрываній съ неправдой; къ людямъ, которые говорятъ, что такая-то мѣра справедлива въ отвлеченіи, но что практическія соображенія не позволяютъ примѣнить ее къ дѣлу,—къ такимъ людямъ г. Спенсеръ, съ первой и до послѣдней страницы своей „Общественной статистики“, выказывалъ лишь полное пренебреженіе и презрѣніе.

Вотъ отрывокъ изъ конца введенія въ „Общественную статистику“ (стр. 51, 56, 60—65), могущій дать понятіе о томъ, какъ сильно отличалась этика, выраженная въ „Общественной статикѣ“, отъ того представленія о ней, какое внушалъ Таймзу творецъ спенсеровской философіи въ 1889 г.:

„Какъ бы ни былъ неспособенъ несовершенный чело-
„вѣкъ исполнить совершенный законъ, все же, для него
„нѣтъ другого закона. Одинъ только прямой путь открыть
„для него, и онъ можетъ или слѣдовать по нему, или по-
„ступать уже на свой страхъ и рискъ. Жизненные условія
„не будутъ приспособляться къ его испорченности и не бу-

„дуть смягчаться во вниманіе къ его слабости. Отклонившись
„отъ закона человѣкъ не избѣгнетъ кары. „Подчиняйся или
„страдай“—вотъ его постоянная альтернатива. Не подчи-
„нисъ онъ, и онъ навѣрно будетъ изобличенъ. И приговоръ
„немедленно же будетъ приведенъ въ исполненіе“.

„Наше общественное зданіе можетъ быть построено съ
„чрезвычайнымъ трудолюбіемъ и искусствомъ и можетъ быть
„заботливо скрѣплено хитроумными постановленіями; но, если
„не окажется прямизны въ составляющихъ его частяхъ,
„если оно будетъ построено слѣдую ложнымъ принципамъ,—
„оно неминуемо распадется въ куски. Мы не можемъ пре-
„небрегать физическими законами этого міра; мы не станемъ
„зажигать огонь отъ льда, кормить скотину камнями или
„вѣшать свои шляпы на паутину; такъ же мало мы можемъ
„итти и противъ равно повелительныхъ его нравственныхъ
„законовъ“.

„Однако бываютъ же исключенія“ скажете вы. „Мы не
„можемъ всегда и во всѣхъ случаяхъ неуклонно руководиться
„отвлеченными принципами. Доводы благоразумія должны же
„имѣть нѣкоторую цѣну. Необходимо пользоваться немножко
„и житейской мудростью“.

„Безъ сомнѣнія, вы представите весьма благовидныя
„оправданія для вашихъ исключеній. Тѣмъ не менѣе, если
„сколь нибудь истинно предшествующее разсужденіе, то можно
„навѣрно утверждать, что никакое нарушеніе закона не ми-
„нуетъ наказанія. Ваши любезные планы достигнуть желае-
„мыхъ благъ, допуская нѣкоторое неповиновеніе, суть не бо-
„лѣе, какъ обманы“...

„Причины, заставляющія насъ особенно настаивать на слѣ-
„помъ повиновеніи, будутъ все болѣе и болѣе выясняться для
„читателя, по мѣрѣ его ознакомленія съ нашими выводами.
„Среди заключеній, неизбѣжно слѣдующихъ изъ допущеннаго
„принципа, онъ, по всей вѣроятности, встрѣтитъ такія, къ
„которымъ онъ едва ли подготовленъ; другія покажутся ему

„странными; нѣкоторыя — невыполнимыми; а одно или два, „быть можетъ, покажутся ему цѣликомъ расходящимися съ „его представленіями о долгѣ. Тѣмъ не менѣе, если онъ при- „знаетъ въ нихъ логическій выводъ изъ нѣкоторой основной „истины, онъ ничего не будетъ имѣть въ альтернативѣ, „кромѣ какъ принять ихъ за правила поведенія, которымъ „должно слѣдовать не допуская исключеній. Если могутъ „имѣть какое-либо значеніе приведенныя выше соображенія, „то и наивысшая мудрость должна состоять въ совершенномъ „и безбоязненномъ слѣдованіи по тому пути, какой при- „знается нравственностью за „отвлеченно-справедливый“, — „все равно, какимъ бы несообразнымъ, опаснымъ или вред- „нымъ онъ ни казался на первый взглядъ“.

А вотъ слова, которыми заканчивается „Общественная Статика“:

„Потому мудрый человѣкъ всегда будетъ смотрѣть на „вѣру, которая есть въ немъ, не какъ на нѣчто случайное, „не какъ на нѣчто, могущее ослабѣвать или подчиняться его „житейскимъ расчетамъ, а какъ на высшій авторитетъ, къ „которому должны склоняться всѣ его поступки. Постигну- „тыя имъ возвышенныя истины онъ будетъ безбоязненно „выражать и будетъ стремиться къ воплощенію въ дѣлахъ „своего чистѣйшаго идеализма. Онъ будетъ знать, что онъ „во всякомъ случаѣ исполнить при этомъ назначенное ему „въ мірѣ дѣло. Достигнетъ онъ того, къ чему стремится, „будетъ хорошо; не достигнетъ, будетъ тоже хорошо, хотя „и не въ такой же мѣрѣ.

„И такимъ образомъ, уча неизмѣнному, непоколебимому „повиновенію, чисто-отвлеченная философія сходится во едино „со всякой истинной религіей. «Оставайся вѣренъ голосу „совѣсти», — вотъ основное правило, одинаково внушаемое „ими. Не должно быть никакихъ колебаній, никакихъ укло- „неній изъ-за вѣроятности извѣстныхъ результатовъ; всюду „слѣдуетъ слѣпо подчиняться тому, что мы признаемъ зако-

„номъ, даннымъ намъ свыше. Не будемъ лишь устами почитать святыя принципы, сознательно отступая отъ нихъ въ своей жизни. Не будемъ слѣдовать примѣру людей, которые признають своимъ девизомъ слова „Domine dirigé nos“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пренебрегаютъ указаннымъ имъ направлениемъ, предпочитая слѣдовать своему выбору. Не будемъ повинны въ томъ практическомъ атеизмѣ, который, не видя для человѣческихъ дѣлъ иного руководящаго начала, кромѣ своего ограниченнаго предвѣдѣнія, пытается самъ сдѣлать изъ себя Бога и собственными силами рѣшать, что—благо для людей, что—зло. Будемъ, напротивъ того, съ глубокимъ смиреніемъ изыскивать предписанныя намъ правила поведенія; будемъ слѣдовать имъ неуклонно, безъ всякихъ соображеній касательно могущихъ быть послѣдствій, и будемъ вѣрить, что при полной искренности,—когда каждый будетъ вѣренъ себѣ и каждый будетъ стремиться къ осуществленію того, что онъ признаетъ за наибольшую справедливость, — на землѣ наступитъ всеобщее благоденствіе“.

Можетъ ли быть болѣе печальный комментарий къ тому Герберту Спенсеру, который въ 1889 году былъ авторомъ письма въ газету „Таймзъ“?

Я не упрекаю г. Спенсера въ томъ, что онъ измѣнилъ свои убѣжденія. Онъ былъ въ правѣ измѣнять ихъ, — къ лучшему ли, къ худшему ли. Я лишь отмѣчаю, что въ своемъ письмѣ въ газету „Таймзъ“, какъ и въ своемъ предшествовавшемъ письмѣ въ „Сентъ-Джемзскую Газету“, г. Спенсеръ сдѣлалъ то, чего онъ не въ правѣ былъ дѣлать, чего не позволилъ бы себѣ сдѣлать прямой человѣкъ: представилъ въ ложномъ свѣтѣ то, что было высказано имъ ранѣе.

За неправдой въ письмѣ г. Спенсера въ газету „Таймзъ“ относительно того, чему онъ училъ въ „Общественной статикѣ“, слѣдуетъ неправда относительно изъятія имъ изъ обращенія этой книги. Вотъ его слова:

„За послѣднія двѣнадцать или пятнадцать лѣтъ я удер-
живался отъ выпуска новыхъ изданій этого сочиненія и
„запрещалъ его переводы“.

Слова эти, очевидно, имѣютъ тотъ смыслъ, что за двѣ-
надцать или пятнадцать лѣтъ до 1889 года г. Спенсеръ при-
остановилъ печатаніе „Общественной статики“. Иного зна-
ченія они не могутъ имѣть. И именно такъ они были по-
няты. Основываясь на нихъ, газета „Таймъ“ въ редак-
ціонной замѣткѣ къ письму г. Спенсера заявляла, что онъ,
г. Спенсеръ, „уже пятнадцать лѣтъ какъ принялъ всѣ мѣры
къ тому, чтобы изъять изъ обращенія книгу“, а г. Фридрихъ
Гринвудъ, тоже высказывавшійся по поводу письма г. Спен-
сера, признавалъ, что г. Спенсеръ „за послѣднія пятнадцать
лѣтъ не позволялъ печатанія „Общественной статики“ на
какомъ бы то ни было языкѣ“.

На дѣлѣ слова эти рѣзко расходятся съ фактами. „Об-
щественная статика“ продолжала еще въ то время печата-
ться г. Спенсеромъ чрезъ своего издателя Д. Эпльтона
и К^о въ Нью-Йоркѣ. И доля правды, заключающаяся въ нихъ,—
какъ это видно изъ позднѣйшихъ объясненій г. Спенсера
(въ 1892 г.), — состоитъ лишь въ томъ, что за семь лѣтъ
передъ тѣмъ онъ рѣшилъ не ввозить болѣе въ Англію но-
выхъ изданій своей книги изъ Америки. Что же касается
его „запрещенія переводовъ“, то, мнѣ кажется, подъ нимъ
слѣдуетъ понимать только лишь то, что на книгѣ г. Спен-
сера значилась первоначально обычная англійская формула
„Право перевода сохраняется за авторомъ“. Ибо трудно себѣ
представить, чтобы могло требоваться еще другое какое-либо
запрещеніе перепечатокъ и переводовъ для книги, которая
вышла изъ продажи въ Англіи и никогда не перепечатыва-
лась самовольно въ Соединенныхъ Штатахъ.

То обстоятельство, что г. Спенсеръ продолжалъ печатать
„Общественную статистику“ еще цѣлые годы послѣ того, какъ
онъ увѣрялъ читателей „Сэнтъ-Джемской Газеты“ и

„Таймза“, будто онъ изъялъ эту книгу изъ обращенія, я могу объяснить себѣ лишь предположеніемъ, что онъ не желалъ лишать себя дохода отъ ея продажи и не имѣлъ, въ сущности, ничего противъ обращенія въ публикѣ своихъ нападковъ на лэндлордизмъ до тѣхъ поръ, пока о нихъ не услышали еще его лондонскіе друзья. Не подлежитъ сомнѣнію, что, если бы онъ пожелалъ, онъ могъ бы немедленно же изъять изъ обращенія свою книгу. Эпльтонъ и К^о — не книжные пираты, а почтенные люди; они издавали сочиненія г. Спенсера по договору съ ихъ авторомъ и, даже при отсутствіи литературной конвенціи, навѣрно прекратили бы печатаніе „Общественной статикѣ“, если бы только того потребовалъ г. Спенсеръ. Кто знаетъ ихъ, тотъ не понуждается въ доказательствахъ. Тѣмъ не менѣе въ этомъ можно убѣдиться и изъ дѣлъ прошлаго. Въ 1885 году на страницахъ журнала „Девятнадцатый вѣкъ“ (Nineteenth Century) завязался споръ между г. Спенсеромъ и г. Фридрихомъ Гаррисономъ. Полагая, что ихъ статьи, собранныя въ одну книгу, будутъ имѣть хорошій сбытъ въ Америкѣ, гг. Эпльтонъ и К^о изготовили стереотипъ и отпечатали изданіе ¹⁾. Но, едва только они пустили его въ продажу, какъ немедленно же изъяли изъ обращенія, — какъ полагаютъ, вслѣдствіе депеши отъ г. Спенсера. Новыхъ изданій они уже не печатали. Отпечатанное изданіе было уничтожено, и доски расплавлены, хотя одна конкурирующая фирма выпустила въ свѣтъ другое изданіе тѣхъ же статей и продала значительное число экземпляровъ. Или, если бы онъ предпочелъ это, Д. Эпльтонъ и К^о всегда напечатали бы въ „Общественной статикѣ“ его выраженія по земельному вопросу въ измѣненномъ имъ видѣ или съ сокращеніями, какія ему заблагораз-

¹⁾ „Природа и дѣйствительность религіи. Споръ между Фридрихомъ Гаррисономъ и Гербертомъ Спенсеромъ. Съ предисловіемъ, примѣчаніями и статьей „О религіозномъ значеніи Непознаваемаго“ графа Дальвѣлла. Нью-Йоркъ, Эпльтонъ и К^о, 1885“.

судилось бы сдѣлать. Въ 1864 году къ книгѣ добавлено было предисловіе; въ 1875 году — примѣчаніе къ главѣ IV, — отвѣтъ профессору Сижвику; въ 1877 году — второе предисловіе; г. Спенсеръ отмѣчалъ въ нихъ измѣненія въ своихъ взглядахъ на различные вопросы — и, тѣмъ не менѣе, ни единымъ словомъ не обмолвился о перемѣнѣ въ его взглядахъ на земельный вопросъ, и его книга продолжала печататься безъ всякихъ измѣненій, касающихся этого вопроса, вплоть до 1892 года.

Не мнѣ, конечно, упрекать г. Спенсера въ томъ, что онъ не прикончилъ печатаніе „Общественной статики“ въ единственномъ мѣстѣ, гдѣ она печаталась, или что онъ не сдѣлалъ въ ней сокращеній или измѣненій въ своихъ выраженіяхъ, относящихся къ земельному вопросу. Не мнѣ объяснять и то дивное диво, что, вернувшись въ Англію въ 1882 году, онъ не уничтожилъ стереотипныхъ досокъ и не скупилъ всѣхъ экземпляровъ своей книги, остававшихся въ продажѣ, несмотря на то, что, повидимому, окончательно рѣшилъ стать на сторону лэндлордизма, если бы въ этомъ оказалась надобность. Я лишь сравниваю утвержденія г. Спенсера въ его письмѣ въ газету „Таймзъ“ съ фактами, имѣя въ виду при этомъ сравненіи уяснить себѣ особенности писателя и пролить свѣтъ на перемѣну въ его мнѣніяхъ по земельному вопросу.

Ибо это письмо въ газету „Таймзъ“ свидѣтельствуетъ не только о страстномъ желаніи г. Спенсера числиться на сторонѣ „законныхъ интересовъ“ въ начавшейся полемикѣ по земельному вопросу, но также и о его стремленіи объединиться формально съ защитниками частной собственности на землю, не подвергаясь униженію открытаго отреченія отъ того, что было высказано имъ въ „Общественной статикѣ“. При помощи двустольной этики и необычайной философской виртуозности г. Спенсеръ надѣется, очевидно, и поддержать, хотя бы отчасти, свою репутацію послѣдовательнаго писа-

теля, и въ то же время высказаться за частную собственность на землю. Сравнительно съ апологіей въ „Сэнтъ-Джемзской Газетѣ“, въ этой новой апологіи въ „Таймзѣ“ немного новаго. Оно сводится къ превращенію доказательства, что „люди не имѣютъ безусловной вѣры въ лэндлордизмъ“ („Общественная Статика“, глава IX, параграфъ 7), въ доказательство, что лэндлордизмъ „ни мало не расходится съ существующей правовой теоріей и практикой“; къ утвержденію, что вознагражденіе, о которомъ онъ говорилъ (въ параграфѣ 9), означало собой вознагражденіе, могущее удовлетворить лэндлордовъ,—и къ заявленію, что признаніе равенства правъ на землю означало бы собой завѣдываніе и управленіе землей чрезъ чиновниковъ,—заявленію особенно смѣлому въ виду того, что въ параграфѣ 3 главы X это открыто отвергалось самимъ г. Спенсеромъ.

Мнѣ хотѣлось бы также обратить вниманіе лицъ, вѣрующихъ въ философскую проницательность г. Спенсера, на его приѣмъ отступленія къ Силійскимъ островамъ и на его признаніе въ письмѣ частной собственности на землю не имѣющей нравственнаго оправданія въ виду того обстоятельства, что собственникъ земли можетъ требовать отъ своихъ арендаторовъ, „чтобы они исповѣдывали назначенную имъ религію и слѣдовали предписанному имъ образу жизни“. Этимъ вѣрующимъ надо будетъ дѣлать выборъ между умственной слабостью и недобросовѣстностью въ аргументаціи. Есть ли какая логическая разница между малымъ островомъ и большимъ; между взысканіемъ ренты въ видѣ личныхъ услугъ и взысканіемъ ея въ видѣ денегъ? Если безнравственно требовать отъ людей, чтобы они исповѣдывали извѣстную религію и слѣдовали навязанному имъ образу жизни, то неужели нравственно лишать ихъ ихъ природнаго права и позволять имъ жить на землѣ, лишь если они отдадутъ все, что они производятъ, за вычетомъ самаго скуднаго продовольствія; неужели нравственно доводить ихъ до такого состоянія, что

дѣти ихъ вырастають въ грязи, порокахъ и развратѣ, худшихъ какого бы то ни было язычества? Неужели не ясно, даже для новичка въ философіи, что, если англійскіе лэнд-лорды въ настоящее время не обязываютъ своихъ арендаторовъ исповѣдывать извѣстную религію и слѣдовать предписанному образу жизни, то только лишь потому, что они не заботятся о вѣроисповѣданіи и привычкахъ своихъ арендаторовъ и предпочитаютъ проявлять свою власть главнымъ образомъ во взысканіи денежной ренты? Если бы герцогу Уэстминстерскому захотѣлось явиться въ Сэнтъ - Джемскій дворецъ въ сопровожденіи тысячной свиты, наряженной въ его ливреи; если бы герцогу Норфокскому вздумалось давать позволеніе жить на его земляхъ лишь однимъ католикамъ; если бы герцогу Аргайльскому пришло въ голову завести у себя шута въ колпакѣ и съ бубенчиками, то люди эти могли бы осуществить свои желанья такъ же легко, если не легче, какъ какой-нибудь графъ или герцогъ прежняго времени. Въ сущности, такъ же легко могъ бы исполнить все это и любой изъ крупныхъ американскихъ землевладѣльцевъ. Развѣ г. Спенсеру не случалось видѣть въ лондонскихъ газетахъ предложенія занятій, ограниченныя извѣстнымъ вѣроисповѣданіемъ? Развѣ ему не приходилось, проходя въ Атенэумъ-клубъ и обратно, видѣть кучеровъ и лакеевъ, одѣтыхъ въ фантастическія ливреи, и людей съ объявленіями на груди и спинѣ, наряженныхъ въ странные и неприличные костюмы? Развѣ ему неизвѣстно, что теперь, въ наше время, на Британскихъ островахъ людей сгоняють съ земли для того, чтобы дать мѣсто дикимъ звѣрямъ или домашнимъ животнымъ? И развѣ ему неизвѣстно, что право не допускать до пользованія своей землей даетъ каждому землевладѣльцу власть предписывать условія, на какихъ онъ позволить пользоваться ей, ни мало не отличающуюся отъ той, какой могъ располагать когда-либо любой изъ собственниковъ Силійскихъ острововъ?

Движеніе мысли г. Спенсера и особенности его аргументаціи, на которыя мы наталкиваемся, интересны и съ философской, и съ психологической точекъ зрѣнія. Однако мы не будемъ останавливаться на нихъ въ настоящее время, ибо съ избранной имъ системой выпутываться изъ затруднительныхъ положеній, въ ея полномъ развитіи, мы будемъ имѣть случай ознакомиться въ его „Справедливости“. Отметимъ лишь его слова въ письмѣ, относящіяся къ предмету вознагражденія, такъ какъ ими уясняется истинный смыслъ того, что было высказано г. Спенсеромъ въ томъ несообразномъ мѣстечкѣ въ параграфѣ 9 главы IX „Общественной статики“, о которомъ мы говорили. Только лишь это мѣстечко цитируется г. Спенсеромъ въ его письмѣ въ газету „Таймъ“, вѣрнѣе, только лишь на него онъ ссылается болѣе или менѣе опредѣленно. Что онъ желаетъ представить его „Таймъ“ и читателямъ этой газеты въ качествѣ сдѣланнаго имъ въ „Общественной статикѣ“ признанія права землевладѣльцевъ на вознагражденіе за ихъ земли, это не подлежитъ сомнѣнію; ибо онъ старательно избѣгаетъ всякаго упоминанія о тѣсно связанныхъ съ нимъ выраженіяхъ, которыя непосредственно слѣдуютъ за нимъ въ „Общественной Статикѣ“. А имъ было сказано:

„Но эта запутанность и наше выпутываніе изъ нея есть, нѣчто совсѣмъ постороннее для отвлеченной нравственности. Люди сами создали передъ собой дилемму своимъ неповиновеніемъ закону, и сами должны устранить ее, какъ знаютъ, съ возможно меньшимъ вредомъ для землевладѣльческаго класса.

„При этомъ будетъ не лишнимъ напомнить, что помимо землевладѣльческаго класса должно принимать въ соображеніе также другихъ лицъ. При нашемъ заботливомъ вниманіи къ законнымъ интересамъ небольшой кучки людей, не будемъ однако забывать того, что права множества лицъ остаются въ пренебреженіи и будутъ оставаться въ

„немъ до тѣхъ поръ, пока земля не перестанетъ монополи-
„зираться индивидуумами. Не будемъ забывать и того,
„что причиняемая такимъ образомъ несправедливость всему
„человѣческому роду есть одна изъ наиболѣе тяжкихъ...
„есть преступленіе, лишь немногимъ меньшее лишенія жи-
„зни или личной свободы“.

Ясно, что г. Спенсеръ желаетъ внушить „Таймзъ“ и
читателямъ его, что въ вопросѣ о вознагражденіи онъ не
только теперь, но и прежде всегда былъ самымъ ревност-
нымъ защитникомъ интересовъ лэндлордовъ. Но, несмотря
на это, нѣсколько далѣе въ своемъ письмѣ, онъ употребляетъ
выраженіе, которое опять-таки показываетъ, что объясненіе,
данное мною тому несообразному мѣстечку, вполне соотвѣт-
ствуетъ заключавшемуся въ немъ смыслу. Въ концѣ письма
онъ говоритъ о *„вознагражденіи за искусственную цѣн-
ность, придаваемую обработкой и достигающую большей
части всей цѣнности земли“*,—говоритъ не о вознагражде-
ніи за землю, а о вознагражденіи только за улучшенія. Та-
кого рода вознагражденіе, однако, никогда не удовлетворило
бы землевладѣльцевъ, а потому, забывъ про аксіому „цѣлое
больше своей части“, г. Спенсеръ знай-себѣ увѣряетъ, что
вознагражденіе за эту часть равнялось бы цѣнности всего,
что они теперь получаютъ, — въ сущности, даже превы-
шало бы ее.

Такимъ образомъ мы видимъ и то, какъ ранѣе предста-
влялъ себѣ г. Спенсеръ вопросъ о вознагражденіи, и то,
какъ затѣмъ онъ сталъ относиться къ нему, чтобы оконча-
тельно объявить себя на сторонѣ существующаго лэндлор-
дизма.

ГЛАВА V.

Второе письмо въ газету „Таймзъ“.

Въ своемъ письмѣ въ газету Таймзъ г. Спенсеръ, безъ сомнѣнія, унизился достаточно для того, чтобы его оставили въ покоѣ люди, благосклонности которыхъ онъ такъ страстно добивался. Тѣмъ не менѣе даже лица, пользующіяся отступничествомъ, нерѣдко склонны бываютъ выказывать презрѣніе къ отступникамъ. И газета „Таймзъ“, принявъ апологію г. Спенсера, снабдила ее нѣкоторыми презрительными замѣчаніями и помѣстила затѣмъ письма отъ г. Гринвуда, профессора Гексли и г. Лунса Меллета,— въ сущности, крайне оскорбительныя для знаменитаго философа.

Вотъ что говорила, между прочимъ, газета Таймзъ:

„Итакъ, не отвергая того, что нѣкогда имъ было сказано нѣчто въ этомъ родѣ, онъ (г. Спенсеръ) объясняетъ, что это было сказано имъ сорокъ лѣтъ тому назадъ; что, вотъ, уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы изъять изъ обращенія книгу, въ которой это было сказано, и что онъ никогда не предполагалъ, чтобы сказанное имъ имѣло какое-либо отношеніе къ практическимъ вопросамъ. Онъ занятъ былъ, въ сущности, построеніемъ системы «абсолютной политической этики, той, которой надлежало бы быть», и онъ видитъ для себя явное оскорбленіе въ томъ, что его мнѣнія были перенесены изъ

„этой трансцендентальной области въ другую, совершенно „отличную отъ нея область, въ которой держатся обыкновенно г. Ледлеръ и его друзья... То, что было сказано г. „Спенсеромъ въ годы его юности и неопытности, взято было „имъ назадъ въ его болѣе зрѣломъ возрастѣ и при болѣе „развитомъ сужденіи...

„Случись намъ вывести отсюда урокъ для философовъ, и „мы посовѣтовали бы имъ возможно осторожнѣе говорить объ „абсолютномъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ г. Спенсеръ занялся „изысканіями «абсолютной политической этики» и построилъ „систему ея къ собственному своему удовольствію. Однако, „она превратилась въ концѣ концовъ въ нѣчто очень отно- „сительное, ибо за послѣднія пятнадцать лѣтъ перестала „быть абсолютной даже для ума, создавшего ее... Г. Спен- „серъ пытался опредѣлить, чему надлежало бы быть относи- „тельно земельной собственности, а четверть вѣка спустя, „къ чести для его скромности и откровенности, онъ уже „бросаетъ свое собственное истолкованіе абсолютнаго. Тѣмъ „не менѣе онъ, кажется, еще не оставилъ своихъ первона- „чальныхъ поисковъ, ибо высказываетъ новый взглядъ на „абсолютную этику землевладѣнія, не чуждый тѣхъ тево- „логическихъ промаховъ, какіе можно было усмотрѣть въ „его прежнемъ истолкованіи“.

Сообщеніе г. Фридриха Гринвуда, талантливаго журна- листа крайне-консервативнаго направленія, было напечатано въ номерѣ „Таймъ“ отъ 9-го ноября подъ заглавіемъ: „Пре- достереженіе политическимъ мыслителямъ“. Характеризуя письмо г. Спенсера въ „Таймъ“, какъ „тяжкій урокъ по- литическимъ мыслителямъ“, г. Гринвудъ замѣчаетъ: „какъ бы ни печалился г. Спенсеръ надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что имъ введено было въ заблужденіе множество бѣдняковъ, привыкшихъ полагаться на авторитетъ подобныхъ ему ве- ликихъ людей, однако и въ самой цитатѣ, которую онъ дѣлаетъ изъ „Политическихъ Учрежденій“, тоже заключаются

сѣмена заблужденія, ибо въ ней признается, что „собственность, установленная силой, не имѣетъ той же опоры, какъ собственность, установленная путемъ договора“, и что можетъ наступить время, когда ихъ ассимиляція будетъ отвергнута“.

Письмо г. Луиса Меллета, напечатанное въ номерѣ отъ 12-го ноября, слѣдовало тому же направленію. Въ немъ отмѣчалось, что г. Спенсеръ все же еще признавалъ аналогію между частной собственностью на землю и рабствомъ, которая, конечно, казалось г. Луису опасной и нечестивой.

А профессоръ Гексли подступалъ къ философу такъ настойчиво, что долженъ былъ показаться ему весьма и весьма нелюбезнымъ. Говоря отъ имени людей, „для которыхъ абсолютная политическая этика и апріорная политика являются одинаково камнями преткновенія“, и выражая увѣренность, что его другъ, г. Спенсеръ, будетъ послѣднимъ авторомъ, добровольно поддерживающимъ стремленіе санкціонировать любезные для народа акты несправедливости при помощи антикварныхъ и спекулятивныхъ доводовъ, онъ требовалъ отъ него категорическаго отвѣта на вопросъ, признаетъ ли „абсолютная политическая этика“ за нѣкимъ А. Б. какъ нравственное, такъ и юридическое право на землю, которую онъ купилъ въ Англіи подобно тому, какъ онъ могъ бы купить капусту?

Затѣмъ онъ ставилъ вполне уместно такого рода вопросы:

„Если „абсолютная политическая этика“ не признаетъ „за этимъ человѣкомъ такого права, то какъ выведетъ она „его право на вознагражденіе?“

„Если же она признаетъ за нимъ это право, то какъ выведетъ она право государства безпокоить его?“

Въ это время г. Спенсеръ долженъ былъ раскаиваться въ томъ, что онъ писалъ въ „Таймзъ“,—хотя гнѣвъ его противниковъ могъ бы достигнуть высшей степени напряженія, и они могли бы предложить ему еще болѣе жестокіе

вопросы, если бы они знали то, что было сказано имъ на самомъ дѣлѣ въ „Общественной статикѣ“. Но книга эта была такъ мало извѣстна въ Англіи (фактъ, на который, очевидно, разсчитывалъ г. Спенсеръ), что ни въ одномъ изъ этихъ писемъ и ни въ одномъ изъ послѣдующихъ, за исключеніемъ письма г. Ледлера, нельзя было усмотрѣть знакомства съ ней.

Читателя можетъ удивлять то обстоятельство, что, пытаясь отвергнуть свои выраженія въ „Общественной статикѣ“, г. Спенсеръ перепечатывалъ изъ „Политическихъ Учрежденій“ такое мѣсто, какое въ сущности ихъ утверждало. Я могу объяснить себѣ эту странность единственно лишь тѣмъ, что г. Спенсеръ чувствовалъ необходимость что либо напечатать, а напечатать ему было нечего. Ибо во всѣхъ его сочиненіяхъ (за исключеніемъ „Справедливости“, которая еще не выходила) нельзя было найти ни единого намека на перемѣну въ его взглядахъ, выраженныхъ въ „Общественной Статикѣ“. Тогда какъ этимъ мѣстечкомъ онъ уже пользовался съ успѣхомъ еще шесть лѣтъ тому назадъ, какъ яко-бы указывающимъ на перемѣну въ его взглядахъ,—вотъ его и потянуло воспользоваться имъ такимъ образомъ вторично. Полагая, что достаточно покончить съ г. Ледлеромъ, онъ не разсчиталъ однако, что, пренебрегая реальнымъ и стремясь сохранить лишь подобіе послѣдовательности, онъ долженъ былъ вызвать огонь съ тыла, со стороны своихъ же друзей, приверженцевъ лэндлордизма.

Г. Спенсеръ безцеремонно молчалъ на письма гг. Гринвуда и Луиса Меллета, но счелъ нужнымъ сдѣлать подобіе отвѣта профессору Гексли въ письмѣ, напечатанномъ въ „Таймзѣ“ отъ 15-го ноября.

Вотъ это письмо. Привожу его цѣликомъ, чтобы отстранить отъ себя обычные у г. Спенсера упреки, будто его выраженія извращаются его противниками при помощи пропусковъ.

Редактору газеты „Таймзъ“.

„М. Г. Такъ какъ профессоръ Гексли признаетъ, что „право его друга А. Б. на землю ограничивается правомъ „государства распоряжаться ею, въ случаѣ надобности, по „своему усмотрѣнію; такъ какъ онъ неявно признаетъ, что „всякій собственникъ владѣетъ землей въ подчиненіи вер- „ховному праву государства, т. е. общества; такъ какъ онъ „признаетъ, что насиліе или обманъ, при помощи которыхъ „нѣкогда была захвачена земля, не измѣняютъ права тепере- „шнихъ собственниковъ и а fortiori не измѣняютъ высшаго „права общества, и такъ какъ онъ, стало быть, признаетъ, „что общество въ качествѣ верховнаго собственника, сохра- „няющаго свою власть, можетъ отбирать въ свое обладаніе „земли, если это ему заблагоразсудится, — то, повидимому, „въ своихъ заключеніяхъ онъ не заходитъ далѣе уже до- „стигнутаго мною пункта; а такъ какъ онъ, мнѣ думается, „соглашается со мной относительно того, что отобрааніе та- „кого рода, если бы оно по недоразумѣнію показалось не- „обходимымъ, должно бы было сопровождаться надлежащимъ „вознагражденіемъ за всю искусственную цѣнность, придан- „ную землѣ, то я не вижу, чтобы мы различались съ нимъ „во взглядахъ на земельный вопросъ. Потому я перехожу „къ его замѣчаніямъ, относящимся къ абсолютной полити- „ческой этикѣ.

„Ваше лѣченіе идетъ въ разрѣзъ съ фізіологическими „принципами“, замѣтилъ бы теперешній врачъ какому-нибудь „преемнику Санградо, доведись таковому дожить до нашего „времени. „Оставьте, пожалуйста, ваши фізіологическіе прин- „ципы“, отвѣтилъ бы тотъ. „Я научился исцѣлять отъ этой „болѣзни, и мой опытъ указываетъ мнѣ на необходимость „кровопусканій и частыхъ пріемовъ горячей воды“. „Однако, „если вы не убьете вашего паціента“, сказалъ бы нашъ „врачъ, „то вы во всякомъ случаѣ надолго замедлите его „выздоровленіе. Вѣроятно, вы и сами убѣдились бы въ этомъ,

„если бы дали себѣ трудъ ознакомиться съ „Уроками элементарной физиологіи“ профессора Гексли и съ другими „болѣе обстоятельными трактатами по тому же предмету, съ которыми приходится имѣть дѣло изучающимъ медицину“.

„Изъ этого воображаемаго разговора съ достаточной „ясностью вырисовывается та мысль, что при разстроенномъ „состояніи тѣлесныхъ отправленій рациональное воздѣйствіе „на нихъ возможно лишь при пониманіи ихъ здороваго „состоянія: лишь зная нормальное, можно понимать ненормальное. Профессоръ Гексли, мнѣ кажется, признаетъ эту „истину, ибо въ предлагаемый имъ планъ медицинскаго „образованія онъ включаетъ физиологію. А скажи онъ, что „санградовскій методъ лѣченія былъ оставленъ не вслѣдствіе „успѣховъ физиологіи, а вслѣдствіе эмпирически добытаго „знанія, ему можно было бы возразить, что, относясь такимъ „образомъ ко всѣмъ усовершенствованіямъ въ методахъ лѣченія, онъ долженъ былъ бы, въ разрѣзъ съ своими убѣжденіями, признать изученіе физиологическихъ принциповъ „за дѣло бесполезное.

Однако, даже не вникая въ признаваемую имъ, повидимому, аналогію между обществомъ и организмомъ, которая „вытекаетъ изъ взаимной зависимости частей, выполняющихъ различныя отправленія, мнѣ кажется, онъ все же „долженъ допустить, что представленіе о разстроенномъ „состояніи общества всегда сопутствуется представленіемъ о „его упорядоченномъ состояніи. Мы можемъ съ полнымъ „основаніемъ утверждать, что въ наше время, по крайней „мѣрѣ, законодательство, во всѣхъ его видахъ, стремится „вообще къ лучшему: и однако, представленіе о лучшемъ „невозможно безъ представленія о наилучшемъ. Радуюсь „уменьшенію болѣзней, благодаря принятымъ мѣрамъ предосторожности, невольно возводятъ въ идеалъ то состояніе „общества, при которомъ этихъ болѣзней болѣе уже не „было бы вовсе. Одобрѣя извѣстныя мѣропріятія, понизившія

„число преступлений, въ то же время признають за *desideratum* полное отсутствіе преступлений. Государственные люди могутъ съ презрѣніемъ говорить объ общественныхъ идеалахъ, тѣмъ не менѣе, въ дѣлѣ общественныхъ улучшеній, они и шагу не могутъ ступить безъ того, чтобы не возстановлять въ своемъ воображеніи этихъ идеаловъ. Пусть они смотрятъ на абсолютную политическую этику, какъ на мечту, и однако они все же принуждены бываютъ сообразоваться съ ней во всякомъ своемъ дѣлѣ. Я отличаюсь отъ нихъ лишь тѣмъ, что обращаюсь къ ней открыто и сознательно, тогда какъ они дѣлають это какъ попало и не давая себѣ въ томъ отчета.

„При нѣкоторомъ усилии воображенія мы могли бы представить себѣ общество, состоящее изъ однихъ честныхъ и достойныхъ людей, и усмотрѣть затѣмъ необходимость ряда предѣловъ для дѣйствія индивидуумовъ, который считался бы всѣми членами этого общества за нѣчто важное и ненарушимое. Мы могли бы увѣриться изъ самой природы вещей, что предѣлы эти должны устанавливаться сами собой всюду, гдѣ люди живутъ отдѣльной жизнью въ смежности другъ съ другомъ. Однако передъ глазами у насъ— наша система правосудія, преслѣдующая убійство, угрозу, кражи, клевету и пр., и ея одной достаточно для насъ, чтобы убѣдиться въ необходимости болѣе или менѣе сложной системы предѣловъ или ограниченій для поведенія, сообразуясь съ которой граждане могли бы заниматься общественной дѣятельностью, не внося раздора въ свою среду. Такая-то система, будучи выведена въ строгой послѣдовательности изъ основныхъ условій, которыя должны быть выполнены, и составить то, что я называю абсолютной политической этикой. Сѣтуя, что абсолютная политическая этика не даетъ намъ указаній на то, какъ слѣдуетъ поступать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, профессоръ Гексли, въ сущности, уподобляется врачу, который съ презрѣніемъ

„отзывался бы о физиологическихъ обобщеніяхъ изъ-за того, „что въ нихъ не заключается указаній на правильную перевязку ранъ или на наилучшій способъ лѣченія варикознаго расширенія венъ.

„Я не могу здѣсь войти въ дальнѣйшія объясненія, но „всякій, кому слова мои покажутся не вполне понятными, „можетъ найти болѣе обстоятельное разсмотрѣніе предмета „въ главѣ „Объ абсолютной и относительной этикѣ“, содер- „жащейся въ „Данныхъ науки о нравственности“.

„Для меня представляется нѣкоторой аномаліей, что про- „фессоръ Гексли,—не просто физиологъ, а человекъ науки, „видящій всюду царство закона,—могъ допустить, хотя бы „и не выражая того открыто, существованіе цѣлой группы „явленій, не подчиняющихся закону,—понимая подъ таковой „группу общественныхъ явленій. Ибо, если они подчинены „закону, если въ нихъ можно усмотрѣть дѣйствіе нѣкоторыхъ „естественныхъ законовъ, то нашей первой обязанностью „должно быть изслѣдованіе этихъ законовъ, чтобы согласо- „вать съ ними свои поступки, ибо, отклоняясь отъ нихъ, мы „неизбѣжно понесемъ наказаніе. Профессоръ Гексли, какъ „будто, упускаетъ это изъ виду, и потому кажется, будто „онъ сходится съ массой тѣхъ государственныхъ людей— „практиковъ, которые полагаютъ, что всякое законодательное „мѣропріятіе должно быть оцѣниваемо путемъ исчисленія „вѣроятныхъ отъ него послѣдствій, минуя всевозможныя „апріорныя заключенія. Пусть такъ, будь успешна дѣятель- „ность этихъ людей, и никому не показалось бы страннымъ „обычное подсмѣиваніе ихъ надъ отвлеченными принципами; „однако число неудачъ въ дѣлѣ законодательства такъ ве- „лико, что невольно можетъ возникнуть сомнѣніе въ пригод- „ности эмпирическихъ методовъ. Изъ 18,110 законодатель- „ныхъ актовъ, утвержденныхъ между началомъ 1236 года и „концомъ 1872, по исчисленіямъ г. Янсона, вице-президента

„Юридическаго Общества, подверглось полной или частичной
„отмѣнѣ четыре пятыхъ всего ихъ количества; между про-
„чимъ, съ 1870 по 1872 годъ отмѣнено было 3532 акта, изъ
„коихъ 2759 — цѣликомъ. Просматривая отчеты за 1881- -
„1883 годы, я насчиталъ 650 отмѣненныхъ актовъ, которые
„утверждены были въ теперешнее царствованіе, помимо от-
„носящихся къ предшествующимъ царствованиямъ. Если
„представить себѣ вредъ, проистекавшій отъ этихъ отмѣ-
„ненныхъ актовъ: тѣ потери, тревоги и безпокойства, какимъ
„подвергалось изъ-за нихъ множество лицъ; если предста-
„вить себѣ всю ту массу страданій, какія приходилось пре-
„терпѣвать изъ-за этого безпорядочнаго законодательства
„цѣлымъ поколѣніямъ людей въ теченіе нѣсколькихъ сто-
„лѣтій, — то едва ли кому покажется вреднымъ стремленіе
„отыскать лучшее руководство въ дѣлахъ, хотя бы въ видѣ
„абсолютной политической этики.

„Очень сожалѣю, что ни мѣсто, ни здоровье не позволяютъ
„мнѣ заняться обсужденіемъ вопросовъ, затронутыхъ г.
„Луисомъ Меллетомъ. Здѣсь, пожалуй, мнѣ и придется оста-
„новиться въ моихъ объясненіяхъ. Поскольку это касается
„меня, споръ долженъ считаться оконченнымъ вмѣстѣ съ
„этимъ письмомъ.

Примите и пр.

Гербертъ Спенсеръ.

Атенэумъ-клубъ.
Ноября 13.

На самомъ дѣлѣ, этотъ „Отвѣтъ профессору Гексли“ ни-
коимъ образомъ не есть отвѣтъ. Г. Спенсеръ лишь заявляетъ
обинякомъ: „Я признаю все, что угодно землевладѣльцамъ.
Перейдемъ къ другому предмету“.

Однако, даже и переходя къ другому предмету, онъ все же
долженъ былъ отказаться отъ установленнаго имъ различія
между абсолютной политической этикой и относительной, ибо,

если въ его пространномъ объясненіи профессору Гексли заключается какой - либо смыслъ, то именно тотъ, что абсолютная политическая этика имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ практическимъ вопросамъ въ области политической дѣятельности.

ГЛАВА VI.

Послѣдующія письма.

Г. Спенсеръ не хотѣлъ болѣе входить въ объясненія, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Однако письма отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ отъ Оберона Герберта, выступившаго на его защиту, г. Гринвуда и профессора Гексли, продолжали появляться на страницахъ „Таймза“, причемъ гг. Гринвуду и Гексли удалось таки вынудить у него еще одно короткое признаніе.

Профессоръ Гексли заставилъ его отказаться отъ своего сравненія съ физиологическими принципами, а г. Гринвудъ, добиваясь отвѣта на вопросъ, дѣйствительно ли имъ было сказано, какъ то утверждалъ г. Ледлеръ, будто для устранения одной несправедливости необходимость заставляетъ прибѣгать къ другой, сначала понудилъ его объявить, что онъ не можетъ припомнить, было ли когда имъ это сказано, а затѣмъ, понадвинувшись на него еще сильнѣе, понудилъ его заявить, что онъ не говорилъ этого и отказывается отъ этого, если это имъ было сказано.

Разбирательство это имѣетъ для насъ совсѣмъ второстепенное значеніе. Однако мы все же должны будемъ, хотя бы и запаздывая, сказать свое слово въ защиту г. Ледлера и для освѣженія памяти г. Спенсера. Доктрина, на которую ссылался г. Ледлеръ, цитируя г. Спенсера въ отвѣтъ на возраженія г. Морлея противъ націонализаціи земли, изло-

жена г. Спенсеромъ въ „Общественной Статикѣ“, въ параграфѣ 8 главы XXI, — „Долгъ государства“. По сообщенію „Таймза“, г. Ледлеръ утверждалъ, собственно, будто:

„Г. Спенсеромъ сказано было, что земля захватывалась „путемъ насилія и обмана, и что имъ было сказано также, „будто для устраненія одной несправедливости необходимость „заставляетъ прибѣгать къ другой“.

Именно это, хотя и не буквально въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ было сказано г. Спенсеромъ въ параграфѣ 8 главы XXI, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ отвергалъ доктрину не-противленія. Онъ заявлялъ, что всякое принужденіе, само по себѣ, безнравственно, но тѣмъ не менѣе оправдывалъ правительство, когда оно прибѣгаетъ къ нарушенію чьихъ-либо правъ, къ несправедливости, съ цѣлью положить конецъ другой несправедливости, и, говоря это, онъ употреблялъ тѣ же самыя слова и въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ г. Ледлеръ. Затѣмъ онъ добавлялъ:

„Съ нравственной точки зрѣнія вѣренъ не принципъ не-„противленія, и принципъ не-посягательства... Мы не должны „пренебрегать своими правами. Мы не можемъ жертвовать „нашимъ природнымъ правомъ ради сохраненія мира... Мы „не должны бездѣйствовать, подвергаясь посягательствамъ. „Лишь охраняя должнымъ образомъ свои права, мы будемъ „въ состояніи исполнить свои обязанности... Кто дозволяетъ „лишить себя тѣхъ благъ, безъ которыхъ невозможно испол-„неніе Божественной воли, тотъ становится, въ сущности, „нарушителемъ этой воли“.

Я счелъ себя обязаннымъ защитить г. Ледлера и освѣ-жить память г. Спенсера въ виду того обстоятельства, что газета „Таймзъ“, напечатавъ письмо г. Ледлера послѣ того, какъ вопросъ былъ поднятъ г. Гринвудомъ, едва ли дозво-лила бы г. Ледлеру вновь выступить на своихъ страницахъ. Газета отзывалась о немъ пренебрежительно, какъ о „ка-комъ-то“ г. Ледлерѣ и печатала его письмо болѣе мелкимъ

шрифтомъ, тогда какъ именно онъ заговорилъ впервые о г. Спенсерѣ и далъ толчокъ всему дѣлу.

Письмо г. Ледлера, которое спорящія стороны, видимо, не удостоили своего вниманія, было напечатано въ томъ же номерѣ „Таймза“, какъ и второе письмо г. Спенсера. Онъ писалъ:

Г. Редактору газеты „Таймзъ“.

М. Г.

„Въ числѣ депутатовъ Нью-кэсльскаго избирательнаго со-
„юза рабочихъ я являлся къ г. Джону Морлею, члену пар-
„ламента, для ознакомленія съ его взглядами на нѣкоторые
„политическіе и общественные предметы, и по порученію
„товарищей бесѣдовалъ съ нимъ по вопросу о націонали-
„заціи земли. Между прочимъ, въ подтвержденіе своихъ
„взглядовъ, я цитировалъ девятую главу „Общественной
„Статики“ г. Герберта Спенсера, считая весьма благопріят-
„нымъ для себя признакомъ согласіе съ выдающимся авто-
„ритетомъ нашего времени. Къ моему великому изумленію,
„изъ писемъ, адресованныхъ къ вамъ г. Спенсеромъ, я узнаю,
„что онъ теперь, какъ будто, былъ бы очень радъ отказаться
„отъ тѣхъ доктринъ, которыя имъ такъ краснорѣчиво про-
„повѣдывались въ 1850 году. Для государственныхъ людей
„нашего времени дѣло самое обыкновенное — отказываться
„отъ тѣхъ принциповъ и выводовъ, которые ранѣе горячо
„отстаивались ими, и отстаивать другіе, которые ранѣе ими
„энергично отвергались. Однако едва ли кто рѣшится до-
„пустить возможность шатаній такого рода для выдающагося
„философа, какимъ является г. Гербертъ Спенсеръ. Я не въ
„состояніи уяснить себѣ его положеніе: оставаясь вѣрнымъ
„общимъ принципамъ, онъ отступаетъ отъ нѣкоторыхъ вы-
„водовъ изъ нихъ. И для моего ума девятая глава „Обще-
„ственной Статики“, трактующая о правѣ на пользованіе
„землей, представляется такимъ же полнымъ, логичнымъ и

„неопровержимымъ доказательствомъ необходимости націонализаціи земли, какимъ она, безъ сомнѣнія, казалась г. Герберту Спенсеру въ то время, когда онъ писалъ свою книгу. Прослѣдимте ходъ его аргументаціи въ тѣхъ десяти параграфахъ, изъ коихъ состоитъ эта глава.

Сдѣлавъ затѣмъ краткій обзоръ содержанія главы IX, по параграфамъ, г. Ледлеръ продолжаетъ:

„За исключеніемъ двухъ или трехъ связующихъ словъ, я пользуюсь въ своей передачѣ выраженіями самого г. Герберта Спенсера. Неужели все это не представляетъ изъ себя неопровержимаго доказательства въ пользу націонализаціи земли? Какую цѣнную услугу для распространенія „соціалистическихъ ¹⁾ принциповъ могла бы оказать девятая глава „Общественной статистики“, если бы только авторъ „дозволилъ напечатать ее въ видѣ отдѣльной брошюры! И тѣмъ не менѣе онъ теперь, повидимому, отбрасываетъ отъ себя чудное твореніе своего генія! Однако мы въ правѣ потребовать, чтобы вмѣсто смутнаго отказа въ общихъ терминахъ г. Гербертъ Спенсеръ въ точности опредѣлилъ намъ, отъ какихъ именно выводовъ онъ отказывается, и почему именно онъ отказывается отъ нихъ. Быть можетъ, намъ удастся тогда отвѣтить на его опроверженіе своихъ же „собственныхъ положеній.

Преданный Вамъ

Джонъ Ледлеръ, каменщикъ.

Съ попыткой г. Спенсера опровергнуть свои же собственные положенія мы ознакомимся въ его „Справедливости“.

¹⁾ Г. Ледлеръ употребляетъ терминъ „соціалистическій“ въ неточномъ смыслѣ, какъ его нерѣдко употребляютъ въ Англіи, но относить его, безъ сомнѣнія, къ принципамъ націонализаціи земли.

ЧАСТЬ III.

ОТРЕЧЕНІЕ.

- I. Судьба „Общественной Статики“.
- II. Мѣсто „Справедливости“ въ синтетической философіи.
- III. Синтетическая философія.
- IV. Идея справедливости въ синтетической философіи.
- V. Задача г. Спенсера.
- VI. „Право пользованія природною средою“.
- VII. „Справедливость“ о правѣ на свѣтъ и воздухъ.
- VIII. „Справедливость“ о правѣ на землю.
- IX. „Справедливость“.—Право собственности.
- X. Право собственности и право налогообложенія.
- XI. Вознагражденіе.
- XII. „Справедливость“.—Земельный вопросъ.
- XIII. Ректоръ Браунъ.

* *
*

Принципъ равноправности, стало быть, не допускаетъ собственности на землю... Мало того, что нельзя оправдывать происхожденіе теперешнихъ землевладѣльцевъ, даже и въ воображеніи нельзя представить себѣ такого способа, какимъ могла бы земля сдѣлаться частной собственностью... Нравственные истины бываютъ столь же точны и непреложны, какъ физическія, и... въ занимающемъ насъ вопросѣ о землевладѣніи приговоромъ этики можетъ быть либо да, либо нѣтъ. Или люди имѣютъ право на то, чтобы дѣлать землю частной собственностью, или не имѣютъ. Срединъ нѣтъ. Мы должны выбрать одно изъ двухъ положеній. Половинчатыхъ мнѣній не можетъ быть. Самая природа вещей требуетъ признанія или того или другого. — Гербертъ Спенсеръ, 1850 г.

ГЛАВА I.

Судьба „Общественной Статики“.

Мы подходимъ теперь къ цѣли, ради которой нами ведено было предшествующее длинное изслѣдованіе: къ разсмотрѣнію теперешнихъ мнѣній г. Спенсера по земельному вопросу, вошедшихъ въ кодексъ „Синтетической философіи“ и изложенныхъ г. Спенсеромъ въ его новѣйшемъ произведеніи „Справедливость“, которое датировано іюнемъ 1891 г. и вышло въ свѣтъ нѣсколько позднѣе въ томъ же году.

Однако мы нарушимъ хронологическій порядокъ и скажемъ сначала нѣсколько словъ о судьбѣ „Общественной Статики“. Какъ мы видѣли, г. Спенсеру удалось таки увѣрить „Таймзъ“ и г. Гринвуда, что книга эта много лѣтъ тому назадъ была изъята имъ изъ обращенія. Однако и послѣ его увѣреній „Общественная статика“ продолжала еще печататься его постоянными издателями гг. Д. Эппльтономъ и К^о, и въ ихъ изданіи „Справедливости“, выпущенномъ въ октябрѣ 1891 года, заключалось еще объявленіе о ней въ его первоначальной формѣ. Но теперь, наконецъ, съ ней покончили. Она не была убита разомъ: это было бы милостью, сравнительно съ постигшей ее судьбою, невольными виновниками которой были „Прогрессъ и Бѣдность“, эдинбургскій рецензентъ и г. Джонъ Ледлеръ изъ Ньюкэсла. Она была выпотрошена, набита, превращена въ мумію и выставлена затѣмъ въ садахъ спенсеровской философіи; на утѣшеніе господину Джону и Его Милости.

Говоря серьезно, первоначальное изданіе было изъято въ этомъ году изъ обращенія, чтобы дать мѣсто новой „Общественной статикѣ“, помѣченной январемъ 1892 года и вышедшей въ свѣтъ въ февралѣ. Изданіе это, долженствующее фигурировать въ каталогахъ издателей какъ „Общественная Статика“, озаглавлено такимъ образомъ: „Общественная Статика. Сокращенное и просмотрѣнное изданіе. Съ приложеніемъ очерковъ: Человѣкъ или государство“. Подобраны были разрозненные отрывки изъ прежней „Общественной статикѣ“, а чтобы книга много не потеряла въ величинѣ противъ своего оригинала, ее подбили журнальными статьями, на которыя мы уже имѣли случай ссылаться. Въ предисловіи г. Спенсеръ говоритъ:

„Сначала я имѣлъ намѣреніе назвать эту книгу или, вѣрнѣе, часть книги „Отрывками изъ Общественной статикѣ“ или „Извлеченіями изъ Общественной статикѣ“. Однако „оба эти названія, какъ будто, указывали бы на несравненно менѣе связанное собраніе частей, чѣмъ то, какое вошло въ составъ этой книги. Съ другой стороны, назвать ее сокращеніемъ, значило бы ввести въ заблужденіе читателя, ибо слово это отнюдь не заключаетъ въ себѣ той мысли, чтобы опущены были крупныя и существенно важныя части. Не находя подходящаго названія, я остановился на наименѣе неподходящемъ: „Общественная Статика. Сокращенное и просмотрѣнное изданіе“.

Если ужъ такъ нужна была г. Спенсеру точность, то кажется, можно бы было подыскать и менѣе неподходящее названіе. Ибо въ его исправленіи можно усмотрѣть лишь одинъ руководящій принципъ: исключать все, что можетъ напоминать о Богѣ или вредить законнымъ интересамъ,—и онъ дѣлаетъ это съ настойчивостью прежнихъ цензоровъ, которые, просматривая „Гамлета“, вычеркивали изъ него не только Тѣнь, королеву-мать и Офелію, но и самого Гамлета. „Основное начало“ оставлено, но все, крупное ли, мелкое

ли, относящееся къ землѣ, выпущено. О землѣ упоминается лишь въ придиркѣ къ Локку, которая сохранена, да въ главѣ „Соціализмъ“ (параграфъ 3 главы X прежняго изданія), которая изъ-за небрежности редактора по прежнему начинается такими словами:

„Доктрина, утверждающая равенство правъ людей на пользование землей, на первый взглядъ можетъ показаться клонящейся къ строю общества, непохожему на тотъ, изъ котораго мы только что вывели право собственности ¹⁾“.

Внизу—указанное звѣздочкой примѣчаніе:

Просмотрѣнная такимъ образомъ, „Общественная Статика“ уже не представляетъ для насъ интереса. Все, что говорилось прежде г. Спенсеромъ объ отношеніи человѣка къ землѣ, теперь уже завѣдомо исключено изъ нея, а для ознакомленія съ теперешними мнѣніями ея автора читателю предлагается новая книга, къ изученію которой мы и переходимъ.

Однако объявленіе о просмотрѣнномъ изданіи „Общественной Статики“ стоитъ того, чтобы на немъ остановиться на минуту. По какому-то недосмотру въ немъ излагаются предъ американскими читателями свѣдѣнія, предназначавшіяся первоначально исключительно для обращенія въ Англіи, и повторяется та самая басня объ изъятіи изъ обращенія „Общественной Статики“, которая печаталась на столбцахъ „Сэнтъ-Джемской газеты“ и лондонскаго „Таймза“. Вотъ это объявленіе, въ томъ видѣ, какъ оно печаталось Д. Эппльтономъ и К^о въ маѣ 1892 года:

„Гербертъ Спенсеръ. *Общественная статика*. Новое и „просмотрѣнное изданіе, заключающее въ себѣ, подъ общимъ заглавіемъ: „Человѣкъ или государство“, рядъ очерковъ политическихъ тенденцій нашего времени, печатавшихся ранѣе отдѣльно. 12-о. 420 стр. Ц. въ переплетѣ 2 доллара.

¹⁾ „Это было сдѣлано собственно въ опущенной части послѣдней главы, содержаніе которой, съ нѣкоторыми измѣненіями, передано въ четвертой части „Основаній науки о нравственности“.

„Несмотря на повторныя предостереженія съ своей стороны, г. Спенсеръ то и дѣло встрѣчалъ ссылки на его взгляды, выраженные въ „Общественной Статикѣ“ и уже оставленные имъ, равно невѣрную передачу тѣхъ изъ его взглядовъ, которыхъ онъ держится до настоящаго времени. И вотъ, раздосадованный, онъ пріостановилъ, лѣтъ десять тому назадъ, продажу этой книги въ Англіи и запретилъ ея переводы. Однако въ виду быстрого роста коммунистическихъ теорій, тѣ извращенія, какимъ подверглись его взгляды, получили особое значеніе, и потому г. Спенсеръ рѣшился немедленно же опубликовать свои окончательныя мнѣнія о правахъ индивидуумовъ и обязанности государства“.

Трудно было бы ожидать подобнаго заявленія отъ Д. Эппльтона и К^о., которые вплоть до того года печатали и публиковали „Общественную Статику“ въ прежнемъ ея видѣ, ни единымъ словомъ не предупреждая читателей относительно того, что во взглядахъ автора послѣдовали перемѣны, не оговоренныя въ предисловіяхъ и примѣчаніяхъ,—гдѣ, какъ мы видѣли, вовсе не упоминалось о какой-либо перемѣнѣ во взглядахъ на земельный вопросъ. Странно звучать въ ихъ устахъ слова, что г. Спенсеръ, раздосадованный, пріостановилъ, лѣтъ десять тому назадъ, продажу своей книги въ Англіи, гдѣ она не печаталась уже болѣе двадцати лѣтъ, спокойно дозволяя продавать ее въ единственной странѣ, гдѣ она печаталась, и что онъ, въ то же время, запретилъ также переводить ее. Почему же г. Спенсеръ былъ такъ внимателенъ къ тому, что читаютъ англичане на своемъ маленькомъ островѣ и даже „иностранцы“, и такъ невнимателенъ къ тому, что читаютъ американцы и жители Канады или Австраліи? И почему Д. Эппльтонъ и К^о, уже лѣтъ десять тому назадъ, не перестали распространять среди огромной массы своихъ соотечественниковъ книгу, которую ея авторъ не позволялъ продавать ни у себя на родинѣ, ни въ чужихъ странахъ? Объявленіе лишь наводитъ на эти вопросы, но отвѣта на нихъ не даетъ.

ГЛАВА II.

Мѣсто „Справедливости“ въ синтетической философіи.

„Справедливость“, къ которой мы должны обратиться для ознакомленія съ теперешними мнѣніями г. Спенсера по земельному вопросу, признается ея авторомъ за его наиболѣе важное произведеніе. Полное названіе этой книги: „Этика общественной жизни—справедливость“; на заглавномъ листѣ помѣчено также: „Часть IV этики“. Она является десятымъ изъ числа тѣхъ объемистыхъ томовъ, уже вышедшихъ въ свѣтъ, которые публикуются подъ общимъ названіемъ „Синтетической философіи Спенсера“. Философія эта, какъ было объявлено, распадается на нижеслѣдующія главные дѣленія: „Основные начала“, „Основанія біологіи“, „Основанія психологіи“, „Основанія соціологіи“ и „Основанія науки о нравственности“. „Справедливость“, согласно плану г. Спенсера, входитъ въ составъ послѣдняго изъ этихъ главныхъ дѣленій, т. е. является частью „Основаній науки о нравственности“. Первая часть этого главнаго дѣленія—„Данныя науки о нравственности“—вышла въ свѣтъ нѣсколько ранѣе. Часть вторая—„Наведенія этики“—и третья—„Этика личной жизни“—еще не появлялись ¹⁾. Какъ мы узнаемъ изъ предисловія къ „Справедливости“, г. Спенсеръ рѣшилъ поторопиться именно съ этой четвертой частью, какъ съ наиболѣе важной. Восполнивъ недостающія вторую и тре-

¹⁾ Вышли въ свѣтъ уже послѣ изготовленія стереотипа этой книги.

тью части, онъ намѣренъ, какъ это было объявлено имъ, перейти къ слѣдующимъ двумъ частямъ: къ пятой—„Этика общественной жизни—Отрицательная благотворительность“ и шестой — „Этика общественной жизни — Положительная благотворительность“,—съ окончаніемъ которыхъ будетъ выполненъ весь планъ его философіи.

Планъ „Синтетической философіи“ составленъ такъ самонадѣянно, какъ едва ли когда могъ позволить себѣ кто-либо изъ смертныхъ. Онъ представляетъ изъ себя попытку объяснить, не прибѣгая къ гипотезѣ Творческаго Разума, какъ началъ быть этотъ міръ и все, что въ немъ находится, включая сюда насъ самихъ, наши побужденія, чувства, способности, инстинкты, привычки и обычаи. Наибольшую важность въ этомъ обширномъ планѣ имѣетъ этическая часть его, такъ что прочія части, по отзыву г. Спенсера, являются въ отношеніи ея какъ бы вспомогательными. А въ этой наиболѣе важной части наибольшую важность, по заявленію г. Спенсера, имѣетъ „Этика общественной жизни—Справедливость“.

Такимъ образомъ „Справедливость“, которую мы предполагаемъ рассмотреть теперь въ ея отношеніяхъ къ земельному вопросу, признается ея авторомъ какъ бы за вершину или главу всей его философіи.

И это вполнѣ понятно въ виду чрезвычайной важности ея предмета. Ибо въ ней разбирается хорошее и дурное,—то, что должно быть, и то, чего не должно быть, въ тѣхъ общественныхъ отношеніяхъ людей, изъ которыхъ вытекаютъ наиболѣе горячо обсуждаемые практическіе вопросы нашего времени,—вопросы счастливой жизни или страданій, физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія огромныхъ народныхъ массъ, прогресса цивилизаціи или ея гибели. О хорошемъ и дурномъ въ личныхъ отношеніяхъ едва ли можетъ быть много споровъ, если только вообще возможенъ споръ: не только въ христіанскомъ мірѣ, но и всюду на свѣтѣ,

„отъ Парижа и до Пекина“, люди приблизительно одинаково понимаютъ добро и зло. Иное дѣло—общественныя отношенія людей,—тѣ общественныя условія, въ которыхъ находить для себя опору то или иное право собственности, которыми регулируется производство и потребленіе богатства (главный предметъ законодательства), и которымъ человѣкъ подчиняется нерѣдко вопреки внушеніямъ своего нравственнаго чувства. Тутъ хорошее и дурное понимается людьми сплошь и рядомъ шиворотъ-на-выворотъ, и, заговоря, объ этихъ отношеніяхъ, сразу же попадаешь въ сферу туманныхъ опредѣленій и спорныхъ выводовъ,—въ область жгучихъ вопросовъ.

Надо замѣтить также, что при переходѣ изъ сферы чисто спекулятивныхъ построеній въ область, гдѣ за людей живущихъ и еще долженствующихъ явиться въ міръ рѣшаются вопросы объ ихъ нуждѣ или довольствѣ, ихъ невѣжествѣ или просвѣщеніи, ихъ рабствѣ или свободѣ, мысль философа становится доступнѣй для простыхъ смертныхъ, и къ его ученіямъ всего удобнѣе можетъ прилагаться тутъ мѣрило полезности и искренности. Та истина, что дерево познается по его плодамъ, сохраняетъ свое значеніе и въ отношеніи къ философіи. Какъ отвѣчаетъ какая либо философія на вопросъ о происхожденіи всего существующаго — дѣло не особенно важное сравнительно съ тѣмъ, какъ она отвѣчаетъ на вопросы, ближайшимъ образомъ касающіеся полноты, счастья и благодетства человѣческой жизни. И чтобы составить себѣ опредѣленное мнѣніе о какомъ-либо философѣ,—серьезный онъ человѣкъ или просто болтунъ,—надо прежде всего уяснить себѣ, на чью сторону склоняется онъ: на сторону обиженныхъ или обижающихъ, на сторону незаслуженно богатыхъ или незаслуженно бѣдныхъ. А потому „Справедливость“ является для насъ не только главой или вѣнцомъ Спенсеровой синтетической философіи, но также и ея пробнымъ камнемъ.

ГЛАВА III.

Синтетическая философія.

Я желаю ограничиться въ своемъ изслѣдованіи однимъ земельнымъ вопросомъ. Но, чтобы уяснить себѣ надлежащимъ образомъ взгляды Спенсера на земельный вопросъ, выраженные имъ въ „Справедливости“, и открыть тѣ причины, изъ-за которыхъ могли послѣдовать замѣчаемыя въ нихъ перемѣны, намъ необходимо составить себѣ нѣкоторое представленіе о всей системѣ, въ концѣ которой является „Справедливость“.

„Справедливость“ представляетъ изъ себя, въ сущности, лишь новое изданіе „Общественной статики“, переработанное въ духѣ той философской системы, которая сложилась съ годами въ умѣ ея автора. По своему содержанію, обѣ эти книги захватываютъ одну и ту же область, область общественныхъ отношеній, и названіе одной могло бы служить названіемъ для другой. Область эта съ самаго же начала привлекла къ себѣ вниманіе г. Спенсера, и онъ отдался ей изученію, сорокъ два года тому назадъ, проникнутый стремленіями общественнаго реформатора. Затѣмъ онъ снова вернулся къ тѣмъ же животрепещущимъ, жгучимъ вопросамъ, уже какъ великій философъ, потратившій годы упорнаго труда на выработку, яко бы, болѣе широкаго міросозерцанія и болѣе глубокаго пониманія жизни. Ибо система философіи, на построеніе которой имъ употреблено было все промежуточное время, признается нѣкоторыми лицами

за „наиболѣе полную, съ логической точки зрѣнія, и за наиболѣе пригодную, съ практической,—такъ какъ она стоитъ въ непосредственной связи съ нашимъ повседневымъ опытомъ, даетъ отчетъ въ самыхъ животрепещущихъ вопросахъ нашего времени, проливаетъ свѣтъ на теченіе историческихъ событій и даетъ знаніе, могущее служить для насъ руководствомъ какъ въ нашей общественной, такъ и въ нашей личной жизни“ ¹⁾).

Я говорю о Гербертѣ Спенсерѣ въ „Общественной Статикѣ“ какъ объ общественномъ реформаторѣ только лишь для того, чтобы отличить его тогдашнее положеніе отъ теперешняго. Въ сущности, въ этой книгѣ онъ не довольствовался защитой эмпирическихъ средствъ къ устраненію безпорядка, хищеній и несправедливостей, которые онъ видѣлъ вокругъ себя. Онъ понималъ, что одно искусство государственнаго управленія не представляетъ изъ себя надежнаго руководителя въ дѣлахъ, ибо учетъ возможныхъ послѣдствій какого-либо мѣропріятія немислимъ въ виду слабости человѣческихъ способностей и крайней сложности общественныхъ дѣйствій и противодѣйствій. Онъ понималъ, что законодательство, основанное на одномъ расчетѣ, должно превращать въ ничто всѣ усилія законодателей, должно лишь путать людей на каждомъ шагу и приводить къ послѣдствіямъ столь же непредвидѣннымъ, какъ и нежелаемымъ. Всюду въ „Общественной Статикѣ“ чувствуется сознаніе, что въ общественныхъ дѣлахъ есть болѣе надежный руководитель, чѣмъ всѣ наши соображенія о томъ или другомъ дѣйствиіи измышляемыхъ нами мѣропріятій; что люди должны заботиться не о результатахъ, а о принципахъ; что всегда, когда умъ нашъ способенъ блуждать, мы можемъ смѣло полагаться на наше нравственное чувство. Основная мысль ея—та, что все въ мірѣ указываетъ намъ

¹⁾ Э. Л. Юманзъ: „Гербертъ Спенсеръ и доктрина эволюціи“. „Научно-популярная бібліотека“ Эппльтона и К^о, Нью-Йоркъ.

на его происхождение отъ разума, коренное свойство котораго есть справедливость; что въ человѣческихъ дѣлахъ можетъ быть усмотрѣнъ божественно-предначертанный порядокъ, съ которымъ должны сообразоваться человѣческія общества, если они желаютъ своего благоденствія; что существуетъ неизмѣнный нравственный законъ, который мы увѣренно можемъ прилагать къ оцѣнкѣ общественныхъ учрежденій, пренебрегая малодушными внушеніями разсудка.

Этотъ основной нравственный законъ, какъ онъ опредѣляется въ „Общественной Статикѣ“, есть законъ равной свободы: „каждый человѣкъ свободенъ дѣлать все, что пожелаетъ, лишь бы только при этомъ не нарушалась равная свобода всѣхъ другихъ людей“, и онъ только формой своего выраженія отличается отъ евангельской заповѣди: „какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними“. Г. Спенсеръ провозглашалъ, въ сущности, въ „Общественной Статикѣ“ ту самую истину, которую провозгласило въ 1789 году французское Національное собраніе: что „невѣжество, пренебреженіе или презрѣніе къ человѣческимъ правамъ суть единственныя причины общественныхъ бѣдствій и испорченности правительствъ“. Онъ былъ лишь проницательнѣе Національнаго собранія, ибо онъ не колеблясь утверждалъ, что самое важное изъ человѣческихъ правъ, отъ пренебреженія и презрѣнія къ которому страдаетъ современное общество, есть естественное и равное право на пользованіе природой.

Въ „Общественной Статикѣ“ могутъ заключаться промахи и противорѣчія; но она навсегда останется благородной и глубоко-религіозной книгой, именно благодаря ея протесту противъ матеріализма, благодаря ея признанію верховенства нравственнаго закона и благодаря ея провозглашенію отъ Бога данныхъ правъ, которыхъ не можетъ отмѣнить никакое человѣческое постановленіе.

На томъ пути, на какой вступилъ тогда г. Спенсеръ,

въ самомъ началѣ своей дѣятельности, могло бы оказаться достаточно дѣла, чтобы наполнить какую бы то ни было продолжительную жизнь какого бы то ни было способнаго человѣка; но дѣло это постоянно приводило бы къ самой жестокой борьбѣ съ наиболѣе могущественными силами, которыя располагаютъ не только вещественными предметами, дѣлающими жизнь пріятной, но также и всѣмъ тѣмъ, что можетъ льстить самолюбію человѣка. Г. Спенсеръ не сталъ продолжать борьбы, которую онъ началъ въ своей „Общественной Статикѣ“. Онъ оставилъ область общественныхъ реформъ и перебрался въ область спекулятивной философіи, въ которой стяжалъ для себя великую славу и пріобрѣлъ огромное значеніе. Построенная имъ при этомъ философская система и составила основу „Справедливости“, какъ составляли основу „Общественной статики“ идеи живого Бога, божественно-предначертаннаго порядка и неизмѣннаго различія между правдой и неправдой, справедливостью и несправедливостью.

Въ первыхъ выпускахъ его философія называлась „Эволюціонной философіей Спенсера“. Потомъ названіе это было брошено ради менѣе опредѣленнаго, но болѣе внушительнаго „Синтетической философіи Спенсера“. Синтезъ, составленіе цѣлаго, противоположенъ анализу, разложенію на части,—и синтетическая философія есть философія, которая объясняетъ міръ (включая сюда все сознаваемое нами), не обращаясь къ разложенію на части и къ разсмотрѣнію этихъ частей, а при помощи обратнаго процесса; она признаетъ одинъ или нѣсколько принциповъ за нѣчто первоначальное и, исходя изъ нихъ, образуетъ мысленно міръ, показывая, какъ началъ онъ быть. Книга Бытія, по всей вѣроятности, есть самая древняя синтетическая философія, о какой только мы имѣемъ свѣдѣнія; философія г. Спенсера—самая новая.

Въ общемъ, его „Синтетическая философія“ представляетъ

собой объединеніе и распространеніе двухъ гипотезъ: гипотезы образованія небесныхъ тѣлъ изъ туманныхъ массъ и той гипотезы, которая извѣстна, главнымъ образомъ, какъ дарвиновское объясненіе происхожденія видовъ. Пропасты, отдѣляющія неорганическій міръ отъ органическаго и матерію и движеніе отъ духа, прикрываются кой-какими подмостками, а остающіяся неровности заполняются кантовскою метафизикой. Хотя г. Спенсеръ и протестуетъ противъ такой характеристики, но я могу назвать его философію не иначе, какъ матеріалистической, ибо она смотритъ на міръ и на все, въ немъ находящееся, въ томъ числѣ и на человѣческое „я“, какъ на продуктъ взаимодействія матеріи и движенія, и если упоминаетъ о разумѣ, цѣли или волѣ, то только лишь, какъ о слѣдствіяхъ этого взаимодействія. Какъ и всякая другая матеріалистическая философія, она, конечно, не имѣетъ претензій объяснить, что такое представляютъ изъ себя матерія и движеніе, и какъ они начали быть. Это, для нея, — непознаваемое, а она имѣетъ дѣло лишь съ тѣмъ, что можетъ быть познано человѣкомъ. Но въ границахъ познаваемаго все существующее происходило и происходитъ, для нея, лишь благодаря взаимодействию матеріи и движенія въ процессъ эволюціи, который опредѣляется ей, какъ „интеграція матеріи и сопутствующее ей разсѣяніе движенія, при чемъ матерія переходитъ изъ состоянія неопредѣленной, безсвязной однородности въ состояніе опредѣленной, связной разнородности, а сохраненное движеніе подвергается параллельному преобразованію“.

Послѣ того, какъ эволюція достигнетъ своего предѣла и разсѣется все движеніе, устанавливается временно равновѣсіе, а затѣмъ наступаетъ обратный процессъ, съ интеграціей движенія и разсѣяніемъ матеріи, такъ что, согласно синтетической философіи, міровая жизнь, повидимому, можетъ продолжаться безъ конца, подобно игрѣ мальчика съ пуговицей, которая вращается, закручивая бичевки, въ одну

сторону, останавливается на мгновенье, потомъ, раскручивая бичевки, вращается въ обратную сторону, и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока мальчику не надоѣстъ потихоньку сдвигать и раздвигать свои руки. Но что же доставляетъ ту силу, которую въ игрушкѣ доставляютъ руки мальчика? И управляется ли эта сила сознательной волей, какъ управляются ей руки мальчика? Для синтетической философіи это—непознаваемое.

Непознаваемое это не есть Богъ, хотя г. Спенсеръ и представляетъ его, какъ нѣчто, могущее удовлетворять религиозное чувство человѣка, а нѣкоторые изъ его послѣдователей, да и онъ самъ иногда, говорятъ о немъ въ такихъ выраженіяхъ, что невольно возникаетъ мысль о тождествѣ. Въдѣ въ „Общественной Статикѣ“ г. Спенсеръ нерѣдко пользуется терминомъ Богъ, хотя, конечно, онъ никогда не думалъ того, чтобы онъ зналъ Бога, въ смыслѣ Его постиженія, или чтобы Его возможно было знать такъ для человѣка. И если непознаваемое его философіи означаетъ собой—

Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ Богъ *),

—то зачѣмъ ему было, съ развитіемъ своей философіи, бросать употребленіе стараго термина, выражавшаго именно то, что позади всѣхъ мѣровъ, легендъ и символовъ, отражавшихъ на себѣ духовныя вожелѣнія людей, всегда признавалось за нѣчто несомнѣнное для человѣческой души, хотя и выходящее за предѣлы человѣческаго разумѣнія?

*) Державинъ. (Цитированъ авторомъ въ переводѣ Бауринга. Перев.).

Непознаваемое это слѣдуетъ отличать отъ неизвѣстнаго. Оно навсегда должно остаться внѣ предѣловъ нашего знанія. Мы не можемъ ни постигнуть его, ни узнать, хотя бы отчасти; не можемъ знать ни его природы, ни его свойствъ, не можемъ знать даже того, имѣетъ ли оно разумъ, или не имѣетъ, обладаетъ ли сознаниемъ, или не обладаетъ. Трудно даже понять, какъ только можно говорить о его существованіи, какъ мы говоримъ о существованіи неизвѣстныхъ лицъ или неизвѣстныхъ предметовъ. Для этого все же требуется хоть какое-нибудь знаніе. А о непознаваемомъ мы ровно ничего не можемъ знать. Воздухъ есть нѣчто непознаваемое для нашего чувства зрѣнія: непосредственно видѣть его мы не можемъ. Но мы все же можемъ узнать о немъ при помощи другихъ нашихъ способностей; мы можемъ замѣтить его сопротивленіе, вѣсъ, химическія свойства и пр., мы можемъ узнать о немъ, косвенно, даже при помощи нашего зрѣнія подвиженію листьевъ, по колебанію водяныхъ поверхностей и т. п.; но, будь воздухъ непознаваемъ, и мы не могли бы узнать о немъ никакимъ доступнымъ для насъ способомъ. Его присутствіе или отсутствіе одинаково не признавалось бы нами.

Прослѣживая цѣпь причинъ и слѣдствій до ея начала, мы, уже по самому устройству своего интеллекта, не можемъ остановиться до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ до мыслящаго и чувствующаго существа, для котораго хотѣніе есть приблизительно то же, что для нашего сознанія есть производящій элементъ въ томъ порядкѣ слѣдствій, который мы сами устанавливаемъ или, по крайней мѣрѣ, видоизмѣняемъ и направляемъ. Потому-то всякая матеріалистическая или механическая философія какого бы то ни было рода принуждена бываетъ или рѣшать вопросъ бездоказательно, признавъ вѣчность матеріи и движенія, или, допустивъ позади матеріи и движенія еще что-то, принимать его за нѣчто общепризнанное и неподлежащее ея обсужденію, отрицая

лишь, чтобы оно могло быть разумомъ или волею, независимыми отъ матеріи и движенія, т. е. духомъ. Если непознаваемое въ спенсеровской философіи можетъ означать собою что-либо большее, чѣмъ ту пустоту, которая получается при отрицаніи духовной первой причины, то, повидимому, только лишь то, что у нѣкоторыхъ метафизиковъ извѣстно подъ именемъ „вещи въ себѣ“.

Эта „вещь въ себѣ“ на метафизическомъ языкѣ есть нумень, въ отличіе отъ феномена: вещь, какова она есть на самомъ дѣлѣ, въ отличіе отъ вещи, какой мы ее знаемъ въ ея качествахъ. А это, если не означаетъ собою духа, сводится, въ сущности, къ порожнему мѣсту. Подобная мысль о „вещи въ себѣ“, какъ о чемъ-то противоположномъ вещи, извѣстной намъ изъ наблюденія и опыта, повидимому, могла возникнуть лишь благодаря недостаточному вниманію къ смыслу употребляемыхъ нами словъ и привычкѣ ассоціировать независимость существованія съ тѣми качествами, которымъ мы придаемъ независимыя названія. Такъ, никто и никогда не видѣлъ бѣлаго, а видѣлъ лишь бѣлые предметы. Но, такъ какъ предметы имѣютъ разные цвѣта, мы легко отдѣляемъ мысль о бѣломъ отъ мысли о предметѣ. Увлечшись словами и забывъ, что отвлеченіе одного цвѣта предполагаетъ замѣну его другимъ, а отвлеченіе всякаго цвѣта сдѣлало бы несуществующимъ самый предметъ, по крайней мѣрѣ, поскольку это касается нашего зрѣнія, мы можемъ мысленно отдѣлить идею цвѣта и воображать себѣ предметъ еще существующимъ въ другихъ отношеніяхъ. Распространивъ процессъ отвлеченія на всѣ другія качества, мы можемъ вообразить также существующей идею предмета независимо отъ идеи его качествъ. Но, въ сущности, у насъ получится тогда лишь словесный призракъ, звуки, о чемъ-то, какъ будто, говорящіе, которые могутъ быть записаны, подвергнуты грамматическому разбору, но которые, въ анализѣ, должны оказаться состоящими лишь

изъ отрицаній и означающими чистый минусъ, т. е. ровно ничего не означающими. Этотъ-то призракъ, насколько я понимаю, и есть та „вещь въ себѣ“, изъ которой, повидимому, составляется отчасти или въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ непознаваемое г. Спенсера.

Но, если Спенсеровъ философія такъ неопредѣленна въ отношеніи того, что предшествуетъ матеріи и движенію, или что находится позади ихъ, она, конечно, уже не обнаруживаетъ недостатка опредѣленности тамъ, гдѣ появляются матерія и движеніе. Съ ними начинается для нея область познаваемого, и она строитъ затѣмъ весь міръ, безъ остановокъ и перерывовъ, опираясь лишь на интеграцію матеріи и разсѣяніе движенія въ процессъ эволюціи, не встрѣчая надобности ни въ какихъ другихъ элементахъ.

Въ этомъ исключеніи всякаго духовнаго элемента, на мой взглядъ, выражается основная характеристичная черта спенсеровской философіи. Ее называютъ иногда просто лишь „эволюціонной“ философіей, но ту особенность ея, что при объясненіи происхожденія всего существующаго ею отвергается какой бы то ни было духовный элементъ, никоимъ образомъ нельзя будетъ вывести изъ признаваемого ею принципа эволюціи. Тогда какъ всѣ особенности ея въ истолкованіи этого принципа ближайшимъ образомъ вытекаютъ изъ ея отрицательнаго отношенія къ духовному элементу, изъ того допущенія, что, разъ даны матерія и движеніе, ихъ взаимодействія уже достаточно будетъ для объясненія всего того, что мы видимъ, чувствуемъ и знаемъ.

Въ сущности, спенсеровская идея эволюціи отличается отъ идеи такихъ эволюціонистовъ, какъ Альфредъ Россель Уоллэсъ, Сентъ-Джорджъ-Мивартъ или Іосифъ Леконтъ, столь же сильно, какъ отъ идеи спеціальнаго и непосредственнаго творенія. И только лишь сохраняя въ виду это отличіе можно уяснить себѣ смыслъ тѣхъ споровъ, которые возникаютъ изъ-за доктрины эволюціи или вызываются ею. Всѣ

мы видимъ, что изъ жолудя вырастаетъ дубъ, и изъ ребенка развивается взрослый человѣкъ. Да и весь міръ можетъ быть понятенъ намъ только лишь при томъ предположеніи, что онъ предназначенъ для эволюціи чего-то новаго. Такимъ образомъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, всѣ мы вѣримъ въ эволюцію, и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, большинство людей всегда вѣрило въ нее. И даже эволюція человѣка изъ животнаго царства не представляетъ серьезныхъ трудностей для ея признанія до тѣхъ поръ, пока подъ ней понимаютъ лишь форму или внѣшній видъ его генезиса. Для меня, напри-
мѣръ, доказательство происхожденія человѣка отъ другихъ животныхъ, признаваемое многими спеціалистами естествоиспытателями за окончательное, быть можетъ, по моему невѣжеству въ вопросахъ такого рода, кажется неубѣдительнымъ; тѣмъ не менѣе мнѣ напередъ представляется вѣроятнымъ, что съ внѣшней стороны происхожденіе человѣка могло быть именно такимъ. На мой взглядъ, болѣе согласуется съ экономіей, которую мы всюду видимъ въ природѣ, чтобы душа человѣка, вступая впервые въ тѣлесную оболочку на землѣ, выбрала для этого какую-либо форму наиболѣе подходящую для ея потребностей, вмѣсто того, чтобы вырабатывать ее изъ неорганизованной матеріи. И хотя я не въ состояніи представить себѣ, чтобы животное, даже въ неограниченный періодъ времени, могло превратиться въ человѣка, тѣмъ не менѣе для меня вполне понятна мысль, что, если бы духъ человѣка вошелъ въ тѣло скота, животное вскорѣ приняло бы человѣческій образъ.

Поясню на примѣрахъ то различіе, которое я имѣю въ виду.

Вотъ первоклассный локомотивъ или гигантская машина Корлисса, могущіе развивать для извѣстной работы огромную силу при одномъ только перемѣщеніи рычага рукою ребенка. Какимъ образомъ явились они на свѣтъ?

„Они явились“, могутъ отвѣтить, „вслѣдствіе интеграціи

матеріи и движенія. Матерія эта,— чтобъ не ходить далеко,— существовала ранѣе въ желѣзной, мѣдной и цинковой рудѣ и въ строевомъ лѣсѣ. Матеріалы эти перемѣщались, раздѣлялись, соединялись и обрабатывались, когда матеріи сообщалось движеніе, и, наконецъ, интегрировались въ ту или другую изъ этихъ опредѣленныхъ, связныхъ разнородностей, которыя находятся у васъ передъ глазами“.

Такой отвѣтъ не удовлетворилъ бы меня. Для меня было бы ясно, что каждый шагъ въ постройкѣ этихъ машинъ, начиная съ отламыванія руды и кончая отдѣлкой подшипками или наждачной бумагой, состоялъ лишь въ сообщеніи движенія матеріи; но я зналъ бы также, что это сообщеніе не было случайнымъ, что съ цѣлью созданія машины оно всюду направлялось разумомъ и волею человѣка. И я возразилъ бы: „Вы смотрите на дѣло слишкомъ поверхностно; въ машинахъ этихъ обнаруживается на самомъ дѣлѣ нѣчто такое, о чемъ вы умалчиваете; нѣчто такое, для чего матерія есть лишь матеріаль, а движеніе — орудіе: разумъ, сознательная и свободная воля человѣка“.

Или, вотъ—картина. Положимъ, то будетъ воспроизведеніе Мадонны Рафаэля, одно изъ тѣхъ, какія изготовляются на скоропечатныхъ литографскихъ станкахъ. Станетъ ли кто-нибудь объяснять то впечатлѣніе любви, красоты и дѣвственной чистоты, какое возникаетъ при ея созерцаніи, ссылаясь на волнообразную теорію свѣта, истолковывающую путь, какимъ цвѣтъ предметовъ воспринимается сѣтчатой оболочкой глаза? Или станетъ ли кто-нибудь объяснять происхожденіе такой картины интеграціей матеріи и движенія, при которой красящія вещества расположились извѣстнымъ образомъ на бумагѣ? Если бы кто-нибудь пустился въ объясненія такого рода, то я могъ бы только замѣтить ему: „Вы толкуете лишь о томъ посредникѣ, при помощи котораго, въ этой картинѣ, душа говоритъ душѣ; вы тол-

куете лишь о томъ способѣ, какимъ мысль художника выразилась во внѣшней формѣ“.

Но допустимъ, что человѣкъ этотъ въ отвѣтъ сказалъ бы мнѣ:

„Вы ошибаетесь. Я изслѣдовалъ дѣло и былъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ изготовляются подобныя картины. Я не видалъ тамъ никакого художника; я видѣлъ лишь ряды вращающихся цилиндровъ, между которыми протягивалась стальными пальцами безконечная бумажная лента. При автоматической работѣ машины одинъ цилиндръ отпечатывалъ на бумагѣ мазки одного цвѣта, другой—другого, и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, при послѣдовательномъ сообщеніи движенія матеріи, не получалась картина подобная этой“.

Могли ли его слова сколько-нибудь болѣе убѣдить меня въ томъ, что картина эта явилась на свѣтъ безъ всякаго участія той силы, существенно отличающейся отъ матеріи и движенія, которую мы чувствуемъ въ себѣ и признаемъ въ другихъ людяхъ, которая отдѣляетъ глубокой пропастью человѣка отъ прочихъ животныхъ, — той силы, которая составляетъ планы, придумываетъ средства и, пользуясь матеріей и движеніемъ, создаетъ нѣчто ранѣе несуществовавшее, — той силы, короче, которую мы называемъ духомъ? Я прямо заявилъ бы этому человѣку: „Сказанное вами о способѣ, какимъ была изготовлена картина, никоимъ образомъ не уменьшаетъ моей увѣренности въ томъ, что она могла возникнуть первоначально только въ умѣ и чувствѣ художника. Автоматическая работа литографскаго станка указываетъ лишь на болѣе сложное приложеніе той способности пользоваться орудіями для воплощенія мысли, которую мы замѣчаемъ въ пользованіи палитрой и кистью. И въ этой олеографіи, со всѣми процессами и машинами, при помощи которыхъ она была изготовлена, какъ и въ ея оригиналѣ, я вижу проявленіе одного и того же: творческой воли, изо-

брътающей мысли,—короче, проявленіе духа или души, но не матеріи и движенія“.

Вопросъ о томъ, произошла ли эта картина благодаря прямому воздѣйствію человѣческой воли на вещество бумаги, или благодаря косвенному ея воздѣйствію, при посредствѣ автоматическаго механизма, имѣетъ совсѣмъ второстепенное значеніе; важно лишь одно: могла ли произойти эта картина независимо отъ человѣческихъ дѣйствій того или другого рода, или нѣтъ.

Въ этомъ-то жизненномъ пунктѣ, въ вопросѣ о существованіи или несуществованіи духа какъ перваго двигателя, и обнаруживается различіе между эволюціонными теоріями. Эволюціонизмъ тѣхъ представителей науки, которые были названы мною, видитъ въ эволюціи лишь способъ, какимъ проявляетъ свою дѣятельность творческій духъ. Эволюціонизмъ, формулированный въ спенсеровской философіи, исключаетъ духъ изъ своихъ построеній и принимаетъ въ соображеніе лишь матерію и движеніе.

Въ этомъ-то пунктѣ и оказываются въ концѣ концовъ несостоятельными всѣ матеріалистическія или механическія теоріи вселенной. Вѣра въ Бога, то-есть, въ духовное начало всего существующаго, далека по своему происхожденію отъ тѣхъ забавныхъ несообразностей, къ которымъ относитъ ее,—какъ это мы вскорѣ увидимъ,—г. Спенсеръ. Она вытекаетъ изъ того же первичнаго и неискоренимаго чувства, какое побуждаетъ насъ всюду, гдѣ мы видимъ въ безжизненныхъ предметахъ нѣкоторое приспособленіе къ извѣстнымъ цѣлямъ, указывающее на выборъ, приписывать это приспособленіе человѣку. Ни одинъ цивилизованный человѣкъ не приметъ, послѣ осмотра, самыя грубыя хижины дикарей за сооруженіе низшихъ животныхъ. Ни одинъ дикарь, который счелъ бы на разстояніи корабль за птицу и пароходъ за морское чудовище, не задумается, вблизи, признать ихъ за человѣческія постройки. Ни одинъ кочующій

бедуинъ не припишетъ силамъ природы развалины, по размѣрамъ своимъ несоотвѣтствующія тому представленію, какое онъ имѣетъ о силахъ человѣка. Напротивъ, творческая сила, отличающая человѣка отъ другихъ животныхъ, такъ рѣзко выдѣляется изъ всего прочаго въ своихъ проявленіяхъ, что грубыя племена, видя постройки, превышающія, на ихъ взглядъ, способности человѣка, всюду приписываютъ ихъ геніямъ, эльфамъ или демонамъ,—существамъ, обладающимъ тѣми же способностями, что и человѣкъ, но лишь въ большей мѣрѣ. И они слѣдуютъ при этомъ тому же побужденію, какому слѣдуютъ они, приписывая наивысшія изъ формъ приспособленія, воплощающія въ себѣ жизнь, наивысшему изъ духовныхъ существъ — Великому Духу или Богу. Съ развитіемъ знанія, тотъ признакъ, которымъ характеризуется сознательное приспособленіе, нисколько не утрачивается въ своей ясности или убѣдительности. Осколки кремня изъ давно погребеннаго рѣчного наноса, царапины на клыкѣ вымершаго животнаго служатъ для спеціалиста такими же несомнѣнными доказательствами дѣятельности человѣка, какъ машина или картина. И вотъ предъ нами доказательства дѣятельности такой же по роду, но безконечно болѣе высокой по степени, обнаруживающіяся всюду въ природѣ. Можемъ ли мы истолковать ихъ какъ-либо иначе, отвергнувъ мысль о Богѣ?

Вернемся, однако, къ нашей бесѣдѣ съ человѣкомъ, утверждающимъ, будто машина или картина произошли благодаря интеграціи матеріи или движенія. Пусть на мои слова, что подобныя произведенія несомнѣнно указываютъ на дѣятельность человѣка, онъ возразилъ бы мнѣ такимъ образомъ:

„Да что такое дѣятельность человѣка, какъ не взаимодействие матеріи и движенія? Что такое руки человѣка, какъ не матерія, извѣстнымъ образомъ расположенная? Что такое сила, которую онѣ развиваютъ, какъ не разсѣяніе

движенія? А эта матерія и это движеніе развѣ не существовали ранѣе въ первообразной массѣ, въ видѣ неопредѣленной, безсвязной однородности? Развѣ не явились они къ человѣку, въ концѣ безчисленныхъ преобразованій, въ пищу, которую онъ ѣстъ, въ водѣ, которую онъ пьетъ, въ воздухѣ, которымъ дышитъ, и развѣ, выйдя изъ него, они не станутъ опять подвергаться другимъ безчисленнымъ преобразованіямъ? Считайте человѣка за нѣчто отдѣльное отъ матеріи и движенія, но попробуйте, хотя бы временно, пріостановить снабженіе его матеріею и движеніемъ, и что останется тогда отъ него?“

„Ваше объясненіе не болѣе, чѣмъ прежде, удовлетворяетъ меня“, отвѣтилъ бы я ему. „Оно можетъ быть вѣрнымъ лишь въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, какими хотите вы ограничить свой кругозоръ. Вообще же, оно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; оно—ложно, ибо оно не упоминаетъ о нѣкоторомъ существенномъ факторѣ,—факторѣ, который долженъ считаться первымъ, а не послѣднимъ. Матерія и движеніе, взаимодействуя безконечное время, все же не въ состояніи бы были произвести машины или картины. Я знаю это изъ всего опыта моей жизни, и знаю, что машина эта или картина возникли первоначально не иначе, какъ въ мысли; во всѣхъ частяхъ и во всей своей цѣлости онѣ были прежде обдуманы и потомъ изготовлены. Я могу согласиться съ вами въ томъ, что при нормальныхъ условіяхъ, по крайней мѣрѣ, мое воспріятіе мысли въ другихъ людяхъ обуславливается моими воспріятіями матеріи и движенія. Но, вѣдь, и я самъ думаю. И изъ воспріятій, которыя для меня глубже и несомнѣннѣе моего воспріятія матеріи и движенія, я знаю, что мысль моя есть нѣчто отличное отъ матеріи и движенія и отъ ихъ комбинацій того или другого рода. Я думаю и въ то время, когда мое тѣло пребываетъ въ покоѣ, когда мои глаза бываютъ закрыты, и въ то время, когда я сплю, когда прерывается связь между моими чувствами и внѣш-

нимъ міромъ. Конечно, я не могу обратить своего взора внутрь самого себя и могу смотрѣть лишь наружу. Я не могу сказать, что такое есть мое „я“, какъ вы не можете сказать, что такое есть матерія и движеніе. Я не знаю происхожденія моего „я“, какъ вы не знаете происхожденія матеріи и движенія, и мнѣ ничего неизвѣстно о томъ способѣ, какимъ это „я“ воплотилось въ вещественномъ тѣлѣ. Но, все же, я чувствую непосредственно и заключаю изъ всѣхъ его свойствъ, что оно есть нѣчто отличное отъ матеріи и движенія моего тѣла, нѣчто высшее, сравнительно съ ними, и остающееся въ то время, когда они мѣняются. Поэтому-то ваше объясненіе происхожденія предметовъ мнѣ кажется крайне поверхностнымъ. Это все то же, какъ если бы вы стали объяснять Цезаря или Шекспира пищей, которую они ѣли, элегіи Теннисона его перомъ и чернилами или мое признаніе голоса друга и нашъ обмѣнъ мыслей по телефону мѣдной проволокой и электрическимъ токомъ“.

„Только духъ, котораго я сознаю, хотя и не могу опредѣлить, только онъ одинъ въ состояніи производить все то, на чемъ замѣченъ отпечатокъ осмысленной, творческой воли. Это настолько ясно и несомнѣнно для меня, что, если бы вы показали мнѣ кисть, которая сама пишетъ картины, перо, которое само вычерчиваетъ понятныя слова, или животное, повидимому, выказывающее ту способность, которая считается основнымъ и исключительнымъ достояніемъ человѣка, я увидѣлъ бы во всемъ этомъ лишь проявленіе духа, выражающагося необычнымъ для меня образомъ,—если не духа въ человѣческомъ тѣлѣ, подшучивающаго надо мной, то духа въ какой-нибудь другой формѣ. И всякій другой человѣкъ былъ бы того же мнѣнія“.

Въ то время какъ менѣе проницательные мыслители обыкновенно лишь насмѣхаются надъ доводами цѣлесообразности, одинъ Шопенгауеръ, по своему таланту, конечно, выдающійся изъ атеистическихъ философовъ, оказался въ

состояніи избѣгнуть заключенія о Творческомъ Разумѣ, отдѣливъ разумность отъ воли и признавъ за слѣпой волей или за желаніемъ, несоединеннымъ съ разумомъ, способность непосредственно проявлять себя въ творческой дѣятельности, подобно тому, какъ желаніе произвести тѣлесное движеніе проявляетъ себя въ этомъ движеніи, помимо всякаго участія сознанія ¹⁾.

¹⁾ Шопенгауеровское объясненіе происхожденія видовъ представляетъ интересный контрастъ съ объясненіемъ эволюціонистовъ и, на мой взглядъ, ближе подходитъ къ истинѣ. Согласно ему, безчисленныя формы и приспособленія одушевленной природы должны считаться не результатомъ медленныхъ видоизмѣненій, при которыхъ различныя творенія приспособлялись къ окружающимъ условіямъ, а выраженіемъ желанія или коллективнаго хотѣнія животныхъ. Привожу нѣкоторыя мѣста главы „О сравнительной анатоміи“ изъ изслѣдованія „О волѣ въ природѣ“:

„Каждая форма животнаго есть вызванное обстоятельствами „стремленіе воли къ жизни: на примѣръ, имъ овладѣло стремленіе „жить на деревьяхъ, висѣть на ихъ вѣтвяхъ, питаться ихъ листвою, безъ борьбы съ другими животными, и никогда не спускаться „на землю: это стремленіе на безконечныя времена выражается въ „образѣ (Платоновы идеи) лѣннивца. Онъ почти не можетъ ходить, „такъ какъ устроенъ только для лазанія: безпомощный на землѣ, „онъ ловокъ на деревьяхъ, и самъ имѣетъ видъ покрытаго мохомъ „сука, для того, чтобы преслѣдователь его не видалъ“...

„Безысключительная цѣлесообразность, очевидная преднамѣренность во всѣхъ частяхъ животнаго организма слишкомъ ясно „заявляетъ, что здѣсь работали не случайно и безъ плана дѣйствующія силы природы, а воля, такъ что серьезно это никогда „не могло быть не признано... Совершенно различныя части организма животнаго всѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ его образу жизни, ни „одинъ органъ не мѣшаетъ другому, скорѣе каждый поддержи- „ваетъ другой, ни одинъ не остается безъ употребленія и ни одинъ „подчиненный органъ не годился бы лучше къ другому роду „жизни, тогда какъ только главные органы опредѣляютъ тотъ, ко- „торый дѣйствительно ведетъ животное... Каждая часть животнаго „самымъ точнымъ образомъ соотвѣтствуетъ какъ всякой другой, „такъ и его образу жизни, на примѣръ, когти всегда ловки схваты-

Но, въ предѣлахъ наблюдаемаго нами, видѣлъ ли кто изъ насъ, чтобы воля была въ состояніи что-либо исполнить, не будучи соединена съ пониманіемъ? И развѣ, замѣчая, какъ исполняется желаніе какого либо лица, лишеннаго соотвѣтственнаго пониманія, не заключаемъ мы увѣренно объ участіи воли другого лица, которое обладаетъ требуемымъ пониманіемъ? Машинистъ хочетъ, чтобы поѣздъ шелъ впередъ или назадъ, быстро или медленно, и движеніе поѣзда

„вать добычу, которую зубы пригодны растерзать и разломать, и „которую кишечный каналъ можетъ переварить, и члены передвиженія способны переносить туда, гдѣ она добыча пребываетъ, и „ни одинъ органъ никогда не остается безъ употребленія.... *lex parsimoniae naturae* не допускаетъ лишняго органа. Именно этотъ законъ, сопоставленный вмѣстѣ съ тѣмъ, что съ другой стороны ни у „какого животного не бываетъ недостатка въ органѣ, котораго требуется его родъ жизни, а всѣ, даже разнороднѣйшіе, согласуются и „какъ бы рассчитаны на вполне специально опредѣленный родъ „жизни, на стихію, въ которой держится его добыча, на преслѣдованіе, на побѣду, на раздробленіе и свареніе оной, доказываетъ, что „родъ жизни, который для поддержки своего существованія желало „вести животное, опредѣлилъ его устройство, а не наоборотъ; и что „дѣло именно вышло такъ, какъ будто познаніе образа жизни и „его внѣшнихъ условій предшествовало устройству, и каждое животное согласно тому избирало свое вооруженіе, прежде чѣмъ „оно воплотилось; точно такъ, какъ охотникъ до выхода выбираетъ „всѣ свои снаряды, ружье, дробь, порохъ, ягташъ, ножъ и одежду, „сообразно съ дичиной, которую онъ хочетъ стрѣлять; онъ не потому стрѣляетъ въ кабана, что въ рукахъ у него винтовка; а онъ; „взялъ винтовку, а не легкое ружье, потому что шелъ на кабановъ „и быкъ колется не потому, что у него рога; а потому, что онъ „хочетъ колоться, у него есть рога“.

„Къ этому еще, въ дополненіе доказательства, присовокупляется, что у многихъ животныхъ, еще во время ихъ роста, стремленіе воли, которому членъ долженъ служить, выражается еще „ранѣе существованія самого члена, и, слѣдовательно, его употребленіе предшествуетъ его существованію. Такъ молодые козлы, „бараны, телята бодаются голымъ лбомъ до появленія роговъ; молодой кабанъ бьетъ въ стороны, хотя еще нѣтъ клыковъ, которые

оказывается, повидимому, въ прямомъ соотвѣтствіи съ его волей, хотя онъ поворачиваетъ только какой-то рычагъ. Онъ можетъ ничего не понимать въ устройствѣ машины, которая, при этомъ, соотвѣтственно его волѣ превращаетъ тепло въ движеніе, и совсѣмъ не имѣть тѣхъ знаній, которыя требуются для ея постройки. Но эти знанія и это пониманіе, все же, необходимы для того, чтобы могъ двигаться поѣздъ. Несоединенныя съ волей машиниста, они все же соединены бываютъ съ волей строителя машины, которая тащитъ поѣздъ при простомъ передвиженіи рычага. Малое пониманіе, требующееся для пользованія машиной, указываетъ лишь на огромное пониманіе, требующееся для ея постройки.

Или дама въ театрѣ подноситъ бинокль къ своимъ гла-

„бы соотвѣтствовали преднамѣренному дѣйствію: напротивъ того, „онъ не употребляетъ мелкихъ зубовъ, которые у него уже есть, „и которыми онъ дѣйствительно бы могъ укусить. Итакъ, родъ „его обороны не примѣняется къ наличному оружію, а напротивъ“...

„Стоитъ посмотрѣть на безчисленныя формы животныхъ. На- „сколько каждая изъ нихъ сплошь составляетъ отпечатокъ своего „хотѣнія, видимое выраженіе стремленій воли, составляющихъ его „характеръ. Различіе формъ есть только картина этого различія „характеровъ.... Каждое особенное стремленіе воли представляется „особенной модификаціей формы. Поэтому мѣстопробываніе добычи „опредѣлило форму преслѣдователя: поэтому, если добыча удали- „лась въ трудно достигаемыя стихіи, въ отдаленныя закоулки, въ „ночь и мракъ, преслѣдователь принимаетъ соотвѣтственную „тому форму, и въ этомъ случаѣ ни одна не достаточно смѣшна, „чтобы воля къ жизни не выступила въ ней для достиженія своей „цѣли.... Какъ каждымъ органомъ и каждымъ оружіемъ для на- „паденія или защиты, воля въ каждомъ животномъ видѣ воору- „жилась и интеллектомъ какъ средствомъ сохраненія индивидуума „и рода.... Хищныя животныя ходятъ на охоту, а лисицы на во- „ровство не потому, что у нихъ больше ума, а потому, что поже- „лавши жить охотою и воровствомъ, они снабжены какъ болѣе „крѣпкими зубами и когтями, такъ и большимъ умомъ. (*Рус. пере- „водъ А. Фета. Изд. 2. М. 1892*).

замъ и поворачиваетъ винтъ, желая сдѣлать такъ, чтобы ей казалось ближе то, что она видитъ. Она можетъ не знать, изъ сколькихъ стеколъ состоитъ ея бинокль, можетъ не знать ихъ природы и свойствъ и совсѣмъ не обладать тѣми свѣдѣніями, какія требуются для изготовленія биноклей. Однако она приводитъ въ исполненіе свое желаніе, благодаря знаніямъ, которыми обладаютъ другіе люди.

Подобнымъ же образомъ и всюду, гдѣ человѣческій прогрессъ сближаетъ желаніе съ его удовлетвореніемъ, мы замѣчаемъ одно и то же: отъ человѣка для проявленія его воли начинается требоваться меньше знанія и пониманія, но зато больше вкладывается ихъ въ тѣ приспособленія, которыми онъ пользуется. Если простой шкиперъ въ наше время, съ помощью квадранта, морского календаря и таблицы логарифмовъ, легко опредѣляетъ по звѣздному небу положеніе своего корабля въ безпредѣльномъ океанѣ, то только лишь благодаря обширнымъ познаніямъ и неутомимымъ научнымъ трудамъ другихъ людей. Если дѣвочки, умѣющія лишь повернуть ключъ, истолковать звонокъ и вставить колокъ въ его мѣсто, бываютъ въ состояніи говорить другъ съ другомъ чрезъ сотни миль, то только лишь благодаря усиліямъ и знаніямъ изобрѣтателей и строителей.

Итакъ, въ области доступной для нашего опыта мы находимъ всегда, въ основѣ производящей дѣятельности того или другого рода, понимающую, сознающую волю и, видя какое-либо сложное приспособленіе въ рукахъ неразвитого человѣка, не колеблясь признаемъ его за произведение другого лица съ болѣе развитой мыслью. Къ какимъ же заключеніямъ должны мы притти, видя приспособленія болѣе высокаго типа, неизмѣримо превышающія разумѣніе существъ, которыя проявляютъ чрезъ нихъ свою волю, и выходящія, въ своемъ генезисѣ, за границу доступнаго нашимъ наблюденіямъ?

Что такое наше тѣло, какъ не сочетаніе, только болѣе

совершенное, тѣхъ же частей, какія мы видимъ въ машинахъ? Что такое наши глаза, какъ не болѣе совершенная система тѣхъ же линзъ, какія мы видимъ въ биноклѣ? И если, въ то время, когда я хочу что-либо схватить, мои руки сжимаются независимо отъ моего пониманія тѣхъ сложныхъ движеній, которыя должны послѣдовать при этомъ; если линзы въ моихъ глазахъ направляются въ ту или другую сторону и приспособляются къ различнымъ разстояніямъ при помощи тонкаго и сложнаго механизма при одномъ лишь моемъ желаніи видѣть какіе-либо предметы; если всюду въ мірѣ животныхъ и даже растений мы замѣчаемъ пользование приспособленіями, превышающими [человѣческое разумѣніе,—то какое же основаніе будемъ имѣть мы къ тому, чтобы считать такія приспособленія возникшими безъ всякаго знанія и пониманія? Не должны ли мы скорѣе признать въ нихъ доказательство какого-то болѣе обширнаго знанія и болѣе глубокаго пониманія, соединеннаго,—какъ всегда бывають соединены знаніе и пониманіе,—также съ высшимъ сознаніемъ?

Вернемся, однако, къ той книгѣ Бытія, которую раскрываетъ предъ нами синтетическая философія г. Спенсера.

Въ началѣ, если только можетъ быть рѣчь о началѣ,—непознаваемое; затѣмъ—сила; изъ силы—матерія и движеніе. Матерія появляется сперва, проникнутая движеніемъ, въ состояніи неопредѣленной, безсвязной однородности; потомъ, вслѣдствіе принципа, именуемаго „неустойчивостью однороднаго“, начинается интеграція матеріи и сопутствующее ей разсѣяніе движенія,—процессъ эволюціи, „при чемъ матерія переходитъ изъ состоянія неопредѣленной, безсвязной однородности въ состояніе опредѣленной, связной разнородности, а сохраненное движеніе подвергается параллельному преобразованію“.

Вотъ въ краткихъ словахъ все дѣло:

Матерія, вращаясь согласно гипотезѣ туманныхъ массъ,

даетъ начало туманнымъ скопленіямъ; тѣ — солнцамъ, отъ которыхъ отдѣляются, вращаясь, ихъ спутники; послѣдніе, съ теченіемъ времени, охлаждаются въ небесныя тѣла, подобныя нашей землѣ, при чемъ на ихъ корѣ, продолжая эволюцію, отдѣляются газы, и дифференцируются различные пласты неорганической матеріи. Послѣ цѣлаго ряда воздѣйствій движенія на матерію земля приспособляется для жизни, а благодаря различіямъ въ физической подвижности и химической дѣятельности среди матеріи возникаютъ кое-гдѣ, въ коллоидахъ или студенеобразныхъ веществахъ, первыя проявленія жизни. Жизнь же, по Спенсеру, есть „опредѣленная совокупность разнородныхъ перемѣнъ, одновременныхъ и послѣдовательныхъ, совершающихся въ соотвѣтствіи съ внѣшними сосуществованіями и послѣдовательностями“. Послѣ того, подѣйствіемъ различныхъ силъ, которыя все сводятся къ движенію и являются лишь его механическими эквивалентами, вырабатываются уже всевозможныя формы жизни, растительной и животной.

При этомъ-то процессѣ эволюціи и человѣкъ въ концѣ концовъ развился изъ какого-то низшаго животного, — и онъ, подобно всему прочему, есть не болѣе, какъ продуктъ эволюціоннаго процесса, который, проявляясь путемъ переживанія наиболѣе приспособленнаго, наслѣдственности и давленія окружающихъ условій, формировалъ и формируетъ людей примѣнительно къ этимъ условіямъ.

О первобытномъ человѣкѣ мы получаемъ отъ г. Спенсера весьма много и, при томъ, очень опредѣленныхъ свѣдѣній. Онъ былъ меньше и слабѣе теперешняго человѣка, особенно въ своихъ нижнихъ конечностяхъ, но имѣлъ большаго размѣра животъ и ранѣе достигалъ зрѣлости. Онъ былъ нерѣшителенъ и непостояненъ; ему неизвѣстны были удивленіе, любопытство или изобрѣтательность; его воображеніе могло только воспроизводить прошлое, но не было въ состояніи подняться до творчества; онъ не вѣдалъ от-

влеченной мысли и не зналъ того, что называется точностью и истиной, благостью, справедливостью или долгомъ; онъ не въ силахъ былъ представить себѣ даже и одного какого-либо закона, не говоря уже о законѣ вообще; у него не было привычки выражаться сколько-нибудь опредѣленно и провѣрять утвержденія другихъ людей; онъ не сознавалъ контраста между фактомъ и фикціей и не могъ внимательно взвѣшивать доказательствъ того или другого рода. Онъ былъ людоѣдомъ, отличался полной беспорядочностью въ своихъ половыхъ отношеніяхъ, не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о какой-либо другой жизни и о существованіи чего-либо сверхъестественнаго и ни мало не заботился и не думалъ о нравственномъ характерѣ своихъ отношеній къ ближнему, развѣ только матери-самки оказывали вниманіе своимъ дѣтенышамъ за время ихъ младенчества.

Какимъ образомъ этотъ жалкій уродъ, этотъ пузатый, коротконогій, злосчастный предокъ нашъ ухитрился избѣгнуть судьбы килькеннскихъ кошекъ *) и удержаться на землѣ,—этого мы не знаемъ: объ этомъ не сообщается опредѣленныхъ свѣдѣній; но все же изъ синтетической философіи видно, что онъ выпутывался изъ затрудненій слѣдую процессу эволюціи.

Описывается въ синтетической философіи и дальнѣйшій ходъ эволюціи человѣка. Тѣнь отъ своего тѣла первобытный человѣкъ принималъ за другого самого себя и „при содѣйствіи сновидѣній добрался, такимъ образомъ, до вѣрованія въ двойниковъ,—даже болѣе распространеннаго, чѣмъ то, какое истолковывается г. Стэдомъ въ его собраніи разсказовъ о духахъ. Потомъ онъ пришелъ къ вѣрованію въ другую жизнь, а отъ боязни своихъ начальниковъ и стрем-

*) Двѣ кошки, въ ирландской сказкѣ, которыя такъ жестоко дрались между собой, что отъ нихъ остались лишь одни хвосты.

ленія умилоствити ихъ послѣ ихъ смерти, перешелъ къ вѣрѣ въ Бога. Кой-какое вниманіе къ другимъ людямъ и грубое понятіе о собственности подобнымъ же образомъ развились изъ боязни мщенія со стороны обиженныхъ или ограбленныхъ и изъ страха наказанія отъ начальниковъ. Съ развитіемъ рабства мало-по-малу стало уничтожаться людоедство, ибо сдѣлалось выгоднѣе посылать плѣнныхъ на работу, вмѣсто того, чтобы поѣдать ихъ. Однако первобытный человѣкъ былъ не только людоедомъ; онъ гонялся также за трофеями и добывалъ человѣческія головы и челюсти ради нагляднаго доказательства своей храбрости. Такое тщеславіе его повело къ обычаю уродованія живыхъ людей или самоуродованія изъ-за знаковъ уваженія или почтенія, а также къ приношенію подарковъ, которое съ одной стороны дало начало государственнымъ и церковнымъ доходамъ, а съ другой — привело къ большому уваженію собственности, къ признанію цѣнности, затѣмъ къ обмѣну и торговлѣ. Подобнымъ же образомъ развились и всѣ вообще наши понятія, чувства, инстинкты и обычаи. Что же касается спорнаго вопроса о томъ, имѣются ли у насъ врожденныя идеи, или всѣ наши идеи выводятся нами изъ опыта, то синтетическая философія даетъ на него такой отвѣтъ: хотя всѣ наши идеи, въ концѣ концовъ, выводятся нами изъ опыта, тѣмъ не менѣе, все же, мы можемъ раздѣлить ихъ на двѣ группы: во-первыхъ, на идеи, которыя зарегистрированы въ наслѣдуемой нами нервной системѣ опытомъ нашихъ предковъ и потому кажутся намъ первичными или врожденными, и, во-вторыхъ, на идеи, которыя непосредственно выводятся нами изъ опыта.

Такова, въ короткихъ словахъ, система философіи, которую развивалъ г. Спенсеръ въ промежуткѣ времени между выходомъ въ свѣтъ „Общественной Статики“ и „Справедливости“, — система, приложенная имъ въ послѣднемъ изъ названныхъ сочиненій къ рѣшенію тѣхъ самыхъ нравствен-

ныхъ вопросовъ, которые разсматривались имъ въ первомъ.

О несостоятельности этой философіи, объ ея неспособности истолковать человѣческій прогрессъ и связать великіе факты человѣческой жизни и человѣческой исторіи я уже имѣлъ случай говорить достаточно подробно въ X книгѣ „Прогресса и бѣдности“, носящей заглавіе: „Законъ человѣческаго прогресса“. И если что занимаетъ меня въ настоящее время, такъ это вопросъ: можетъ ли быть найдено въ этой философіи какое-либо основаніе для нравственныхъ понятій того или другого рода.

Я не вижу въ ней его и не думаю, чтобы былъ въ состояніи указать его г. Спенсеръ. Хотя онъ и продолжаетъ осуждать Бентама, котораго осуждалъ въ „Общественной Статикѣ“, тѣмъ не менѣе, въ своихъ усиліяхъ добратся до чего-либо похожаго на нравственную санкцію, онъ не заходитъ, все же, далѣе принципа цѣлесообразности.

Да и возможно ли для него что-либо иное? Если всѣ мы, съ нашими мыслями и чувствами, представляемъ изъ себя лишь преходящую фазу взаимодействія матеріи и движенія; если позади силы, проявляющейся въ матеріи и движеніи, нѣтъ ничего, кромѣ непознаваемаго, и если впереди насъ есть лишь разсѣяніе, — разсѣяніе личное, когда мы умремъ, а матерія и сила, изъ коихъ мы только и состоимъ, начнутъ свой переходъ въ другія формы; затѣмъ, вымираніе расы и разсѣяніе всей планеты, — то почему бы намъ не считать за лучшее для себя пить, ѣсть и веселиться, пока имѣется еще къ тому возможность и не испортился желудокъ? Если наше представленіе о Богѣ и будущей жизни есть не болѣе, какъ результатъ ошибки дикарей, настолько глупыхъ, что тѣнь принималась ими за двойника, а сонъ за реальность: если и до сего времени мы продолжали бы поѣдать другъ друга, не случись между нами такого, который открылъ, что пользоваться трудомъ людей выгоднѣе,

чѣмъ мясомъ; если то, что мы называемъ голосомъ совѣсти, есть не что иное, какъ слѣдствіе привычки, доставшейся намъ отъ предковъ, результатъ боязни наказанія, передающійся чрезъ нервную систему, — то почему бы намъ не лгать, когда ложь покажется намъ удобной и спасительной; почему не пускаться въ дѣла сомнительной честности, когда будетъ извѣстно, что они не связаны съ неудобствами, лишеніями или отвѣтственностью передъ закономъ, почему не продавать своихъ силъ и способностей тому, кто больше можетъ дать богатства или почестей?

Спенсеровская философія судить о побужденіяхъ лишь по результатамъ и за желательный результатъ признаетъ только увеличеніе пріятностей жизни. Воздержаніе, цѣломудріе, честность, трудолюбіе, забота объ общемъ благѣ, великодушіе, любовь, въ ея глазахъ, имѣютъ цѣну лишь постольку, поскольку они могутъ содѣйствовать, прямо или косвенно, большому наслажденію индивидуумовъ. Самоотверженность героевъ, преданность волѣ Божіей святыхъ, твердость мучениковъ; тотъ духъ, который облагораживаетъ лѣтописи человѣчества и во всѣ времена побуждалъ и побуждаетъ людей жертвовать своимъ спокойствіемъ, богатствомъ, здоровьемъ и жизнью въ погонѣ за истиной и благомъ людей; возвышенная надежда разбить цѣпи рабовъ, открыть глаза слѣпымъ и сдѣлать жизнь грядущихъ поколѣній болѣе полной, чистой и радостной; вѣра, не знающая страха и сомнѣній: все это чуждо этой философіи, все это странно для нея. Въ томъ холодномъ блескѣ, который она принимаетъ за солнечный свѣтъ, люди, составляющіе соль земли, должны казаться ей дураками, ибо человѣческую волю она признаетъ за дѣятельную силу прогресса не болѣе, чѣмъ волю Бога. Все то, что существуетъ и что когда-либо будетъ существовать, согласно ей, опредѣляется все-сокрушающею работою силъ, которая сводится въ конечномъ анализѣ къ интеграціи матеріи и разсѣянію движенія.

Ея фатализмъ совершенно исключаетъ свободную волю. Вліяніе окружающей среды и наслѣдственность, это — все для нея; свободная воля — ничто. Доведите эту философію до ея законныхъ заключеній, и человѣкъ окажется просто автоматомъ, который считаетъ себя свободнымъ только потому, что не видитъ струнъ, коими онъ приводится въ движеніе. Я—человѣкъ потому, что я выработался путемъ эволюціи изъ животнаго, какъ булыжникъ выработался изъ каменной глыбы, какъ животное, мой предокъ, выработалось изъ коллоида, а коллоидъ изъ неопредѣленной, безсвязной, однородной матеріи. И я—человѣкъ того или другого типа, съ тѣми или другими способностями, вкусами и привычками, съ тѣми или другими особенностями въ мысляхъ, чувствахъ, воспріятіяхъ и образѣ дѣйствія, только потому, что таковы были тѣ внѣшнія вліянія, которыя накладывали свой отпечатокъ на унаслѣдованную мною нервную организацію моихъ предковъ и сказывались лично на мнѣ. Общественныя учрежденія, продуктъ подобной же эволюціи, совершавшейся безъ участія свободной воли, должны развиваться далѣе опять-таки безъ всякаго содѣйствія или помѣхи со стороны чего-либо такого, что на самомъ дѣлѣ представляло бы изъ себя мое свободное желаніе или волю.

Крайности сходятся иногда самымъ причудливымъ образомъ. Философія Шопенгауера, прямая противоположность спенсеровской по своему признанію воли за начало всего существующаго, — подобно родственнымъ ей философскимъ ученіямъ Индіи называющая зломъ самое существованіе и находящая успокоеніе лишь въ отреченіи отъ воли или желанія жить, ---создала бы, при своемъ распространеніи въ Европѣ, такое же безнадежное состояніе, такую же готовность гнуть спину передъ всякимъ тираномъ, какія издавна замѣчались среди народныхъ массъ Индіи. Философія г. Спен-

сера, съ ея замаскированнымъ фатализмомъ, я полагаю, должна была бы повести къ подобнымъ же результатамъ“ *).

*) Въ „Прогрессъ и Бѣдности“, книга X, глава I, я писалъ:

„Практическимъ слѣдствіемъ этой теоріи является тотъ исполненный надежды фатализмъ, какимъ пропитана текущая литература. Выходить, что прогрессъ есть результатъ силъ, которыя медленно, неуклонно и безучастно работаютъ надъ возвышеніемъ человѣка. Война, рабство, тираннія, суевѣріе, голодъ, моръ, нужда и нищета, эти ужасные спутники современной цивилизаціи, оказываются тѣми факторами, которые двигаютъ впередъ человѣчество, выбрасывая болѣе слабые типы и давая ходъ болѣе сильнымъ, а наслѣдственная передача—тѣмъ механизмомъ, который сохраняетъ достигнутые успѣхи и дѣлаетъ ихъ опорой для достиженія новыхъ. Индивидуумъ оказывается результатомъ перемѣнъ, такимъ образомъ отпечатывавшихся и закрѣплявшихся на длинномъ рядѣ прежде жившихъ индивидуумовъ, а общественная организація получаетъ свою форму отъ индивидуумовъ, изъ которыхъ она составляется. Такъ что теорія эта, какъ говоритъ Гербертъ Спенсеръ („Объ изученіи соціологіи“. — Заключеніе), „радикальнѣе обычнаго радикализма“, ибо она ищетъ перемѣны въ самой природѣ человѣка, и въ то же время „консервативнѣе обычнаго консерватизма“, ибо придаетъ значеніе только лишь этимъ медленнымъ перемѣнамъ въ человѣческой природѣ. Философы могутъ учить, что такого рода взглядъ не умаляетъ обязанности стремиться къ искорененію злоупотребленій, какъ богословы, проповѣдующіе вѣру въ предопредѣленіе, учатъ, что каждый обязанъ бороться ради спасенія души; но при обычномъ пониманіи въ результатъ все же получается фатализмъ: „мы будемъ дѣлать все, что можемъ, а мельницы боговъ знай-себѣ будутъ молотъ, не замѣчая ни нашей помощи, ни нашей помѣхи“.

Нѣсколько лѣтъ спустя я натолкнулся на интересную иллюстрацію къ моимъ словамъ въ бесѣдѣ съ покойнымъ Э. Л. Юманзомъ, великимъ популяризаторомъ спенсеровскихъ доктринъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Это былъ человѣкъ горячихъ симпатій и благороднаго сердца, и его философія, на мой взглядъ, была для него какъ бы нескладной одеждой съ чужого плеча, которую онъ натянулъ на себя не примѣривъ. Онъ заговорилъ о политической развращенности Нью-Йорка, о крайней безпечности и себялюбіи

И какъ пессимистическая философія одного, повидимому, создана была не чѣмъ инымъ, какъ оставленіемъ области дѣйствія изъ-за чистаго умозрѣнія, пресыщенностью и скукой, которыя должны были затѣмъ послѣдовать, такъ и эволюціонная философія другого создана была подобными же условіями: отказомъ отъ благородной цѣли, оставленіемъ тернистаго пути, на которомъ пришлось бы столкнуться съ узаконенной неправдой, и переходомъ къ болѣе веселому міросозерцанію, когда признается, что жизнь такою и должна быть, какова она есть.

Не мнѣ разбирать, что здѣсь причина, и что- -слѣдствіе: но слишкомъ-то ужъ бросается въ глаза соотвѣтствіе между философіей г. Спенсера, игнорирующей духъ и не вѣдающей долга, и особенностями его положенія, поскольку онѣ выразились въ его письмахъ въ „Сентъ-Джемзскую Газету“ и „Таймзъ“, равно въ статьяхъ: „Человѣкъ или государство“. Въ „Справедливости“ это соотвѣтствіе станетъ еще болѣе замѣтно.

богатыхъ классовъ и ихъ готовности поддерживать и распространять все то, что можетъ служить ихъ главной цѣли набиванія кармановъ. Его рѣчь становилась все болѣе и болѣе горячей, такъ что, негодуя, онъ почти кричалъ.

Я напомнилъ ему о разговорѣ, который мы вели съ нимъ нѣсколько ранѣе, при чемъ я отстаивалъ, а онъ отвергалъ обязанность принимать участіе въ политикѣ, и затѣмъ спросилъ его: „Что же слѣдовало бы предпринять по вашему мнѣнію?“

Его осанка и тонъ мгновенно измѣнились. Онъ какъ бы вспомнилъ о своемъ спенсеріанизмѣ, задумался и потомъ отвѣчалъ съ оттѣнкомъ грусти: „А ничего! Ни вамъ, ни мнѣ ничего не слѣдуетъ предпринимать. Это все дѣло эволюціи, и намъ остается лишь ожидать. Она, хотя бы черезъ четыре или пять тысячъ лѣтъ, можетъ измѣнить положеніе дѣлъ. Но мы... ничего не можемъ сдѣлать“.

ГЛАВА IV.

Идея справедливости въ синтетической философіи.

Въ книгѣ, носящей названіе „Справедливость“, — такъ сказать, въ кульминаціонномъ пунктѣ развитія своей эволюціонной или синтетической философіи, — г. Спенсеръ поставилъ своей задачей обсужденіе общественно-экономическихъ вопросовъ, стоящихъ въ непосредственной связи съ идеей справедливости.

Но что такое—справедливость?

Это—воздаяніе каждому должнаго. Имъ предполагается, какъ нѣчто самопонятное, нравственный законъ съ вытекающими изъ него естественными правами. Но гдѣ же найдемъ мы какое-либо основаніе для идеи справедливости въ философіи, которая отрицаетъ духъ, игнорируетъ волю и признаетъ всѣ качества и свойства человѣка за результатъ интеграціи матеріи и разсѣянія движенія?

„Справедливость“, говоритъ Монтескье, „есть отношеніе соотвѣтствія, которое на самомъ дѣлѣ существуетъ между двумя вещами. Отношеніе это всегда одно и то же, какое бы существо ни разсматривало его, будь то Богъ, или ангель, или, наконецъ, человѣкъ“. Такъ же разсуждалъ объ этомъ и г. Спенсеръ въ „Общественной Статикѣ“. Справедливость, говорилъ онъ, означаетъ собой одинаковость, — другими словами, отношеніе соотвѣтствія или равенства, которое всегда одно и то же и понятно всѣмъ людямъ, каковы бы ни были

ихъ образованіе или знанія. Опорнымъ пунктомъ всего его разсужденія служило признаніе врожденнаго нравственнаго чувства, „которое можетъ отрицать лишь тотъ, кто слѣдуетъ какой-нибудь предвзятой теоріи“. Это чувство для нравственности—то же, что воспріятіе первичныхъ количественныхъ отношеній для математики, и именно оно дѣлаетъ насъ способными замѣчать тотъ „вѣчный законъ существующаго“ или тотъ „божественный порядокъ“, которому мы можемъ слѣдовать въ нашемъ поведеніи и въ оцѣнкѣ поступковъ другихъ людей, минуя шаткія соображенія о пользѣ индивидуума или общества. И это чувство, мнѣ кажется, какъ бы неотдѣлимо отъ самой идеи справедливости, такъ что всякій человѣкъ, каковы бы ни были его теоріи, думая о нравственномъ или безнравственномъ, о справедливомъ или несправедливомъ, обязательно представляетъ себѣ извѣстное отношеніе, подобное равенству или неравенству, которое всегда и всюду можетъ быть усмотрѣно каждымъ другимъ человѣкомъ.

Однако эту само-понятность естественныхъ правъ синтетическая философія отрицаетъ. Она допускаетъ существованіе естественныхъ правъ,—другими словами, правъ, которыя являются достояніемъ cadaго отдѣльнаго человѣка, просто какъ такового, и потому равны; но она выводитъ генезисъ этихъ правъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ признаніе человѣкомъ изъ того процесса его эволюціи, при которомъ они развивались, или онъ доходилъ до сознанія ихъ, послѣ извѣстной „общественной дисциплины“, а отнюдь не ранѣе. Если бы подобныя права существовали ранѣе, то они должны бы были существовать въ потенціальномъ видѣ или какъ-либо иначе, въ родѣ платоновыхъ идей. Но тогда ими предполагался бы предначертанный порядокъ,—стало бы, разумная воля, которой мы приписываемъ правосудіе, и затѣмъ — Богъ. А это все противорѣчило бы теперешнимъ взглядамъ г. Спенсера,—собственно не тѣмъ его взглядамъ,

согласно которымъ наша физическая природа выводится изъ природы низшихъ животныхъ и затѣмъ изъ интеграціи матеріи и движенія: это было бы цѣликомъ дѣломъ внѣшней формы (что наши тѣла получаютъ, по выраженію Писанія, изъ „праха земли“, такъ же вѣрно, какъ то, что ледъ получается изъ воды), — а тѣмъ его взглядамъ, согласно которымъ за нашимъ его признается подобный генезисъ, и всѣ наши умственные и нравственные качества оказываются результатомъ варіаціи, переживанія наиболѣе приспособленныхъ, вліянія окружающей обстановки, общественной дисциплины и наслѣдственной передачи приобрѣтенныхъ особенностей.

Это противорѣчіе замѣчено было г. Спенсеромъ. И бросивъ свой прежній выводъ и истолкованіе справедливости, онъ даетъ въ „Справедливости“ другой выводъ и другое истолкованіе, согласные съ его новой философіей, удѣляя этому предмету первыя восемь главъ, или нѣсколько болѣе пятой части всей книги. Состоятельны они или несостоятельны, послѣдовательны или непослѣдовательны, — этого мы разбирать не будемъ; намъ нужно лишь прослѣдить тотъ путь, какимъ онъ пришелъ къ идеѣ справедливости и ея формулировкѣ, дабы имѣть возможность рассмотреть ученія „Справедливости“ съ признанной имъ самимъ точки зрѣнія.

Чтобы представить аргументацію г. Спенсера съ наибольшей полнотой, я сдѣлаю обзоръ первыхъ восьми главъ „Справедливости“, пользуясь по возможности его собственными словами, но обозначая ихъ вносными знаками лишь тамъ, гдѣ они цѣликомъ приводятся на значительномъ протяженіи.

Вотъ эти главы:

1.—Нравственность животныхъ.

Въ незрѣломъ возрастѣ благодѣянія, получаемыя животнымъ, должны быть обратно пропорціональны тѣмъ способностямъ, какими оно обладаетъ. Въ зрѣломъ возрастѣ получаемыя имъ благодѣянія должны измѣняться въ пря-

момъ отношеніи къ его способностямъ или приспособленности. Животное, плохо приспособленное къ окружающимъ условіямъ, должно страдать изъ-за своей неприспособленности, хорошо приспособленное—пользоваться выгодами своей приспособленности.

2.—Ниже-человѣческая справедливость.

Законъ ниже-человѣческой справедливости предписываетъ, чтобы каждый индивидуумъ испытывалъ на себѣ хорошія и дурныя слѣдствія своей природы и вытекающаго изъ нея поведенія.

3.—Человѣческая справедливость.

Каждый индивидуумъ долженъ испытывать на себѣ хорошія или дурныя слѣдствія своей природы и вытекающаго изъ нея поведенія. Не должно допускать того, чтобы онъ лишался тѣхъ благъ, къ какимъ естественно приводятъ его дѣйствія, но не должно допускать и того, чтобы онъ перелагалъ на другого могущее послѣдовать отъ нихъ зло.

4.—Чувство справедливости.

Сознаніе того, что мы должны безпрепятственно испытывать на себѣ слѣдствія своей природы и вытекающихъ изъ нея дѣйствій, это сознаніе, побуждающее насъ охранять свободу своихъ дѣйствій, есть результатъ унаслѣдованныхъ измѣненій, произведенныхъ привычкой, переживанія индивидуумовъ, имѣющихъ болѣе приспособленное строеніе нервной системы, и болѣе распространенія группъ, составленныхъ изъ такихъ индивидуумовъ. Признаніе подобной же свободы за другими людьми развивается изъ боязни мщенія, изъ наказаній за ея нарушеніе, которыя оказываются въ интересъ начальниковъ, изъ страха передъ духами умершихъ вождей, изъ страха предъ Богомъ, когда культъ поклоненія духамъ умершихъ вождей смѣняется богопочитаніемъ, и, наконецъ, изъ чувства симпатіи, возникающаго изъ стадности.

5.—Идея справедливости.

Наталкиваясь на злобу и упорное противодѣйствіе, люди научаются въ концѣ концовъ различать предѣлы, въ которыхъ для дѣятельности того или другого рода можетъ быть предоставляема полная свобода. Однако проходить очень немало времени, прежде чѣмъ становится ясной для нихъ природа предѣла общаго для всѣхъ родовъ дѣятельности. Два элемента вырисовываются при этомъ съ особенной рельефностью: положительный—въ признаніи человѣкомъ своего права на безпрепятственную дѣятельность и на тѣ блага, къ которымъ она приводитъ, и отрицательный—въ сознаніи границъ, за которыя онъ не можетъ переходить въ виду присутствія другихъ людей, имѣющихъ такія же права. Первый элементъ побуждаетъ къ неравенству, ибо, если каждый долженъ испытывать на себѣ благія слѣдствія своей природы и вытекающаго изъ нея поведенія, то при различіи между людьми въ силахъ должно оказаться различіе и въ достигаемыхъ ими результатахъ. Второй элементъ побуждаетъ къ равенству, ибо, пытаясь установить границы для дѣятельности каждаго индивидуума и тѣмъ избѣгнуть ссоръ, люди на опытѣ убѣждаются, что граница эта для всѣхъ одна и та же. Чрезмѣрное вниманіе къ первому элементу, поддерживаемое войнами, приводитъ къ общественной организаціи воинственнаго типа, среди которой неравенство устанавливается властью и обусловливается не естественнымъ полученіемъ большихъ наградъ при большихъ заслугахъ, а искусственнымъ назначеніемъ большихъ наградъ за большія заслуги. Чрезмѣрное вниманіе ко второму элементу приводитъ къ теоріямъ, подобнымъ бентамовскому принципу наибольшаго счастья, къ коммунизму и социализму. При правильномъ отношеніи равенство будетъ признаваться для взаимно-ограничивающихъ сферъ дѣятельности членовъ общества, находящихся въ гармоничной коопераціи, а неравенство—для результатовъ, которыхъ достигаетъ каждый

членъ своими дѣйствіями въ этой ограниченной сферѣ. И это равенство и это неравенство могутъ и должны признаваться одновременно.

6.—Формула справедливости.

Она должна быть положительной, насколько въ ней признается, что каждый индивидуумъ, испытывая на себѣ хорошія и дурныя слѣдствія своихъ поступковъ, свободенъ дѣлать то, что онъ пожелаетъ. И она должна быть отрицательной, поскольку въ ней признается, что каждый свободенъ дѣлать то, что пожелаетъ, не иначе, какъ съ ограниченіями, налагаемыми присутствіемъ другихъ индивидуумовъ съ такимъ же правомъ на дѣятельность. Очевидно, что въ положительномъ элементѣ формулы выражается условіе необходимое для жизни вообще, а въ отрицательномъ — видоизмѣняется это условіе для того случая, когда вмѣсто единичной жизни возникаетъ совмѣстная жизнь нѣсколькихъ индивидуумовъ.

Слѣдовательно, намъ остается только выразить болѣе или менѣе точно ту мысль, что свобода каждаго должна ограничиваться равной свободой другихъ. Это мы и дѣлаемъ, говоря, что каждый человѣкъ свободенъ дѣлать то, что онъ пожелаетъ, лишь бы при этомъ не нарушалась равная свобода всѣхъ другихъ людей.

7.—Авторитетъ этой формулы.

Школа, господствующая въ политикѣ и нравственной философіи, питаетъ презрѣніе къ доктринамъ, допускающимъ какое-либо стѣсненіе непосредственно полезныхъ дѣйствій. Но, если законъ причинности имѣетъ универсальное значеніе, онъ долженъ прилагаться повсюду и къ дѣйствіямъ людей, живущихъ въ обществѣ. Въ процессѣ эволюціи отчетливое представленіе о справедливости могло сложиться лишь постепенно. Образованіе его совершалось быстрѣе при мирныхъ отношеніяхъ и задерживалось войнами. Тѣмъ не менѣе всюду, гдѣ позво-

ляли обстоятельства, оно медленно развивалось и достигало приблизительно вѣрныхъ выраженій, какъ въ еврейскихъ заповѣдяхъ, въ основномъ христіанскомъ правилѣ, не дѣлающемъ однако различія между великодушіемъ и справедливостью, и въ болѣе новыхъ формахъ въ принципѣ Канта. Оно выразилось также и въ законодательной области,—въ основныхъ положеніяхъ естественнаго права, которыя признаются даже такимъ деспотически настроеннымъ законовѣдомъ, какъ Остинъ.

Но это все, скажутъ,—апріорныя понятія. Доктрина эволюціи учитъ, что апріорныя понятія, свойственныя вообще людямъ, должны были возникнуть, если не изъ опыта индивидуумовъ, каждаго въ отдѣльности, то во всякомъ случаѣ изъ опыта расы. Первичныя болѣе или менѣе устойчивыя воспріятія должны были сложиться при томъ сношеніи съ окружающимъ міромъ, которое въ теченіе многихъ вѣковъ такъ или иначе накладывало извѣстный отпечатокъ на организацію нервной системы и опредѣляло формы мысли. Такимъ образомъ даже и въ томъ случаѣ, если бы законъ равной свободы былъ выведенъ апріорнымъ путемъ, въ немъ все же нужно бы было видѣть нѣкоторое приближеніе къ истинѣ, если не самую истину. Развѣ индуктивная школа, съ Бентамомъ и Миллемъ во главѣ, не принуждена была въ концѣ концовъ искать опоры въ апріорныхъ заключеніяхъ?

Однако принципъ естественной справедливости, выражающійся въ ограниченіи свободы каждаго равной свободой другихъ, никоимъ образомъ не есть только апріорное понятіе.

„Изслѣдуя факты, мы признали за основной законъ, въ „соотвѣтствіи съ которымъ совершалось развитіе жизни отъ „ея низшихъ до наиболѣе высокихъ формъ, тотъ принципъ, „что каждый взрослый индивидуумъ долженъ испытывать на „себѣ слѣдствія своей природы и своихъ поступковъ,—прин-

„цпѣ, ведущій къ переживанію наиболѣе приспособленнаго.
„И закономъ этимъ, конечно, предполагается признаніе той
„полной свободы дѣйствія, которая образуетъ положительный
„элементъ въ формулѣ справедливости,—ибо безъ полной
„свободы дѣйствія невозможно было бы сохранить соотвѣт-
„ствіе между поступками и ихъ послѣдствіями. Различные
„примѣры подтвердили заключеніе, ясное въ теоріи, что
„среди стадныхъ животныхъ эта свобода дѣйствія каждого
„должна подвергаться ограниченіямъ, ибо безъ ограниченія
„ея должно было бы наступить столкновеніе желаній, дѣлаю-
„щее невозможной стадную жизнь. И фактъ, что даже низ-
„шія стадныя животныя, при всемъ своемъ сравнительно
„слабомъ умственномъ развитіи, подвергаются карамъ за на-
„рушеніе необходимыхъ ограниченій, показываетъ намъ, какъ
„безсознательно развилось къ нимъ вниманіе, и какъ рано
„они сдѣлались условіемъ устойчивости общественной жизни“.

„Эти два закона, которые прилагаются: одинъ—ко всѣмъ
„вообще живымъ существамъ, а другой—ко всѣмъ обще-
„ственнымъ живымъ существамъ, и которые получаютъ тѣмъ
„большее значеніе, чѣмъ далѣе заходитъ эволюція, достигаютъ
„своей послѣдней и наиболѣе полной сферы дѣйствія въ че-
„ловѣческомъ обществѣ. Мы уже видѣли, какъ съ ростомъ
„мирной коопераціи усиливалось подчиненіе этому состав-
„ному закону, въ его положительномъ и отрицательномъ
„выраженіи; и мы видѣли также, какъ обнаруживалось
„одновременно чувственное признаніе его и умственное
„усвоеніе“.

„Такъ что мы можемъ не только заключать, основываясь
„на вышеприведенныхъ доводахъ, что апріорное понятіе это
„имѣетъ свое начало въ опытѣ расы, но также ставить его
„въ связь съ опытомъ всѣхъ живыхъ существъ вообще и
„видѣть въ немъ сознательное приспособленіе къ нѣкото-
„рымъ необходимымъ соотношеніямъ въ порядкѣ природы“.

„Высшей санкціи нельзя и придумать; потому, признавъ

„законъ равной свободы за первичный нравственный принципъ, имѣющій наибольшій авторитетъ, мы можемъ про-
„должать наше изслѣдованіе“.

8.—Выводы изъ формулы.

Чтобы общая формула справедливости могла служить руководящимъ принципомъ, слѣдуетъ сдѣлать изъ нея частные выводы, прилагаемые къ различнымъ классамъ поступковъ. Нѣкоторые отдѣльные виды свободы, выводимые изъ закона равной свободы, могутъ быть названы съ удобствомъ, какъ ихъ и называютъ обыкновенно,—п р а в а м и. Права, справедливо такъ называемыя, суть выводы изъ закона равной свободы; права, ошибочно признаваемыя правами, не могутъ быть выведены изъ него.

Было бы бесполезно разбираться въ этой аргументаціи. Для нашей цѣли достаточно лишь увѣриться, что въ „Справедливости“ г. Спенсеръ вновь утверждаетъ тотъ самый принципъ, исходя изъ котораго онъ осуждалъ въ „Общественной Статикѣ“ частную собственность на землю.

ГЛАВА V.

Задача г. Спенсера.

Первыя восемь главъ „Справедливости“, какъ мы видѣли, привели г. Спенсера иною дорогою къ тому же самому „первому принципу“, который былъ установленъ имъ на сорокъ лѣтъ ранѣе въ „Общественной Статикѣ“, и изъ котораго были выведены имъ равное право всѣхъ людей на пользованіе землей и нравственная несостоятельность частной собственности на землю,—„наперекоръ всѣмъ записямъ, обычаямъ и законамъ“.

Намъ нѣтъ теперь дѣла до „Общественной Статики“. Намъ нѣтъ дѣла и до перемѣнъ во взглядахъ г. Спенсера, телеологическихъ, метафизическихъ или другихъ какого бы то ни было рода. Мы хотимъ здѣсь знать г. Спенсера только лишь какъ автора синтетической философіи, который, опираясь на доктрину эволюціи, устанавливаетъ тотъ основной, самопонятный принципъ, долженствующій служить исходнымъ пунктомъ для вывода всѣхъ человѣческихъ правъ: что каждый человѣкъ свободенъ дѣлать все, что пожелаетъ, лишь бы имъ не нарушалась при этомъ свобода всѣхъ другихъ людей. *) Какого рода заключеніе о правѣ на пользованіе зем-

*) Изъ „Приложенія А“ къ „Справедливости“ мы узнаемъ, что г. Спенсеръ до самаго послѣдняго времени считалъ этотъ принципъ за выраженный впервые имъ въ „Общественной Статикѣ“. Однако въ 1883 году профессоръ Мэтлендъ доказывалъ, что „по-

лей вытекаетъ изъ этого основного принципа эволюціонной философіи? Не то ли самое, къ какому пришелъ г. Спенсеръ много лѣтъ тому назадъ, внимая простымъ и яснымъ требованіямъ логики?

„Представимъ себѣ человѣческихъ существъ, одинаково „стремящихся къ удовлетворенію своихъ желаній, предста- „вимъ себѣ міръ, приспособленный къ удовлетворенію этихъ „желаній, міръ, въ который эти существа рождаются оди- „наковымъ образомъ, и мы тотчасъ же замѣтимъ, что они „должны имѣть равныя права на пользованіе этимъ міромъ. „Ибо, если каждое изъ нихъ свободно дѣлать все, что поже- „лаетъ, лишь бы только оно не нарушало равной свободы „всѣхъ другихъ существъ, каждое изъ нихъ, значить, „обладаетъ свободой пользоваться землею для удовле- „творенія своихъ нуждъ, предоставляя лишь всѣмъ другимъ по-

добная же доктрина, хотя и въ иныхъ терминахъ, провозглашена была еще Кантомъ“. По этому поводу г. Спенсеръ пишетъ, что „не будучи въ состояніи прочесть нѣмецкихъ цитатъ, приведенныхъ Мэтлендомъ“, онъ не могъ тотчасъ же провѣрить его утвержденія, и лишь, когда онъ писалъ „Справедливость“ и довелъ ее до VI главы, онъ открылъ въ недавно вышедшемъ англійскомъ переводѣ Канта кой-какія мѣста, несомнѣнно „доказывающія, что Кантъ достигъ заключенія, если не совершенно тождественнаго съ тѣмъ, какого достигъ онъ, то все же чрезвычайно къ нему близкаго“.

Я упоминаю объ этомъ только лишь для того, чтобы показать, какъ высоко цѣнится до сего времени г. Спенсеромъ тотъ „первый принципъ“, который привелъ его къ осужденію частной собственности на землю. Иначе обо всемъ этомъ не стоило бы и говорить. Самый принципъ былъ формулированъ г. Спенсеромъ достаточно хорошо и выведенъ вполне самостоятельно. Вопросъ же о томъ, кѣмъ впервые онъ былъ доказанъ, имѣетъ такъ же мало значенія, какъ и вопросъ о томъ, кѣмъ впервые было доказано, что дважды два—четыре. Есть истины самопонятныя для человѣка, — которыя можетъ замѣтить всякій, имѣющій зрѣніе; къ такого рода истинамъ относится и принципъ г. Спенсера.

„добную же свободу. И мы замѣтимъ также, что, наобо-
ротъ, ни одно изъ нихъ и никакая часть ихъ не можетъ
„пользоваться землею, не допуская остальныхъ до подоб-
наго же пользованія землею, ибо чрезъ это они признали
„бы за собой бѣольшую свободу, чѣмъ за остальными, а по-
тому нарушили бы законъ“.

Есть ли вообще какой-либо выводъ въ IX главѣ „Обще-
ственной Статики“, который не являлся бы въ то же время
необходимымъ слѣдствіемъ соотвѣтствующей аргументаціи
г. Спенсера въ „Справедливости“; есть ли хоть какое-либо
слово, которое требовалось бы замѣнить при выводѣ какихъ
бы то ни было слѣдствій изъ основной формулы „Справед-
ливости“, — за единственнымъ исключеніемъ слова „Богъ?“
А вѣдь замѣна слова „Богъ“ словами „Непознаваемое“ или
„Эволюція“ нимало не измѣнила бы сущности самой аргу-
ментаціи и не ослабила бы ея силы.

Какъ же станетъ оправдывать тогда г. Спенсеръ част-
ную собственность на землю, — къ чему онъ обязалъ себя
уже своими письмами въ „Таймзъ?“ Какъ станетъ онъ вы-
водить право землевладѣльцевъ на вознагражденіе за ихъ
землю или поддерживать другія ихъ права, которыми огра-
ничивается или уничтожается одинаковое право всѣхъ людей
на пользованіе землей?

Для профессора Гексли и людей, ему подобныхъ, это—со-
всѣмъ простое и легкое дѣло. Нужно только отрицать су-
ществованіе естественныхъ правъ,—другими словами, правъ,
имѣющихъ какую-либо болѣе высокую и устойчивую санк-
цію, чѣмъ простое распоряженіе начальства. Чрезъ это от-
крывается, правда, опасная дилемма, ибо, если признавать
единственной санкціей права рѣшеніе высшей власти, то
чѣмъ тогда защитить богачей при переходѣ законодатель-
ной власти въ руки бѣдняковъ? Но—„послѣ насъ хоть по-
топъ“, и забота объ этомъ мало смущаетъ людей, которые
такъ просто смотрятъ на вещи. Г. Спенсеръ не можетъ

однако пойти по ихъ стопамъ, и не изъ-за того, что было высказано имъ раньше по земельному вопросу (слова можно взять назадъ), а изъ-за его философіи. Если нѣтъ права, кромѣ силы, то какой смыслъ можетъ имѣть вся его философія, и кому она можетъ быть нужна? Если нѣтъ законовъ, кромѣ государственныхъ, то зачѣмъ ему писать книги, въ которыхъ разбирается, что должно и чего не должно дѣлать государство? Да къ тому же, имъ только что выведена была формула справедливости, имѣющая, по его словамъ, наивысшій авторитетъ, и ею оказался какъ разъ тотъ самый принципъ, исходя изъ котораго онъ доказывалъ несостоятельность частной собственности на землю.

Стало быть, простой и легкій способъ оправданія частной собственности на землю на томъ основаніи, что она существуетъ, или что она санкціонируется государствомъ, невозможенъ для г. Спенсера безъ риска порвать всякую связь съ философскими традиціями. У него оказывается болѣе трудная задача. Ему нужно доказать, что лишеніе девятнадцати двадцатыхъ его согражданъ ихъ природнаго наслѣдія согласуется съ его „первичнымъ нравственнымъ принципомъ, имѣющимъ наибольшій авторитетъ“, съ его формулой справедливости: „Всякій человѣкъ свободенъ дѣлать все, что онъ пожелаетъ, лишь бы только при этомъ не нарушалась равная свобода всѣхъ прочихъ людей“. Для доказательства того, что такъ называемыя права существующихъ собственниковъ на монополизацию земли, на которой должны жить всѣ люди, суть истинныя права, г. Спенсеръ долженъ показать, слѣдуя имъ же установленному порядку, что права эти могутъ быть выведены изъ закона равной свободы.

Видя это и зная изъ послѣднихъ заявленій г. Спенсера, что онъ рѣшилъ во что бы то ни стало представить земельный вопросъ въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ, мы естественно должны ожидать, что его „Справедливость“ представитъ зрѣлище въ одно и то же время и интересное и поучитель-

ное. Интересно будетъ видѣть искуснаго человѣка, пытающагося, въ интеллектуальной области, продѣлать фокусъ, эквивалентный не проглатыванію меча, а проглатыванію самого себя. Поучительно будетъ знать, какого успѣха можетъ достигнуть человѣкъ, признаваемый многими за величайшаго изъ философовъ, когда онъ, видя все, что можно сказать за и противъ, попытается оправдать на основаніяхъ, допускающихъ равное право людей жить на землѣ, теперешній общественный порядокъ, когда кучка людей владѣетъ міромъ, какъ своей собственностью, а вся масса ихъ лишена всякаго права на пользованіе имъ и должна платить собственникамъ земли за право кормиться своимъ трудомъ.

Какой-нибудь лордъ Брэмюель, профессоръ Гексли или герцогъ Аргайльскій могутъ выступать открыто и высказываться напрямикъ. Но г. Спенсеру извѣстно, что самыя условія его задачи требуютъ того, чтобы по возможности развлечено было вниманіе читателей и запутана суть дѣла. Направленные къ этому усилія замѣтны при первомъ же знакомствѣ съ болѣе важными отдѣлами „Справедливости“.

Въ „Общественной Статикѣ“ права на жизнь и личную свободу обсуждаются едва ли болѣе, чѣмъ на одной страницѣ, такъ какъ права эти признаются въ ней прямыми слѣдствіями основного принципа, „почти ненуждающимися въ отдѣльной формулировкѣ“. Въ „Справедливости“ обсужденіе это раздуть въ двѣ отдѣльныхъ главы — „Право на личную неприкосновенность“ и „Право свободного движенія и перемѣщенія“, которыя, благодаря ссылкамъ на фиджійцевъ, вендовъ, геруловъ, гомеровскихъ грековъ и пр., занимаютъ мѣста, по крайней мѣрѣ, разъ въ двѣнадцать или тринадцать болѣе. Ссылаясь также на аборовъ, вага, лепча, джакуновъ и другіе далекіе народы, г. Спенсеръ, однако, уже ни единымъ словомъ не обмолвливается о тѣхъ нарушеніяхъ права свободного движенія

и перемѣщенія со стороны герцоговъ-землевладѣльцевъ, которыми онъ возмущался въ 1850 году.

Вмѣсто главы „Право на пользованіе землей“, которая занимаетъ такое видное, почти первенствующее мѣсто въ „Общественной Статикѣ“, въ „Справедливости“ находимъ мы главу „Права на пользованіе естественною средою“, въ которой лишь между прочимъ упоминается о правѣ пользованія землей, да коротенькую замѣтку въ добавленіяхъ, имѣющую, правда, къ этой главѣ какъ разъ то же отношеніе, какое имѣють традиціонныя *post-scriptum* къ письмамъ женщинъ.

Такой взглядъ на земную поверхность, только лишь какъ на нѣкоторую часть естественной среды, слѣдуетъ признать крайне нефилософскимъ, и ему можно было слѣдовать, лишь имѣя своей цѣлью запутать дѣло. Поскольку это касается человѣка, земля оказывается цѣликомъ его единственной средой, а все прочее только ея принадлежностью; въ политической экономіи и въ законѣ терминомъ земля такъ-таки и обнимается все вещество и всѣ силы природы. Противопологать землѣ, при такомъ значеніи термина, свѣтъ или воздухъ, въ сущности, такъ же странно, какъ противопологать землѣ воду, камни, гравій и песокъ. Если можно признать какую-либо терминологію ясной и философской, такъ именно ту, которая принята была въ „Общественной Статикѣ“— право на пользованіе землей, ибо всякое другое право на пользованіе какимъ-либо изъ естественныхъ элементовъ можетъ проистекать только лишь изъ права на пользованіе землей, возникая какъ нѣчто неотдѣлимое отъ него и тѣсно съ нимъ связанное.

Причина, побудившая г. Спенсера установить такой взглядъ на землю, только лишь какъ на нѣкоторую часть естественной среды, понятна изъ самого содержанія его книги. Чрезъ это не только умаляется значеніе наиболѣе важнаго изъ всѣхъ общественныхъ вопросовъ, но становится дѣломъ

болѣе легкимъ прикрыть несправедливость теперешняго способа владѣнія землей,—по выраженію г. Спенсера, лишь немногимъ меньшую убійства или рабства,—и свести частную собственность на землю къ тѣмъ установленіямъ, которыя не допускаютъ нашего вмѣшательства.

ГЛАВА VI.

„Права на пользование природною средою“.

Вотъ отъ начала до конца глава XI „Справедливости“:

Глава XI. Права на пользование естественной средой.

§ 49. „Можно не причинять человѣку никакихъ тѣлесныхъ поврежденій, можно ничѣмъ не стѣснять его движеній, и тѣмъ не менѣе удержать его отъ выполненія тѣхъ родовъ дѣятельности, которые необходимы ему для поддержанія жизни: стоитъ только прервать его связь съ физической средой, отъ которой зависитъ его жизнь. Доказываютъ, правда, что нѣкоторыя изъ составныхъ частей этой среды не могутъ быть выдѣлены изъ общаго владѣнія. Такъ у Джона Ерскина мы читаемъ:

„Нѣкоторые предметы по самой природѣ своей не допускаютъ обращенія ихъ въ частную собственность и не могутъ находиться во владѣніи одного лица. Въ римскомъ правѣ они получили названіе *res communes*, и ихъ опредѣляли, какъ предметы, которыми никто не можетъ владѣть, какъ собственностью, но которыми каждый можетъ пользоваться. Такъ свѣтъ, воздухъ, проточная вода настолько приспособлены къ общему пользованію всѣхъ людей, что ни одинъ человѣкъ не можетъ приобрести на нихъ право собственности или лишить другихъ возможности пользованія ими“. (*An Institute of the Law of Scotland*, I, 196).

„Свѣтъ и воздухъ, конечно, не могутъ быть монополи-
„зированы, тѣмъ не менѣе распредѣленіе ихъ можетъ быть
„такъ измѣнено однимъ человѣкомъ, что другіе люди ока-
„жутся отчасти лишенными ихъ и будутъ серьезно стра-
„дать отъ этого.

„Никакое измѣненіе такого рода не можетъ быть сдѣ-
„лано безъ нарушенія закона равной свободы. Постоянное
„перехватываніе свѣта однимъ человѣкомъ, когда другой
„испытываетъ въ немъ лишеніе, не можетъ совершаться
„безъ пренебреженія къ тому принципу, что свобода ка-
„ждаго должна ограничиваться равной свободой всѣхъ про-
„чихъ; то же можно замѣтить и относительно помѣхъ къ
„свободному пользованію воздухомъ.

„Расширивъ нѣсколько обычное значеніе слова „среда“,
„мы можемъ отнести сюда также нѣчто такое, что допускаетъ
„обращеніе въ частную собственность—поверхность земли.
„Составляя часть естественной среды, въ которой живетъ
„человѣкъ, она, повидимому, должна бы была признаваться
„за одинъ изъ тѣхъ предметовъ, права на пользованіе ко-
„торыми можно требовать, опираясь на законъ равной сво-
„боды. Полное непризнаніе этого права за какимъ-либо че-
„ловѣкомъ было бы однозначаше съ лишеніемъ его возмож-
„ности трудиться для поддержанія своей жизни. Мы ни-
„чего не можемъ дѣлать, не имѣя опоры въ землѣ, и по-
„тому представляется вполне естественнымъ выводомъ изъ
„закона равной свободы, что человѣкъ не можетъ обращать
„земную поверхность въ свою абсолютную собственность,
„что онъ можетъ занимать ее, лишь сообразуясь съ тѣмъ
„правомъ, какое имѣютъ на нее другіе люди, — то-есть, въ
„концѣ концовъ, съ тѣмъ правомъ собственности, какое
„имѣетъ на нее общество, въ своей совокупности“.

„Относительно нравственного и юридическаго признанія
„права на пользованіе свѣтомъ, воздухомъ и т. п. намъ
„нѣтъ нужды распространяться; только лишь право на поль-

„зование земель требует болѣе подробныхъ объясненій.
„Мы рассмотримъ всѣ ихъ послѣдовательно.

§ 50. „На первыхъ ступеняхъ цивилизаціи, когда еще
„не было городской жизни, не могло быть и сколь-нибудь
„значительнаго лишенія свѣта однимъ человѣкомъ другого.
„Въ становахъ дикарей, въ деревняхъ земледѣльческихъ
„племенъ, никому не приходилось ради какихъ-либо цѣ-
„лей затемнять жилище своего сосѣда. Покушеній къ этому,
„въ сущности, не могло быть по самому характеру и рас-
„положенію построекъ.

„Въ болѣе позднее время, при возникновеніи городовъ,
„право сосѣдей на пользованіе свѣтомъ стало признаваться
„не сразу. Когда находилось въ пренебреженіи даже право
„на жизнь и свободу, тогда трудно было ожидать большаго
„вниманія къ такому сравнительно ничтожному правонару-
„шенію, какъ постройка дома безъ надлежащаго разрыва,—
„трудно было ожидать, чтобы кто-нибудь сталъ смотрѣть
„на нее, какъ на преступленіе съ нравственной или пра-
„вовой точки зрѣнія. Узкія, темныя улицы старинныхъ го-
„родовъ Европы, равно какъ тѣсныя дворы и проѣзды, ко-
„торыми отличаются болѣе древнія части нашихъ англій-
„скихъ городовъ служатъ достаточно убѣдительнымъ дока-
„зательствомъ того, что въ старое время загораживаніе
„свѣта и неба сосѣдомъ не считалось преступленіемъ. По
„существу дѣла, оно и не было преступленіемъ, такъ какъ
„въ городахъ, окруженныхъ стѣнами, волей-неволей прихо-
„дилось тѣсниться въ постройкахъ.

„Въ концѣ концовъ, въ сравнительно недавнее время,
„все же сложилось убѣжденіе, что естественное распредѣле-
„ніе свѣта не должно быть нарушаемо. Правда, законъ, который
„воспрещаетъ постройку стѣнъ, домовъ и другихъ зданій
„опредѣленной высоты ближе извѣстнаго разстоянія отъ
„существующихъ строеній, не исключаетъ вполнѣ возмож-
„ности перехватыванія свѣта, но онъ все же въ значи-

„тельной степени ограничиваетъ это перехватываніе и, гдѣ „позволяютъ обстоятельства, достаточно полно уравниваетъ „права сосѣднихъ собственниковъ.

„Другими словами, этотъ выводъ изъ закона равной сво- „боды, если и не былъ открыто формулированъ въ законѣ, „то все же сталъ молчаливо признаваться въ немъ.

§ 51. „Помѣхи къ пользованію свѣтомъ являются до „извѣстной степени также помѣхами къ пользованію возду- „хомъ, и запрещая первыя, тѣмъ самымъ запрещаютъ вто- „рыя. Однако право на пользованіе воздухомъ, хотя и при- „знанное въ англійскомъ законодательствѣ по отношенію „къ вѣтрянымъ мельницамъ, выражено въ кодексѣ менѣе „опредѣленно, вѣроятно потому, что отъ нарушеній его за- „мѣчалось сравнительно мало вреда.

„Что выражено было вполне опредѣленно, такъ это — „право на пользованіе неиспорченнымъ воздухомъ. Хотя „дѣйствія одного человѣка, могущія уменьшить доступъ къ „чистому воздуху для другого, и не признаны были доста- „точно ясно за правонарушеніе, тѣмъ не менѣе за него не- „сомнѣнно признаны были дѣйствія человѣка, могущія вре- „дить качеству воздуха, которымъ дышатъ другіе, и дѣй- „ствія эти въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишь осуждаются, какъ „безнравственныя, а въ другихъ—влекутъ за собой судеб- „ное преслѣдованіе и наказаніе. Въ извѣстной мѣрѣ каж- „дому изъ насъ приходится портить своимъ дыханіемъ воз- „духъ, которымъ дышатъ люди, находящіеся неподалеку „отъ насъ. Стоитъ только пройти немного позади какого- „нибудь курящаго человѣка, чтобы замѣтить, какъ далеко „распространяется испускаемое нами дыханіе, и какъ много „приходится нашимъ сосѣдямъ, особенно въ комнатахъ, „дышать тѣмъ воздухомъ, который уже не одинъ разъ по- „бывалъ въ нашихъ легкихъ. Но, такъ какъ эта порча воз- „духа бываетъ взаимной, она и не можетъ составить „правонарушенія. Она оказывается правонарушеніемъ лишь

„тогда, когда производится однимъ или нѣсколькими лицами, а сказывается на другихъ людяхъ, не принимающихъ одинаковаго съ ними участія въ порчѣ. Это нерѣдко случается на желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ люди, считающіе себя интеллигентными, зачастую курятъ въ вагонахъ для некурящихъ, быть можетъ, испрося вынужденное согласіе другихъ попутчиковъ, но совершенно игнорируя право людей, которые могутъ сѣсть въ вагонъ на слѣдующихъ станціяхъ и очутиться въ помѣщеніи, пропитанномъ табачнымъ дымомъ. И это не только признается за неприличное дѣйствіе всѣми благовоспитанными людьми, но также запрещается желѣзнодорожными правилами и можетъ быть преслѣдуемо закономъ.

„Переходя къ случаямъ болѣе серьезнымъ, мы должны будемъ отмѣтить постановленія, которыми запрещается устройство въ городахъ и селеніяхъ фабрикъ и заводовъ, производящихъ зловонные или вредные газы или выпускающихъ слишкомъ большое количество дыма. Постановленіями этими, очевидно, признается за каждымъ гражданиномъ право на неиспорченный воздухъ.

„Сюда же мы можемъ отнести съ удобствомъ также постановленія, направленные противъ правонарушеній иного рода, но совершающихся тоже при посредствѣ окружающаго воздуха. Я говорю о произведеніи звуковъ, беспокоящихъ слухъ. Правонарушенія такого рода бываютъ и мелкія и крупныя. Человѣкъ, который говоритъ за общимъ столомъ такъ громко, что мѣшаетъ бесѣдѣ другихъ, или люди, развлекающіе своимъ разговоромъ вниманіе окружающихъ въ театрѣ или на концертѣ, если и не подвергаются за это наказанію, во всякомъ случаѣ видятъ отовсюду неодобреніе, и ихъ дѣйствія осуждаются какъ неприличные или неблагопристойныя, то есть, въ концѣ концовъ, какъ безнравственныя. Когда же правонарушенія такого рода совершаются во всеуслышаніе или начинаютъ

„входить въ общественный обиходъ, тогда они отмѣчаются
„обыкновенно въ законѣ и запрещаются подъ угрозою на-
„казанія. Это мы видимъ въ случаѣ уличной музыки и, осо-
„бенно, плохой уличной музыки, въ случаѣ большого шума,
„производимого на фабрикахъ или въ случаѣ колокольного
„звона въ церквахъ въ слишкомъ раннюю пору дня. Болѣе
„или менѣе полного признанія этихъ правонарушеній пока
„еще нѣтъ въ законѣ, и желѣзнымъ дорогамъ на централь-
„ныхъ станціяхъ до сего времени еще дозволяется безпо-
„коить по ночамъ десятки тысячъ людей своими свистками,
„причиняя нерѣдко тяжкій вредъ больнымъ.

„Такимъ образомъ въ отношеніи пользованія атмосферой,
„свобода каждого человѣка, ограниченная равной свободой
„другихъ, если и не была открыто выражена, то все же
„молчаливо была признана, преимущественно, какъ нрав-
„ственный принципъ и, въ значительной мѣрѣ, какъ юри-
„дическій“.

§ 52. „Ходъ развитія цивилизаціи скорѣе содѣйствовалъ,
„чѣмъ препятствовалъ признанію вышеупомянутыхъ слѣд-
„ствий закона равной свободы. Хотя въ тѣ дни, когда кан-
„нибализмъ былъ обычнымъ явленіемъ, когда человѣческія
„жертвы нерѣдко приносились въ жертву богамъ, всякое
„заявленіе о правѣ на жизнь, естественно, могло казаться
„лишеннымъ всякаго основанія, тѣмъ не менѣе нравы и
„понятія того времени не оставили слѣдовъ, которые могли
„бы и въ послѣдующее время возбуждать сомнѣніе въ этомъ
„правѣ. Хотя при широкомъ развитіи рабства и крѣпостни-
„чества попытки къ признанію права на свободу, понятно,
„должны были встрѣчать самый рѣшительный отпоръ, тѣмъ
„не менѣе въ настоящее время, среди англійскаго общества,
„по крайней мѣрѣ, уже нѣтъ болѣе понятій, чувствъ или
„обычаевъ, которые расходились бы съ признаніемъ, что ка-
„ждый человѣкъ имѣетъ право пользоваться своими членами и
„двигаться, куда ему угодно. То же можно замѣтить и отно-

„сительно права на пользование естественной средой. Тѣ
„ничтожныя нарушенія права на пользование свѣтомъ и
„воздухомъ, которыя были унаслѣдованы нами въ устрой-
„ствѣ нашихъ городовъ или въ расположеніи фабрикъ, не
„пренятствуютъ сколь-нибудь серьезно признанію равнаго
„права на пользование средой, въ которую мы погружены.
„Но признаніе равнаго права на пользование той остающейся
„частью среды, которая едва ли даже можетъ считаться за
„что-либо посредствующее, въ которой всѣ мы имѣемъ
„опору, и изъ которой всѣ мы получаемъ средства къ жизни,
„рѣзко расходится съ идеями и порядками, дошедшими до
„насъ отъ прошлыхъ вѣковъ. Эти идеи и порядки сложи-
„лись въ то время, когда землевладѣніе сообразовывалось
„со справедливостью не болѣе, чѣмъ сообразовывалось съ
„ней владѣніе рабами или крѣпостными, и именно эти идеи
„и порядки оказываются теперь особенно сильной помѣхой
„къ признанію равенства правъ на пользование землей. Если
„бы, обладая тѣми нравственными чувствами, которыя созданы
„теперь общественной дисциплиной, люди стали распо-
„ряжаться землей, нераздѣленной еще на индивидуальныя
„владѣнія, то они не задумались бы установить равен-
„ство правъ на пользование землей, какъ они не задумались
„установить равенство правъ на пользование свѣтомъ или
„воздухомъ. Но теперь, при давности захватовъ, послѣ про-
„должительной обработки и длиннаго ряда продажъ и поку-
„покъ, условія осложнились, и требованія абсолютной этики,
„расходящіяся съ установившимися порядками, легко могутъ
„оказаться отвергнутыми. Прежде чѣмъ рѣшать, какъ слѣ-
„дуетъ поступать намъ въ виду такихъ осложненій, бро-
„симъ бѣглый взглядъ на нѣкоторыя миновавшія фазы вла-
„дѣнія землей.

„На первыхъ ступеняхъ культуры земля, быстро исто-
„щаясь, скоро дѣлалась нестойщей обработки, и, можно ду-
„мать, потому среди мало-цивилизованныхъ и получивилизо-

„ванныхъ народовъ поддерживался обычай, позволявшій
„индивидуумамъ бросать послѣ нѣкотораго времени землю,
„расчищенную ими, и расчищать другую. Но каковы бы ни
„были причины, а фактъ остается фактомъ, что на первыхъ
„ступеняхъ культуры частная собственность на землю не-
„извѣстна: только плоды земли принадлежать земледѣльцу, са-
„ма же земля молчаливо признается собственностью племени.
„Такой порядокъ мы видимъ и теперь на островѣ Суматрѣ
„и въ др. мѣстахъ, и этотъ порядокъ поддерживался среди
„нашихъ предковъ: члены марки, владѣя каждый порознь
„произведеніями земли, которую каждый изъ нихъ обрабаты-
„валъ, не считали своей личной собственностью самую землю.
„Правда, всѣ они первоначально были членами того или
„другого семейнаго генса или клана, и каждый участокъ
„былъ частной собственностью, поскольку онъ составлялъ
„собственность союза родственниковъ; но та же форма вла-
„дѣнія землей сохранилась и тогда, когда населеніе марки
„заключало въ себѣ также членовъ, не связанныхъ съ про-
„чими родственными узами. Самый порядокъ былъ таковъ,
„чтобы земля была собственностью общества, а не индиви-
„дуумовъ. И этотъ первобытный порядокъ можно наблюдать
„даже и теперь въ Россіи, гдѣ онъ лишь отчасти подвергся
„перемѣнамъ.

„Земли селенія принадлежали сообща всѣмъ чле-
намъ міра; каждый крестьянинъ считалъ своей собствен-
ностью лишь урожай и дворъ, окружающій его домъ.
Это низшее состояніе собственности, сохранившееся въ
Россіи до нашего времени, было нѣкогда общимъ для
всѣхъ европейскихъ народовъ“ — („Рамбо. — *Histoire de
Russie*“, р. 35. Цитированъ Спенсеромъ по
англ. переводу Лэнга).

„Къ замѣчанію Рамбо я позволю себѣ присоединить рядъ
„цитатъ изъ „Россіи“ Уоллеса, въ которыхъ говорится объ
„этомъ первобытномъ состояніи и о послѣдующихъ перемѣ-

„нахъ. Замѣтивъ, что среди донскихъ казаковъ, пока они „вели вполнѣ кочевую жизнь, „земледѣліе воспрещалось „подъ страхомъ смерти“, — повидимому, изъ-за возможныхъ „помѣхъ къ охотѣ и скотоводству, — онъ такъ характеризуетъ „развившееся среди нихъ земледѣліе:

„Каждый казакъ, желавшій собирать хлѣбъ, пахалъ и сѣялъ тамъ, гдѣ находилъ удобнымъ, и удерживалъ за собою землю, присвоенную такимъ образомъ, сколько ему хотѣлось; а когда земля начинала показывать признаки истощенія, онъ покидалъ свое поле и пахалъ въ другомъ мѣстѣ. Когда число земледѣльцевъ увеличилось, стали подниматься ссоры. Началось еще худшее зло, когда въ окрестностяхъ появились рынки. Въ нѣкоторыхъ станицахъ болѣе зажиточныя семьи пользовались огромнымъ количествомъ общественной земли, обрабатывая ее посредствомъ нѣсколькихъ упряжекъ воловъ или нанимая крестьянъ изъ ближайшихъ селъ; и вмѣсто того, чтобы оставлять землю послѣ двухъ или трехъ сборовъ, они продолжали владѣть ею. Такимъ образомъ вся масса пахатной земли, или по крайней мѣрѣ ея лучшія части сдѣлались фактически, если не легально, частной собственностью немногихъ семей“. (Wallace, „Russia“, Т. II, стр. 101 — 102. Рус. перев. Изд. Бакста. Спб. 1881).

„Однако вскорѣ же съ силой сказалось неудовольствіе „безземельныхъ членовъ общины, и

„согласно ихъ требованіямъ община конфисковала присвоенную землю, при чемъ была введена система періодическаго передѣла земли. По этой системѣ каждый взрослый мужчина владѣетъ участкомъ земли“ (Ib. II, 102).

Въ степяхъ „поле обыкновенно обрабатывается только три или четыре года сряду. Потомъ оно оставляется по крайней мѣрѣ на двойной срокъ противъ этого, и земле-

дѣльцы передвигаются на какую-нибудь другую часть общинной территоріи... При такихъ обстоятельствахъ, нельзя предположить, чтобы установился принципъ частной поземельной собственности; каждая семья настаиваетъ скорѣе на владѣніи извѣстнымъ количествомъ, чѣмъ извѣстнымъ участкомъ земли, и довольствуется правомъ пользованія, между тѣмъ какъ право собственности остается въ рукахъ общины“ (Ib. 106).

„Но въ центральныхъ и болѣе развитыхъ округахъ эта „древняя форма владѣнія землей нѣсколько измѣнилась, хотя „и не утратила существенныхъ чертъ аренды. При установившейся тамъ формѣ владѣнія землей (трехпольной):

„Земледѣльцы не переходятъ періодически съ одного мѣста общинной территоріи на другое, но воздѣлываютъ постоянно одни и тѣ же поля, и обязаны удобрять участки, ими занимаемые... Хотя трехпольная система практикуется уже нѣсколькими поколѣніями въ центральныхъ губерніяхъ, однако общинный принципъ, съ его періодическимъ передѣломъ земли, все еще остается нетронутымъ“ (Ib., 107).

„Эти факты и множество другихъ подобныхъ имъ фактовъ „дѣлаютъ несомнѣннымъ тотъ выводъ, что съ прогрессомъ „общественной организаціи отношеніе индивидуумовъ къ „землѣ измѣнилось, и что первоначально отношеніе это определялось общимъ, а не индивидуальнымъ правомъ собственности.

„Но какъ измѣнилось это отношеніе, и какъ вообще оно „могло измѣниться? Конечно, не съ общаго согласія. Ни „какимъ образомъ нельзя допустить того, чтобы всѣ члены „общины или нѣкоторые изъ ихъ числа добровольно разстались съ принадлежащими имъ наравнѣ съ прочими правами. Къ потерѣ какой-либо доли въ общей собственности „могло иногда приводить индивидуума преступленіе, но ни-

„какимъ преступленіемъ не могло быть измѣнено отношеніе
„къ землѣ остальныхъ членовъ общества. Къ подобнымъ же
„слѣдствіямъ могла также вести задолженность, если бы
„только долгъ одного лица не былъ въ то же время ссудой
„другого; трудно предположить, чтобы кредиторомъ могло
„быть общество, въ его цѣломъ, а долгъ одному какому-либо
„его члену никоимъ образомъ не могъ бы покрываться чѣмъ
„нибудь такимъ, чѣмъ индивидуумъ не владѣлъ бы какъ
„своей личной собственностью, и чего нельзя было бы при-
„нять отъ него въ качествѣ таковой. По всей вѣроятности,
„и повсюду проявляла свое дѣйствіе та самая причина, ко-
„торой приписывается особое значеніе въ Россіи, гдѣ нѣ-
„которыя лица, обрабатывая большія, чѣмъ другія, простран-
„ства, пріобрѣтали богатство и вмѣстѣ съ нимъ власть, а
„послѣ захватывали и непрінадлежащія имъ по праву вла-
„дѣнія. Но, какъ въ Россіи эти захваты вызвали переворотъ,
„поведшій къ возстановленію первоначальнаго порядка, такъ,
„можно думать, и всюду они наталкивались на такое же
„противодѣйствіе. Очевидно, что главной причиной вездѣ
„было прямое или косвенное приложеніе силы, иногда вну-
„тренней, но большею частію внѣшней. Споры и столкно-
„венія внутри общины, обыкновенно разрѣшавшіяся побои-
„щами, на случай которыхъ устраивались даже укрѣпленные
„дома, естественно приводили нерѣдко и къ частичнымъ захва-
„тамъ. Попадъ въ обстановку подобную той, въ какой жи-
„вуть теперь сванеты, среди которыхъ каждая частная семья
„владѣетъ въ деревнѣ башней для защиты отъ нападенія
„сосѣдей, мы безъ труда могли бы представить себѣ тотъ
„путь, какимъ устанавливалось господство отдѣльныхъ лич-
„ностей при внутреннихъ раздорахъ въ древнихъ общинахъ
„и подчиненіе общихъ интересовъ притязаніямъ частныхъ
„лицъ.

„Но главнымъ факторомъ преобразованія общественной
„собственности въ частную являлось всюду внѣшнее завое-

„ваніе. Въ то время, когда плѣнные мужчины обращались
„въ рабовъ, а женщины присвоивались какъ военная добыча,
„нельзя было ожидать большого вниманія къ правамъ на
„землю. Древніе англійскіе пираты, которые, высадившись
„на берегъ, умерщвляли священниковъ у алтарей, жгли
„храмы и избивали людей, искавшихъ въ нихъ спасенія,
„выказали бы себя совсѣмъ непонятными существами, если
„бы они признали право собственности на землю за остав-
„шимися въ живыхъ. Датскіе пираты, которые нѣсколько
„позднѣе поднимались по рѣкамъ, жгли попадавшіеся имъ
„по пути селенія, убивали мужчинъ, насилывали женщинъ
„и сажали на пики дѣтей, которыхъ не могли продать на
„рынкахъ, тоже проявили бы чудесное превращеніе, если бы
„стали разбирать, кому принадлежали окрестныя поля, и
„признали бы право на нихъ за своими жертвами. И едва
„ли большаго можно было ожидать отъ норманскихъ за-
„воевателей, явившихся спустя два столѣтія, когда постоян-
„ныя внутреннія войны уже произвели военныхъ правите-
„лей, предъявлявшихъ квазифеодальныя права къ владѣль-
„цамъ земли. Ихъ завоеваніе могло только еще разъ уни-
„чтожить тѣ виды собственности, какіе успѣли установиться,
„и еще болѣе замѣститъ общинныя права на землю тѣми
„индивидуальными правами, которыми характеризуется фео-
„дализмъ. Побѣда, которая даетъ неограниченную власть
„надъ побѣжденнымъ и всѣмъ его достояніемъ, сопутствуется,
„по самой природѣ дѣла установленіемъ права собствен-
„ности надъ всѣмъ, чѣмъ владѣлъ побѣжденный, — права,
„ограниченнаго лишь требованіями времени. Въ нѣкоторыхъ
„случаяхъ, какъ то было у дагомейцевъ, устанавливается
„полная монополія короля не только надъ землей, но и надъ
„всѣмъ прочимъ имуществомъ побѣжденныхъ; въ другихъ
„случаяхъ, какъ то было въ Англіи, признается за королемъ
„высшее право собственности на землю, а подчиненная ему
„знать и ея вассалы, получая преемственно право соб-

„ственности отъ короля, владѣть землей на условіи военной службы, неуклонно признавая высшее право за королями.

„Это первичное состояніе землевладѣнія и непосредственно слѣдовавшія за нимъ сказались отчасти также и на существующихъ земельныхъ законахъ. Можно бы было указать множество мѣстныхъ правъ, ведущихъ свое начало отъ того времени, когда и частная собственность на землю, какъ мы понимаемъ ее теперь, была нововведеніемъ, противъ котораго боролся народъ“ *).

„Народъ, пользуясь общинными землями, опирается при этомъ на право, несравненно болѣе древнее, чѣмъ право помѣщиковъ. Его право есть то самое право, которое принадлежало всѣмъ членамъ сельской общины задолго до того, какъ стали извѣстны помѣстья и господа“ **).

„И каждый, кто вспомнить, какъ мало удѣляется вниманія даже въ наше время общиннымъ правамъ при составленіи такъ называемыхъ „актовъ отгораживанія“ (Inclosure Acts), конечно, окажется очень легковѣрнымъ человѣкомъ, если допустить, что въ болѣе древнее время замѣна общиннаго права частнымъ совершалась на сколько-нибудь справедливыхъ основаніяхъ. Право частной собственности было все же неполнымъ, ибо право на землю низшаго владѣльца подчинялось праву высшаго, и всѣ вмѣстѣ права эти подчинялись праву собственности главы государства“.

„И въ нашихъ статутахъ неограниченное право собственности на землю признается лишь за короной. Всѣ земли считаются какъ бы арендуемыми, посредственно или непосредственно, у короля, хотя за нихъ не платится никакой ренты, не оказывается никакихъ услугъ

*) Поллокъ „The land laws“, p. 2.

**) Ib. p. 6.

и никакая грамота не опредѣляетъ условій и сроковъ аренды“ *).

„А что такое пониманіе права собственности на землю „сохраняется, какъ въ практикѣ, такъ и въ теоріи, до нашихъ дней, доказывается тѣмъ фактомъ, что государственная власть въ настоящее время нерѣдко прибѣгаетъ къ „отчужденію земель ради общественныхъ надобностей, при „чемъ выдаетъ существующимъ владѣльцамъ причитающееся имъ вознагражденіе. Могутъ, правда, сказать, что это „высшее право для государства есть лишь часть его высшаго права собственности вообще,—что государство и повсюду можетъ брать себѣ все, что угодно, выдавая лишь „соотвѣтственное вознагражденіе. Но не надо забывать, „что его право отчужденія земли имѣетъ вообще принудительный характеръ, тогда какъ право отчужденія чего бы „то ни было еще является только фикціей и осуществляется „безъ всякаго понужденія. Нужно бываетъ пріобрѣсти картины для національной галлерей, и государство вступаетъ „въ конкуренцію съ частными покупателями, нерѣдко теряя „всѣ виды на успѣхъ.

„Намъ остается только замѣтить, что политическія перемѣны, медленно замѣнявшія верховную власть монарховъ верховною властью народа, одновременно замѣняли „также высшее право на землю монарха высшимъ правомъ „народа. Народные представители, наслѣдуя власть, бывшую „прежде достояніемъ короля, въ то же время наслѣдовали „и высшее право на землю, которое признавалось за королемъ; а такъ какъ народные представители суть лишь „исполнители воли народа, то это высшее право на землю „оказывается теперь достояніемъ общества. Этому не отрицаютъ и сами собственники земли. Докладъ, напечатанный „въ декабрѣ 1889 года совѣтомъ Лиги защитниковъ свободы и собственности, въ которой числится нѣсколько пэровъ

*) Ib. p. 12.

„и двое судей, можетъ служить тому доказательствомъ. За-
„мѣтивъ, — что руководящимъ принципомъ ихъ организа-
„ціи, «вытекающимъ изъ опыта всей исторіи», является не-
„довѣріе къ бюрократіи, «какъ государственной, такъ и
„муниципальной», совѣтъ Лиги заявляетъ:

„Этотъ принципъ, въ его приложеніи къ вопросу о
землевладѣніи, прямо приводитъ къ личной собствен-
ности, опирающейся на верховенство правъ государства...
Земля, конечно, можетъ быть «отчуждена» по уплатѣ
полнаго вознагражденія, и народъ можетъ самъ хозяй-
ствовать на ней, если пожелаетъ этого“.

„Здѣсь зло той системы управленія, которая потребова-
„лась бы реформой, выставляется какъ единственное осно-
„ваніе для сохраненія существующаго порядка землевладѣ-
„нія, при чемъ открыто признается высшее право собствен-
„ности за народомъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что на
„первыхъ ступеняхъ цивилизаціи вмѣстѣ съ развитіемъ
„личной свободы идетъ развитіе совмѣстнаго права на землю
„извѣстныхъ общественныхъ группъ; за долгій періодъ пре-
„обладанія воинственной дѣятельности, объединяющей мел-
„кія общества въ болѣе крупныя, личная свобода утрачи-
„вается, и вмѣстѣ съ ней утрачивается отдѣльными лицами
„ихъ доля участія въ общемъ правѣ собственности на землю;
„но съ упадкомъ воинственной дѣятельности и ростомъ про-
„мышленной вмѣстѣ съ возстановленіемъ личной свободы воз-
„вращается также и та доля участія въ собственности на землю,
„какая предполагается правомъ избирать представителей, за-
„вѣдующихъ теперь землею. Само собой разумѣется, что члены
„общества, проявляя, какъ это водится, чрезъ своихъ предста-
„вителей власть отбирать въ свое владѣніе и пользованіе
„нѣкоторые участки земли, могутъ съ полнымъ правомъ
„отобрать въ свое владѣніе и пользованіе также и всю
„землю, если это будетъ соотвѣтствовать ихъ цѣлямъ. Но,
„такъ какъ и справедливость и установившійся обычай оди-

„наково требуютъ, чтобы теперешніе собственники земли
„не были лишаемы ихъ владѣній безъ возврата имъ точно
„опредѣленной цѣнности ихъ, понятно, что и полный пе-
„реходъ земли во владѣніе общества могъ бы быть осу-
„ществленъ не иначе, какъ путемъ ея покупки. Возврати
„себѣ общество непосредственное владѣніе землей безъ вы-
„купа, и оно взяло бы себѣ при этомъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что
„по праву принадлежить ему, также несравненно большую
„часть того, что не есть его собственность. Даже если бы
„мы оставили въ сторонѣ всѣ тѣ безчисленныя осложненія,
„которые за длинный рядъ вѣковъ безнадежно спутали
„права людей, опредѣляемые теоріей, даже если бы мы при-
„вели вопросъ къ его простѣйшему теоретическому выра-
„женію, то мы все же должны были бы признать, что са-
„мое большее, чего можетъ требовать себѣ по праву обще-
„ство, сводится къ поверхности земли, въ ея первичномъ
„необработанномъ состояніи. На всю же ту цѣнность, кото-
„рая придана была землѣ расчисткой, распаханіемъ, про-
„должительной обработкой, огораживаніемъ, осушкой, устрой-
„ствомъ дорогъ, постройкой фермъ и т. п., на всю эту цѣн-
„ность, составляющую почти всю цѣнность земли, общество
„не имѣетъ никакого права. Эта цѣнность придана была
„землѣ или личнымъ трудомъ, или трудомъ, за который соб-
„ственники платили вознагражденіе, или трудомъ ихъ пред-
„ковъ, или цѣнность, приданная такимъ образомъ, была
„куплена на законно-пріобрѣтенныя средства. Вся эта цѣн-
„ность, искусственно приданная землѣ, по праву принадле-
„жить теперешнимъ собственникамъ, и не можетъ быть от-
„нята у нихъ безъ гигантскаго грабежа. Пусть за время
„образованія существующаго землевладѣнія было совершено
„не мало насилій и обмановъ, но все же они показались бы
„ничтожными сравнительно съ тѣмъ насиліемъ и обманомъ,
„въ какомъ виновно было бы общество въ томъ случаѣ,
„если бы оно, не выдавъ вознагражденія, взяло въ свое

„обладаніе ту искусственную цѣнность, которая придана „была землѣ трудомъ почти двухъ тысячелѣтій“.

§ 53. „Вернувшись къ главному предмету этой главы— „правамъ на пользованіе естественной средой, отмѣтимъ тотъ „путь, какимъ права эти пріобрѣли мало-по-малу законода- „тельную санкцію при переходѣ общества къ болѣе высо- „кому типу развитія.

„Мы видѣли, въ началѣ этой главы, что въ сравнительно „новое время установилось юридическое признаніе равен- „ства правъ на пользованіе свѣтомъ и воздухомъ; никакая „общественная организація, никакой сословный интересъ „не препятствовали сколь-нибудь замѣтно признанію этого „вывода изъ закона равной свободы. И мы видѣли сейчасъ, „что въ наше время стала признаваться, — если не открыто „и сознательно, то во всякомъ случаѣ неявно, въ тенден- „ціяхъ законодательства, — равная за всѣми избирателями „доля участія въ высшемъ правѣ собственности на землю, — „въ томъ правѣ, которое утверждается, въ сущности, каж- „дымъ актомъ парламента, отчуждающимъ землю. Хотя это „право на пользованіе землею, принадлежащее каждому „гражданину, настолько видоизмѣняется существующими „установленіями, что на практикѣ почти уничтожается, „тѣмъ не менѣе его существованіе, какъ правового прин- „ципа, согласнаго со справедливостью, не можетъ быть от- „вергнуто безъ признанія за несправедливостью актовъ от- „чужденія земли государствомъ. Право теперешнихъ земле- „владѣльцевъ по справедливости могло бы быть отмѣнено „лишь при наличности высшаго права государства въ его „цѣломъ, и это высшее право государства составляется изъ „суммы индивидуальныхъ правъ его членовъ“.

„Примѣчаніе. Различныя соображенія, касающіяся „запутаннаго вопроса о правѣ собственности на землю, ко- „торые заняли бы здѣсь слишкомъ много мѣста, отнесены „мною къ приложенію В.“.

Переведемъ духъ и соберемся съ мыслями. Вѣдь это — что-то въ родѣ переѣзда чрезъ Санъ-Готардскій тоннель. Мы, безъ сомнѣнія, уже на другой сторонѣ. Но какъ мы сюда попали?

Г. Спенсеръ началъ съ признанія закона равной свободы за „первичный нравственный принципъ, имѣющій наибольшій авторитетъ“, и съ заявленія, что „права, справедливо такъ называемыя, суть выводы изъ закона равной свободы, а права, ошибочно признаваемыя правами, не могутъ быть выведены изъ него“.

Онъ кончилъ глухимъ, но все же несомнѣннымъ, признаніемъ свободы пользованія землей лишь за небольшой кучкой лэндлордовъ, — несомнѣннымъ признаніемъ за ними права лишать всѣхъ другихъ людей свободы пользованія землей до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ уплачено за нее выкупа.

Какъ же пришелъ онъ къ такому концу?

Показалъ ли онъ, что законъ равной свободы даетъ лишь немногимъ людямъ право свободно пользоваться землей и отрицаетъ такое право за всѣми другими людьми? Показалъ ли онъ, что, такъ называемое, право кучки лэндлордовъ на исключительное пользованіе землей есть истинное, а не ложное право, выведя его изъ закона равной свободы? Удовлетворилъ ли онъ одному изъ тѣхъ условій, которыя были заботливо оговорены имъ при выводѣ формулы справедливости въ предыдущихъ главахъ той же книги? Выяснилъ ли онъ несостоятельность хотя бы одного изъ тѣхъ положеній, опираясь на которыя онъ доказывалъ въ „Общественной Статикѣ“, что справедливость не допускаетъ частной собственности на землю?

Вникнемъ въ подробности этой главы. По своему содержанию она можетъ быть раздѣлена на двѣ части: 1) на обсужденіе права пользованія свѣтомъ, воздухомъ и пр. и 2) на обсужденіе права пользованія землей. Остановимся сначала на первомъ, а послѣ перейдемъ ко второму.

ГЛАВА VII.

„Справедливость“—о правѣ на свѣтъ и воздухъ.

Небрежность въ мысляхъ г. Спенсера обнаруживается съ первыхъ же строкъ главы о правѣ на пользованіе природною средою:

„Можно не причинять человѣку никакихъ тѣлесныхъ поврежденій, можно ничѣмъ не стѣснять его движеній, и тѣмъ не менѣе удержать его отъ выполненія тѣхъ родовъ дѣятельности, которые необходимы для поддержанія жизни: „стоитъ только прервать его связь съ физической средой, „отъ которой зависитъ его жизнь“.

Какъ такъ?

Согласно обычному пониманію, человѣкъ можетъ быть лишенъ возможности пользоваться „физической средой, отъ которой зависитъ его жизнь“, только тогда, когда его тѣло подвергается насилію, когда его убиваютъ, калѣчатъ, связываютъ, заключаютъ въ тюрьму, или тогда, когда онъ испытываетъ помѣху въ своихъ движеніяхъ изъ-за угрозъ тѣлеснаго насилія, какъ это бываетъ въ случаѣ табу среди обитателей Полинезіи или частной собственности на землю среди насъ. И ни одинъ изъ тирановъ міра до сего времени не былъ еще въ состояніи придумать какой-либо иной способъ лишенія, не взирая на всю ихъ склонность къ такимъ занятіямъ.

Не давъ себѣ труда указать какой-либо такой способъ,

г. Спенсеръ прямо переходитъ къ цитатѣ изъ Ерскина для доказательства того, что „свѣтъ, воздухъ, проточная вода и т. п. настолько приспособлены къ общему пользованію всѣхъ людей, что ни одинъ человѣкъ не можетъ пріобрѣсти на нихъ права собственности или лишить другихъ возможности пользованія ими“.

Здѣсь мы опять наталкиваемся на небрежность въ мысли и на небрежность въ передачѣ чужихъ словъ. Ерскинъ доказываетъ только, что законъ не даетъ права собственности на самую субстанцію матеріи, потому что не можетъ дать такого права. Молекулы или атомы, составляющіе матерію, не могутъ быть предметомъ иска, ибо нельзя доказать ихъ тождественности при постоянныхъ измѣненіяхъ формы и мѣста. Право собственности можетъ касаться матеріи лишь въ ея отношеніяхъ къ формѣ и мѣсту. Когда я покупаю собаку или лошадь, то я пріобрѣтаю при этомъ лишь право собственности на то, что теперь представляетъ изъ себя матерія, имѣющая форму этой собаки или лошади, а отнюдь не право собственности на матерію въ извѣстномъ количествѣ, независимо отъ той формы, какую она можетъ имѣть впослѣдствіи. Такого права собственности не могъ бы дать мнѣ ни одинъ законъ, не могъ бы и я домогаться его, ибо для меня было бы невозможно установить подлинность моей собственности. Матерія, входящая въ данный моментъ въ составъ тѣла собаки или лошади, подобно матеріи, входящей въ составъ моего тѣла, постоянно переходитъ изъ одной формы въ другую. И если что есть для меня осязательнаго во мнѣ и въ другихъ людяхъ, такъ это только одна форма. Въ ней одной и состоитъ моя собственность. Если моя собака съѣстъ вашу котлету, то ваша собственность въ котлетѣ перестанетъ уже быть вашей собственностью, когда войдетъ въ тѣло моей собаки. Если законъ и даетъ вамъ при этомъ на что-либо права, то во всякомъ случаѣ не на требованіе о возвратѣ вашей котлеты.

Тотъ законодательный принципъ, на который ссылается Ерскинъ, такимъ образомъ истолковывается Блэкстономъ (глава 2, книга II):

„Я не могу начать иска о возвращеніи мнѣ владѣнія „прудомъ или какимъ-либо скопленіемъ воды, озеромъ или „рѣкою, просто опредѣливъ, хотя бы двадцатью акрами, его „размѣры или описавъ его границы; я могу требовать себѣ „лишь возврата водовмѣстилища, опредѣляя его какъ два- „дцать акровъ земли, покрытой водою. Ибо сама вода есть „нѣчто движимое и странствующее и, въ силу законовъ „природы, всегда должна оставаться общимъ достояніемъ. Я „могу имѣть въ ней лишь временную, преходящую собствен- „ность. Уйди она изъ моего пруда въ прудъ моего сосѣда, и я „уже не имѣю на нее права. Но земля, которую покрываетъ эта „вода, есть нѣчто постоянное, твердое и недвижимое. Въ „ней я могу имѣть прочную собственность. Ее-то и долженъ „вѣдать законъ, пренебрегая всѣмъ прочимъ“.

Но сравнительно грубые различія, вполне достаточныя для цѣлей юриста, не всегда-то оказываются достаточными для цѣлей философа. Если мы подвергнемъ анализу правовой принципъ, о которомъ идетъ рѣчь, мы замѣтимъ, что въ отношеніи собственности въ немъ не дѣлается реального различія между веществомъ воды и веществомъ земли, — другими словами, между болѣе или менѣе устойчивыми формами матеріи, изъ которыхъ составляется вселенная. Если дѣлается различіе, то только лишь въ отношеніи осязательной формы. Я могу начать судебное дѣло о льдѣ, который есть не что иное, какъ вода, принявшая осязательную форму при пониженіи температуры, или о водѣ въ бочкахъ или бутылкахъ, которая получаетъ свою форму отъ этой посуды. И основная причина, побуждающая при искѣ о водѣ описывать эту воду, какъ землю покрытую водой, заключается именно въ томъ, что земля удерживаетъ воду на мѣстѣ, и земля придаетъ ей ту или другую форму.

Такимъ же образомъ, съ другой стороны, если разливъ рѣки или наводненіе сноситъ плодородную землю съ моего поля на поле моего сосѣда, я могу требовать судомъ возврата ея не болѣе, чѣмъ возврата воды, которая вытекла изъ моего пруда. Также если вулканическое сотрясеніе измѣняетъ положеніе какой-либо минеральной залежи, то она можетъ при этомъ сдѣлаться собственностью другого землевладѣльца, а прежній утратить на нее всякое право. Здѣсь, съ точки зрѣнія закона, оказывается тогда то же, что бываетъ при измѣненіи рѣкой своего русла. Въ болѣе грубыя времена, когда межевое искусство было еще мало развито, границы законныхъ владѣній обозначали обыкновенно, пользуясь естественными предметами разнаго рода, которые считались неподвижными, вѣродѣ горъ, морскихъ береговъ, рѣкъ и т. п., и тамъ, гдѣ эти обозначенія въ актахъ сохранились до сего времени, перемѣны въ очертаніяхъ земли сплошь и рядомъ приводятъ къ переходу въ другія руки значительныхъ участковъ земли, какъ это бываетъ, напримѣръ, вдоль измѣняющихся береговъ нижняго Миссиссиппи. Теперь же за главныя линіи плана принимаютъ широту и меридіанъ. И въ этомъ выражается основной принципъ землевладѣнія: оно состоитъ не во владѣніи извѣстными атомами матеріи въ видѣ камней, перетная, воды или воздуха, и не во владѣніи какимъ-либо количествомъ энергіи въ видѣ тепла, свѣта или электричества, а во владѣніи извѣстнымъ дѣленіемъ пространства со всѣмъ, что можетъ въ немъ заключаться.

Г. Спенсеръ смѣшиваетъ двѣ существенно различныя идеи: идею вещества и идею формы или мѣстонахожденія. Въ одномъ смыслѣ ничто не можетъ быть предметомъ собственности—ни земля, ни свѣтъ, ни электричество; въ другомъ—предметомъ собственности могутъ быть всѣ вещества и всѣ силы природы: вода, воздухъ, свѣтъ, тепло и электричество такъ же, какъ и земля. И они на дѣлѣ составляютъ

предметъ собственности, хотя и называются въ документахъ землей, такъ какъ законъ называетъ землей пространство и все, что въ немъ находится. Каждый человѣкъ, получающій при нашихъ законахъ право на землю, можетъ лишать другихъ свѣта, воздуха, проточной воды и пр. и владѣть ими какъ своей исключительной собственностью. И такого рода владѣніе составляетъ нерѣдко весьма осязательный, иногда даже единственный элементъ въ цѣнности собственно земельныхъ владѣній, какъ это можно замѣтить на цѣнѣ, по какой продаются или сдаются въ аренду участки земли, отличающіеся чистотою воздуха, красотою видовъ, обиліемъ свѣта, присутствіемъ минеральныхъ источниковъ или доступомъ къ водѣ.

Затѣмъ г. Спенсеръ утверждаетъ, что „свѣтъ и воздухъ не могутъ быть монополизированы“. Но вѣдь они монополизируются при монополизациіи земли и монополизируются такъ сильно, какъ только могутъ того желать самые беззастѣнчивые монополисты. Правда, воздухъ и солнечный свѣтъ формально не покупаются, не продаются и не отдаются въ аренду. Но почему? Отнюдь не потому, что ихъ нельзя отмѣривать и разграничивать, а просто потому, что по своей физической природѣ они неотдѣлимы отъ земли, и всякій, кто владѣетъ землей, владѣетъ также и воздухомъ, который ее омываетъ, и свѣтомъ, который на нее падаетъ. Свѣтъ и воздухъ монополизируются вмѣстѣ съ землей, и право исключительнаго пользованія ими покупается и продается вмѣстѣ съ покупкой или продажей земли.

Не потому, что еще не усовершенствованы летательные снаряды, владѣетъ собственникъ земли доступомъ къ воздуху, находящемуся надъ ней, и къ свѣту, на нее падающему, а потому, что владѣніе землей равносильно владѣнію этимъ свѣтомъ и воздухомъ не только по существу дѣла, но и съ формальной или юридической стороны. И если бы было усовершенствовано воздухоплаваніе, то собственники земли

могли бы, по закону, запрещать пользованіе ихъ свѣтомъ или воздухомъ и брать плату за пользованіе ими или за прорѣзываніе ихъ, хотя бы на высотѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ надъ землей совершенно такъ же, какъ теперь они запрещаютъ вступленіе на ихъ землю или берутъ плату за пользованіе ею или за прорѣзываніе ея, хотя бы на глубинѣ нѣсколькихъ тысячъ футовъ. Въ англійскомъ законѣ земель называется не просто поверхность земли, имѣющая опредѣленныя границы, а все, что можетъ находиться и выше и ниже этой поверхности, такъ что въ силу того самаго права, по какому собственникъ владѣетъ, какъ своей частной собственностью, какой-либо частью земной поверхности, онъ владѣетъ также горными породами и минералами подъ нею и воздухомъ и свѣтомъ надъ ней. Какъ говоритъ Блэкстонъ: „Слово «земля» означаетъ собою не только земную поверхность, но также все находящееся подъ нею и надъ нею... Подъ это названіе подходитъ все земное“. Собственникъ земли, и по закону и на дѣлѣ, есть собственникъ не поверхности, а пространства. И какъ мѣстами собственники земли продаютъ право на владѣніе поверхностью своей земли, сохраняя за собою право на владѣніе ея минеральными богатствами, или продаютъ право на владѣніе минеральными богатствами, сохраняя за собою право на владѣніе поверхностью, или продаютъ право на проѣздъ чрезъ свою землю, сохраняя за собою всѣ другія права на нее, такъ, въ случаѣ надобности, они могутъ отдѣлять право на пользованіе воздухомъ и свѣтомъ отъ права пользованія землей и затѣмъ обычнымъ порядкомъ продавать его, покупать и завѣщать въ наслѣдство.

Если бы какое-нибудь изобрѣтеніе сдѣлало возможнымъ пользованіе воздухомъ и свѣтомъ независимо отъ владѣнія землей, то оно сразу обнаружило бы тотъ фактъ, что съ точки зрѣнія закона собственники земли являются собственниками воздуха и свѣта, какъ закрытая разработка рудни-

ковъ и устройство подземныхъ желѣзныхъ дорогъ обнаружили фактъ, что собственники земли оказываются собственниками всего, что находится подъ землей. Да и существующая практика представляетъ примѣры сдѣлокъ, предметъ которыхъ, хотя и называется обыкновенно въ документахъ землей, въ собственномъ смыслѣ есть не земля, а свѣтъ и воздухъ или право на пользованіе ими. Укажу одинъ случай. Городъ Кливелэндъ, въ Огайо, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, рѣшился замѣнить обыкновенный мостъ чрезъ Кайагогу разводнымъ. Но оказалось, что одинъ конецъ этого моста, при разводкѣ, проходилъ бы немного по воздуху надъ клочкомъ земли, принадлежащимъ частнымъ собственникамъ. Городу пришлось въ виду этого покупать право на пользованіе воздухомъ, и я имѣю предъ собой копію съ купчей, совершенной 28-го февраля 1880 года, согласно которой гг. Мейерзъ, Раузъ и К^о уступили городу за 9.994 доллара 88 центовъ право проводить мостъ надъ небольшимъ участкомъ ихъ земли на высотѣ тридцати пяти футовъ. Это владѣніе въ воздухѣ признается за нѣчто несомнѣнное и ненарушимое, за вполне законный предметъ продажи или покупки. И если бы оно находилось на высотѣ тридцати пяти сотенъ или тридцати пяти тысячъ футовъ надъ поверхностью земли, все равно, оно признавалось бы столь же законнымъ предметомъ собственности. Ибо то, что составляетъ собственность, называемую въ законѣ землею, измѣряется, въ сущности, не линейными мѣрами того или другого наименованія, а параллелями широтъ и меридіанами долготъ, которые сближаются къ центру земли и расходятся въ пространствѣ. И продавая городу Кливелэнду слой воздуха въ какіе-нибудь пятнадцать футовъ толщиною, господа Мейерзъ, Раузъ и К^о все же еще сохранили за собой законное право собственности на весь воздухъ, который находится поверхъ этого слоя, и имѣли бы право требовать пошлины за пролетъ съ тѣхъ летательныхъ снарядовъ, которые могли бы сдѣлать къ тому

впослѣдствіи попытку, или не позволять имъ перелетъ надъ своей землей.

Тотъ же недостатокъ способности къ анализу обнаруживается г. Спенсеромъ и далѣе, гдѣ онъ заявляетъ, что равныя права на пользованіе свѣтомъ и воздухомъ не признавались на первыхъ ступеняхъ развитія общества и стали признаваться болѣе или менѣе полно лишь въ настоящее время. Насколько это невѣрно, видно изъ того, что въ такихъ странахъ, какъ Англія или Соединенные Штаты, во все не существуетъ чего-либо похожаго на равенство правъ пользованія свѣтомъ и воздухомъ. Приводимый имъ перечень запрещеній, указывающій, яко бы, на признаніе равенства этихъ правъ, онъ могъ бы съ полнымъ основаніемъ дополнить запрещеніемъ бросать по воздуху въ прохожихъ кирпичами. Прегражденіе свѣта и воздуха, куреніе въ извѣстныхъ мѣстахъ, произведеніе вони, дыма или несносныхъ звуковъ, никоимъ образомъ не составляетъ правонарушенія особаго рода, а есть не болѣе, какъ нарушеніе правъ, вытекающихъ изъ права собственности на землю.

Г. Спенсеръ могъ бы замѣтить это, только лишь вникнувъ въ свои же собственные слова о законѣ, „который запрещаетъ постройку стѣнъ, домовъ или другихъ зданій ближе извѣстнаго разстоянія отъ существующихъ строеній и достаточно полно уравниваетъ права сосѣднихъ собственниковъ“.

Собственниковъ чего? Конечно, собственниковъ земли. Если кто-либо имѣетъ право жаловаться, по англійскому закону, на прегражденіе къ нему доступа воздуха и свѣта, то только лишь какъ собственникъ земли или его арендаторъ. И собственникъ земли воленъ преграждать доступъ къ свѣту и воздуху, производить какой угодно шумъ или запахъ, наблюдая только, чтобы имъ не нарушались равныя права другихъ собственниковъ земли, ибо законъ въ Англіи вполне послѣдовательно признаетъ свѣтъ и воздухъ лишь

за принадлежности земли. Иностранецъ ли, мѣстный ли житель, могутъ пользоваться тамъ свѣтомъ и воздухомъ, въ сущности, только лишь съ дозволенія собственниковъ земли. И нельзя сказать даже, чтобы на большихъ дорогахъ признавалось тамъ за народомъ право на пользованіе свѣтомъ и воздухомъ. По крайней мѣрѣ, можно проѣхать въ Англіи по самой живописной мѣстности многія мили и видѣть по сторонамъ лишь высокія и дорого стоящія стѣны, сооруженныя съ явнымъ намѣреніемъ преградить доступъ свѣта и увѣнчанныя гребнемъ изъ битыхъ стеколъ съ цѣлью изорвать платье и изрѣзать тѣло у всякаго, кто осмѣлился бы взобраться на нихъ, чтобы полюбоваться видами.

Права на пользованіе свѣтомъ, воздухомъ и всякой другой естественной средой, въ сущности, такъ же неотдѣлимы отъ права на пользованіе землей, какъ воздушный океанъ, окружающій землю, неотдѣлимъ отъ поверхности земли; и если г. Спенсеръ отдѣлилъ ихъ въ своемъ трактатѣ, то только лишь изъ-за очевиднаго желанія запутать предметъ, окутать туманомъ словъ отвергнутую имъ неопровержимую истину и изъ ложнаго положенія, будто у насъ въ законѣ и на дѣлѣ признается за всѣми людьми равная свобода на пользованіе воздухомъ и свѣтомъ, вывести еще болѣе ложное положеніе, будто у насъ признаются за всѣми людьми также равныя права на пользованіе землей.

Но прежде чѣмъ разбирать это послѣднее положеніе, остановимся на минуту на связанномъ съ нимъ попутномъ утвержденіи г. Спенсера, будто въ настоящее время уже вполне признается за всѣми равное право на личную свободу и свободу перемѣщенія.

Если бы г. Спенсеръ прервалъ на время свое изученіе быта аборовъ, бодо, ведда, гхондовъ, дхималовъ и другихъ оригинальныхъ народовъ съ названіями отъ начала и до конца алфавита, на которыхъ онъ ссылается въ своей книгѣ такъ же часто, какъ педанты прошлаго вѣка на класси-

ковъ, и обратилъ вниманіе на то, что его окружаетъ, то онъ, конечно, не написалъ бы такихъ строкъ:

„Въ настоящее время—среди англійскаго общества, по „крайней мѣрѣ—уже нѣтъ болѣе понятій, чувствъ или обычаевъ, которые расходились бы съ признаніемъ, что каждый „человѣкъ имѣетъ право пользоваться своими членами и „двигаться, куда ему угодно“.

Насколько далеко отъ истины это заявленіе, будто въ Англіи „каждый человѣкъ имѣетъ право пользоваться своими членами и двигаться, куда ему угодно“, видно изъ того, что нигдѣ на Британскихъ островахъ не найдется ни одного мѣстечка хотя бы среди дикихъ болотъ, мрачныхъ лѣсныхъ чащъ или голыхъ горныхъ вершинъ, гдѣ можно бы было перемѣщаться безъ позволенія частныхъ собственниковъ, за исключеніемъ дорогъ, площадей и другихъ полосокъ и кусочковъ земли, признаваемыхъ за собственность общества.

Г. Спенсеръ въ настоящее время, повидимому, забылъ объ этомъ, но онъ зналъ это, когда въ „Общественной Статикѣ“ признавалъ за зло ту систему, которая позволяла герцогу Лидзскому не допускать путешественниковъ на вершину Бен-Макдуй, герцогу Атольскому запирать Тильтскую долину, герцогу Бёкклу отказывать въ мѣстѣ для постройки протестантскихъ церквей и герцогу Сутерландскому сгонять съ земли шотландскихъ крестьянъ ради расширенія пастбищъ для овецъ.

„Истинно говорю вамъ, что они уже получаютъ награду свою“. Имя Герберта Спенсера фигурируетъ теперь рядомъ съ именами почти всѣхъ герцоговъ королевства, какъ руководителя ассоціаціи, образованной съ цѣлью защиты частной собственности на землю и, между прочимъ, проявившей особую дѣятельность на недавнихъ выборахъ въ совѣтъ лондонскаго графства.

ГЛАВА VIII.

„Справедливость“ о правъ на землю.

Въ концѣ концовъ г. Спенсеръ былъ все же вынужденъ изъ воздуха и свѣта опуститься на землю, — такова ужъ, видно, участь людей, отъ которой не избавятъ ихъ и усовершенствованія въ летательныхъ снарядахъ.

Но посмотрите, какъ неохотно, какъ робко подходитъ онъ къ главному вопросу. Сразу видно, что это—предметъ, который онъ не прочь бы былъ и вовсе обойти молчаніемъ. Земля для насъ—единственный твердый элементъ природы, все производящій и все поддерживающій; изъ нея берется наше тѣло и въ нее возвращается вновь, она—наше мѣсто пребыванія, наша рабочая комната, наша житница; чрезъ нее становится намъ доступной всякая другая природная среда, и лишь на ней возможна для насъ утилизація какихъ-либо то ни было силъ природы; мы можемъ производить, лишь пользуясь ею; мы можемъ дышать воздухомъ или пользоваться свѣтомъ только лишь на ней; она есть элементъ, который предполагается каждой человѣческой жизнью и всякимъ человѣческимъ дѣйствіемъ. Для г. Спенсера земля есть лишь нѣкоторая „остающаяся часть среды, которая едва ли даже можетъ считаться за что-либо посредствующее“, и которую можно подвести подъ категорію предметовъ подобныхъ свѣту и воздуху, лишь расширивъ нѣсколько обычное значеніе слова „среда“.

Доказавъ, къ своему удовольствію, что въ отношеніи личныхъ правъ и свободы движенія „то, что есть“ въ Англии, не отличается отъ „того, что должно быть“, за единственнымъ, быть можетъ, исключеніемъ, что слишкомъ-то ужъ много тамъ курятъ въ вагонахъ, г. Спенсеръ подходитъ, наконецъ, къ жгучему вопросу о землѣ. Но такова ужъ, видно, сила истины, что, будучи разъ признана, она никогда затѣмъ не можетъ быть цѣликомъ забыта или заглушена, — и, коснувшись вопроса о землѣ, г. Спенсеръ почти въ самомъ же началѣ своихъ разсужденій невольно дѣлаетъ такое признаніе:

„Если бы, обладая тѣми нравственными чувствами, которыя созданы теперь общественной дисциплиной, люди „стали распоряжаться землей, нераздѣленной еще на индивидуальныя владѣнія, то они не задумались бы установить равенство правъ на пользованіе землей, какъ они не задумались установить равенства правъ на пользованіе свѣтомъ или воздухомъ“.

„Если бы, обладая тѣми нравственными чувствами, которыя созданы теперь общественной дисциплиной...“ Согласно спенсеровской философіи, наши нравственные чувства развились подъ давленіемъ окружающей обстановки путемъ переживанія наиболѣе приспособленныхъ и наслѣдственной передачи, при чемъ начальной фазой этого развитія было состояніе, когда первобытные люди, яко бы, поѣдали другъ друга. Заявивъ, что въ послѣднее время общественная эволюція довела человѣчество до признанія равенства правъ на воздухъ и свѣтъ, г. Спенсеръ утверждаетъ, что и идея равенства правъ на пользованіе землей явилась продуктомъ подобнаго же развитія, отнюдь не представляя изъ себя первичнаго воспріятія людей.

Однако утвержденіе это находится въ противорѣчьи не только со всѣми фактами, но и съ самой спенсеровской философией.

Выяснимъ сначала его отношеніе къ этой философіи. Она утверждаетъ, что человѣкъ выработался путемъ эволюціи изъ животнаго. Онъ сдѣлался человѣкомъ, развиваясь постепенно изъ обезьянъ или другой какой-либо формы животнаго, отъ которой произошли обезьяны. Въ теченіе этого эволюціоннаго процесса, продолжавшагося и послѣ того, какъ онъ сдѣлался человѣкомъ, онъ пріобрѣлъ свои теперешніе инстинкты, привычки и способности.

Мнѣ извѣстно, что наивысшія изъ животныхъ, поѣдающихъ другъ друга, въ генеалогическомъ древѣ синтетической философіи, значатся несравненно ниже тѣхъ животныхъ, существующихъ или вымершихъ, отъ которыхъ могъ произойти человѣкъ; однако я не предложу вопроса о томъ, какимъ образомъ можетъ быть согласовано сплошь и рядомъ повторяющееся утвержденіе, будто первобытные люди были привычными людоедами, съ утвержденіемъ, будто они получили свои привычки въ наслѣдство отъ своихъ животныхъ предковъ.

Я осмѣлюсь только спросить, какимъ образомъ могутъ быть согласованы одно съ другимъ утвержденіе, будто люди лишь въ послѣднее время добрались до пониманія равенства правъ на пользованіе естественною средою, — землею, въ частности, — и утвержденіе, будто наши нравственные понятія унаслѣдованы нами отъ животныхъ. Животныя борются съ себѣ подобными, какъ борются люди, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ ведутъ при случаѣ борьбу, хоть и не слишкомъ-то часто и легкомысленно. Но найдется ли какое-либо животное, во всемъ рядѣ ихъ отъ медузы и до обезьяны, которое, въ мирѣ съ другими себѣ подобными, требовало бы для себя и для другихъ свободы пользованія природною средою, ограниченной лишь равной свободой другихъ подобныхъ ему животныхъ? Конечно, нѣтъ. Какъ же согласовать тогда утвержденіе, будто человѣкъ выработалъ въ себѣ сознаніе равенства правъ на пользованіе природною

средою за время своего развитія, съ утвержденіемъ, будто онъ унаслѣдовалъ первоначально свои воспріятія отъ животныхъ?

Я спрашиваю это съ цѣлью выставить на видъ тотъ фактъ, что въ своемъ усилии обѣлить чудовищную несправедливость частной собственности на землю г. Спенсеръ пускаетъ въ ходъ насиліе противъ своихъ же собственныхъ теорій, и не только противъ теорій, изложенныхъ въ „Общественной Статикѣ“, но также противъ теорій, вошедшихъ въ составъ синтетической философіи и изложенныхъ въ „Справедливости“; что онъ выказываетъ готовность принести въ жертву своимъ новымъ господамъ не только свою честь, но даже то, что нерѣдко дорого цѣнится и нравственно падшими людьми—послѣднее подобіе правдивости. Уклоняясь отъ разсмотрѣнія самой сути земельного вопроса, онъ пытается, въ своемъ мнимомъ изслѣдованіи его, внушить убѣжденіе, будто теперешніе способы владѣнія землей, если на самомъ дѣлѣ и не могутъ считаться наилучшими, то во всякомъ случаѣ, все же, представляютъ изъ себя наивысшую форму, въ какую только могла воплотиться идея равнаго права на пользованіе природной средой за все время своего прогрессивнаго развитія. Но сказать, что идея равенства правъ на землю есть продуктъ прогрессивнаго общественнаго развитія, значитъ признать, что въ началѣ этого развитія преобладала противоположная идея — неравенства правъ или частной собственности на землю. Животныя не обнаруживаютъ и слѣда такой идеи; потому признаніе это противорѣчило бы доктринѣ, которая учитъ, что первобытный человѣкъ тѣснѣйшимъ образомъ примыкалъ къ животнымъ. Остается утверждать, что люди начали съ идеи неравенства правъ на землю и постепенно, съ ростомъ общества, усвоили затѣмъ идею равенства правъ. И г. Спенсеръ утверждаетъ это въ разсматриваемой нами главѣ, наперекоръ всему тому, что онъ говорилъ въ восьми пер-

выхъ главахъ той же книги при выводѣ идеи справедливости.

А факты, противорѣчащіе его утвержденію, мы можемъ замѣтить повсюду. Въ Америкѣ, Австраліи и Новой Зеландіи потомки англосаксовъ, обладавшіе „нравственными чувствами, которыя созданы теперь общественной дисциплиной“, оказывались на территоріи, еще не раздѣленной на части, принадлежащія отдѣльнымъ собственникамъ, и однако, вмѣсто того, чтобы признавать равенство правъ на землю, они дѣлили ее на части между отдѣльными собственниками всюду, гдѣ къ тому представлялась возможность. Такимъ образомъ общественный строй, съ которымъ они сроднились, оказывалъ на ихъ нравственные чувства дѣйствіе, прямо противоположное тому, какое указываетъ г. Спенсеръ. Теперешній общественный порядокъ не подготовилъ ихъ къ признанію равенства правъ на землю; наоборотъ, уничтоживъ въ ихъ средѣ въ сравнительно недавнее время послѣдніе слѣды такого признанія, онъ сдѣлалъ ихъ даже на новыхъ мѣстахъ нечувствительными къ различію между землей и прочими видами собственности.

Съ другой стороны, среди тѣхъ же первобытныхъ обитателей территоріи Соединенныхъ Штатовъ идея равенства правъ на землю и другіе природные элементы признавалась настолько полно, что имъ казалось дикимъ искусственное понятіе частной собственности на землю; они столь же не способны были представить себѣ, что земля по праву могла бы сдѣлаться предметомъ собственности, какъ и г. Спенсеръ въ 1850 году. И до сего времени, несмотря на всѣ усилія правительства и частныхъ лицъ, черокезы, чоктозы и другія цивилизовавшіяся племена первобытныхъ обитателей нашей страны наотрѣзъ отказываются признавать за отдѣльными лицами право собственности на землю, признавая во всей полнотѣ право собственности на предметы, произведенные трудомъ. Между ними существуетъ лишь право

частнаго владѣнія землею, при чемъ никто не можетъ удерживать за собою землю, не пользуясь ею. Мысль, будто земля можетъ считаться такою же собственностью индивидуума, какъ предметы, произведенные трудомъ, представляется человѣческому уму, неискалѣченному вѣками насилій и обмана, столь же нелѣпой, какъ мысль, будто такой собственностью могутъ быть воздухъ или солнечный свѣтъ.

Самъ г. Спенсеръ, признавъ идею равенства естественныхъ правъ на землю за продуктъ общественнаго прогресса, доведшаго людей наивысшей цивилизаціи до ихъ теперешняго нравственнаго состоянія, тутъ же, вслѣдъ за тѣмъ, доказываетъ, что „на первыхъ ступеняхъ культуры частная собственность на землю неизвѣстна“, и что главной причиной возникновенія ея было „прямое или косвенное приложеніе силы, иногда внутренней, но большею частію внѣшней“. *)

Г. Спенсеръ допускаетъ, въ сущности, что частная собственность на землю опирается не на какія-либо представленія о справедливости, врожденные или прибрѣтенныя въ процессъ эволюціи, а цѣликомъ на самую силу. Тутъ-то и наступаетъ для него моментъ величайшихъ усилій. Чтобы

*) Замѣтимъ, что г. Спенсеръ вновь смѣшиваетъ здѣсь равное право съ общимъ правомъ. Первобытная идея не такова, чтобы земля считалась собственностью племени, а отдѣльныя лица — участниками въ общей собственности. Если территоріальныя владѣнія одного племени и отдѣляются обыкновенно отъ владѣній другого, то дѣлается это такъ, какъ дѣлалось между Лотомъ и Авраамомъ, а отнюдь не такъ, какъ между обыкновенными собственниками земли. За членами племени признается не общее право собственности, а равное право пользованія. Если на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія и оказывается необходимость въ какихъ-либо постановленіяхъ, касающихся земли, то только лишь въ тѣхъ, коими регулируется равенство пользованія ею. Среди первобытныхъ народовъ никому и въ голову не приходитъ спрашивать согласія племени на пользованіе землей, которой не пользуется никто другой. Всякій занимаетъ такую землю просто уже въ силу одного своего личнаго права.

придать обратное направлѣніе всей своей аргументаціи, ему приходится прибѣгать къ ссылкамъ на феодальную систему и вертѣться на допущеніи, будто права монарха, какъ представителя народа, перешли затѣмъ къ народнымъ представителямъ.

Тутъ-то г. Спенсеръ и вступаетъ въ тоннель, о которомъ мы говорили. Онъ аргументируетъ такимъ образомъ:

Частная собственность на землю въ то время, когда она только еще возникала, была обыкновенно неполной; она подлежала ограниченіямъ со стороны высшей власти и подчинена была владычеству главы государства; такой взглядъ на нее сохраняется, и въ теоріи, и въ практикѣ, до настоящаго времени, и государство въ наше время не колеблясь отбираетъ для общественныхъ надобностей земли у частныхъ собственниковъ, давая имъ должное вознагражденіе. Такъ какъ высшая власть монарха замѣнилась высшей властью народа, то теперь народъ является верховнымъ собственникомъ земли, и онъ можетъ отбирать ее, если пожелаетъ, уплачивая полное вознагражденіе. Такимъ образомъ снова утвердилось индивидуальная свобода въ отношеніи земли, и равное право всѣхъ людей на пользованіе землей признается теперь во всей полнотѣ какъ теоріей, такъ и практикой англійскаго закона, наравнѣ съ равнымъ правомъ на свѣтъ и воздухъ.

Все, что ранѣе говорилось г. Спенсеромъ, было не болѣе, какъ игрою фокусника съ цѣлью развлечь вниманіе. Но вотъ совершается преобразование.

Конскій каштанъ при блескѣ синтетической логики превращается въ каштановаго коня. Здѣсь находимъ мы объясненіе тому, что говорилось г. Спенсеромъ въ письмѣ его въ газету „Таймъ“,—будто тотъ взглядъ, какого онъ держится съ давняго времени, „совпадаетъ съ существующей законодательной теоріей и практикой“. Здѣсь приводится къ соглашенію его формула справедливости, утвер-

ждающая, что „каждый человекъ свободенъ дѣлать все, что пожелаетъ, лишь бы имъ не нарушалась равная свобода всѣхъ прочихъ людей“, со взглядами священнаго собранія „Лиги защитниковъ свободы и собственности“, въ которомъ засѣдаютъ „многіе пары и двое судей“. Все оказывается въ гармоніи между собой благодаря допущенію, будто равныя права всѣхъ людей на пользованіе землей признаются въ настоящее время въ правѣ парламента отбирать землю для общественныхъ надобностей, уплачивая за нее вознагражденіе.

Но что же, спросятъ, случилось съ тѣми девятнадцатью двадцатыми населенія Англіи, которыя, по выраженію „Общественной Статики“, насильственно лишены были ихъ природнаго права, ихъ наслѣдія на землѣ, при чемъ въ отношеніи ихъ было сдѣлано преступленіе, лишь немногимъ меньшее убійства или порабощенія? Точно ли они превратились въ верховныхъ собственниковъ земли благодаря одной только привилегіи избирать членовъ въ законодательную палату, которую самъ г. Спенсеръ описываетъ въ своей книгѣ, какъ „пестрое собраніе выборныхъ отъ политическихъ партій, которымъ руководить невѣжественное и фанатичное меньшинство“?

Что, спросятъ, случилось съ той частью населенія Англіи, которая не обладаетъ даже и этой жалкой привилегіей, избирать членовъ въ „пестрое собраніе выборныхъ отъ политическихъ партій“?

Отвѣта не послѣдуетъ. Мы тщетно будемъ искать его въ книгѣ, носящей названіе: „Принципы этики. — Этика общественной жизни: Справедливость“. Всѣ обездоленные люди стремительно скрылись изъ глазъ по одному мановенью фокусника.

Небезынтересно будетъ вникнуть въ ту часть логическаго процесса г. Спенсера, въ которой онъ дѣлаетъ допущеніе, будто современная англійская юридическая теорія и прак-

тика, позволяющія правительству отбирать землю для общественныхъ надобностей, уплачивая за нее вознагражденіе, тождественны съ теоріей и практикой феодальнаго времени, когда монархъ, какъ представитель всего народа, считался верховнымъ собственникомъ всей земли. Далѣе этого отождествленія снѣ не заходить, и выводы, къ какимъ онъ затѣмъ приходитъ, нимало не доказываютъ того, чтобы въ существующей юридической теоріи и практикѣ признавалось равное право всѣхъ людей на пользованіе землей. Однако даже и тутъ г. Спенсеръ, очевидно, уклоняется отъ разсмотрѣнія факта, имѣющаго жизненное значеніе.

Отобраніе земли правительствомъ для общественныхъ надобностей, съ уплатою соотвѣтственнаго вознагражденія, не имѣетъ ничего общаго съ осуществленіемъ или признаніемъ высшаго права собственности на землю. Въ Соединенныхъ Штатахъ земля, согласно отдѣльнымъ конституціямъ, считается абсолютной собственностью тѣхъ лицъ, которымъ она принадлежитъ, но тѣмъ не менѣе ея отобраніе правительствомъ практикуется тамъ едва ли не съ болѣею свободой, чѣмъ въ Англіи. Если картины для публичныхъ галлерей покупаются, а не отбираются, то просто потому, что нѣтъ нужды въ ихъ отобраніи. А власть могла бы отбирать ихъ совершенно такъ же, какъ она отбираетъ землю. И въ случаѣ надобности,—въ случаѣ войны, наприкладъ, — сплошь и рядомъ отбираются для общественныхъ надобностей всевозможные предметы: суда, лошади, желѣзныя дороги, провіантъ и даже люди. Дѣлается это по праву, принадлежащему высшей власти, и его проявленіе иногда бываетъ необходимою для общества.

Когда, въ 1889 году, Джонстаунъ, въ Пенсильваніи, былъ отрѣзанъ отъ остальнаго міра наводненіемъ, уничтожившимъ обычный жизненный порядокъ города, то британскій подданный Артуръ Моксемъ всталъ у власти, какъ бы по единодушному рѣшенію жителей. Не теряя времени, онъ

забралъ всѣ съѣстные припасы, уничтожилъ всѣ спиртные напитки и поставилъ къ работѣ всѣхъ здоровыхъ и взрослыхъ жителей города, отложивъ на будущее время рѣчь о вознагражденіи. Онъ явился исполнителемъ воли общества, которое, въ виду несчастія, вынуждено было прибѣгнуть къ крайнему мѣрамъ для самосохраненія, и всякій, кто воспротивился бы его распоряженіямъ, могъ бы быть разстрѣлянъ.

Но теорія англійскаго закона, согласно которой корона считается единственнымъ собственникомъ англійской земли, а отдѣльные лица—самое большее—арендаторами ея, хотя и смѣшивается нерѣдко съ правомъ верховнаго владычества или завѣдыванія землею, имѣетъ, въ сущности, совершенно иное происхожденіе. Теперь—простая фикція, въ феодальныя времена она представляла изъ себя извѣстную реальность и находила выраженіе въ законѣ. Вильгельмъ Завоеватель, раздѣляя Англію, дѣлалъ необходимымъ условіемъ полученія отъ него земли уплату извѣстныхъ повинностей и оказаніе извѣстныхъ услугъ. И такова была сущность феодальнаго принципа. Въ невыработанной, частичной, но довольно-таки осязательной формѣ имъ все же признавалось право всего общества на ренту. Онъ являлся грубой попыткой провести въ жизнь ту самую систему націонализаціи земли, которую г. Спенсеръ въ „Общественной Статикѣ“ называлъ единственной справедливой системой владѣнія землею. Обладаніе цѣнной землею связывалось съ разнаго рода платежами и услугами. Коронныя земли должны были доставлять содержаніе королю и оплачивать цивиль-листъ. Церковныя земли доставляли средства для покрытія расходовъ на церковь, на народное образованіе, на призрѣніе больныхъ и странниковъ. Владѣльцы военныхъ земель обязаны были содержать войско и являться на войну, при чемъ на нихъ возлагались еще добавочныя повинности въ особыхъ случаяхъ,—напримѣръ, при выкупѣ изъ плѣна короля, при посвященіи въ рыцарство его старшаго сына, при выходѣ замужъ его

старшей дочери и т. п.; а право каждого англичанина на пользование, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой долей англійской земли признавалось въ видѣ существовавшихъ повсюду общинныхъ земель. Въ связи съ этимъ началомъ феодальной системы развились затѣмъ право первородства, опеки, передачи владѣнія и другія феодальныя учрежденія, которыя, сохранившись до настоящаго времени въ нашихъ кодексахъ, являются теперь лишь бессмысленными и бесполезными переживаніями прошлаго.

„Бросая бѣглый взглядъ на нѣкоторыя миновавшія фазы владѣнія землей“, г. Спенсеръ говорилъ намъ о жителяхъ Суматры, о донскихъ казакахъ, о великорусскихъ крестьянахъ, о сванетахъ и дагомейцахъ; но онъ ни единымъ словомъ не упомянулъ о томъ, какъ мы, люди англійской рѣчи, утратили тѣ остатки равенства правъ на пользование землей, которыя сохранялись еще долгое время спустя послѣ окончательнаго завоеванія Англии. И онъ не упомянулъ объ этомъ отнюдь не по своему невѣжеству. Относящіеся сюда факты извѣстны ему, ибо они приводятся имъ въ „Политическихъ учрежденіяхъ“ *). Онъ обошелъ ихъ молчаніемъ просто потому, что они не годятся для того фокуса, который онъ пытается про-

*) Въ главѣ „о политической дифференціаціи“ („Начала социологіи“, т. II, стр. 297, англ. изд.) онъ дѣлаетъ нижеслѣдующую цитату изъ Галлама:

„Вильгельмъ Завоеватель... раздѣлилъ это королевство приблизительно на 60.000 участковъ почти равной цѣнности. Нѣкоторые изъ нихъ остались въ рукахъ тѣхъ лицъ, которыя владѣли ими, другіе — распределены были между его приближенными, какъ между собственниками или сюзерэнами. Но къ каждому изъ этихъ участковъ приурочена была служба въ войскѣ“.

А далѣе, въ главѣ „о собственности“ (стр. 553 того же изданія) мы находимъ мѣстечко, уже приведенное нами ранѣе:

„Въ нашей странѣ этой формѣ владѣнія землей былъ положенъ конецъ въ 1660 году, когда феодальныя обязательства (налогъ на землевладѣльцевъ) замѣнены были акцизомъ на пиво (налогъ на все населеніе).“

дѣлать предъ читателемъ. Дѣло было такъ, что лица, которыя получали въ свое обладаніе англійскія земли на условіи платить съ нихъ ренту, избавились отъ этого платежа благодаря цѣлому ряду самыхъ беззастѣнчивыхъ поблажекъ со стороны правительства. Коронныя земли были розданы развратными сюзерэнами безъ всякаго намека объ обязательствѣ платить ренту. Генрихъ Восьмой раздарилъ большую часть церковныхъ земель своимъ любимцамъ, и народъ безъ дальнихъ разговоровъ лишенъ былъ тѣхъ услугъ и благодѣяній, которыя онъ получалъ отъ прежнихъ владѣльцевъ. Наконецъ, актомъ Долгаго Парламента, утвержденнымъ уже послѣ Реставраціи сомнительнымъ большинствомъ, уничтожены были обязательства, связанные съ владѣніемъ военными помѣстьями, и помѣщики, поокрѣпивъ благодаря своимъ пріобрѣтеніямъ и сдѣлавшись фактически собственниками своихъ вотчинъ, уже сами прибрали къ своимъ рукамъ общинныя земли путемъ простого ихъ отгораживанія.

Суть и смыслъ высшаго права собственности короны на англійскую землю такимъ образомъ утратились. Что осталось, такъ одна юридическая фикція, простое переживаніе формы, которая имѣетъ не больше значенія, чѣмъ титулъ Георга III, признававшій его королемъ Франціи. Однако основываясь на этихъ пустыхъ звукахъ и на фактахъ отобранія земли для общественныхъ надобностей съ уплатою полного вознагражденія, г. Спенсеръ нашелъ возможнымъ увѣрять своихъ соотечественниковъ, что и на самомъ дѣлѣ признается ихъ равенство правъ.

Выходитъ, что равное право англичанъ на пользованіе землею сводится къ привилегіи покупать ее по ея настоящей цѣнѣ! Какое же право на землю есть тогда у англичанъ, собственно какъ у англичанъ? Вѣдь всякій русскій, турокъ, винанзъ или карнегъ совершенно такъ же могутъ пользоваться землею въ Англіи, платя за нее.

Заключеніе, къ какому приходитъ г. Спенсеръ въ „Справедливости“ относительно права на пользованіе землей, можетъ быть выражено въ той самой формѣ, какой онъ пользуется въ „Общественной Статикѣ“.

«Представимъ себѣ существъ, одинаково стремящихся къ удовлетворенію своихъ желаній; представимъ себѣ міръ, «приспособленный къ удовлетворенію этихъ желаній,—міръ, «въ который эти существа рождаются одинаковымъ образомъ,—и мы тотчасъ же замѣтимъ, что они должны имѣть «право на пользованіе этимъ міромъ, уплативъ стоимость «его тѣмъ лицамъ, которыя называютъ себя его собственниками».

Однако, говоря обездоленнымъ массамъ, что въ настоящее время признается ихъ равное право на землю, г. Спенсеръ и самъ, повидимому, не вѣритъ въ убѣдительность своихъ словъ, ибо онъ тутъ же доказываетъ, въ прибавку, что всякое требованіе со стороны народныхъ массъ, выходящее за предѣлы права покупать землю по ея продажной цѣнѣ, было бы съ нравственной точки зрѣнія преступленіемъ. Это называется „пускать телѣгу впереди лошадей“. Вѣдь преступленіе есть не что иное, какъ нарушеніе права. А право, какъ незадолго передъ тѣмъ говорилъ г. Спенсеръ, есть свобода того или другого рода, выводимая изъ закона равной свободы. Чтобы признать преступленіе, ему нужно было доказать нарушеніе этого закона. Вникнемъ, однако, въ его разсужденіе.

Онъ заявляетъ сначала:

„Такъ какъ и справедливость и установившійся обычай „одинаково требуютъ, чтобы теперешніе собственники земли „не были лишены ихъ владѣній безъ возврата имъ точно „опредѣленной цѣнности ихъ, то понятно, что и полный „переходъ земли во владѣніе общества могъ бы быть осуществленъ не иначе, какъ путемъ ея покупки“.

Да такъ ли это? Отбирая богатство у отдѣльныхъ лицъ,

государство по справедливости и по праву вознаграждаетъ за него. Но развѣ выдаетъ оно кому вознагражденіе, отбирая богатство у всѣхъ лицъ извѣстнаго класса, какъ то бываетъ при собираніи налоговъ?

Когда отбирается земля у нѣкоторыхъ собственниковъ, то вознаграждать ихъ приходится въ виду того, что иначе сдѣлано было бы различіе между ними и другими собственниками земли. Справедливость, какъ говорилъ намъ г. Спенсеръ, означаетъ собой одинаковость. Было бы несправедливо, если бы государство лишало обладанія землею того или другого собственника и не выдавало ему вознагражденія, ибо поступать такъ значило бы оставлять неуравновѣшеннымъ неравенство между одними собственниками земли и другими, — значило бы относиться неодинаково ко всѣмъ собственникамъ земли. Но справедливость ни мало не была бы нарушена въ томъ случаѣ, если бы земля отбиралась у всѣхъ собственниковъ безъ вознагражденія, ибо государство, относясь одинаково ко всѣмъ собственникамъ земли, уничтожало бы при этомъ различіе между этими собственниками и другими членами общества и ставило бы всѣхъ членовъ общества на равную ногу по отношенію къ землѣ.

Однако, — продолжаетъ г. Спенсеръ, признавъ уже, что общество по праву можетъ отбирать землю, —

„Возврати себѣ общество непосредственное владѣніе „землей безъ выкупа, и оно взяло бы себѣ при этомъ „вмѣстѣ съ тѣмъ, что по праву принадлежитъ ему, также „несравненно большую часть того, что не есть его собствен- „ность“.

Какъ же такъ? Вѣдь предлагается отобрать только землю, а не что-либо другое.

Ибо, — продолжаетъ г. Спенсеръ, —

„Даже если бы мы оставили въ сторонѣ всѣ тѣ безчис- „ленные осложненія, которыя за длинный рядъ вѣковъ „безнадежно спутали права людей, опредѣляемыя теоріей;

„даже если бы мы привели вопросъ къ его простѣйшему теоретическому выраженію...“

Такъ именно и слѣдуетъ дѣлать, отозвался бы на это каждый приверженецъ отобранія земли. Люди пріобрѣтаютъ равное право на пользованіе міромъ, — какъ это мы знаемъ изъ той же „Общественной Статики“, — вслѣдствіе своего одинаковаго присутствія въ мірѣ, и потому не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо осложненіяхъ, которыя запутали ихъ равныя права на пользованіе землей, опредѣляемыя теоріей, или какія-либо-то ни было другія.

Но, не обращая на это вниманія, г. Спенсеръ утверждаетъ, что, даже оставивъ въ сторонѣ то, о чемъ никто не заикался, и даже приведя вопросъ къ его простѣйшему теоретическому выраженію,

„Мы все же должны были бы признать, что самое болѣе, чего можетъ требовать по праву общество, сводится къ поверхности земли въ ея первичномъ необработанномъ состояніи. На всю же ту цѣнность, которая придана была землѣ расчисткой, распаханіемъ, продолжительной обработкой, огораживаніемъ, осушкой, устройствомъ дорогъ, постройкой фермъ и т. п., на всю эту цѣнность, составляющую почти всю цѣнность земли, общество не имѣетъ никакого права. Эта цѣнность придана была землѣ или личнымъ трудомъ, или трудомъ, за который собственники платили вознагражденіе, или трудомъ ихъ предковъ, — или цѣнность, приданная такимъ образомъ, была куплена на законно-пріобрѣтенныя средства. Вся эта цѣнность, искусственно приданная землѣ, по праву принадлежитъ теперешнимъ собственникамъ, и не можетъ быть отнята у нихъ безъ гигантскаго грабежа. Пусть за время образованія существующаго землевладѣнія было совершено не мало насилій и обмановъ, но все же они показались бы ничтожными сравнительно съ тѣмъ насиліемъ и обманомъ, въ какомъ виновно было бы общество въ томъ случаѣ, если бы

„оно, не выдавъ вознагражденія, взяло въ своё обладаніе „ту искусственную цѣнность, которая придана была землѣ „трудомъ почти двухъ тысячелѣтій“.

Что хочетъ сказать г. Спенсеръ? Если онъ хочетъ сказать, что общество можетъ требовать себѣ лишь одной земли, и что собственники земли въ правѣ удерживать за собою цѣнность принадлежащихъ имъ улучшеній и всего прочаго, чѣмъ они могутъ владѣть, то вѣдь и мы допускаемъ это, — хотя и не вполне въ точномъ соотвѣтствіи со справедливостью, ибо множество предметовъ иныхъ, чѣмъ земля, которыми владѣютъ въ настоящее время теперешніе собственники земли, досталось имъ благодаря несправедливому присвоенію земли. Мы желаемъ лишь оградить свое право и потому, вычеркивая прошлое, мы предлагаемъ именно то, что было предложено г. Спенсеромъ въ „Общественной Статикѣ“: возстановить за всѣми людьми ихъ равное право на землю и предоставить теперешнимъ собственникамъ земли владѣніе всѣми улучшениями въ землѣ или на землѣ и всей прочей ихъ собственностью, не разбирая вопроса о томъ, какимъ путемъ все это имъ досталось.

Но что же хотѣлъ сказать тогда г. Спенсеръ, говоря о „поверхности земли въ ея первичномъ необработанномъ состояніи“, какъ обо всемъ, чего только въ правѣ требовать себѣ общество? Что хотѣлъ онъ сказать, говоря о той „искусственной цѣнности, которая придана была землѣ трудомъ почти двухъ тысячелѣтій?“ Ужъ не то ли, — при своихъ смутныхъ понятіяхъ о цѣнности, — что населеніе Англіи, даже въ случаѣ признанія его естественныхъ правъ, могло бы рассчитывать лишь на цѣнность, какую имѣла земля въ Англіи до времени ея заселенія, и что оно должно бы было выплатить собственникамъ земли цѣнность всего труда, какой затрачивался на ней со времени высадки Цезаря?

Населеніе Англіи имѣетъ естественное право на теперешнюю цѣнность земли за вычетомъ цѣнности существую-

щихъ улучшеній въ землѣ или на землѣ частныхъ собственниковъ. И именно эту цѣнность мы предлагаемъ сдѣлать общественнымъ достояніемъ при помощи единаго налога. Собственники земли сохранили бы за собой всю свою временную или движимую собственность, цѣнность всѣхъ ихъ улучшеній въ землѣ или на землѣ, и имѣли бы равную съ прочими гражданами долю въ цѣнности земли, сдѣлавшейся общимъ достояніемъ. Все это совершенно ясно и, если не вполне справедливо, то только потому, что при этомъ за собственниками земли было бы сохранено въ ихъ личной собственности и въ цѣнности ихъ улучшеній не мало кое-чего такого, что досталось имъ не какъ результатъ ихъ собственного труда или труда ихъ предковъ, а какъ результатъ несправедливаго присвоенія труда другихъ людей.

До цѣнности земли въ ея первичномъ необработанномъ состояніи намъ нѣтъ никакого дѣла: мы хотимъ знать лишь цѣнность земли такой, какова она есть. Намъ нѣтъ никакого дѣла и до труда, который затрачивался на ней со временъ Цезаря: собственникамъ земли принадлежатъ лишь существующія улучшенія. И если бы г. Спенсеръ попытался формулировать свои убѣжденія, то онъ и самъ бы, конечно, замѣтилъ всю нелѣпость той мысли, будто, возвращая себѣ свои права на землю—наши права, а не права древнихъ бриттовъ, первобытнаго человѣка или животныхъ, жившихъ до человѣка,—мы должны были бы считать принадлежащей собственникамъ земли цѣнность земли, зависящую отъ нашего присутствія, признавая своей лишь ту цѣнность, какую имѣла бы земля въ томъ случаѣ, если бы насъ не существовало. Онъ не сталъ бы тогда, конечно, утверждать, будто одни собственники земли имѣютъ право на ту цѣнность, какую придаетъ землѣ существующая общественная среда,—что они одни въ правѣ пользоваться тѣми благодѣяніями, къ какимъ повели введеніе христіанства, истребленіе волковъ, пораженіе и цивилизація датчанъ, уничтоженіе

испанской армады, постройка шоссейныхъ дорогъ и освѣщеніе городскихъ улицъ, разведеніе новыхъ овощей и плодовъ и улучшеніе домашнихъ животныхъ, утилизація пара, электричества и механическихъ приспособленій разнаго рода, научныя открытія и прогрессъ въ области искусствъ!

Не сталъ бы онъ тогда утверждать напрямикъ и того, будто собственники должны бы были получить не теперешнюю цѣнность своихъ улучшеній и построекъ, а прежнюю цѣнность, когда тѣ были еще новы, и что они должны бы были получить въ возвратъ также стоимость всѣхъ работъ по осушкѣ ихъ земли, огораживанію, окапыванію, удобренію, постройкамъ и т. п., которыя совершались въ теченіе двухъ тысячелѣтій, — такъ что собственникъ земли въ Лондонѣ, на примѣръ, долженъ бы былъ удержать за собой не только теперешнюю стоимость своихъ домовъ, но также стоимость домовъ, которые стояли на его землѣ до великаго пожара или во время перваго римскаго постоа. Онъ самъ замѣтилъ бы, что это — нелѣпость.

Трудно понять, что, собственно, хотѣлъ сказать г. Спенсеръ. Ясно только, что онъ старался какъ-нибудь оправдать свое допущеніе, будто для обездоленныхъ было бы невыгодно требовать возстановленія своихъ правъ, ибо на вознагражденіе собственниковъ земли потребовалось бы больше денегъ, чѣмъ сколько стоитъ сама земля. Попробуемъ тогда составить себѣ нѣкоторое представленіе о той цѣнности, какую имѣла бы земля въ Англіи „въ ея первичномъ необработанномъ состояніи“, при теперешнемъ народонаселеніи, при теперешней общественной средѣ и при теперешнихъ постройкахъ, долженствующихъ остаться собственностью землевладѣльцевъ.

Если бы земля, на которой стоитъ какой-либо домъ въ центрѣ Лондона возвращена была, при его сломкѣ или пожарѣ, въ ея первичное необработанное состояніе, то развѣ уменьшилась бы цѣнность ея въ глазахъ тѣхъ людей, кото-

рые, арендуя или покупая ее, ищутъ не столько перегноя, камней или песку, сколько извѣстнаго числа сажень поверхности среди многолюднаго и торговаго населенія? Развѣ уменьшилась бы цѣнность земли, которая застраивается теперь на окраинахъ Лондона, Манчестера, Ливерпуля, Бирмингама, Лидза и другихъ растущихъ городовъ, въ томъ случаѣ, если бы она возвращена была къ ея состоянію во времена римлянъ? И развѣ полевая земля въ окрестностяхъ этихъ городовъ, да и въ другихъ мѣстахъ, не сдѣлалась бы, при такомъ чудѣ, скорѣе болѣе, чѣмъ менѣе цѣнной? Правда, кое-гдѣ не оказалось бы дренажа, загоронокъ, канавъ, стѣнъ, удобреній и вспашки; но развѣ все это не было бы возмѣщено съ избыткомъ богатствомъ дѣвственной почвы, первобытныхъ лѣсовъ и залежей угля, желѣза и другихъ ископаемыхъ, которыя теперь исчерпаны или должны разрабатываться на большой глубинѣ?

Если бы г. Спенсеръ побывалъ на окраинахъ Англіи, въ Австраліи или на американскомъ Западѣ, то онъ не сталъ бы, говоря о теперешней цѣнности земли въ Англіи, упоминать о римлянахъ, саксахъ или норманнахъ, ибо онъ увидѣлъ бы тогда, что цѣнность землѣ придаетъ не то, что дѣлалось въ прошломъ, а народонаселеніе и дѣятельность его въ настоящемъ. Онъ увидѣлъ бы тогда, хотя бы на примѣрѣ Чикаго и Джонстауна, что Лондонъ могъ бы быть уничтоженъ пожаромъ или наводненіемъ, и однако, если бы продолжали свое дѣйствіе причины, концентрирующія населеніе и торговлю, земля въ немъ отъ этого не только не упала бы въ цѣнѣ, но, наоборотъ, скорѣе повысилась бы изъ-за улучшеній, которыя стали бы затѣмъ вводиться. Онъ увидѣлъ бы, что если бы народонаселеніе и промышленность Лондона перенесены были на вновь появившійся островъ на противоположной сторонѣ земного шара, то земля на этомъ островѣ получила бы цѣнность, одинаковую съ цѣнностью земли въ теперешнемъ Лондонѣ, а цѣнность земли въ Лон-

донѣ уничтожилась бы, хотя бы тамъ остались всѣ сдѣланныя улучшенія.

Въ новыхъ странахъ для каждого ясно, что человѣкъ, живя въ настоящемъ, въ сущности, живетъ трудомъ настоящего и ближайшаго прошлаго, поистинѣ, „изъ рукъ да въ ротъ“; если мы получаемъ что отъ нашихъ предковъ, такъ это, пожалуй, только лишь языкъ, преданія, законы, обычаи и нѣкоторую сумму передаваемыхъ знаній, вмѣстѣ съ предразсудками и суевѣріями. И богатые и бѣдные, и ученые и невѣжды: всѣ мы являемся одинаковыми „наслѣдниками всѣхъ вѣковъ“. Если же одни изъ насъ, немногіе, имѣютъ больше, чѣмъ слѣдовало бы имѣть, а другіе, большинство, имѣютъ меньше, чѣмъ слѣдовало бы,—то происходитъ это не отъ несправедливыхъ присвоеній богатства, совершавшихся въ далекомъ прошломъ, а отъ несправедливыхъ присвоеній богатства, совершающихся въ наши дни.

Оставляя въ сторонѣ приложеніе, которое намъ предстоитъ еще разсмотрѣть, разберемся въ защитѣ г. Спенсера существующихъ земельныхъ порядковъ, въ его отвѣтѣ въ наиболѣе зрѣломъ возрастѣ на осужденіе частной собственности на землю, высказанное имъ въ „Общественной Статикѣ“. Отвѣтъ этотъ сводится, въ сущности, къ допущеніямъ, 1) будто равныя права всѣхъ на пользованіе землей признаются въ правѣ государства отбирать землю для общественныхъ надобностей, если оно уплачиваетъ за нее вознагражденіе, и 2) будто справедливость требуетъ, чтобы до установленія равенства правъ, была уплачена существующимъ собственникамъ полная цѣнность земли, которой они владѣютъ. Этимъ вторымъ допущеніемъ поддерживается первое.

Для оправданія перваго допущенія приводится въ послѣднемъ параграфѣ такого рода разсужденіе:

Равное право всѣхъ избирателей на пользованіе землей

признается, по существу дѣла, въ правѣ парламента отбирать землю для пользованія общества при выдачѣ вознагражденія въ размѣрѣ ея стоимости; и бо —

Если бы не признавалось это равное право, то и государство не могло бы отбирать землю для общественныхъ надобностей, потому что право частныхъ собственниковъ уничтожается только правомъ общества въ его цѣломъ; откуда:

Такъ какъ государство обладаетъ этимъ правомъ, а оно можетъ получить его только лишь въ видѣ суммы индивидуальныхъ правъ своихъ членовъ, то, стало быть, чрезъ его проявленіе признаются въ настоящее время индивидуальные права всѣхъ гражданъ на пользованіе землею.

Для оправданія второго допущенія дѣлается очевидно ложное утвержденіе, будто цѣнность земли не можетъ быть выдѣлена изъ цѣнности улучшеній.

Такъ аргументируетъ авторъ синтетической философіи въ наиболѣе важной части своего наиболѣе важнаго сочиненія.

Заниматься изученіемъ логическихъ процессовъ такого рода рекомендую тѣмъ изъ послѣдователей г. Спенсера, которые вѣрятъ, что человѣкъ есть развившаяся обезьяна, добравшаяся до понятія о Богѣ путемъ наблюденія своей тѣни.

Что же касается до того, что заслуживало бы названія разсужденія, что можно было бы принять за основаніе для отрицанія равнаго права людей на пользованіе землею или для подтвержденія исключительнаго права существующихъ собственниковъ земли, то ничего подобнаго мы не находимъ въ аргументаціи г. Спенсера. Онъ не только не даетъ себѣ труда опровергнуть разсужденія „Общественной Статики“, но относится съ невниманіемъ даже къ основнымъ положеніямъ самой „Справедливости“. Нѣтъ и намека на какую-либо связь между заключеніями, къ которымъ онъ приходитъ, и формулой справедливости, закономъ равной свободы, кото-

рый только что былъ признанъ имъ за первичный нравственный принципъ.

Читатели узнали, что права суть различные виды свободы, выводимые изъ закона равной свободы; что права, въ собственномъ смыслѣ слова, являются слѣдствіями закона равной свободы, а то, что ошибочно называется правомъ, не можетъ быть выведено изъ него. Однако вывести ли гдѣ г. Спенсеръ, и можетъ ли онъ вывести изъ закона равной свободы, то право, которое онъ признаетъ за собственниками земли, право исключительнаго пользованія землею, остающееся въ силѣ до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ выплачена полная цѣнность ихъ земли? И прослѣживая всю цѣпь его заключеній при выводѣ формулы справедливости, развѣ мы въ состояніи будемъ замѣтить какую-либо связь между тѣмъ, что онъ признаетъ теперь за право, и тѣмъ, что онъ тутъ же почти признавалъ за справедливость въ томъ или другомъ періодѣ ея эволюціи?

Развѣ право исключительной собственности нѣкоторыхъ лицъ на элементы необходимые для жизни всѣхъ людей, предоставленіе продуктовъ труда тѣмъ, кто не трудится, и отнятіе ихъ у трудящихся, развѣ право это не нарушаетъ того, что г. Спенсеръ называетъ принципомъ нравственности у животныхъ—что дурно приспособленные должны страдать изъ-за своей неприспособленности, а хорошо приспособленные—пользоваться выгодами своей приспособленности?

Развѣ право это не нарушаетъ того, что онъ называетъ принципомъ ниже-человѣческой справедливости, — что каждый индивидуумъ долженъ испытывать на себѣ хорошія и дурныя слѣдствія своей природы и вытекающаго изъ нея поведенія?

Развѣ право это не нарушаетъ того, что онъ называетъ принципомъ человѣческой справедливости, — что не должно допускать того, чтобы индивидуумъ лишался тѣхъ благъ, къ какимъ естественно приводятъ его дѣйствія, но не дол-

жно допускать и того, чтобы онъ перелагалъ на другого и могущее послѣдовать отъ нихъ зло.

Развѣ право это не расходится съ тѣмъ, что онъ называетъ чувствомъ справедливости, — съ сознаниемъ свободы подвергаться слѣдствіямъ своей природы и вытекающихъ изъ нея поступковъ, которое не допускаетъ посторонняго вмѣшательства въ сферу чисто личного дѣйствія?

Развѣ право это не противорѣчитъ тому, что онъ называетъ идеей справедливости, — равенству въ отношеніи взаимно-ограничивающихся сферъ дѣятельности и неравенству въ отношеніи къ результатамъ дѣятельности каждаго въ предѣлахъ этихъ взаимныхъ ограниченій? Развѣ оно не устанавливаетъ неравенства по произволу власти, — неравенства, которое обусловливается не естественнымъ установленіемъ большей награды за большія заслуги, а искусственнымъ назначеніемъ награды при полномъ отсутствіи заслугъ?

Развѣ право это не расходится съ тѣмъ, что онъ называетъ формулой справедливости, — что каждый человѣкъ свободенъ дѣлать все, что пожелаетъ, лишь бы только при этомъ не нарушалась равная свобода всѣхъ другихъ людей?

Развѣ право это не пренебрегаетъ тѣмъ, что онъ называетъ авторитетомъ своей формулы — отношеніемъ между поведеніемъ и его слѣдствіями, которое онъ считаетъ основой своего составного закона?

Частная собственность на землю, которую оправдываетъ г. Спенсеръ въ „Справедливости“, заглушая въ себѣ разсудокъ и цѣпляясь за невозможныя допущенія! Да развѣ она открыто, гласно и явно не отрицаетъ за людьми равнаго права на пользованіе естественными удобствами, безъ которыхъ они не могутъ жить свойственной имъ жизнью, развивать своихъ силъ и пожинать плодовъ своего труда? Развѣ не отдаетъ она, — въ случайностяхъ рожденія или судьбы или при удачныхъ захватахъ спекулятора, — лѣнтяямъ, глуп-

цамъ и развратникамъ естественныя награды за трудолюбіе, энергію, воздержаніе и бережливость? Развѣ не лишаетъ она въ еще бѣльшей мѣрѣ (въ виду огромныхъ потерь, къ какимъ она ведетъ) этихъ наградъ людей, которые дѣйствительно заслуживаютъ ихъ? Развѣ не отдаетъ она богатство, почести и власть надъ всѣмъ, что производитъ трудъ въ цивилизованныхъ странахъ, бездѣльникамъ, идіотамъ, игрокамъ и сластолюбцамъ? Развѣ, съ другой стороны, не осуждаетъ она трудъ на нищету и полезную дѣятельность на презрѣніе и муку? Развѣ не дѣлаетъ она всюду, гдѣ проявляется наша цивилизація, изъ возможности трудиться привилегію избранныхъ? Развѣ не удерживаетъ она въ праздности людей, страстно желающихъ зарабатывать себѣ средства къ жизни? Развѣ не наполняетъ она своими жертвами тюрьмы и богадѣльни? Развѣ не осуждаетъ она на невѣжество умы, которые могли бы просвѣтить и осчастливить человѣчество? Развѣ не унижаетъ и не оскотиниваетъ она огромную массу мужчинъ и женщинъ? Развѣ не отнимаетъ она у дѣтей всю прелесть, нѣжность и славу человѣческой жизни, и развѣ она не изгоняетъ ихъ раньше времени изъ міра, гдѣ не оказывается для нихъ мѣста изъ-за монополій?

Судите о Гербертѣ Спенсерѣ, принимая за критеріумъ тѣ убѣжденія, которыхъ онъ нѣкогда держался: идеи живого Бога, создавшаго насъ, и божественно-предначертаннаго порядка, которому мы должны слѣдовать; или судите о немъ, принимая за критеріумъ убѣжденія, какихъ онъ держится въ настоящее время: его взглядъ на человѣка, какъ на эволюціонный результатъ интеграціи матеріи и движенія; судите о немъ, свѣряясь съ принципами „Общественной Статистики“, или судите о немъ, свѣряясь съ принципами „Справедливости“,—онъ одинаково окажется въ этой главѣ человѣкомъ, измѣняющимъ тому, что нѣкогда онъ признавалъ, и тому, что признаетъ онъ въ настоящее время,—сознательнымъ и предумышленнымъ измѣнникомъ, который называетъ

себя философомъ и выступаетъ въ роли судьи только лишь для того, чтобы затемнить истину и отвергнуть справедливость, чтобы продать право обиженныхъ и развратить свой умъ защитою обидчиковъ.

Что же тутъ удивительнаго, если эта глава, какъ съ интеллектуальной, такъ и съ нравственной точки зрѣнія, должна была оказаться нестойчай даже презрѣнія.

ГЛАВА IX.

„Справедливость“ — право собственности.

За главой о правѣ на землю въ „Справедливости“, какъ и въ „Общественной Статикѣ“, слѣдуетъ глава о правѣ собственности. Эта глава изъ „Общественной Статики“ была перепечатана нами цѣликомъ съ цѣлью отвѣтить на послѣдующее утвержденіе г. Спенсера, будто ея измѣняются нѣсколько радикальныя заключенія предшествующей ей главы. Однако едва ли есть надобность дѣлать что-либо подобное съ соотвѣтствующей главой „Справедливости“. Она начинается такъ (Параграфъ 54):

„Такъ какъ всѣ матеріальные предметы, могущіе быть „собственностью, тѣмъ или инымъ способомъ добываются „изъ земли, то и право собственности первоначально приурочивается къ праву на пользованіе землей. Когда еще „не было искусственныхъ произведеній, и когда присвоивались лишь непосредственныя произведенія земли, тогда „связь между этими правами была очевидной для всѣхъ. „Теперь, при развитомъ состояніи общества, она уже не настолько ясна и близка. У насъ есть множество предметовъ собственности, начиная съ домовъ, мебели, одежды, „картинъ и кончая банковыми билетами, желѣзнодорожными „акціями, закладными, государственными фондами и т. п., „происхожденіе которыхъ, повидимому, не имѣетъ отношенія къ пользованію землей. Но, если мы вспомнимъ, что

„всѣ эти предметы составляютъ или представляютъ произведеніе труда, что трудъ становится возможнымъ благодаря пищѣ, пища же добывается изъ земли, тогда мы, конечно, признаемъ, что указанная связь должна оставаться и теперь. Мы видимъ, такимъ образомъ, что полное нравственное обоснованіе права собственности должно наталкиваться на тѣ же трудности, какъ и полное нравственное обоснованіе права на пользованіе землею“.

Такъ какъ всѣ матеріальные предметы, могущіе быть собственностью, состоятъ или изъ земли или изъ произведеній земли, то и мысль о косвенной связи между такими вещами, какъ перечисленные выше, и землей при посредствѣ пищи, потребляемой работниками, является по меньшей мѣрѣ странностью, которую можно объяснить себѣ лишь тѣмъ предположеніемъ,—возникающимъ и при чтеніи „Общественной Статики“,—что говоря о землѣ, г. Спенсеръ, подобно многимъ другимъ англійскимъ авторамъ, имѣлъ въ виду только лишь сельско-хозяйственныя земли.

Трудности обоснованія, о которыхъ онъ говоритъ, ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которыя были созданы имъ самимъ въ „Общественной Статикѣ“ вслѣдствіе смѣшенія равнаго права съ общимъ правомъ. И онъ снова вступаетъ здѣсь въ споръ съ Локкомъ и вновь, какъ и прежде, утверждаетъ, что для признанія производства за источникъ права собственности необходимо удостовѣриться въ томъ, что право производителя на пользованіе матеріалами „превышаетъ предшествующія права всѣхъ другихъ людей, взятыхъ вмѣстѣ“. Годы прошли безслѣдно для г. Спенсера, и онъ до сего времени остается увязшимъ въ той трясинѣ, въ какую онъ попалъ сорокъ одинъ годъ тому назадъ. Только онъ увѣряетъ теперь, что затрудненіе, возникающее при вопросѣ о томъ, пріобрѣлъ ли человѣкъ чрезъ затрату труда „право, превышающее предшествующія права всѣхъ другихъ людей, взятыхъ вмѣстѣ“... можетъ, однако, быть устра-

нено; *) что есть три способа, посредствомъ которыхъ въ дикомъ, полудивилизованномъ и въ цивилизованномъ состояніи могутъ быть установлены различныя права собственности съ должнымъ вниманіемъ къ равенству правъ всѣхъ другихъ людей“.

Въ дикомъ состояніи, говоритъ онъ, существуетъ молчаливое соглашеніе относительно того, чтобы каждый членъ племени, при равенствѣ правъ на пользованіе произведеніями природы, имѣлъ пассивное одобреніе прочихъ, пріобрѣтая себѣ что-либо въ собственность.

Въ полудивилизованномъ состояніи, говоритъ онъ:

„Мы встрѣчаемъ обычаи, подразумевающіе тѣ же общіе „принципы... Согласіе племени на то, чтобы какой-либо „членъ его становился собственникомъ хлѣба, выращеннаго „на занятомъ имъ участкѣ, подразумевается подобными же „присвоеніями всѣхъ другихъ членовъ... Въ этомъ случаѣ, какъ и въ первомъ, право собственности возникаетъ „въ соотвѣтствіи съ закономъ равной свободы.

Въ обоихъ случаяхъ г. Спенсеръ выводитъ, и выводитъ съ полнымъ основаніемъ, права собственности изъ затраты труда въ условіяхъ равной для всѣхъ свободы на пользова-

*) Г. Спенсеръ, между прочимъ, упоминаетъ объ обычаяхъ нѣкоторыхъ охотничьихъ племенъ, позволяющемъ охотнику, потерпѣвшему неудачу въ поискахъ за дичью, взять себѣ пойманнаго оленя изъ чужой западни, оставляя ея собственнику голову, шкуру и верхній край. Изъ него онъ заключаетъ о подразумеваемомъ, яко бы, убѣжденіи членовъ племени въ томъ, что „всякая добыча отчасти принадлежала имъ передъ тѣмъ, какъ была убита“. Однако, если заключать такимъ образомъ, то и изъ калифорнійскаго обычая стараго времени—мѣнять при путешествіи свою усталую лошадь на любую, выбранную изъ чужого табуна, просто перекладывая на нее сѣдло,—пришлось бы заключить о признаніи въ тѣхъ мѣстахъ всѣхъ лошадей общей собственностью; да пришлось бы истолковать подобнымъ образомъ и всѣ другіе обычаи гостепріимства, которыхъ множество повсюду, гдѣ не обострилась еще борьба за существованіе вмѣстѣ съ развитіемъ нашей цивилизаціи.

ніе земель. Но вотъ онъ переходитъ къ третьему случаю, гдѣ ему нужно показать, какъ можетъ быть установлено право собственности какого-либо человѣка „съ должнымъ вниманіемъ къ равенству правъ всѣхъ другихъ людей въ цивилизованномъ состояніи“. Привожу цѣликомъ его слова:

„Хотя мы не можемъ сказать, чтобы возникающая въ „этомъ случаѣ... собственность была слѣдствіемъ дѣйствительнаго договора между каждымъ членомъ общины и общиною какъ цѣлымъ, тѣмъ не менѣе мы видимъ здѣсь „нѣчто въ родѣ потенціального договора, и такой потенціальный договоръ могъ бы превратиться въ дѣйствительный, „если бы одна часть общины посвятила себя другимъ занятіямъ, а остальные продолжали бы воздѣлывать землю, отдавая условленную долю произведеній тѣмъ членамъ общины, участками которыхъ они стали пользоваться *). У насъ нѣтъ доказательствъ того, чтобы когда-либо возникало „такое отношеніе между владѣльцами и общиною, и чтобы „вслѣдствіе его утверждалось право собственности на произведенія, остающіяся послѣ уплаты доли, которая соотвѣтствовала бы рентѣ. Но мы не имѣемъ ихъ потому, что „первоначальное право собственности общины обыкновенно „захватывалось насильственно внутренними или внѣшними „врагами, и рента, если не въ видѣ продукта, то въ видѣ „труда или военной службы, обыкновенно выплачивалась „узурпаторамъ. При такомъ положеніи дѣлъ истинныя права

*) Тутъ мы снова встрѣчаемся съ привычкою понимать подъ землей только лишь сельско-хозяйственные земли. Признается, что лишь одни земледѣльцы пользуются землей, тогда какъ для каждого очевидна та истина, что нѣтъ ни одного дѣла, которое можно бы было вести, не пользуясь землей, и что для многихъ дѣлъ требуется земля даже болѣе цѣнная, чѣмъ для земледѣлія. Самъ г. Спенсеръ, занимая квартиру въ Лондонѣ, гдѣ земля имѣетъ огромную цѣнность, тѣмъ самымъ уже предъявляетъ большій спросъ на пользованіе землей, чѣмъ множество мелкихъ фермеровъ или земледѣльцевъ.

„собственности, какъ и всѣ вообще законныя права, остава-
„лись непризнанными. Однако изъ такихъ захватовъ, какъ
„мы видѣли, возникло право собственности государства и
„арендныя къ нему отношенія, изъ коихъ вновь можетъ
„возникнуть теоретически справедливое право собствен-
„ности. Въ Китаѣ, гдѣ вся земля арендуется непосредственно
„у короны съ обязательствомъ платить ежегодно извѣстный
„налогъ и вносить вознагражденіе взаменъ личной службы
„государству, существованіе собственности на произве-
„денія, остающіяся послѣ уплаты ренты обществу, можетъ
„быть признаваемо лишь въ предположеніи, что импера-
„торъ представляетъ собою общество. Въ Индіи, гдѣ пра-
„вительство является верховнымъ собственникомъ земли, и
„гдѣ до учрежденія института земиндаровъ правительство
„непосредственно собирало ренту, выводитъ права собствен-
„ности изъ договора между индивидуумомъ и государствомъ
„можно было бы лишь съ еще большей натяжкой. Не въ
„большей мѣрѣ удовлетворяются нравственные требованія
„и въ Англіи, гдѣ теорія, признающая всякаго собствен-
„ника земли лишь арендаторомъ короны, остается почти
„только теоріей. Только мѣстами земля является дѣйстви-
„тельно, а не потенціально собственностью государства, и
„рента уплачивается землевладѣльцами въ казну (т. е. об-
„ществу); стало быть, только мѣстами установился тотъ
„родъ владѣнія землею, который можетъ быть признанъ за
„теоретически прочное основаніе для права частной соб-
„ственности“.

Но что же говоритъ здѣсь г. Спенсеръ? Да то, что тео-
ретически справедливаго права собственности не существу-
етъ въ настоящее время въ цивилизованныхъ странахъ,
но что оно можетъ возникнуть въ томъ случаѣ, если высшее
право собственности государства на землю изъ номиналь-
наго и потенціальнаго превратится въ реальное и дѣйстви-
тельное при отобраніи въ пользу общества, чрезъ его предста-

вителей, ренты, которая уплачивается или должна уплачиваться владѣльцами земли.

Нечего сказать, удивительная эта книга „Справедливость“. Г. Спенсеръ вновь возвращается здѣсь къ тому самому принципу, отъ котораго онъ только что отрекся. Въ одномъ предложеніи онъ утверждаетъ, что мы не имѣемъ доказательствъ, чтобы когда-либо возникало справедливое распредѣленіе правъ на землю, соотвѣтствующее потребностямъ цивилизованнаго состоянія, ибо первоначальное общинное право собственности обыкновенно узурпировалось; въ другомъ предложеніи онъ вскользь дѣлаетъ признаніе, что такое распредѣленіе правъ на землю возникло лишь мѣстами. Но что оно можетъ возникнуть и должно возникнуть, и что оно должно придать теоретически совершенное основаніе праву собственности,—это выражено въ разсуждаемомъ нами параграфѣ, если не такъ ясно, то для внимательнаго читателя такъ же несомнѣнно, какъ въ самой „Общественной Статикѣ“.

Параграфъ этотъ заканчивается такого рода краткимъ изложеніемъ сказаннаго:

„Допуская, однако, что установленіе нравственно-совершеннаго права собственности наталкивается на трудности, подобныя тѣмъ, на которыя наталкивается установленіе нравственно-совершеннаго права на пользованіе землей, мы видимъ все же изъ обзора фактовъ, доставляемыхъ существующими первобытными обществами и древнѣйшей исторіей цивилизованныхъ обществъ, что право собственности первоначально является выводомъ изъ закона равной свободы, и что оно перестаетъ имъ быть лишь тогда, когда оказываются въ пренебреженіи другіе выводы изъ того же закона“.

Или, представляя сказанное въ большей полнотѣ, мы будемъ имѣть нижеслѣдующія предложенія: 1) Установленіе права собственности встрѣчаетъ трудности со стороны

доказательства того, что право какого-либо человека на вещь природы, изъ котораго добывается собственность, превышаетъ права всѣхъ другихъ живущихъ людей, взятыхъ вмѣстѣ; 2) однако въ первобытныхъ обществахъ и въ цивилизованныхъ, въ начальномъ періодѣ ихъ развитія, гдѣ каждый беретъ столько земли, сколько ему нужно, равенство въ доступѣ къ землѣ позволяетъ все же выводить право собственности на произведенія труда изъ закона равной свободы; 3) право это не можетъ быть выводимо такимъ образомъ лишь тамъ, гдѣ отрицается равенство на пользованіе землею, какъ въ цивилизованныхъ обществахъ настоящаго времени; но его вновь можно бы было вывести изъ закона равной свободы въ томъ случаѣ, если бы рента съ земли была взята въ пользу общества.

Если бы г. Спенсеръ писалъ „Справедливость“ по принужденію; если бы онъ заключенъ былъ въ камеры Инквизиціи и подъ угрозой пытки сталъ, какъ Галилей, противъ воли отрекаться отъ того, что считалъ вѣрнымъ, то мы могли бы съ полнымъ основаніемъ заключить, что этотъ 54 параграфъ „Справедливости“ былъ написанъ имъ съ цѣлью передать потомству, что, несмотря на свое вынужденное отреченіе, въ душѣ онъ все же оставался вѣренъ истинѣ.

Но хотя, къ несчастію, положеніе дѣлъ и не позволяетъ намъ сдѣлать такого заключенія, тѣмъ не менѣе параграфъ этотъ все же является, быть можетъ, даже еще болѣе сильнымъ свидѣтельствомъ силы истины. Начертывая предшествующую главу, г. Спенсеръ долженъ былъ подавлять лучшія стороны своей природы и защищать частную собственность на землю такъ, какъ только могъ это сдѣлать человекъ, писавшій „Общественную Статику“. Но, начавъ переработку главы о правѣ собственности, писанной имъ болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, онъ оказался не въ силахъ противиться истинѣ и, устраняя все то, что могло колоть глаза его новымъ кліентамъ, какъ бы безсознательной работой

мозга воспроизвелъ ту мысль, которой боялся, заявивъ — въ нѣсколько неопредѣленной формѣ, но безъ всякихъ двусмысленностей—что въ цивилизованномъ состояніи только одно отобраніе ренты въ пользу всего общества можетъ представить нравственное основаніе для права собственности.

Однако г. Спенсеръ вскорѣ же пришелъ въ себя. Показавъ въ 54 параграфѣ, что въ первобытныхъ обществахъ имѣется достаточно прочное основаніе для права собственности, и что въ цивилизованныхъ странахъ, подобныхъ Англіи, справедливое право собственности было уничтожено вслѣдствіе узурпаціи землевладѣльцевъ, въ параграфѣ 55 онъ уже принимается доказывать, что современная цивилизація въ ходѣ своего развитія направляется къ болѣе полному обоснованію этого права.

Вотъ начало 55 параграфа:

«Выводъ этотъ [права собственности изъ закона равной «свободы и равенства правъ на пользованіе землей], перво-
«начально признанный въ обычаяхъ и затѣмъ формулирован-
«ный законодателями, становился, съ развитіемъ общества,
«все болѣе и болѣе понятнымъ и обязательнымъ».

Далѣе слѣдуютъ кое-какія замѣчанія о первобытныхъ обществахъ, о патріархальной группѣ и семейной общинѣ, при чемъ дѣлается приведенная нами ранѣе на стр. 59. ссылка на присущую цѣнность, и параграфъ заканчивается такими словами:

«Было бы неумѣстно и излишне прослѣживать здѣсь
«развитіе права собственности, какъ оно устанавливалось
«правителями и примѣнялось ихъ агентами, начавъ съ за-
«прещенія кражи въ еврейскихъ заповѣдяхъ и кончивъ но-
«вѣйшимъ временемъ, когда различные виды собственности
«были опредѣлены въ законѣ со всевозможными подробно-
«стями и чрезвычайной точностью. Для настоящихъ цѣлей
«достаточно будетъ отмѣтить, что выразившійся въ этомъ

«правъ выводъ изъ принципа справедливости, усмотрѣнный
«съ самаго начала, быть можетъ, съ большей легкостью,
«чѣмъ какой-либо иной, съ прогрессомъ общества все болѣе
«и болѣе выигрывалъ какъ въ опредѣленности, такъ въ
«широтѣ и принудительности. Теперь стало уже престу-
«пленіемъ взять себѣ самовольно нѣсколько корней рѣпы
«или нѣсколько вѣтокъ хвороста, и у насъ уже признается
«право собственности на пѣсню, на узоръ, на фабричное
«клеймо».

Выводъ изъ принципа справедливости, усмотрѣнный съ
самаго начала въ правѣ собственности, какъ это только что
объяснено было г. Спенсеромъ, состоитъ въ равенствѣ правъ
на пользованіе естественными удобствами. Но приобрѣли
ли этотъ принципъ большую опредѣленность вмѣстѣ съ об-
щественнымъ прогрессомъ? Развѣ не видимъ мы наоборотъ,
хотя бы въ той же Англіи, что девятнадцать двадцатыхъ
населенія лишилось теперь всякаго права на свою родную
землю и подвергается наказанію за горсть дикихъ ягодъ
или вязанку хвороста, взятая изъ неисчерпаемыхъ запа-
совъ природы; что стало признаваться право частной соб-
ственности на рыбныя ловли и на залежи каменнаго угля,
на передачу духовныхъ должностей и наслѣдованіе пожиз-
ненныхъ пенсій, и милліоны людей обрекаются на хрони-
ческую нищету?

Вотъ къ чему сводится, въ сущности, спенсеровское
разсмотрѣніе права собственности въ „Справедливости“: По-
казавъ сначала, что право собственности въ цивилизован-
ныхъ странахъ нашего времени не имѣетъ нравственнаго
основанія, онъ дѣлаетъ затѣмъ видъ, будто признаетъ его
за имѣющее такое основаніе, и заключаетъ отсюда о нрав-
ственной состоятельности существующихъ условій. Потомъ
онъ доблестно выступаетъ противъ коммунистовъ. Это на-
родъ слабый, и у нихъ нѣтъ друзей.

При этомъ онъ слѣдуетъ порядку „Общественной Ста-

тики“, но духъ его есть духъ автора сборника: „Человѣкъ или государство“. Игнорируя нѣкогда ясныя для него причины возникновенія коммунистическихъ и социалистическихъ плановъ,—въ тяжкихъ несправедливостяхъ и безмѣрныхъ бѣдствіяхъ существующаго порядка,—онъ приписываетъ теперь ихъ возникновеніе желанію отнять у работника право на то, что добывается его трудомъ, и признаетъ, что выборъ возможенъ лишь между ними и существующимъ порядкомъ. Онъ говоритъ:

„§ 56. Чувствуя на своей сторонѣ справедливость и слѣдую на самомъ дѣлѣ нравственнымъ побужденіямъ, многіе въ наше время пытаются ниспровергнуть это право. Они считаютъ несправедливымъ, чтобы каждый получалъ награду пропорціонально своимъ усиліямъ; отвергаютъ, чтобы человѣкъ по праву могъ брать себѣ все то, что производится его трудомъ, оставляя на произволъ другихъ людей, менѣе способныхъ. Доктрина ихъ, если ей придать самое краткое выраженіе, такова. Пусть трудъ, различный по роду и напряженности, доставляетъ одно и то же количество произведеній,— пусть будетъ «равное дѣленіе неравно-заработаннаго».

„Ясно, что коммунизмъ заключаетъ въ себѣ отрицаніе справедливости, какъ мы ее опредѣляли въ предшествующихъ главахъ. Когда мы признаемъ за каждымъ человекомъ свободу, ограниченную лишь равной свободой другихъ людей, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что каждый воленъ сохранять за собой всѣ тѣ средства и источники удовлетворенія своихъ желаній, которые онъ пріобрѣтаетъ. Слѣдовательно, если кто-либо, благодаря своей большей силѣ, большей изобрѣтательности или большему трудолюбію, пріобрѣтаетъ больше средствъ или источниковъ удовлетворенія желаній, чѣмъ другіе, и, пріобрѣтая ихъ, не вторгается въ сферу дѣйствія другихъ индивидуумовъ, то законъ равной свободы признаетъ за нимъ право исклю-

„чительнаго пользованія всѣми его излишними средствами
„и источниками удовлетворенія желаній, и никакой другой че-
„ловѣкъ не можетъ брать ихъ у него, не потребовавъ боль-
„шей свободы дѣйствія, чѣмъ та, какая есть у него, и,
„слѣдовательно, не нарушивъ закона.

„Въ минувшія времена былъ заведенъ порядокъ такого
„рода, что немногіе высшіе пользовались выгодами на счетъ
„многихъ низшихъ. Теперь предлагаютъ завести такой по-
„рядокъ, чтобы многіе низшіе пользовались выгодами на
„счетъ немногихъ высшихъ. И какъ прежняя общественная
„система признавалась за справедливую людьми, которые ее
„поддерживали, такъ и эта новая система признается за
„справедливую людьми, которые ее предлагаютъ. Люди эти
„думаютъ, что такое распредѣленіе, какъ справедливое, съ
„полнымъ правомъ можетъ быть установлено силою,—обра-
„щеніе къ которой если не предлагается открыто, то во вся-
„комъ случаѣ допускается съ легкимъ сердцемъ. Насколько
„мы знаемъ человѣческую природу изъ прошлаго и настоя-
„щаго, мы увѣренно можемъ сказать, что люди, зарабаты-
„вающие болѣе другихъ благодаря большей способности къ
„труду или большей выносливости, добровольно не будутъ
„уступать другимъ людямъ излишка зарабатываемаго ими.
„Кое-гдѣ будутъ находиться люди, способные поступать такъ;
„но люди эти будутъ сильно отклоняться отъ средней нормы.
„Если же средній человѣкъ изъ числа высшихъ не будетъ
„добровольно отдавать другимъ излишка благъ, получаемыхъ
„имъ благодаря его превосходству, то, понятно, придется
„принудить его къ этому, и примѣненіе силы въ этомъ случаѣ
„будетъ вполне законно. Что у многихъ низшихъ хватить
„силы принуждать немногихъ высшихъ,—противъ этого ни-
„кто не станетъ спорить, и коммунистамъ приходится только
„доказывать, что требуемое ими принужденіе лучшаго мень-
„шинства худшимъ большинствомъ будетъ вполне справед-
„ливо“.

„Послѣ того, что было сказано нами въ одной изъ предшествующихъ главъ, намъ едва ли нужно будетъ доказывать, что общественная система, установленная въ согласіи съ этой доктриной, неминуемо повела бы къ вырожденію гражданъ и упадку составленнаго изъ нихъ общества. Уничтоженіе того естественнаго порядка, на которомъ держится приспособленность всѣхъ существъ къ тѣмъ родамъ дѣятельности, которые требуются условіями ихъ жизни, будетъ имѣть роковымъ слѣдствіемъ ихъ неприспособленность къ жизни и быстрое или медленное вымираніе“.

Старинная басня повѣствуетъ намъ, какъ чума свирѣпствовала среди животныхъ, и какъ тѣ рѣшили, наконецъ, что между ними есть кто-то великій грѣшникъ, котораго слѣдуетъ принести въ жертву для умилоствленія гнѣва боговъ. Они придумали такъ, что для открытія виновника бѣдствія всѣ они будутъ исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ. Лисица предложила свои услуги въ качествѣ исповѣдницы. Она спокойно выслушала разсказъ льва о растерзанныхъ имъ овцахъ и заѣденныхъ людяхъ и признала его величество невиннымъ. Такъ же отнеслась она къ грѣхамъ тигра, гіены, волка и медвѣдя. Наконецъ, пришелъ бѣдный оселъ и разсказалъ, какъ онъ съѣлъ потихоньку нѣсколько капустныхъ листковъ изъ своей ноши въ то время, когда его хозяинъ забылъ его покормить. „Ты нечестивый мошенникъ“, вскричала лиса, „безъ всякаго сомнѣнія, ты навлекъ на насъ гнѣвъ боговъ!“, и благородныя животныя, соглашаясь съ приговоромъ лисы и слѣдуя ея примѣру, бросились на несчастнаго осла и разорвали его въ клочки.

Какъ ничтожна эта кража капустныхъ листковъ передъ Иродовымъ избіеніемъ младенцевъ, такъ ничтожна и несправедливость, о которой мечтаетъ кучка коммунистовъ, предъ обидами, вытекающими изъ земельной монополіи. У всѣхъ на глазахъ, среди наивысшей цивилизаціи, она быстрѣе, чѣмъ когда либо прежде, ведетъ къ вырожденію гра-

жданъ и гибели общества. Спенсеръ, глядя въ окно своего клуба, видитъ, конечно, людей, превращенныхъ въ ходячіе столбы для объявленій, садясь въ экипажъ, онъ замѣчаетъ, конечно, несчастныхъ существъ, со всѣхъ ногъ бросающихся затворить дверцы кареты изъ за пяточной милостыни, и, путешествуя по Великобританіи, онъ, конечно, наталкивается всюду на общее явленіе,—расширеніе городскихъ трущобъ и опустѣніе деревень. У всѣхъ на глазахъ монополія эта лишаетъ нашихъ собратьевъ „того естественнаго порядка, на которомъ держится приспособленность всѣхъ существъ къ тѣмъ родамъ дѣятельности, которые требуются условіями ихъ жизни“, и люди погибаютъ съ одной стороны—отъ роскоши и разврата, а съ другой—отъ лишеній и невозможности честно зарабатывать себѣ пропитаніе. У всѣхъ на глазахъ отбираетъ она и у высшихъ и у низшихъ работниковъ плоды ихъ труда, отдавая всѣ выгоды и источники выгодъ людямъ празднымъ. У всѣхъ на глазахъ скопляетъ она богатства въ рукахъ лицъ, которыя не только сами ничего не дѣлаютъ, въ смыслѣ созданія богатства, но, захватывая землю, препятствуютъ даже другимъ производить его,—уничтожаютъ его. И къ этой-то гигантской несправедливости, къ этому чудовищному отрицанію закона равной свободы г. Спенсеръ относится съ такимъ же снисхожденіемъ, какъ лисица къ преступленіямъ льва, изливая свое негодованіе на этого несчастнаго осла—коммунизмъ.

Слѣдующій и послѣдній параграфъ показываетъ, какъ мало, въ сущности, заботится г. Спенсеръ о защитѣ права собственности. Болѣе крупные владѣльцы англійской земли сдѣлались фактически ея собственниками, и право частной собственности на землю распространилось по всѣмъ областямъ, входившимъ въ кругъ вѣдѣнія англійскихъ учрежденій,—какъ это извѣстно и г. Спенсеру,—благодаря нарушенію права собственности при возложеніи налоговъ на произведенія труда. Чтобы возстановить это право, начи-

нается теперь и началась уже всюду въ странахъ англійской рѣчи борьба изъ за отмѣны налоговъ на трудъ и произведенія труда. И, вотъ, г. Спенсеръ пускаетъ въ ходъ свою двухствольную этику, пытаясь разбить право собственности и открыть дорогу для того, что представляетъ изъ себя, по существу, социализмъ или коммунизмъ въ интересѣ богатыхъ:

„§ 57. Такимъ образомъ мы видимъ, что абсолютная „этика признаетъ право собственности; что относительная „этика, имѣющая дѣло съ потребностями переходной эпохи, „не оправдываетъ тѣхъ нарушеній его, которыя допускаются коммунистическими планами. Однако относительная „этика предписываетъ нѣкоторое ограниченіе его, необходимое для цѣлей покрытія расходовъ на защиту, государственную и личную“.

„Мы уже ссылались на ту истину, признанную съ самаго начала, что сохраненіе вида или разновидностей, „составляющихъ націи, есть цѣль, которая должна стоять „выше сохраненія личной жизни. Мы оправдывали тогда то „пренебреженіе къ праву на жизнь, которое предполагается „возможностью найти смерть при оборонительной войнѣ, и „то пренебреженіе къ праву личной свободы, которое заключается въ требованіяхъ военной службы и дисциплины. Теперь мы вновь сошлемся на нее для оправданія „тѣхъ отчужденій заработка и собственности индивидуумовъ, „которыя могутъ требоваться для цѣлей защиты отъ врага. „Будемъ только помнить, что, если и есть нѣкоторое quasi-„этическое оправданіе тѣхъ покушеній на право собственности, которыя совершаются для цѣлей оборонительной „войны, не можетъ быть никакого оправданія для покушеній, совершающихся для цѣлей войны наступательной“.

„Остается внѣ сомнѣнія, что право собственности подле-„жить еще одному ограниченію. Должны быть допущены „случаи отобранія собственности для содержанія тѣхъ обще-

„свенныхъ учрежденій, которыми охраняется право собственности и всѣ другія права. Въ обществѣ, составленномъ лишь изъ людей, должнымъ образомъ уважающихъ права своихъ ближнихъ, такого рода частичное вмѣшательство въ право собственности не могло бы имѣть мѣста; но въ обществахъ, такихъ, каковы они есть теперь, и каковы они будутъ еще, вѣроятно, въ теченіе долгаго времени, наибольшее приближеніе къ исполненію закона равной собственности устанавливается тогда, когда производныя права разнаго рода приносятся въ жертву ради возможнаго сохраненія всѣхъ правъ вообще. Относительная этика оправдываетъ, стало-быть правильно распредѣленное налогообложение, необходимое для сохраненія порядка и безопасности“.

Такъ какъ нравственныя предписанія „не убей“, „не кради“ значать также „не позволяй, чтобы тебя убивали, чтобы обкрадывали тебя“, то и оправданіе оборонительныхъ войнъ не нуждается въ изобрѣтеніи относительной этики. Нѣтъ въ ней надобности и для оправданія экстраординарными условіями тѣхъ поступковъ, которыми нарушалось бы право собственности при обычныхъ условіяхъ. Вотъ, хотя бы, Джонстаунъ въ то время, когда восходящее солнце освѣтило одну изъ наиболѣе страшныхъ картинъ разрушенія, гибели и смерти съ группой мужчинъ и женщинъ, почти обезумѣвшихъ отъ ужаса и горя послѣ ночи, которую они провели, слушая крики, доносившіеся до нихъ съ разсвирѣпѣвшей рѣки, изъ горѣвшей массы обломковъ, въ которой погибали дорогіе и близкіе имъ люди. Артуромъ Максегомъ предписано было уничтожить всѣ спиртные напитки, забрать всѣ съѣстные припасы и употребить всѣхъ способныхъ къ работѣ людей на дѣло спасенія живыхъ и погребенія мертвыхъ. Развѣ, поступая такъ, не дѣйствовалъ онъ въ согласіи съ разумомъ и совѣстью людей, опираясь на тѣ самые вѣчные принципы добра и зла, которые въ обыкновенное время не позволили бы ему сдѣлать ничего подобнаго? То, что по

формѣ своей являлось пренебреженіемъ къ праву собственности, по своей сущности было уваженіемъ къ жизни и собственности.

Но если и измѣняется приложеніе нравственныхъ принциповъ въ зависимости отъ измѣненія въ условіяхъ, то только лишь такъ, какъ измѣняется положеніе картушки компаса въ нактоузѣ корабля въ зависимости отъ измѣненій въ его курсѣ. Измѣненіе совершается въ условіяхъ, а не въ принципахъ. И если есть нравственное право собственности, то государство никогда не можетъ имѣть оправданія, отнимая силой собственность у индивидуумовъ, за исключеніемъ случаевъ неминуемой опасности и жестокаго бѣдствія.

Пользуясь удобной фикціей относительной этики, г. Спенсеръ, въ приведенномъ параграфѣ, оправдываетъ обычныя нарушенія права собственности, которыя совершаются во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ именемъ закона, и пытается, такимъ образомъ, сдѣлать свою философію общественнаго порядка возможно болѣе согласной съ существующимъ порядкомъ.

Понятно, г. Спенсеръ оправдываетъ отобраніе собственности въ налогахъ лишь для цѣлей оборонительной войны и поддержанія порядка и безопасности. Однако ограниченія такого рода на практикѣ отнюдь не оказываются ограниченіями. Противъ нихъ не возразятъ ни англійскіе приверженцы агрессивной политики, ни американскіе протекціонисты. Нога чужеземнаго завоевателя не ступала еще на землю Англіи, и непріятельскій флотъ не обстрѣливалъ ея городовъ за все время, пока росъ англійскій государственный долгъ. Но какая изъ тѣхъ войнъ, изъ-за которыхъ возникъ этотъ долгъ, и за которыя англійскій народъ расплачивался кровью и деньгами, не оправдывалась въ свое время необходимостью обороны? Развѣ чудовищный американскій таможенный тарифъ не признавался его защитниками необходи-

мымъ для поддержанія порядка и безопасности? И развѣ не порядокъ и безопасность выставляются причинами, побуждающими къ сохраненію существующихъ англійскихъ си-некуръ?

Г. Спенсеръ можетъ желать уничтоженія наиболѣе гнусныхъ злоупотребленій въ дѣлѣ установленія налоговъ; онъ можетъ желать ихъ уничтоженія, хотя бы въ той мѣрѣ, въ какой не воспротивятся тому господинъ Джонъ и Его Милость,—но несомнѣнно одно: что въ своемъ признаніи, будто право собственности можетъ быть нарушаемо государствомъ ради обычныхъ общественныхъ нуждъ и потребностей, онъ представляетъ готовое оправданіе для любого злоупотребленія, къ какому только вздумается прибѣгнуть правящей власти или, если угодно, большинству. Онъ не оставляетъ ни одного принципа, за исключеніемъ шаткаго принципа цѣлесообразности, способнаго оградить право собственности отъ покушеній на него со стороны тѣхъ лицъ или учрежденій, къ которымъ попадаетъ въ данное время законодательная власть.

Однако царство относительной этики, подобно царству устарѣвшаго діавола, съ которымъ оно имѣетъ много общаго, должно продолжаться не вѣчно. Г. Спенсеръ даетъ намъ понять, что эволюція выработаетъ изъ насъ со временемъ породу существъ столь же отличающуюся отъ людей, какъ люди отъ обезьянъ. Тогда-то наступитъ тысячелѣтнее царство агностиковъ, и относительная этика сойдетъ на нѣтъ. „Въ обществѣ, составленномъ лишь изъ людей, должнымъ образомъ уважающихъ права своихъ ближнихъ, такого рода частичное вмѣшательство въ право собственности не могло бы имѣть мѣста“,—говоритъ г. Спенсеръ. Однако онъ тутъ же допускаетъ возможность ихъ „въ обществахъ такихъ, каковы они есть теперь, и каковы они будутъ еще, вѣроятно, въ теченіе долгаго времени“. Какъ послѣ этого станешь жаловаться на тотъ грабежъ, которому я подвер-

гаюсь теперь непосредственно, когда дерутъ пошлину со всякой книги, получаемой мною отъ кого-либо изъ моихъ друзей изъ-за границы, хотя бы изъ Канады, и на грабежъ, которому я подвергаюсь косвеннымъ образомъ каждый день при всякой покупкѣ, совершаемой мною? Протекціонистъ, проникнутый спенсеровскими принципами и сохранившій расположеніе убѣждать своихъ собесѣдниковъ, отвѣтитъ очень просто: „Вы разсуждаете такъ, слѣдуя абсолютной этикѣ, тогда какъ мы теперь, какъ это доказано г. Спенсеромъ, находимся подъ властью относительной этики“.

Придавъ словамъ г. Спенсера смыслъ, отличающійся отъ того, какой они имѣютъ, мы, точно, съ полнымъ основаніемъ могли бы сказать, что, если бы люди должнымъ образомъ уважали права своихъ близкихъ, не было бы необходимости въ отобраніи государствомъ у индивидуумовъ ихъ собственности въ видѣ налоговъ. Если бы люди уважали должнымъ образомъ право ближнихъ на пользованіе землей, то уничтожилось бы и всякое побужденіе къ посягательствамъ на право собственности. Установивъ единый налогъ на земельныя цѣнности или осуществивъ болѣе грубый и неуклюжій планъ націонализаціи земли, который предлагался г. Спенсеромъ въ „Общественной Статикѣ“, государство оказалось бы въ состояніи собирать достаточно дохода для покрытія всѣхъ потребныхъ расходовъ, не отбирая ни гроша изъ того, что принадлежитъ частнымъ лицамъ. Однако до тѣхъ поръ, пока люди не перестанутъ пренебрегать правами своихъ близкихъ на пользованіе землей и смотрѣть на этотъ жизненный элементъ въ согласіи съ теперешними взглядами г. Спенсера какъ на достояніе нѣкоторыхъ лицъ,—до тѣхъ поръ никакія улучшенія въ строѣ общества или въ свойствахъ расы не въ силахъ будутъ устранить захватовъ частной собственности въ налогахъ.

Г. Спенсеръ держится, очевидно, того невиннаго убѣжденія, будто, если бы уничтожены были войско и полиція,

не стало бы болѣе нужды въ общественныхъ доходахъ, и сдѣлалось бы излишнимъ всякое организованное правительство. Однако, развѣ цивилизованныя общества не продолжали бы и тогда имѣть надобность въ деньгахъ для постройки и содержанія дорогъ и мостовъ, для мощенія и очистки улицъ, для устройства маяковъ, для снаряженія пожарныхъ командъ и для исполненія множества дѣлъ, которыя вмѣстѣ съ завершеніемъ общественной интеграціи становятся все болѣе и болѣе необходимыми въ интересахъ общественнаго здравія, безопасности, благосостоянія и удобства? Остается предположить, что въ отдаленномъ будущемъ г. Спенсера, какъ и въ отдаленномъ будущемъ анархистовъ, каждый будетъ самъ мостить, выметать и освѣщать улицу передъ своимъ домомъ, когда и какъ ему заблагоразсудится; дороги, мосты и общественныя сооруженія, не допускающія конкуренціи, будутъ предоставлены вѣдѣнію частныхъ лицъ и компаній съ тѣмъ, чтобы они брали какую имъ угодно плату и вели дѣло, какъ имъ вздумается, а отправленіе всѣхъ прочихъ общественныхъ функцій будетъ поставлено въ зависимость отъ добровольныхъ услугъ отдѣльныхъ гражданъ и добровольной подписки между ними.

ГЛАВА X.

Право собственности и право установленія налоговъ.

Затронутый нами вопросъ имѣеть такую огромную практическую важность, что будетъ далеко не лишнимъ остановиться на болѣе подробномъ его разсмотрѣніи.

Г. Спенсеръ, въ книгѣ, переизданной имъ въ этомъ году, съ легкимъ сердцемъ пустилъ противъ „Г. Джорджа и его друзей“ обвиненіе въ томъ, что ими признается за государствомъ абсолютное право надъ владѣніями своихъ гражданъ. Но на самомъ дѣлѣ ни въ чемъ мы такъ рѣзко не расходимся съ общественнымъ мнѣніемъ, какъ именно въ нашемъ полномъ отрицаніи за государствомъ права отбирать собственность у индивидуумовъ для какихъ бы то ни было надобностей за исключеніемъ обстоятельствъ, при которыхъ всѣ другія права отступаютъ предъ высшимъ правомъ само-сохраненія. Внезапное бѣдствіе или опасность оправдываютъ индивидуума, когда онъ беретъ чужую лошадь или лодку, пользуется чужимъ домомъ или имуществомъ; такъ могутъ быть и для общества подобныя же обстоятельства, оправдывающія его, когда оно беретъ собственность у индивидуумовъ. Но помимо этихъ случаевъ, когда право индивидуумовъ даже не ограничивается, а просто отмѣняется, мы признаемъ право собственности абсолютнымъ. Мы отвергаемъ ту мысль, которую отстаиваетъ г. Спенсеръ, и которую раздѣляетъ большинство людей, будто право собственности ограничивается правомъ государства брать въ налогахъ у индивидуумовъ столько имущества, сколько ему можетъ показаться необходимымъ. Мы являемся, такимъ образомъ, за-

щитниками права собственности какъ противъ коммунистовъ, протекціонистовъ и соціалистовъ, такъ и противъ тѣхъ болѣе умѣренныхъ отрицателей права собственности, какихъ мы видимъ въ приверженцахъ подоходнаго налога типа Кобденскаго клуба и въ половинчатыхъ индивидуалистахъ лиги защитниковъ свободы и собственности и ассоціацій г. Оберона Герберта.

Какъ же тогда, послѣ этого, могутъ называть насъ противниками права собственности?

Это могутъ дѣлать лишь подъ вліяніемъ той причины, которая, въ дни моего дѣтства, побуждала многое-множество добрыхъ людей въ Соединенныхъ Штатахъ смотрѣть на приверженцевъ отмѣны рабства, какъ на враговъ собственности,—подъ вліяніемъ той самой причины, которая даже Джона Уэсли побуждала смотрѣть на контрабанду, какъ на родъ грабежа, а на таможенныхъ отбиралъ чужого имущества, какъ на защитниковъ закона и порядка. Гдѣ нарушение права санкціонировалось въ теченіе долгаго времени обычаемъ и закономъ, тамъ люди, защищающіе право собственности, роковымъ образомъ должны казаться сначала нарушителями его. Ибо при такомъ положеніи дѣлъ идея собственности затемняется, и за право собственности принимается то, что по своей сущности есть лишь отрицаніе этого права.

Что такое затемнѣніе мысли существуетъ и въ настоящее время, можно видѣть изъ того, какъ понимается обыкновенно враждующими сторонами та борьба за улучшеніе быта народа, которая началась или грозитъ начаться всюду въ цивилизованномъ мірѣ. За исключеніемъ приверженцевъ единого налога и, пожалуй, приверженцевъ философскаго анархизма, всѣ видятъ въ ней борьбу между капиталомъ и трудомъ,—столкновеніе правъ человѣка съ правами собственности. Не только обѣ стороны упрекаютъ другъ друга въ пренебреженіи къ праву собственности, но, за отмѣченными

исключеніями, даже люди, вообще склонные уважать чело-
вѣческія права, дѣлають предложенія, сводящіяся къ огра-
ниченіямъ и нарушеніямъ этого права. Крайніе соціалисты
требуютъ, чтобы государство присвоило себѣ весь капиталъ
и само завѣдывало всѣмъ производствомъ. Болѣе умѣренные
разсчитываютъ достигнуть чего-то, поощряя устройство ра-
бочихъ союзовъ, съ грошевой милостыней и безконечной
регламентаціей, и пытаясь сдѣлать богатыхъ болѣе бѣдными,
а бѣдныхъ болѣе богатыми, при помощи подоходныхъ на-
логовъ, налоговъ на наслѣдства и ирландскихъ земельныхъ
актовъ. При такой путаницѣ мы,—люди, признающіе право
собственности абсолютнымъ правомъ и считающіе заповѣдь
„Не кради“ столь же обязательной для государства, какъ и для
индивидуума,—естественно, должны казаться одной сторонѣ
отрицающими право собственности, а другой,—даже бѣднымъ,
робкимъ катедеръ-соціалистамъ,—недостаточно радикальными.

Однако, для всякаго, кто вникаетъ въ основные прин-
ципы, должно быть очевиднымъ:

Что на самомъ дѣлѣ не можетъ быть столкновенія между
трудомъ и капиталомъ,—такъ какъ капиталъ по своему
происхожденію и по своей сущности есть лишь произведе-
ніе и орудіе труда.

Что на самомъ дѣлѣ не можетъ быть антагонизма между
правами челоѣка и правомъ собственности,—такъ какъ
право собственности есть лишь выраженіе основного права
челоѣка.

Что улучшенія въ положеніи массы могутъ быть до-
стигнуты не путемъ ограниченія и отрицанія права соб-
ственности, а лишь путемъ наиболѣе полного его признанія,
и что всѣ мѣропріятія, которыми нарушается право соб-
ственности, должны, въ концѣ концовъ, отзываться вредомъ
на народѣ,—такъ какъ грабежомъ добывать себѣ средства
къ жизни можетъ лишь меньшинство, но не масса.

Мы,—люди, называющіе себя, за недостаткомъ лучшаго

термина, приверженцами единого налога („Single tax men“), отстаиваемъ такъ ревностно право собственности не ради отрицанія, а ради утвержденія равенства человѣческихъ правъ. Мы отстаиваемъ его не потому, чтобы намъ хотѣлось приладиться къ общественной системѣ, присуждающей народъ къ тяжелой работѣ и низкой платѣ, къ безысходной нуждѣ и замаскированному голоданію, а потому, что мы стремимся къ созданію общественной системы, при которой никому не грозила бы нужда, и никто не голодалъ бы иначе, какъ по собственной винѣ. Мы отстаиваемъ его не потому, чтобы мы были недостаточно радикальны, а потому, что въ истинномъ смыслѣ слова мы радикальны болѣе, чѣмъ кто бы то ни было изъ социалистовъ.

Пусть люди, признающіе, будто существуетъ конфликтъ между правами человѣка и правомъ собственности, назовутъ мнѣ какое-либо нарушеніе правъ человѣка, которое не было бы въ то же время также нарушеніемъ права собственности, или какое-либо нарушеніе права собственности, которое не было бы также нарушеніемъ правъ человѣка. Возьмемъ, хотя бы, личное рабство. Что оно представляло изъ себя: признаніе права собственности или нарушеніе его?

Или рассмотримъ какую-либо систему тиранніи или притѣсненій, которой попиралась или урѣзывалась личная свобода людей. Исключимъ изъ нея элементы, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ праву собственности, и развѣ не представится она намъ лишенной всякаго смысла?

Съ другой стороны, возьмемъ что-нибудь такое, чѣмъ попирается или нарушается право собственности—грабежъ, разбой, пиратство, войну, таможенные пошлины, акцизы или налоги на богатство въ той или другой его формѣ,—развѣ всеѣмъ этимъ не нарушается также прямо или косвенно, личная свобода людей?

И это не случайное соотношеніе, а необходимое. Право на жизнь и на свободу, другими словами, право человѣка

на самого себя не есть что-либо отдѣльное отъ права собственности. Оба они суть какъ бы стороны одного и того же предмета, и право собственности является лишь особымъ выраженіемъ права человѣка на самого себя. Право на жизнь и свободу, право индивидуума на самого себя предполагаетъ собой и заключаетъ въ себѣ право собственности, которое есть не что иное, какъ исключительное право индивидуума на предметы, произведенные его трудомъ.

Вотъ почему, искренно вѣруя въ законъ свободы и признавая свободу могущественнѣйшимъ средствомъ противъ всѣхъ золъ, мы въ то же время являемся наиболѣе усердными и неподатливыми защитниками права собственности и готовы охранять его съ одинаковымъ вниманіемъ какъ по отношенію къ милліонерамъ, такъ и по отношенію къ поденщикамъ.

Но что такое собственность? Намъ нужно ясно понимать это, чтобы избѣгнуть путаницы въ разграниченіи того, что дозволяется, и что не дозволяется правомъ собственности. Рѣчь идетъ не о томъ, что санкціонируется государствомъ, а о томъ, что, по справедливости, можетъ санкціонироваться имъ. Есть люди, которые утверждаютъ, будто право собственности, какъ и всѣ другія права, беретъ свое начало въ государствѣ. Но они на самомъ дѣлѣ думаютъ иначе: ибо они, наравнѣ съ прочими людьми, говорятъ все же о томъ или другомъ предполагаемомъ дѣйствіи государства, какъ о справедливомъ или несправедливомъ, признавая, такимъ образомъ, нѣкоторый критеріумъ дѣйствій, стоящій выше государства.

Собственность,—не въ легальномъ смыслѣ собственность, которой бываетъ все, что ни захватятъ себѣ люди по жадности или по испорченности,—а собственность въ нравственномъ смыслѣ есть то, съ чѣмъ неразрывно связано право исключительнаго владѣнія,—право дарить, продавать, завѣщать или уничтожать.

Къ чему же, по справедливости, можетъ быть относимо право собственности?

Понятно,—къ предметамъ, произведеннымъ трудомъ, и ни къ чему больше.

И эта истина, что право собственности можетъ быть относимо лишь къ произведеніямъ труда, доказывается на каждомъ шагу тѣми же самыми людьми, которые пытаются распространить его на другіе предметы. Ибо, вмѣсто того, чтобы доказывать право собственности на такіе предметы, они неизмѣнно вдаются въ доказательство права собственности на произведенія труда и утверждаютъ затѣмъ, что это право, развиваясь, какимъ-то образомъ перенеслось на предметы совсѣмъ иной природы.

Именно это дѣлаетъ и г. Спенсеръ, какъ дѣлали это всѣ другіе люди, шедшіе по одной съ нимъ дорогѣ. Онъ желаетъ оправдать въ своей книгѣ частную собственность на землю. Но онъ оправдываетъ на самомъ дѣлѣ только собственность на произведенія труда, а затѣмъ лишь внушаетъ мысль, не смѣя высказать ея прямо, будто благодаря какому-то процессу переноса или присоединенія право собственности на произведенія труда превратилось въ право собственности на землю.

И онъ разсуждаетъ именно такъ, какъ неминуемо долженъ былъ разсуждать всякій, кто ставилъ себѣ подобную же цѣль. Логическіе процессы людей, пытающихся доказать право исключительной собственности на землю, всегда бываютъ родственны логическимъ процессамъ того маркизанта, который, договорившись принести матросу бѣлую обезьяну, принесъ вмѣсто нея желтую собаку, и увѣрялъ, затѣмъ, что это все равно, такъ какъ собака эта съѣла бѣлую обезьяну. Ихъ аргументація есть аргументація адвоката, который, будучи призванъ доказать право его кліента на помѣстье, сталъ бы доказывать право его кліента на деньги, заплаченные за это помѣстье.

Нравственное право собственности настолько просто и ясно, что не допускаетъ никакихъ споровъ и служить всегда опорою при попыткахъ установленія какого бы то ни было другого права собственности. Оно вытекаетъ изъ права каждаго человѣка на пользованіе своими способностями и обладаніе результатами своего труда. Оно есть полное и абсолютное право. Все, что производитъ человѣкъ, принадлежитъ исключительно ему, и это полное и исключительное право переходитъ отъ него къ тому, кому онъ даритъ или завѣщаетъ—не въ количествѣ восьмидесяти или пятидесяти процентовъ, а во всей своей цѣлости. И, насколько убѣждаетъ насъ въ томъ разумъ и міровой опытъ, прогрессъ цивилизаціи обусловливался именно признаніемъ этого права. Поэтому, государство, устанавливая налоги на собственность въ истинномъ смыслѣ этого слова, т. е. на владѣніе богатствомъ въ той или другой формѣ, совершаетъ несправедливое и вредное дѣяніе, однозначашее съ отрицаніемъ или поспраніемъ права собственности и правъ человѣка.

Но могутъ сказать намъ: по отношенію къ цивилизованному состоянію вѣрно, что человѣкъ имѣетъ право на все, имъ производимое, и что отобраніе у него его собственности противъ его воли однозначаше грабежу. Однако въ цивилизованномъ состояніи не одинъ только трудъ индивидуума участвуетъ въ производствѣ богатства. Не говоря о тѣхъ предметахъ, которые каждый производитель получаетъ отъ другихъ производителей, и за которые онъ вознаграждаетъ ихъ различными способами, имѣющимися въ цивилизованномъ обществѣ для взаимныхъ расчетовъ между его членами, онъ пользуется также помощью всего общества въ неопредѣленной, но тѣмъ не менѣе осязательной формѣ. Не долженъ ли онъ, слѣдовательно, предоставлять и обществу извѣстное вознагражденіе? Не въ правѣ ли, стало быть, организованное общество или государство требовать и брать себѣ извѣстную долю того, что при изолированномъ состоя-

ніи съ полнымъ основаніемъ считалось бы исключительной собственностью индивидуума?

Мы отвѣтимъ на это: Безспорно, всякій производитель находится въ долгу у общества, однако отъ уплаты этого долга онъ не можетъ освободиться даже и тогда, когда у него будетъ оставаться полностью все то, что принадлежитъ ему по праву собственности. Вотъ человѣкъ, заказывающій художнику прекрасную картину. Можетъ ли онъ одинъ наслаждаться ею? Вотъ другой человѣкъ, который строитъ фабрику или дѣлаетъ какое-нибудь полезное изобрѣтеніе. Можетъ ли онъ одинъ воспользоваться всѣми плодами своего труда, даже въ томъ случаѣ, если бы ничего не брали изъ нихъ въ налогахъ? Развѣ не былъ бы его трудъ также полезенъ для другихъ людей и для всего общества? Общество полезно для индивидуальныхъ производителей, индивидуальные производители полезны для общества. И разсѣяныя благодѣянія, достаемія обществу въ его цѣломъ отъ индивидуальныхъ производителей, представляютъ изъ себя нѣчто отдѣльное отъ того, что по праву дѣлается собственностью частныхъ лицъ. Они становятся осязательными въ цѣнности земли, и ихъ можетъ брать себѣ общество, нимало не урѣзывая правъ собственности. Пусть была бы привезена въ какой-нибудь городъ болѣе или менѣе выдающаяся картина, и цѣнность земель въ этомъ городѣ оттого замѣтно не возросла бы. Но пусть было бы привезено нѣсколько такихъ картинъ или одна изъ числа знаменитыхъ, и сдѣлалось бы замѣтнымъ возрастаніе цѣнности земель. Перевезите какую-нибудь европейскую картинную галерею на клочокъ американской земли, стоящій нѣсколько сотъ долларовъ, и цѣнность его вскорѣ же возрастетъ до милліоновъ. А какъ сказывается на цѣнности земель постройка фабрики или просто жилого дома или утилизація какого-либо благодѣтельнаго изобрѣтенія, это знаетъ каждый изъ насъ почти по собственному опыту. Вспомните, хотя бы,

объ огромномъ повышеніи цѣнности земель въ Нью-Йоркѣ вслѣдъ за постройкой надземной желѣзной дороги.

Намъ могутъ сказать еще, какъ это говорить теперь г. Спенсеръ, что организованное общество не можетъ обойтись безъ доходовъ, и что, слѣдовательно, оно должно брать себѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую часть изъ принадлежащаго индивидууму. Посылку мы признаемъ, но заключеніе отвергаемъ. Организованное общество должно имѣть доходы, но естественнымъ, разумнымъ и справедливымъ источникомъ ихъ должно быть не то, что по праву принадлежитъ индивидууму, а то, что по праву принадлежитъ обществу,—цѣнность, возникающая въ землѣ съ ростомъ общества. Пусть сдѣлаетъ ее своей государство, и ему не нужно будетъ нарушать права собственности, отбирая то, что по справедливости принадлежитъ индивидууму.

Признаніе за государствомъ права отбирать у индивидуумовъ ихъ собственность въ налогахъ, сдѣланное г. Спенсеромъ въ „Справедливости“, несовмѣстимое со сколько-нибудь яснымъ признаніемъ права собственности, явилось для г. Спенсера неизбѣжнымъ слѣдствіемъ той радикальной перемѣны въ его взглядахъ, которая вызвана была страхомъ предъ г. Джономъ и Его Милостью. Въ „Общественной Статикѣ“ онъ не допускалъ подобной уступки правъ индивидуума государству. Напротивъ, онъ рѣшительнѣйшимъ образомъ отстаивалъ въ ней права индивидуума противъ всего общества, хотя и выражался недостаточно ясно, рассуждая мѣстами о людяхъ, какъ о ходячихъ деревьяхъ. И если въ „Справедливости“ имъ признано было за государствомъ право отбирать собственность въ налогахъ, то только изъ желанія признать за землевладѣльцами право присвоивать себѣ тѣ доходы, которые предназначались природою для удовлетворенія нуждъ государства.

Вѣдъ государство есть учрежденіе естественное и необходимое, и оно должно имѣть доходы. Потому всякій, кто

не видѣть или не хотѣть видѣть того, что естественнымъ доходомъ государства является та цѣнность, которая возникаетъ въ землѣ вмѣстѣ съ ростомъ общества, волей-неволей долженъ утверждать, что для полученія дохода государство можетъ отбирать собственность у индивидуумовъ,—иными словами, долженъ отвергать право собственности.

Представьте себѣ, что кто-нибудь спросилъ бы г. Спенсера, писавшаго „Общественную Статику“: „Какимъ образомъ государство могло бы собирать потребный для него доходъ, соблюдая въ точности право собственности и не отнимая силой собственности у индивидуумовъ?“

Онъ быстро отвѣтилъ бы готовыми словами изъ своей книги: „Собирая для себя чрезъ своихъ агентовъ ренту съ земли, которая собирается теперь для себя чрезъ ихъ агентовъ господиномъ Джономъ и Его Милостью“.

Но г. Спенсеръ, писавшій „Справедливость“, затруднился бы найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, ибо писалъ онъ съ цѣлью оправдать присвоенія господина Джона и Его Милости. И онъ волей-неволей отвергаетъ право собственности, оправдывая нарушенія его со стороны кучки людей, которыхъ самъ же онъ въ той же книгѣ характеризуетъ, какъ „многоголовое правительство, избранное невѣжественной массой“, и которые, дѣйствительно, заслуживаютъ подобной характеристики въ виду бѣдности, невѣжества, жадности и безнравственности, порождаемыхъ ихъ пренебреженіемъ къ праву собственности.

А что на самомъ дѣлѣ г. Спенсеръ знакомъ съ предметомъ, о которомъ говорить, что на самомъ дѣлѣ онъ признаетъ установленіе налоговъ на произведенія труда за нарушение права собственности, отличающееся лишь степенью отъ рабства, и что онъ защищаетъ эти налоги единственно въ угоду привилегированному классу, благосклонности котораго онъ добивается теперь, какъ главнаго предмета своихъ мечтаній,—въ этомъ мы можемъ во-очію убѣдиться изъ

той же самой книги, гдѣ нѣсколько далѣе, возражая противъ того, что считается имъ не за необходимые налоги, г. Спенсеръ безъ обиняковъ высказывается за принципъ, которымъ осуждается какое бы то ни было отобраніе въ налогахъ собственности индивидуумовъ. Цитирую изъ главы XXVI „Справедливости“—„Предѣлы государственныхъ обязанностей“—параграфъ 121:

«Если справедливость требуетъ, чтобы свобода каждого «ограничивалась лишь равной свободой прочихъ, то ясно, «что установленіе какихъ-либо иныхъ ограниченій будетъ «уже несправедливостью, все равно, какою бы властью они «ни устанавливались,—властью ли одного человѣка, или «милліона людей... Въ наше время прикрѣпленіе крестьянъ «къ землѣ, на которой они родились, или запрещеніе ка- «кихъ-либо другихъ занятій, кромѣ предписанныхъ началь- «ствомъ, было бы признано за невыносимое покушеніе на «свободу людей. Но, если предосудительны эти болѣе круп- «ныя нарушенія человѣческихъ правъ, предосудительны и «болѣе мелкія. Если мы признаемъ за кражу и похище- «ніе золотого и похищеніе пяточка, то мы должны призна- «вать за покушеніе на свободу и крупное покушеніе и мел- «кое... Мы обыкновенно не замѣчаемъ въ налогахъ поку- «шенія на свободу, тѣмъ не менѣе оно есть въ нихъ. «Деньги, взятые въ налогъ, представляютъ извѣстное коли- «чество затраченного труда; когда же у человѣка отби- «раются произведенія этого труда, то ему приходится или «обходиться безъ тѣхъ благъ, которыя созданы были его «трудомъ, или затрачивать новый трудъ. Въ феодальную эпо- «ху, когда люди низшаго сословія должны были оказывать «своимъ господамъ услуги, опредѣленные по роду и времени «(такъ наз. *corvées*), существованіе частичнаго рабства стояло «внѣ сомнѣнія; и рабство это сохранилось по существу, «хотя и измѣнилось по формѣ, когда эти личные услуги «замѣнены были оброкомъ. Оно сохраняется и теперь. Пла-

«тельщики налоговъ несутъ государственное *corvée*, прину-
«дительность котораго не уменьшается отъ того, что вмѣсто
«своихъ личныхъ услугъ они должны бывать отдавать
«равноцѣнные суммы денегъ; и какъ *corvée* прежняго вре-
«мени было лишеніемъ свободы, такъ имъ остается и это
«новое замаскированное *corvée*. „Столько-то труда вы
«должны расходовать не на ваши личные дѣла, а на мои“,
«говорить теперь правительство гражданамъ, и въ той
«мѣрѣ, въ какой они выполняютъ его требованіе, они бы-
«ваютъ его рабами.

«„Но вѣдь они становятся рабами ради собственной же
«выгоды“, скажутъ намъ на это. „Вѣдь то, что дѣлается
«на деньги, собранныя съ нихъ, дѣлается для ихъ же
«пользы“. Да, такова теорія,—къ сожалѣнію, не вполне гар-
«монирующая съ массой вредныхъ законовъ, которыми на-
«полнены наши статуты. Но это возраженіе не касается
«дѣла. Насъ интересуетъ лишь вопросъ справедливости.
«Хотя бы и было доказано, что всѣ блага, достигаемыя цѣ-
«ною чрезвычайныхъ общественныхъ расходовъ, равномерно
«распредѣлялись между всѣми, кто ихъ покрываетъ (чего на
«дѣлѣ нѣтъ), все же оставалось бы внѣ сомнѣнія, что расходы
«эти противорѣчатъ основному принципу справедливаго об-
«щественнаго порядка. Права человѣка нарушаются и тогда,
«когда люди покушаются на его свободу въ убѣжденіи, что
«они имѣютъ въ виду его благо. Навязывая ему силой свои
«желанія, они нарушаютъ тѣмъ самымъ законъ равной сво-
«боды. Ихъ побужденія не могутъ служить ихъ оправда-
«ніемъ. Преступленіе, гнусное тогда, когда совершается
«однимъ лицомъ, не перестаетъ быть гнуснымъ и тогда,
«когда его совершаетъ цѣлая толпа».

Такъ отвѣчаетъ, въ одной и той же книгѣ, Гербертъ
Спенсеръ Герберту Спенсеру.

ГЛАВА XI.

О вознагражденіи.

Возражая г. Спенсеру, намъ, собственно, не было бы надобности касаться вопроса о вознагражденіи землевладѣльцевъ въ случаѣ отмѣны ихъ исключительныхъ правъ на землю. Ибо самъ г. Спенсеръ, отвергнувъ съ презрѣніемъ мысль, что земля по праву могла сдѣлаться предметомъ частной собственности, нигдѣ затѣмъ не представляетъ сколь-нибудь серьезнаго опроверженія выраженныхъ имъ ранѣе мнѣній. Однако мы займемся обсужденіемъ этого вопроса въ виду общей склонности признавать вознагражденіе землевладѣльцевъ за нѣчто вполне справедливое и, главное, въ виду той связи принципіальнаго характера, какая существуетъ между рѣшеніемъ этого вопроса и рѣшеніемъ другихъ вопросовъ, имѣющихъ или долженствующихъ имѣть немаловажное практическое значеніе.

Что право землевладѣльцевъ на вознагражденіе при отмѣнѣ частной собственности на землю не выдерживаетъ критики, видно уже и изъ самаго отношенія къ нему г. Спенсера,—при томъ, въ такое время, когда ему особенно хотѣлось бы казаться защитникомъ владѣльческихъ интересовъ. Ибо, изыскивая хоть какое-нибудь основаніе для поддержанія этого права, онъ толкуетъ о многомъ,—между прочимъ, и о вознагражденіи за что-то, имѣющее равную или почти равную цѣнность съ землей, но нигдѣ не рѣшается

упомянуть о вознагражденіи собственниковъ земли за ихъ землю. Это ужъ слишкомъ нелѣпая вещь, чтобы о ней могъ задуматься кто-либо изъ людей, понимающихъ отношеніе человѣка къ землѣ.

Но для людей, не понимающихъ этого отношенія, вознагражденіе такого рода, на первый взглядъ, можетъ показаться чѣмъ-то вполне законнымъ, ибо оно согласуется съ ихъ привычными понятіями. Первобытный человѣкъ, поѣдавшій, согласно выводамъ синтетической философіи, своихъ бабушекъ, конечно, назвалъ бы безчестной женщиной ту старуху, которая попыталась бы избѣгнуть назначенной ей участи, не заплативъ вознагражденія своимъ внукамъ. Въ странѣ, изображенной Эдмономъ Абу въ его „Горномъ королѣ“, гдѣ на разбой смотрѣли, какъ на самое почтенное занятіе, плѣнный, пытавшійся уйти безъ выкупа, понятно, признанъ бы былъ за нарушителя правъ своего владѣльца. Да и множество нынѣ живущихъ людей съ полнымъ сочувствіемъ могутъ слѣдить за рассказомъ Марка Твэна о мученіяхъ совѣсти, испытанныхъ Хекльберри Финномъ въ то время, когда онъ думалъ, что скрывъ своего спутника-негра, онъ помогъ ограбить бѣдную вдову.

Путаница въ мысляхъ, естественная тамъ, гдѣ нарушенія права собственности въ теченіе долгаго времени признавались обычаемъ и закономъ за проявленіе права, требуетъ не мало времени и усилій, чтобы отъ нея избавиться. вмѣстѣ съ тѣмъ, когда одни люди борются ради установленія справедливости, множество другихъ пытается лишь устроить компромиссъ между правдой и неправдой, между тѣмъ, что есть, и тѣмъ, чему слѣдовало бы быть. Поэтому, въ настоящее время,—въ Англіи, по крайней мѣрѣ,—даже среди людей, сознающихъ несправедливость отрицанія равнаго права на пользованіе землей, встрѣчается очень не мало такихъ, которые думаютъ, что это естественное право на землю можетъ быть установлено только лишь послѣ того,

какъ существующіе собственники земли будутъ вознаграждены за утрату принадлежащихъ имъ теперь правъ на землю.

И заблужденіе такого рода сказывается не на одномъ только земельномъ вопросѣ. Оно обнаруживалось въ Англіи также въ выдачѣ вознагражденія вестъ-индскимъ рабовладѣльцамъ при уничтоженіи рабства въ Индіи; въ выдачѣ вознагражденія собственникамъ гнилыхъ мѣстечекъ въ Ирландіи во времена Союза за лишеніе ихъ права торговать правосудіемъ; въ капитализаціи наслѣдственныхъ пенсій и въ вознагражденіи, выдаваемомъ при уничтоженіи прибыльныхъ синекуръ тѣмъ лицамъ, которыя ими пользовались.

Обнаруживалось и обнаруживается то же заблужденіе также и у насъ въ Соединенныхъ Штатахъ. То и дѣло приходится, напримѣръ, слышать, что было бы несправедливо уничтожить покровительственныя пошлины, ибо капиталисты прилагали свой капиталъ ко многимъ предпріятіямъ въ надеждѣ на продолженіе этихъ пошлинъ; а немного лѣтъ тому назадъ добрые честные люди искренно вѣрили у насъ, что для отмѣны существовавшаго въ то время рабства необходимо было вознаградить рабовладѣльцевъ, хотя тѣ же самые люди сочли бы первоначальное порабощеніе человека за преступленіе, достойное смерти, какъ на самомъ дѣлѣ и наказывалась тогда по нашимъ законамъ внѣшняя торговля рабами. Даже послѣ того, какъ война въ сущности уже началась, мысль о необходимости вознагражденія была такъ сильна, что государство выдавало вознагражденіе собственникамъ при отмѣнѣ рабства въ Колумбіи въ 1862 году, и послѣдующія попытки примѣнить тотъ же принципъ ко всѣмъ рабовладѣльческимъ штатамъ, оставшимся вѣрными союзу, не удались единственно лишь изъ-за недопущенія какого-либо вмѣшательства власти въ дѣла, касающіяся рабовладѣнія.

Попытаемся же выяснить себѣ самую суть вопроса о вознагражденіи:

Имъ отнюдь не предполагается признаніе законности какого-либо договора, соглашенія или обѣщанія, формально выраженного государствомъ. Таковыхъ не существуетъ, и на нихъ никто не ссылается изъ сторонниковъ вознагражденія въ разсматриваемыхъ нами случаяхъ. Да если бы они и существовали, то все же пришлось бы обсудить предварительно, насколько законодательная власть можетъ ограничиваться законодательной властью, и въ какой мѣрѣ одно поколѣніе можетъ распоряжаться дѣйствіями послѣдующихъ поколѣній. Заниматься здѣсь этимъ обсужденіемъ для насъ нѣтъ необходимости.

Далѣе, интересующій насъ вопросъ о вознагражденіи не есть вопросъ о правѣ на вознагражденіе—вообще. Никто не станетъ спорить противъ того, что государство обязано вознаграждать частныхъ лицъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ назначаются къ сломкѣ ихъ дома въ виду какихъ-либо общественныхъ сооружений, отбираются товары, продовольствіе, лошади или суда для какихъ-либо государственныхъ надобностей, или требуются отъ однихъ гражданъ услуги, которыхъ не оказываютъ ему всѣ прочіе граждане.

Другими словами, вопросъ о вознагражденіи не есть вопросъ о томъ, обязано ли государство уплачивать вознагражденіе въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ уничтожается собственность, имѣющая нравственную санкцію, ибо самымъ признаніемъ нравственной санкціи уже предполагается право на вознагражденіе. И это право становится спорнымъ только лишь тамъ, гдѣ обнаруживается отсутствіе нравственной санкціи для какого-либо вида частной собственности.

Такъ, убѣжденіе въ законности вознагражденія за рабовъ никоимъ образомъ не представляло изъ себя направляющаго элемента въ умахъ людей, признававшихъ законность рабства. Человѣкъ, вѣрившій, что рабство существуетъ съ Бо-

жыяго соизволенія; что болѣе сильные въ порядкѣ естественныхъ явленій должны поработать болѣе слабыхъ, чтобы затѣмъ отечески заботиться о нихъ; что рабство не только не слѣдуетъ уничтожать тамъ, гдѣ оно есть, но что, напротивъ, слѣдуетъ устанавливать тамъ, гдѣ его нѣтъ,—такой человѣкъ не могъ дѣлать вопроса изъ права на вознагражденіе. Ибо право это само собой вытекало изъ его признанія рабства за справедливое учрежденіе, которое слѣдуетъ поддерживать. Право это могло получить особое значеніе и сдѣлаться краеугольнымъ камнемъ разсужденій только лишь въ умахъ людей, признававшихъ рабство за зло, подлежащее уничтоженію.

Подобно этому происходитъ и съ землей. Мысль о вознагражденіи возникаетъ и получаетъ особое значеніе только лишь тамъ, гдѣ она оказывается какъ бы добавочной защитой частной собственности на землю. Человѣкъ, вѣрящій въ право частной собственности на землю, не станетъ искать доказательствъ для права на вознагражденіе въ случаѣ ея отмѣны. Онъ не допускаетъ и мысли объ ея уничтоженіи. Онъ вѣритъ, что она будетъ продолжаться и развиваться. Такъ какъ бѣльшимъ обнимается меньшее, то онъ вѣритъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ необходимость вознагражденія собственниковъ въ случаѣ отобранія у нихъ ихъ земли. Только лишь усумнившись въ правѣ собственности на землю и склоняясь въ сторону ея отмѣны, онъ станетъ разсуждать о правѣ на вознагражденіе, какъ о независимомъ нравственномъ вопросѣ. И тогда вопросъ этотъ явится для него какъ бы второй линіей крѣпостныхъ окоповъ, защищающихъ частную собственность на землю, которая будетъ отклонять его въ сторону отъ уничтоженія частной собственности на землю или, по крайней мѣрѣ, въ сторону отъ уничтоженія частной собственности на землю съ ущербомъ для узаконенныхъ интересовъ. А такого рода промежуточный характеръ защиты узаконенныхъ интересовъ обладаетъ,

конечно, особой привлекательностью для тѣхъ робкихъ и благоразумныхъ личностей, которыя всегда бываютъ склонны удирать съ поля битвы въ тѣхъ случаяхъ, когда сталкиваются между собою нравственное право и могущественные интересы.

Такимъ образомъ занимающая насъ мысль о вознагражденіи собственниковъ земли есть мысль о вознагражденіи за что-то такое, что само по себѣ признается за несправедливость. Но въ то же время мысль эта опирается на нравственные основанія и выдвигаетъ на очередь рѣшеніе чисто-нравственного вопроса.

Лица, настаивающія на необходимости вознагражденія собственниковъ земли при отмѣнѣ несправедливаго пользованія землей, утверждаютъ обыкновенно, что само государство приняло на себя извѣстное нравственное обязательство своимъ прежнимъ согласіемъ на существованіе несправедливаго порядка. Государство, говорятъ они, въ правѣ было бы не дать своего согласія на какую-либо несправедливость съ самаго же начала. Оно въ правѣ бы было, напримѣръ, запретить рабство тамъ, гдѣ его еще не существовало; въ правѣ бы было не дозволить присвоенія частными собственниками новыхъ земель; въ правѣ бы было отказать въ назначеніи новыхъ пенсій, въ установленіи новыхъ покровительственныхъ пошлинъ или въ дарованіи новыхъ исключительныхъ привилегій. Но, разъ дѣло сдѣлано, и предъ государствомъ оказываются уже нравственные ограниченія въ отношеніи тѣхъ лицъ, которыя сообразовались съ его дѣйствіями. Уничтожить цѣнность какой-либо собственности, пріобрѣтенной съ его согласія, оно могло бы, въ сущности, лишь вводя законъ съ обратнымъ дѣйствіемъ.

Однако мы здѣсь наталкиваемся на очевидную путаницу. Всѣ эти слова могли бы имѣть вѣсь лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда предлагалось бы, чтобы государство уничтожило то, что было ранѣе сдѣлано съ его согласія,—объявило бы,

напримѣръ, недѣйствительными всѣ права на трудъ рабовъ, уже выполненный, или дало рабамъ право требовать возврата всего произведеннаго ими, или взыскивало бы съ промышленниковъ весь излишекъ дохода, полученный ими благодаря покровительственнымъ тарифамъ. Но едва ли кто усмотрѣлъ бы что либо похожее на законъ съ обратнымъ дѣйствіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда предлагалось бы объявить на будущее время трудъ рабовъ ихъ неотъемлемой собственностью или торговлю—свободной. Въ этихъ случаяхъ настаивать на вознагражденіи потерпѣвшихъ, значило бы признать, что государство не просто должно сообразоваться съ тѣмъ, что было сдѣлано имъ ранѣе, но что оно нравственно обязано продолжать все то, что дѣлалось имъ ранѣе.

Вознагражденіе требовалось бы здѣсь не за утрату какихъ-либо наличныхъ цѣнностей, а за утрату того, что еще только ожидается. Тюкъ хлопка имѣетъ дѣйствительную цѣнность, основывающуюся на трудѣ, затраченномъ на его добываніе. Но цѣнность раба есть чисто-спекулятивная цѣнность, основывающаяся на предположеніи, что государство по-прежнему будетъ заставлять его работать на хозяина. Подобнымъ образомъ, цѣнность дома или другого какого-либо сооруженія представляетъ изъ себя цѣнность воплотившагося въ нихъ труда. Но цѣнность самой земли есть цѣнность, основывающаяся только на предположеніи, что государство по-прежнему будетъ позволять владѣльцамъ земли брать себѣ то, что принадлежитъ всему обществу. Придетъ ли кому въ голову требовать, чтобы государство вознаграждало людей за утрату надежды на извѣстныя дѣйствія съ его стороны, даже не заключающія въ себѣ никакого нравственнаго элемента? Придетъ ли кому въ голову требовать, чтобы, склоняясь къ миру, государство вознаграждало тѣхъ лицъ, которые затрачивали капиталъ въ расчетѣ на войну? чтобы устраивая болѣе близкую новую дорогу, оно вознаграждало

людей, терявшихъ доходъ вслѣдствіе запусканія старой? чтобы содѣйствуя открытію болѣе дешеваго способа непосредственнаго превращенія тепловой энергіи въ электрическую, оно вознаграждало владѣльцевъ паровыхъ машинъ, дѣлавшихся ненужными, вмѣстѣ съ строителями этихъ машинъ? чтобы развивая воздухоплаваніе, оно вознаграждало за убытки владѣльцевъ перевозочныхъ средствъ на землѣ? Подобныя требованія мы сочли бы, конечно, нелѣпыми. Однако то требованіе, которое мы разсматриваемъ, представляетъ изъ себя нѣчто худшее. Ибо по своей сущности оно есть требованіе, чтобы государство вознаграждало людей за ихъ разочарованіе въ надеждѣ на то, что оно никогда не остановится въ дѣланіи зла.

Отмѣняя рабство, наслѣдственныя пенсіи, покровительственныя пошлины или особыя привилегіи какого-либо рода, отбираетъ ли государство у индивидуумовъ, которые при этомъ теряютъ, что-либо такое, что уже на самомъ дѣлѣ имѣлось бы у нихъ? Конечно, нѣтъ. При уничтоженіи рабства, оно просто отказывается на будущее время принуждать одного человѣка къ работѣ на другого. Отмѣняя наслѣдственныя пенсіи, оно просто отказывается на будущее время брать силой собственность у однихъ людей и отдавать ее другимъ. Отмѣняя покровительственныя пошлины, оно просто отказывается на будущее время насильнически нарушать естественныя права всѣхъ гражданъ ради доставленія неестественныхъ прибылей небольшой кучкѣ людей. Отмѣняя особыя привилегіи, оно просто отказывается на будущее время отъ употребленія своей власти на то, чтобы давать нѣкоторымъ лицамъ преимущество надъ всѣми прочими людьми.

Подумайте теперь, за что, собственно, требовалось бы въ подобныхъ случаяхъ вознагражденіе. Понятно, не за попытку исправить уже совершенное зло, а за отказъ отъ совершенія зла въ послѣдующее время; не за неравное отно-

шеніе къ личностямъ въ настоящемъ, а за отказъ отъ продолженія неравнаго отношенія къ личностямъ въ будущемъ. Безъ сомнѣнія, отъ такого отказа могутъ быть потери въ разнаго рода продажныхъ цѣнностей у индивидуумовъ. Однако это будутъ потери не того, что они имѣютъ въ настоящемъ, а того, на что они рассчитывали въ будущемъ. Это будутъ отнюдь не такія потери, за которыя индивидуумъ въ правѣ былъ бы требовать вознагражденія, а государство по справедливости должно было бы вознаграждать. Это будутъ потери того же рода, какъ потери ефесскихъ серебряниковъ отъ проповѣди ап. Павла, какъ потери кабатчиковъ отъ распространенія трезвости въ народѣ и какъ обыкновенныя потери множества лицъ отъ всякаго благодѣтельнаго изобрѣтенія и общественнаго улучшенія. И требованіе за нихъ вознагражденія оказывается отрицаніемъ права на какія бы то ни было реформы. Имъ, въ сущности, признается, что государство, разъ совершивъ неправду, тѣмъ самымъ создаетъ для себя нравственную обязанность слѣдовать этой неправдѣ на все будущее время, и что оно не просто должно слѣдовать этой неправдѣ или иначе выдавать вознагражденіе, но должно слѣдовать этой неправдѣ при какихъ-либо то ни было условіяхъ.

Ибо вознагражденіемъ предполагается полное возмѣщеніе. Вознаградить людей, теряющихъ вслѣдствіе прекращенія неправды, значитъ дать имъ денежную награду, равную той прибыли, которую они получали прежде отъ этой неправды. А такъ какъ государство ничего не имѣетъ кромѣ того, что принадлежитъ составляющимъ его индивидуумамъ, и такъ какъ все, что оно вздумаетъ давать однимъ лицамъ, оно должно брать у другихъ, то ясно, что прекращеніе неправды съ выдачею вознагражденія, въ сущности, было бы уничтоженіемъ ея, а лишь продолженіемъ въ другихъ формахъ,— въ формѣ несправедливыхъ поборовъ, съ одной стороны, и въ формѣ несправедливыхъ наградъ, съ другой. Отмѣняя на-

слѣдственные пенсіи и выплачивая вознагражденіе, государство давало бы владѣльцамъ этихъ пенсій, въ деньгахъ или процентныхъ бумагахъ, власть захватывать себѣ столько же продуктовъ труда другихъ людей, сколько прежде захватывалось ими въ пенсіяхъ. Выдавая вознагражденіе за рабовъ при отказѣ отъ дальнѣйшаго принужденія ихъ къ работѣ на хозяевъ, государство предоставляло бы хозяевамъ возможность брать себѣ у общества столько же богатства, сколько прежде отбиралось ими у рабовъ. Рабовладѣльцы теряли бы право отбирать собственность у рабовъ и ихъ потомковъ; но за то они пріобрѣтали бы обязательство государства брать въ ихъ пользу и препровождать къ нимъ равноцѣнное количество собственности всѣхъ гражданъ страны. Обирательство продолжалось бы лишь съ измѣненіемъ формы. Изъ интенсивнаго оно превратилось бы въ экстенсивное. Нѣкоторыя лица, порабощенныя, отчасти освободились бы; другія, свободныя, были бы отчасти порабощены.

Что именно путаницѣ обязана своимъ распространеніемъ мысль о вознагражденіи за отказъ отъ слѣдованія неправдѣ, видно, между прочимъ, и изъ того факта, что требованіе вознагражденія такого рода обыкновенно предъявляется не отъ лица людей, впервые воспользовавшихся неправдой, а отъ лица людей, которые впослѣдствіи купили себѣ право на пользованіе ею. О первичныхъ дѣятеляхъ нерѣдко даже и вовсе не упоминается. И намъ говорятъ: „Вотъ человѣкъ, который пріобрѣлъ на свои сбереженія собственность, дозволенную правительствомъ, рассчитывая, что она и на будущее время будетъ признаваться за дозволенную. Развѣ власть не уничтожить плоды его тяжелаго труда, если она не вознаградитъ его при отмѣнѣ права на такую собственность?“

Отвѣтъ ясенъ: Конечно, нѣтъ. Пусть такой собственностью былъ бы рабъ. Отмѣняя рабство, государство уничто-

жало бы не то, что могло быть заплачено за раба, а цѣнность раба. Сущность дѣла ни мало не измѣнялась бы отъ того, что покупателемъ могло быть обмѣнено на раба что-либо приобрѣтенное честнымъ трудомъ. И этотъ покупатель несъ бы убытокъ не какъ трудящійся человѣкъ, а просто какъ рабовладѣлецъ. Не обмѣнивай онъ своихъ сбереженій на раба, и уничтоженіе рабства не причинило бы ему никакихъ потерь. Обмѣнивая собственность одного рода на собственность другого, мы расстаемся со всѣми случайностями, связанными съ одной, и подвергаемъ себя всѣмъ случайностямъ, связаннымъ съ другой. Мы не можемъ, продавая кирпичи и покупая сѣно, жаловаться потомъ на то, что сѣно наше сторѣло, тогда какъ кирпичъ остался цѣлъ. Ибо возможность для сѣна сторать есть одна изъ особенностей сѣна, съ которой мы волей-неволей должны считаться, покупая его. Подобнымъ же образомъ, обмѣнивая собственность, имѣющую нравственную санкцію, на собственность, имѣющую лишь законодательную санкцію, мы не можемъ требовать, чтобы нравственная санкція проданной собственности считалась какъ бы перенесенной на купленную собственность. Ибо мы теряли бы эту нравственную санкцію вмѣстѣ съ уходомъ отъ насъ проданной собственности. Обмѣнъ перемѣщаетъ, но не создаетъ. Каждая сторона передаетъ то право, которое она имѣла, и получаетъ другое право, которое имѣла другая сторона. Послѣдній собственникъ не можетъ приобрѣсть нравственного права, если его не имѣлъ первый.

„Однако“, могутъ сказать, „приобрѣтая то, что въ теченіе долгаго времени признавалось собственностью, мы оказываемся въ положеніи, отличающемся отъ положенія первоначальныхъ собственниковъ. Нашъ судъ признаетъ разницу между добросовѣстнымъ и недобросовѣстнымъ владѣльцемъ чужого имущества, и давность владѣнія пополняетъ всѣ недочеты въ первичныхъ правахъ владѣльца. И именно

этому принципу должно слѣдовать государство въ своихъ отношеніяхъ къ индивидуумамъ. Лишая ихъ собственности, которой они долгое время владѣли неправильно изъ-за его упущеній, оно должно выдавать имъ соотвѣтственное вознагражденіе“.

Добросовѣстный владѣлецъ, права котораго служатъ источникомъ обиды для людей! Развѣ не нелѣпо такое названіе? Если въ нашихъ судахъ „никто не можетъ отзываться невѣдѣніемъ закона“, то, конечно, тѣмъ болѣе не можетъ отзываться невѣдѣніемъ нравственного закона человѣкъ, прибѣгающій къ суду совѣсти, на который ссылаются обыкновенно сторонники вознагражденія.

Невѣдѣніе можетъ лишь избавлять отъ наказанія, которому подвергается завѣдомо совершающій неправду; но оно не даетъ права на совершеніе неправды. Отдавивъ кому-нибудь ногу, вы можете, конечно, извиниться случайностью, но не приобрѣтаете черезъ это права всегда давить ноги. А государство, отмѣняя права на собственность, которой предполагается обида для другихъ людей, не только не налагаетъ на владѣльцевъ ея какой-либо кары, но даже не требуетъ вознагражденія обиженныхъ. Оно поступаетъ даже тѣми принципами, которыми руководствуются въ нашихъ судахъ. Тамъ требуютъ, чтобы добросовѣстный владѣлецъ чужого имущества не только вернулъ собственнику самое имущество, но вернулъ бы также и всѣ полученные съ него доходы. Не идетъ оно въ разрѣзъ и съ принципомъ открытой продажи, который гарантируетъ покупателю право собственности въ случаѣ отсутствія обмана. Не идетъ оно въ разрѣзъ и съ принципомъ давности, который ставитъ внѣ сомнѣнія право собственности по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ.

Принципъ открытой продажи („market overt“) выражается не въ томъ, что переходъ изъ рукъ въ руки создаетъ право собственности, а въ томъ, что при постоянномъ

переходѣ изъ рукъ въ руки нѣкоторыхъ предметовъ признается за лучшее, въ интересахъ торговли и общаго блага, считать право собственности покупателя за окончательное всюду, гдѣ не можетъ быть доказана наличность какихъ либо преступныхъ намѣреній. Равно и принципъ давности выражается не въ томъ, что одно продолжительное владѣніе устанавливаетъ право собственности, а въ томъ, что за извѣстнымъ предѣломъ считается невозможнымъ разобратся болѣе или менѣе обстоятельно въ правахъ спорящихъ лицъ. Собственно, въ принципѣ этомъ мы наталкиваемся на одинъ изъ случаевъ, когда человѣческій законъ сознаетъ себя безсильнымъ болѣе или менѣе точно согласовать свои велѣнія съ требованіями нравственного закона. Никакая религія и никакой нравственный кодексъ не сочтутъ непорочнымъ того человѣка, который, опираясь на давность, владѣлъ бы имѣніемъ, завѣдомо принадлежащимъ другому лицу. Но судебная машина не можетъ копаться въ совѣсти людей; ей въ пору только разбираться въ доказательствахъ; а доказательства того, что было и прошло, быстро тускнѣютъ и изглаживаются въ памяти людей. Потому для государства и оказывается надобность,—чтобы предупредить безконечные споры,—назначить какой-либо предѣлъ, далѣе котораго не заходили бы никакія разслѣдованія, и всякій владѣлецъ признавался бы собственникомъ.

Въ обычныхъ разговорахъ общимъ названіемъ собственности обозначаютъ все то, что можетъ считаться собственностью по закону. Однако при этомъ смѣшиваются, по невѣжеству или по легкомыслію, два рода предметовъ, существенно различныхъ и діаметрально противоположныхъ. Сходны между собой эти предметы въ томъ отношеніи, что они одинаково обладаютъ продажной цѣнностью и способностью переходить изъ владѣнія одного лица во владѣніе другого. Но предметы перваго рода суть истинная собственность, имѣющая санкцію естественнаго права и нравственного за-

кона независимо отъ какихъ либо дѣйствій государства, тогда какъ предметы второго рода оказываются лишь мнимой собственностью, и сохраненіе за ними ихъ свойствъ собственности требуетъ постояннаго содѣйствія государственной власти, постоянныхъ угрозъ военной силой или пользованія ею и постоянныхъ нарушеній естественнаго права и нравственнаго закона. Къ предметамъ перваго рода съ полнымъ основаніемъ прилагается, въ разумныхъ предѣлахъ, принципъ давности; ибо будучи собственностью по самой природѣ своей, они не допускаютъ какихъ либо принципиальныхъ разногласій относительно ихъ принадлежности, и всякій вопросъ о ней всегда сводится для нихъ просто къ вопросу о существованіи или несуществованіи извѣстныхъ сдѣлокъ между тѣми или другими индивидуумами. Но къ предметамъ второго рода,—когда затрагиваются отношенія между личностью и государствомъ,—принципъ этотъ не можетъ и не долженъ прилагаться, ибо самые предметы эти являются собственностью только лишь благодаря извѣстнымъ дѣйствіямъ государства и утрачиваютъ всѣ свойства собственности тотчасъ же, какъ государство отказывается поддерживать въ нихъ эти свойства. Вопросъ о томъ, будетъ ли государство поддерживать въ нихъ эти свойства, или не будетъ, есть уже вопросъ не о томъ, что совершенно было въ прошломъ, а вопросъ о томъ, что должно совершаться въ будущемъ,—вопросъ, касающійся общихъ правъ, а не просто только извѣстныхъ отношеній между нѣкоторыми лицами. Предметы, которые вызываются къ существованію затратою труда, и которые съ самаго же начала пріобрѣтаютъ всѣ особенности собственности, такъ сказать, въ силу расширенія права собственности человѣка на самого себя, составляютъ собственность перваго рода. Особые привилегіи, которыми государство уполномочиваетъ однихъ людей захватывать себѣ плоды труда другихъ, суть собственность второго рода.

Вопросъ о правѣ собственности на сюртукъ, инструменты, домъ или кипу товара есть вопросъ о правѣ собственности на конкретный результатъ минувшаго труда. Мы знаемъ изъ природы этихъ предметовъ, что они должны принадлежать тому или другому лицу. Но въ виду слабости человѣческихъ силъ мы не можемъ рассчитывать на точное опредѣленіе того, кому именно они принадлежатъ, когда споръ объ ихъ принадлежности возникаетъ по прошествіи болѣе или менѣе долгаго промежутка времени. И потому, отказываясь входить въ изслѣдованіе отдаленнаго прошлаго, мы прямо признаемъ право на нихъ за ихъ владѣльцемъ, на сторонѣ котораго имѣется, по крайней мѣрѣ, наибольшая вѣроятность обладанія этимъ правомъ. Однако вопросъ о сохраненіи или отмѣнѣ рабства или частной собственности на землю, о продолженіи или не-продолженіи промышленныхъ монополій, наслѣдственныхъ пенсій или покровительственныхъ пошлинъ есть вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли государству, или не слѣдуетъ оказывать на будущее время свое содѣйствіе преступному захвату результатовъ труда, который будетъ затрачиваться. Здѣсь уже не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо обращеніи къ принципу давности. Никакая неясность въ отношеніи прошлаго не въ состояніи измѣнить рѣшенія. Это уже не вопросъ о томъ, что было сдѣлано въ прошломъ, а вопросъ о томъ, чему слѣдуетъ быть въ будущемъ. Тутъ мы не можемъ уже довольствоваться предположеніемъ, что у владѣльца такого то вида собственности есть на нее законное право, ибо увѣренно знаемъ, что этого права у него нѣтъ.

Намъ говорятъ затѣмъ: „Вотъ человѣкъ, купившій на свои сбереженія раба, и вотъ другой человѣкъ, купившій на свои сбереженія домъ,—въ такое время, когда и рабы и дома одинаково признавались за собственность государствомъ. Отказавъ затѣмъ въ своей санкціи первому виду собственности, государство совершенно обезцѣнило бы сбереженія

одного человѣка и въ то же время сохранило бы за другимъ всѣ его прибыли. Оно отнеслось бы неодинаково къ этимъ людямъ, причинило бы обиду одному изъ нихъ, и эта обида могла бы быть устранена только лишь путемъ соотвѣтственнаго вознагражденія. Пусть въ одномъ видѣ собственности заключалась неправда. Но развѣ, въ виду санкціи государства, въ этой неправдѣ не были бы повинны всѣ? И развѣ справедливо было бы возлагать отвѣтственность за нее лишь на нѣкоторыхъ лицъ, случайно помѣстившихъ свои сбереженія въ этомъ видѣ собственности, когда онъ признавался еще законнымъ?

Къ другимъ путаницамъ здѣсь прибавляется еще путаница въ пониманіи отношеній между государствомъ и его членами. Если бы поддержаніе государствомъ одного какого-либо вида собственности, заключающей въ себѣ неправду, можно было разсматривать какъ рядъ дѣйствій всѣхъ его членовъ, даже тѣхъ, которые страдали бы отъ этой неправды, то и отказъ государства отъ дальнѣйшаго слѣдованія неправдѣ надо было бы признавать за отказъ отъ неправды всѣхъ его членовъ, даже тѣхъ, которые выигрывали отъ нея. Если требовать себѣ потеряннаго не могутъ лица, страдавшія отъ неправды, то тѣмъ менѣе могутъ требовать себѣ вознагражденія лица, выигрывавшія отъ нея.

Взглянемъ на дѣло съ другой стороны. Нравственный законъ, на который ссылаются, требуя вознагражденія отъ государства, долженъ быть нравственнымъ закономъ сдерживающимъ индивидуумовъ. Но нравственный законъ не можетъ санкціонировать нравственныхъ преступленій. Онъ долженъ признавать ничтожными даже формальные договоры на совершеніе неправды, а въ случаяхъ, которые мы разсматриваемъ, нѣтъ даже и договора. Тутъ просто требуютъ, чтобы государство, вызвавъ своими несправедливыми дѣйствіями надежду на продолженіе такихъ дѣйствій, считало себя затѣмъ, при отказѣ отъ продолженія зла, нрав-

ственно обязаннымъ выдавать вознагражденіе тѣмъ лицамъ, которыя затрачивали свой капиталъ въ надеждѣ на это продолженіе. Развѣ такое требованіе признано было бы заслуживающимъ уваженія, будучи предъявлено къ индивидуумамъ? Пусть, напримѣръ, я завелъ бы обычай растрачивать всѣ мои сбереженія въ игорномъ домѣ или въ кабацѣ, такъ что хозяева этихъ заведеній стали бы рассчитывать на меня, какъ на источникъ постоянного дохода. Развѣ счелъ бы кто моей нравственной обязанностью вознагражденіе этихъ хозяевъ въ томъ случаѣ, если бы я кончилъ съ своимъ обычаемъ? Или развѣ долженъ былъ бы я выплачивать вознагражденіе тому добросовѣстному покупателю, который пріобрѣлъ бы эти дѣла въ расчетѣ на мои посѣщенія?

Не забудемъ и того, что, признавъ за нравственное какое-либо право собственности, созданное лишь участіемъ государства въ неправдѣ, намъ пришлось бы допустить также его нравственную обязательность для cadaго изъ индивидуумовъ. Признавъ нарушеніе нравственного права въ томъ, что государство уничтожило рабство безъ уплаты соотвѣтственнаго вознагражденія рабовладѣльцамъ, мы должны бы были признать также нарушеніе нравственного права въ томъ, что рабъ бѣжалъ отъ своего господина, не уплативъ ему напередъ выкупа, и въ томъ, что какой нибудь человѣкъ помогъ ему, хотя бы напоивъ чашею холодной воды. Такъ это на самомъ дѣлѣ и признавалось въ Соединенныхъ Штатахъ до войны за освобожденіе, такъ проповѣдывалось и проводилось въ законѣ. Да такъ это и до сего времени признается и проповѣдуется выдающимися людьми и органами печати въ Великобританіи по отношенію къ бѣлымъ рабамъ этой страны. Тамъ безъ обиняковъ заявляютъ, что всякая попытка со стороны народныхъ массъ къ возврату своего естественнаго права

на родную землю была бы не чѣмъ инымъ, какъ нарушеніемъ десяти заповѣдей!

Зная, что государство не есть индивидуумъ, а составляется изъ индивидуальныхъ членовъ, которые роковымъ образомъ подвергаются тому или иному воздѣйствію съ его стороны, мы легко опредѣлимъ законную сферу государственнаго вмѣшательства, признавъ его цѣлью обезпеченіе за всѣми членами равенства правъ. Государство должно обезпечивать именно это равенство правъ, а отнюдь не равенство результатовъ труда въ средѣ его членовъ; и всякій человѣкъ, который помѣщаетъ свои сбереженія въ расчетѣ на отрицаніе равенства правъ государствомъ, можетъ дѣлать это лишь на свой собственный страхъ и рискъ. Онъ не можетъ требовать, чтобы государство ради сохраненія равенства прибылей между нимъ и другими предпринимателями, не подвергавшими себя такому же риску, продолжало отрицать равенство правъ за своими членами. Долгъ государства—обезпеченіе равенства правъ, но не равенства прибылей.

Разнаго рода предпріятія, пользующіяся одинаковымъ покровительствомъ государства, приносятъ: одни—убытокъ, другія—прибыль. Допустимъ, что кто-нибудь изъ предпринимателей предложилъ бы, чтобы государство обезпечило за всѣми за ними полное равенство путемъ вознагражденія потерпѣвшихъ убытокъ.

На такое предложеніе ему отвѣтили бы быстро и просто. Ему сказали бы, что это не дѣло государства охранять предпринимателей отъ потерь, и что всякая попытка къ тому со стороны государства невозможна безъ грубаго нарушенія требованій справедливости. Добиваться этого значило бы принуждать однихъ людей, разумно распоряжающихся своими средствами, къ расплатѣ за другихъ, которые ведутъ свои дѣла спустя рукава; добиваться этого значило бы отнимать у благоразумнаго и трудолюбиваго его

естественную награду, подвергая его всѣмъ тяжкимъ слѣдствіямъ безразсудства и легкомыслія, карать за предусмотрительность, поощрять невѣжество и чужачество и разорять въ короткое время наиболѣе благоденствующія страны.

Но развѣ государство не поступило бы еще болѣе несправедливо и неблагоразумно, если бы оно стало выдавать вознагражденіе людямъ, которые до послѣдняго времени удерживали въ своемъ обладаніи и пріобрѣтали вновь собственность, основанную на неправдѣ? Развѣ не стало бы оно брать это вознагражденіе изъ дохода людей, не позволявшихъ себѣ подобныхъ владѣній и пріобрѣтеній? Можно ли утверждать, что участіе государства въ неправдѣ такого рода однозначаше съ участіемъ въ ней всѣхъ его членовъ? Участвовала ли когда-либо часть общества, состоящая изъ рабовъ, въ установленіи рабства?

„*Caveat emptor*“—вотъ правило закона—„Пусть остерегается покупатель!“ Если кто-либо покупаетъ зданіе, при постройкѣ котораго не принять былъ во вниманіе законъ тяжести, или не соблюдены были законы сопротивленія матеріаловъ, то всѣ могущія быть отъ того послѣдствія принимаются имъ на свой страхъ. И подобнымъ же образомъ принимаетъ на свой страхъ всѣ послѣдствія челоуѣкъ, пріобрѣтающій собственность, которой нарушается нравственный законъ. Пусть общественное мнѣніе доросло бы до сознанія какой-либо неправды и потребовало бы ея прекращенія. Какъ могъ бы выступить тогда съ своими претензіями челоуѣкъ, заглушавшій въ себѣ голосъ совѣсти и строившій свое благосостояніе на продолженіи этой неправды? Съ какими глазами онъ могъ бы потребовать отъ людей, удерживавшихся отъ участія въ этой неправдѣ, страдавшихъ отъ нея и выносившихъ всѣ тяжести, лишенія и обиды, присущія борьбѣ противъ нея, чтобы они выплачивали ему вознагражденіе, на томъ основаніи, что, будучи членами одного государства, всѣ они одинаково отвѣтственны

за эту неправду и всё должны расплачиваться за потери, связанные съ ея отмѣной? И развѣ вниманіе къ безстыжымъ требованіямъ такого рода не сдѣлалось бы помѣхой къ тому постепенному ослабленію и умирانیю неправды, которое совершается всюду, гдѣ вмѣстѣ съ развитіемъ нравственнаго чувства падаетъ надежда на ея сохраненіе? Развѣ это вниманіе не явилось бы, суля гарантіи предпринимателямъ, могучимъ источникомъ жизни и силы для самой неправды почти до послѣдней минуты ея существованія?

Возьмите рабство. Увѣренность американскихъ рабовладѣльцевъ, внушенная отчасти примѣромъ Великобританіи, что отмѣна рабства не послѣдуетъ безъ соотвѣтственнаго вознагражденія, поддерживало рыночную цѣну рабовъ на наивысшемъ уровнѣ даже въ то время, когда начали раздаваться выстрѣлы, возвѣщавшіе освобожденіе негровъ. Не будь тутъ предательской надежды на полученіе вознагражденія, и ростъ чувствъ, враждебныхъ рабству, вліяя на пониженіе продажной цѣны рабовъ, мало-по-малу уменьшилъ бы денежный интересъ, побуждавшій къ отстаиванію рабства.

Подобнымъ же образомъ и частная собственность на землю. Извѣстно, что во всѣхъ прогрессивныхъ странахъ наиболѣе важнымъ элементомъ, опредѣляющимъ продажную цѣну земли, оказывается надежда на будущій ростъ ея цѣнности и на возможность новыхъ улучшеній. Потому мысль о вознагражденіи, поддерживая спекуляцію, должна вліять всегда задерживающимъ образомъ на то пониженіе продажныхъ цѣнъ, на то постепенное приспособленіе индивидуумовъ къ наступающей перемѣнѣ, которое неизбежно слѣдовало бы всюду за каждымъ требованіемъ признанія равенства правъ на землю.

Вопросъ, который мы обсуждаемъ, есть по сущности своей вопросъ нравственный. Люди, признающіе источникомъ всякаго права государство, на самомъ дѣлѣ, могутъ

возражать противъ какого-либо предполагаемаго дѣйствія государства, что оно будетъ нецѣлесообразно; но они не могутъ возражать, что оно будетъ несправедливо. Однако, какъ философы-матеріалисты эволюціонной школы постоянно прибѣгаютъ къ выраженіямъ, въ которыхъ подразумѣвается цѣль въ природѣ, такъ и отрицатели какого-либо закона, стоящаго выше государственныхъ законовъ, то и дѣло кричать во всеуслышаніе, что было бы несправедливо, безсовѣстно и безнравственно для государства отмѣнять такое-то призрачное право собственности. Мы могли бы отвѣчать имъ, не теряя изъ виду ихъ основныхъ убѣжденій, только лишь допустивъ, что они не вполне владѣютъ языкомъ, на которомъ говорятъ, и что своими словами они хотятъ сказать, что отмѣна эта была бы нецѣлесообразна. Ихъ мысль, по моему мнѣнію, могла бы быть выражена наиболее точно въ такой формѣ: согласно указаніямъ опыта, уваженіе къ правамъ собственности всего болѣе содѣйствуетъ прогрессу и благосостоянію человѣчества; а такъ какъ всѣ права собственности (это открыто исповѣдуется ими) покоятся на одномъ и томъ же основаніи, — на признаніи ихъ государствомъ, — то всякое уничтоженіе одного какого-либо права собственности по волѣ государства неминуемо должно пошатнуть всѣ прочія права собственности, набросить на нихъ тѣнь сомнѣнія и такимъ образомъ сдѣлаться источникомъ нескончаемыхъ правонарушеній.

Но, даже оставляя въ сторонѣ какія-либо нравственныя различія и признавая всѣ права собственности истекающими отъ государства, мы все же не могли бы скрыть отъ себя того факта, что нѣкоторыя формы собственности содѣйствуютъ общему богатству и преуспѣянію, а другія, изъ числа признаваемыхъ государствомъ, уменьшаютъ общее богатство и задерживаютъ общее преуспѣяніе. Право на разбой, которое признавалось мѣстами и по временамъ государствомъ, по своему вліянію на общество, ни мало не по-

ходить на право мирной торговли. Право наследственной юрисдикции или „право сажать въ тюрьму и вѣшать“ — „right of pit and gallows“—какъ его называли въ Шотландіи, гдѣ оно на самомъ дѣлѣ выкупалось государствомъ, какъ цѣнная собственность; право отправленія правосудія, въ теченіе долгаго времени имѣвшее не малую торговую цѣнность во Франціи; право вести частныя войны, собирать мѣстные налоги, пошлины и повинности, а также назначать натуральныя повинности, которое признавалось по временамъ государствомъ за достояніе каждого мелкаго господинчика; право затапыванія крестьянскихъ полей на охотѣ; монополіи, которыми создавались цѣнныя привилегіи изъ позволенія фабриковать какой-либо товаръ, торговать имъ или ввозить его изъ-за границы,—конечно, не были факторами, содѣйствовавшими общему преуспѣянію. Напротівъ того, общее богатство и преуспѣяніе замѣтно увеличивались при ихъ отмѣнѣ.

Даже если мы признаемъ, что всѣ права собственности имѣютъ одинаковую основу и санкцію, и пренебрежемъ какими-либо нравственными различіями, то все же разумъ и опытъ не преминутъ указать намъ, что существуетъ только лишь одно право собственности, ведущее къ преуспѣянію всего общества, и что это право есть именно то право, которымъ охраняются за работникомъ плоды его труда. Оно приводитъ къ благосостоянію общества, поощряя производительную дѣятельность и давая сбереженіямъ обезпеченіе, позволяющее примѣнять къ дѣлу капиталъ и пользоваться досугомъ для развитія духовныхъ силъ. И всеобщій опытъ указываетъ, какъ на основное условіе мира, преуспѣянія и счастья человѣческаго рода, на уваженіе именно къ этому праву, а не къ тѣмъ формамъ собственности, которыя санкціонируются иногда, въ моменты ослѣпленія или безумія, законодательной властью, и которыя сводятся къ праву захватывать себѣ плоды чужого труда.

Эти мнимыя и вредныя права собственности заглушаютъ полезныя права собственности подобно тому, какъ паразитныя растенія заглушаютъ плодоносный побѣгъ, и ихъ уничтоженіе нимало не могло бы повредить тому уваженію къ собственности, безъ котораго немислимы богатство, преемство и цивилизація. Напротивъ того, покровительство имъ и отождествленіе ихъ съ истинными правами собственности роковымъ образомъ приводитъ людей къ убѣжденію, будто всякое право собственности наноситъ ущербъ народнымъ массамъ. Исторія человѣчества показываетъ намъ, что, если что можетъ грозить основѣ благосостоянія общества,—уваженію къ собственности,—такъ это именно ростъ этихъ паразитныхъ растеній,—воображаемыхъ правъ. И они грозятъ уже нашей цивилизаціи. Почему современные социалисты такъ враждебно относятся къ капиталу? Развѣ не потому, что они смѣшиваютъ съ истиннымъ капиталомъ несправедливости, дающія возможность немногимъ обирать многихъ, захватывая себѣ плоды чужого труда и требуя платы за дозволеніе трудиться? Учить тому, что добро и зло не могутъ быть различаемы въ законодательныхъ постановленіяхъ, значить учить, что собственность есть кража.

И ничто не можетъ содѣйствовать усиленію наиболѣе опасныхъ тенденцій нашего времени въ большей мѣрѣ, чѣмъ доктрина, утверждающая, будто государство, надѣливъ однихъ людей правомъ брать себѣ трудъ и собственность другихъ, не можетъ затѣмъ отмѣнить это право безъ выдачи вознагражденія его обладателямъ.

Иного рода доводъ въ защиту вознагражденія представляютъ иногда въ видѣ того соображенія, что, обезоруживая при его помощи оппозицію, мы могли бы всего легче и быстрѣе достигнуть отмѣны узаконенной неправды. Но мало того, что такая отмѣна съ выдачей вознагражденія, по существу дѣла, не была бы даже и отмѣной; мало того, что защита ея поддерживала бы во всей силѣ тѣ денежныя инте-

ресы, которые представляют главное препятствіе реформѣ,—въ такого рода стремленіи обезоружить оппозицію мы оказались бы уже не въ состояніи пробудить тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя только и могутъ одолѣть прочно утвердившуюся неправду. Ибо допустить вознагражденіе кого-либо за то, что ему не будетъ дозволено установить извѣстныя отношенія, значить признать, что онъ имѣетъ право устанавливать такія отношенія. И это знаютъ тѣ люди, которые сознательно отстаиваютъ принципъ вознагражденія. Ихъ цѣль, собственно, въ томъ и состоитъ, чтобы, отстаивая необходимость вознагражденія при уничтоженіи какого-либо несправедливаго учрежденія, воспрепятствовать самому уничтоженію этого учрежденія.

Говорятъ иногда, что для насъ было бы выгоднѣе выкупить негровъ Юга, какъ то сдѣлано было Англіей въ Вестъ-Индіи, чѣмъ затѣвать междоусобную войну. Однако предположеніе, будто можно было бы такимъ способомъ освободиться отъ рабства и избѣжать войны, очень далеко отъ истины. Аристократическое правительство, подобное правительству Великобританіи въ 1832 году, могло уничтожить рабство въ немногихъ мелкихъ владѣніяхъ, возложивъ бремя выкупа на своихъ подданныхъ, но демократическое правительство и въ столь обширныхъ размѣрахъ не могло бы сдѣлать ничего подобнаго. Великобританія, собственно, и не предотвращала войны, выплачивая вознагражденіе вестъ-индскимъ плантаторамъ, ибо тѣ не въ состояніи бы были съ оружіемъ въ рукахъ противиться освобожденію своихъ рабовъ; и если рабовъ этихъ можно было быстрѣе освободить при выдачѣ вознагражденія, чѣмъ безъ него, то только лишь потому, что въ британскомъ парламентѣ нераздѣльно господствовалъ тогда классъ людей, заинтересованныхъ въ поддержаніи признанныхъ закономъ несправедливостей. Будь тогда народъ представленъ въ парламентѣ хотя бы въ такой же мѣрѣ, какъ теперь, и отмѣну рабства въ Вестъ-Индіи можно было

бы осуществить безъ выдачи вознагражденія гораздо легче, чѣмъ съ выдачей. Въ Соединенныхъ Штатахъ отмѣна рабства съ выдачей вознагражденія никогда не предлагалась въ качествѣ практичной мѣры, и какъ практичную мѣру ее нельзя было бы предлагать даже и тогда, когда чувства, враждебныя рабству, стали бы проявляться сильнѣе, чѣмъ у насъ передъ войной. Война возникла у насъ въ такое время, когда серьезно помышляло объ отмѣнѣ рабства лишь незначительное меньшинство, и когда никому еще и въ голову не приходило задаваться вопросомъ о вознагражденіи, — когда никто, въ сущности, даже и не думалъ о войнѣ. Она возникла у насъ сама собой, какъ слѣдствіе того неустойчиваго равновѣсія, которое устанавливается всюду узаконенной неправдой; какъ слѣдствіе тѣхъ столкновений и пирательствъ, которыя неизбѣжно обнаруживаются тамъ, гдѣ нравственное чувство начинаетъ возмущаться неправдой, хотя бы еще въ то время, когда главный вопросъ остается незатронутымъ. Она возникла у насъ не изъ-за требованія вознагражденія съ одной стороны и отказа дать его — съ другой, а изъ-за той робости, съ какой обсуждался главный вопросъ людьми, уже сознававшими полную несправедливость рабства. Своими уступками и компромиссами они достигали только того, что рабовладѣльческая партія лишь усиливалась и становилась увѣреннѣе въ своихъ требованіяхъ и не задумалась потомъ подвергнуть націю всѣмъ ужасамъ войны при первой же попыткѣ къ реформамъ, несравненно менѣе рѣшительнымъ, чѣмъ освобожденіе рабовъ съ выдачей вознагражденія.

Этотъ доводъ въ защиту вознагражденія, въ сущности, сводится къ увѣренію, будто подчиниться неправдѣ выгоднѣе, чѣмъ бороться за правду. Тогда какъ всеобщій опытъ доказываетъ намъ, что всякій народъ, который слѣдуетъ этой доктринѣ подчиненія, роковымъ образомъ утрачиваетъ независимость и свободу, не достигая даже мира. Миръ,

который становится возможнымъ для него, есть лишь тотъ миръ, который римляне покупали у варваровъ въ періодъ паденія, — миръ феллаховъ и обитателей Бенгальской области.

Даже въ личныхъ дѣлахъ бываетъ крайне трудно предсказать результатъ дѣйствія, основаннаго лишь на расчетѣ; въ дѣлахъ же государственныхъ, несравненно болѣе сложныхъ и запутанныхъ, такое предсказаніе и вовсе невозможно. Потому-то, какъ это признавалось г. Спенсеромъ въ „Общественной статикѣ“, истинная мудрость всегда предписываетъ намъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ слѣдовать принципу: „дѣлай не то, что кажется цѣлесообразнымъ, а то, что согласуется съ требованіями справедливости“. Если какой-либо законъ или учрежденіе несправедливы, если существованіе ихъ означаетъ собой продолженіе неправды, тогда есть лишь одинъ мудрый и справедливый образъ дѣйствія, это — заботиться объ ихъ уничтоженіи.

Вернемся къ главному вопросу.

Всѣ доводы въ пользу вознагражденія при уничтоженіи неравенства правъ на землю, по существу дѣла, направлены къ тому, чтобы оправдать неисполненіе нравственныхъ требованій и продолженіе несправедливостей; всѣ они представляютъ изъ себя лишь отрицаніе равенства, этого основнаго условія справедливости. И всякій честный человѣкъ, разобравшись въ своихъ мысляхъ, согласится, что, если когда-либо они и казались ему убѣдительными, такъ это только потому, что онъ относился сочувственно къ людямъ, для которыхъ была выгодна неправда, и отказывалъ въ своемъ вниманіи людямъ, которые страдали отъ нея. Онъ думалъ лишь о немногихъ лицахъ, о томъ, что они лишатся своего дохода изъ-за возстановленія равенства правъ, и забывалъ о массѣ, которая нищаетъ, развращается и гибнетъ изъ-за неравенства. Свергнувъ съ себя тираннію привычныхъ идей и уяснивъ себѣ полное значеніе того факта, что безъ равнаго права на пользованіе землею люди не могутъ

жить подобающей имъ жизнью и развивать своихъ способностей, онъ неизбежно придетъ къ убѣжденію, что требованіе вознагражденія при уничтоженіи земельной монополіи несправедливо и безнравственно. Онъ не преминетъ замѣтить, что, если кого слѣдуетъ вознаграждать при уничтоженіи земельной монополіи, такъ это людей, которые страдали отъ нея.

Частная собственность на землю, — распространеніе на землю того права, которое съ полнымъ основаніемъ прилагается къ произведеніямъ труда, — есть отрицаніе истиннаго права собственности, которымъ ограждается за каждымъ человѣкомъ равное право на трудъ и исключительное право на его результаты. Оно отличается отъ рабства только лишь по формѣ. Рабство дѣлаетъ собственностью личный факторъ производства, частная собственность на землю — незамѣнимый естественный. И въ обоихъ случаяхъ, при тождествѣ цѣлей, получается одинъ и тотъ же результатъ: принудительная работа однихъ людей на другихъ. Потому отмѣна частной собственности на землю означала бы собой не нарушеніе какого-либо права, а уничтоженіе неправды: согласованіе государственнаго закона съ нравственнымъ и признаніе собственностью каждаго человѣка всего того, что принадлежитъ ему на самомъ дѣлѣ.

Я остановился такъ долго на вопросѣ о вознагражденіи только лишь въ виду того, что ему придають особое значеніе защитники существующей системы землевладѣнія, но отнюдь не потому, чтобы онъ находился въ органической связи съ какимъ-либо изъ моихъ требованій. Признавая за наилучшій тотъ естественный и, слѣдовательно, легкій способъ возстановленія равенства правъ, который мы называемъ, въ отличіе отъ разныхъ плановъ націонализаціи земли, системой единого налога, мы не предлагаемъ отбирать у собственниковъ земли ихъ теперешнихъ владѣній. Мы предлагаемъ оставить за ними все то, чѣмъ они вла-

дѣютъ теперь, хотя бы въ результатѣ несправедливостей; мы не требуемъ даже измѣненія самыхъ формъ владѣнія землей или расширенія функцій государства при осложненіи его механизма. Мы предлагаемъ измѣнить лишь теперешніе способы собиранія общественныхъ доходовъ такимъ образомъ, чтобы они согласованы были съ требованіями права собственности, чтобы государство брало на удовлетвореніе государственныхъ потребностей то, что принадлежитъ государству, и оставляло у индивидуума то, что по праву принадлежитъ индивидууму.

Но тотъ неуклюжій способъ отмѣны частной собственности на землю, который именуется націонализацией земли, по самой сути дѣла, требуетъ отобранія законной собственности въ видѣ улучшеній, неотдѣлимыхъ отъ земли. И защитники этого способа волей-неволей должны упоминать о вознагражденіи собственниковъ, которое понимается многими, по недоразумѣнію, какъ вознагражденіе за лишеніе права собственности на землю. Да и самое отобраніе земли, которое предлагается ими, должно было бы совершиться въ формѣ отобранія собственности. Земля должна была бы формально перейти къ государству и затѣмъ уже стала бы сдаваться желающимъ. Это обстоятельство тоже не мало содѣйствуетъ росту симпатій къ идеѣ вознагражденія землевладѣльцевъ въ средѣ людей, которые вдумываются въ предметъ недостаточно глубоко. Привыкнувъ къ мысли о вполнѣ справедливомъ вознагражденіи собственниковъ земли въ тѣхъ случаяхъ, когда государство отбираетъ ее лишь у нѣкоторыхъ лицъ для какихъ-либо общественныхъ надобностей, они легко приходятъ къ заключенію о справедливости такого вознагражденія и въ томъ случаѣ, когда государство отобрало бы землю у всѣхъ собственниковъ съ цѣлью сдавать ее отъ себя отдѣльнымъ лицамъ. Такимъ образомъ идея вознагражденія находитъ для себя въ планахъ націонализации земли такую поддержку, какой она никогда

не могла бы имѣть внѣ этихъ чисто случайныхъ обстоятельствъ.

Вотъ почему въ Англіи, гдѣ не мало было толковъ о націонализаціи земли, мысль о вознагражденіи держится довольно крѣпко среди нѣкоторыхъ классовъ общества, тогда какъ въ Америкѣ, гдѣ движеніе въ пользу возстановленія равенства правъ на пользованіе землею съ самаго же начала было направлено въ сторону единого налога, она пробивается кой-гдѣ наружу лишь въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, да и то подъ вліяніемъ англійской литературы. И вотъ почему въ Англіи, гдѣ приверженцы націонализаціи земли все же слабы и немногочисленны, сравнительно съ огромной массой людей, охраняющихъ несправедливыя привилегіи лэндлордовъ при посредствѣ существующей системы налоговъ, защитники лэндлордскихъ интересовъ, касаясь земельного вопроса, пытаются всегда представить дѣло въ такомъ видѣ, что будто бы предлагается единственно лишь фактическое отобраніе земли государствомъ. Эта попытка замѣтна и у г. Спенсера въ его „Справедливости“, гдѣ онъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о предложеніи достигнуть равенства правъ на землю путемъ отобранія земельныхъ цѣнностей, а не земли. Онъ знаетъ, конечно, что именно этимъ путемъ можетъ быть уничтожена власть лэндлордовъ, и не упоминаетъ о немъ только лишь потому, что ему нельзя было бы тогда выказать себя сторонникомъ вознагражденія. Толковать о вознагражденіи конечныхъ плательщиковъ налога было бы ужъ слишкомъ дико и нелѣпо.

Основная ошибка защитниковъ націонализаціи земли заключается въ томъ, что они смѣшиваютъ равныя права съ общими и путаютъ затѣмъ въ пониманіи экономической ренты, ея значенія и природы,—что, собственно, уже было указано мною при разборѣ заявленій г. Спенсера въ „Общественной статикѣ“. Въ сущности, право на пользованіе

землею есть не совокупное или общее право, а равное право; совокупное или общее право мы имѣемъ лишь на ренту, въ экономическомъ смыслѣ этого слова. Потому для государства нѣтъ никакой необходимости отбирать землю; необходимо лишь, чтобы оно отобрало ренту. И это отображеніе народомъ того, что по праву должно быть общимъ достояніемъ, само по себѣ уже обезпечило бы равенство правъ на пользованіе землей. Владѣніе землей стало бы выгодно лишь для людей, которые могутъ ею пользоваться надлежащимъ образомъ; захвату земель былъ бы положенъ конецъ, и всякій, желающій пользоваться землею, не встрѣчалъ бы болѣе помѣхъ къ ея приобрѣтенію. Но въ то же время при этомъ было бы обезпечено за каждымъ человѣкомъ также его индивидуальное право, ибо, воспользовавшись общимъ достояніемъ для удовлетворенія общественныхъ нуждъ, государство могло бы уничтожить всѣ тѣ налоги, въ которыхъ отбирается теперь у индивидуумовъ собственность, принадлежащая имъ въ силу ихъ индивидуальнаго права.

Въ сущности, всѣ эти таможенные пошлины, подоходные налоги, сборы съ недвижимости, съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, пошлины съ наслѣдствъ и т. п., представляютъ собой грубое нарушеніе истиннаго права собственности, тѣмъ болѣе опасное и зловѣщее, что оно совершается государствомъ. Но въ нихъ нѣтъ никакой необходимости. Кажущаяся необходимость ихъ вытекаетъ только лишь изъ нежеланія государства пользоваться своимъ естественнымъ и законнымъ источникомъ дохода. И это нежеланіе, съ другой стороны, приводитъ къ цѣлому ряду тяжелыхъ слѣдствій въ виду того, что имъ поддерживается захватъ и монополизациа земли. Обнаруживается искусственный недостатокъ въ первичномъ элементѣ, необходимомъ для жизни и труда; среди неисчерпаемыхъ богатствъ природы на дозволеніе трудиться начинаютъ смотрѣть, какъ на милость; не взирая на огромный ростъ производительныхъ силъ, масса

людей живетъ лишь для того, чтобы бороться изъ-за поддержания жизни, и миллионы людей умираютъ прежде времени отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ и недостаточнаго питанія.

Не замаскировывая причинъ такого рода явленій, едва ли кто рѣшится утверждать, будто государство не можетъ взять себѣ принадлежащій ему доходъ у людей, захватившихъ его въ свои руки, не выдавъ имъ предварительно вознагражденія въ размѣрѣ капитализированной цѣнности ихъ будущихъ захватовъ.

Нельзя сдѣлать того, чтобы люди, получающіе прибыль отъ неправды, не понесли потерь при переходѣ къ справедливымъ отношеніямъ, какъ нельзя сдѣлать того, чтобы встрѣтились параллельныя линіи. Такова ужъ природа вещей. Но не будемъ, однако, забывать, что въ природѣ вещей также и то, что потери при этомъ бываютъ только относительными, а выигрышъ — абсолютнымъ. И всякій, кто вникнетъ въ предметъ, замѣтитъ, что при переходѣ отъ теперешняго противоестественнаго и несправедливаго способа собиранія общественныхъ доходовъ къ естественному и справедливому окажутся въ огромномъ выигрышѣ даже тѣ люди, которые относительно должны потерять.

ГЛАВА XII.

„Справедливость“ — „Земельный вопрос“.

Въ „Справедливости“ незамѣтно слѣдовъ упадка умственной силы ея автора, и люди, знакомые съ предшествовавшими томами Синтетической философіи, безъ сомнѣнія, останутся при своемъ прежнемъ высокомъ мнѣніи объ его мыслительныхъ способностяхъ. Если что бросается въ ней въ глаза, сравнительно съ „Общественной статикой“, такъ это признаки нравственнаго паденія и та запутанность, которая неизбѣжно является тамъ, гдѣ писатель сознательно жертвуетъ своею честью. Однако было бы слишкомъ утомительно, да и бесполезно для нашихъ цѣлей, разбирать послѣдующія главы „Справедливости“, отмѣчать всѣ противорѣчія и ошибки, въ какія впадаетъ на каждомъ шагу г. Спенсеръ ¹⁾, и прослѣживать путь, какимъ онъ прихо-

¹⁾ Укажемъ одно только изъ такихъ противорѣчій, представляющее особый интересъ, какъ въ отношеніи того, что было уже рассмотрѣно нами, такъ и въ отношеніи того, что намъ еще предстоитъ рассмотретьъ. Въ главѣ XIV „О правѣ даренія и завѣщанія“ г. Спенсеръ заявляетъ:

„Едва ли кто будетъ возражать противъ того, что земля и все, „что на ней находится, должна признаваться полной собственностью людей, живущихъ на ней въ данное время. Потому право „собственности не можетъ быть истолковываемо въ томъ смыслѣ, „что имъ будто бы допускается, чтобы одно поколѣніе диктовало „другому, слѣдующему за нимъ, для какихъ цѣлей и на какихъ

дить къ отреченію отъ выраженныхъ имъ ранѣе мнѣній по такимъ предметамъ, какъ политическія права женщинъ или равенство политическихъ правъ мужчинъ. Чтобы закончить тотъ поперечный разрѣзъ, который предположенъ былъ нами вначалѣ, мы остановимся лишь на его послѣднемъ словѣ о земельномъ вопросѣ, на примѣчаніи, которое онъ дѣлаетъ къ главѣ „О правѣ пользованія природною средою“.

Примѣчаніе это помѣщено въ отдѣлѣ приложений къ „Справедливости“, въ составъ котораго входятъ: Приложение А: „Идея права у Канта“, упомянутое нами ранѣе; Приложение В: „Земельный вопросъ“; Приложение С: „Моральный мотивъ“, отвѣтъ на критическія замѣчанія Дж. Луэльна Дэвиса, и Приложение D: „Сознаніе у животныхъ“,—собственно, собраніе рассказовъ про собакъ.

Вся Синтетическая философія проникнута той мыслью, что за генезисомъ нравственныхъ понятій человѣка, какъ и всего его духовнаго міра, намъ надо направляться не кверху, а книзу. А чтобы заполнить пропасть, отдѣляющую человѣка отъ животныхъ, въ ней съ жадностью подбираются всевозможныя басни путешественниковъ, способныя унижить человѣка, и разнаго рода рассказы содѣлателей цирковъ и балагановъ про животныхъ, обладающихъ, будто бы, человѣческими способностями. Такимъ образомъ „Справедливость“ начинается съ „Нравственности у животныхъ“ и оканчивается рассказами про собакъ, при чемъ посвященное имъ приложение вдвое превосходитъ по величинѣ при-

„условіяхъ они могутъ пользоваться землей и тѣмъ, что находится на ней... Человѣкъ, который владѣетъ землей, признавая высшее „право собственности со стороны общества, подтверждаемое и нравственнымъ чувствомъ и закономъ, не можетъ, конечно, указывать „въ своемъ завѣщаніи тотъ родъ пользованія его землей, которымъ предполагается постоянное отчужденіе ея отъ общества“.

ложеніе, посвященное „Земельному вопросу“, и иллюстрировано, сверхъ того, діаграммами ¹⁾.

Эти рассказы про собакъ оказываются, во всякомъ случаѣ, самымъ подходящимъ добавленіемъ къ рассказамъ про ди-карей, которыми такъ богато изукрашены страницы Синтетической философіи благодаря содѣйствию читателей. Но тотъ грубый буквальный смыслъ, въ какомъ завѣдомо истолковываются г. Спенсеромъ всѣ образы и метафоры въ языкѣ племенъ, стоящихъ близко къ природѣ, представляетъ

¹⁾ Рассказы про собакъ, которыми заканчивается эта книга, увѣнчивающая Синтетическую философію, были присланы г. Спенсеру г. Т. Манномъ Джонзомъ изъ Девона съ такою замѣткою:

„Милостивый Государь! Нижеслѣдующія тщательныя наблюденія надъ животными, иными, чѣмъ человѣкъ, мнѣ думается, „должны заинтересовать васъ, такъ какъ ими подкрѣпляется ваша „мысль о томъ, что идея долга или обязанности можетъ имѣть не „сверхъ-естественное происхожденіе. Слово „сверхъ-естественный“ „я употребляю въ обычномъ смыслѣ, не связывая съ нимъ ка-„кихъ-либо метафизическихъ представлений“.

Эти „тщательныя наблюденія“ г. Спенсеръ признаетъ „въ высшей степени замѣчательными и поучительными“, „подтверждающими его выводы“, а самого г. Джонза,—конечно, за эти его наблюденія,—г. Спенсеръ называетъ „внимательнымъ и осторожнымъ наблюдателемъ, на котораго можно вполнѣ полагаться“. Чтобы дать понятіе объ этихъ наблюденіяхъ, я приведу одно изъ нихъ, не заключающее въ себѣ діаграммъ и, потому, допускающее перепечатку:

„Чувство долга можетъ быть развито, какъ „стремленіе подчиняться влеченіямъ высшаго „порядка, сдерживая въ себѣ наиболѣе сильныя „побужденія животной природы. Примѣръ:

„Сука, жившая у меня много лѣтъ тому назадъ, въ извѣстное „время выказывала большое удовольствіе при всякомъ вниманіи „къ ней со стороны кобелей. Въ такое время я не держалъ ее на „привязи, но много разъ останавливалъ лишь однимъ голо-„сомъ. Чрезъ это въ ней возникло столь полное сознаніе долга, „что она умерла дѣвственницей уже въ возрастѣ тринадцати съ „половиною лѣтъ“.

изъ себя едва ли не самый комичный элементъ во всей этой забавной коллекціи. Я затрудняюсь даже привести примѣръ его своеобразныхъ толкованій,—такъ великъ предомною выборъ. Возьму первый попавшійся,—изъ главы „О религіозной идеѣ“ въ „Основаніяхъ соціологіи“. Г. Спенсеръ показываетъ сначала, какимъ образомъ менѣе цивилизованные люди, которыхъ онъ безразлично называетъ дикарями, отъ принятія такихъ фамильныхъ названій, какъ „волкъ“, и отъ обычая давать сильнымъ людямъ прозвище „медвѣдя“, пришли къ тому вѣрованію, что предки ихъ превратились въ животныхъ. Сдѣлавъ это, къ своему собственному удовольствію и къ удовольствію людей, которые ставятъ его выше Аристотеля, онъ показываетъ, „какъ естественно могло произойти отождествленіе звѣздъ съ личностями“. Напомнивъ такъ называемое „вѣрованіе“ нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ племенъ, будто болѣе яркія звѣзды Млечнаго пути „суть огни, разведенные ихъ умершими предками по дорогѣ въ другой міръ“, онъ рассуждаетъ такимъ образомъ:

«Когда охотникъ, услышавъ выстрѣлъ въ сосѣднемъ лѣсу, говоритъ: „Это—Джонъ“, то, конечно, своими словами онъ хочетъ сказать не то, что Джонъ есть этотъ звукъ, а то, что звукъ этотъ произведенъ Джономъ. Но, когда дикарь, показывая на звѣзду, которую онъ считаетъ за огонекъ того или другого умершаго человѣка, говоритъ: „Это—онъ“, тогда его дѣти, слушая его, естественно предполагаютъ, что именно звѣзда-то и есть этотъ умершій человѣкъ,—тѣмъ болѣе, что и самый разговоръ ихъ ведется на неразвитомъ языкѣ».—Основанія соціологіи, т. II, стр. 685 (англ. изд.).

«О, какъ несчастны всѣ индѣйцы!»

Что стало бы съ бѣдными дѣтьми дикарей, если бы ихъ языкъ оказался въ состояніи передавать такія вещи, какія мы сплошь и рядомъ передаемъ на своемъ развитомъ

языкъ, какъ наримѣръ: „Она—это только что распустившаяся роза!“ или: „Онъ—это чистѣйшая деревьяжка!“ и т. п.?

Обратимся однако къ наиболѣе важному для насъ, къ тому, что высказывается г. Спенсеромъ по земельному вопросу въ той его книгѣ, которой онъ придаетъ наибольшее значеніе въ системѣ великой Синтетической эволюціонной философіи,—въ той книгѣ, которая начинается съ „нравственности животныхъ“ и оканчивается рассказами про собакъ. Вотъ, во всей его цѣлости, интересующее насъ приложеніе:

Приложеніе В.-Земельный вопросъ.

«Путь, какимъ шло развитіе природы, „обогранный кровью и усѣянный костями“, былъ, въ болѣе высокихъ областяхъ, путемъ развитія цивилизаціи. Мечъ и огонь объединяли небольшія группы людей въ болѣе крупныя, эти болѣе крупныя въ еще болѣе крупныя и т. д. до тѣхъ поръ, пока не образовались націи. Этотъ процессъ, опиравшійся на грубую силу, всюду сопровождался нескончаемымъ рядомъ жестокостей: дикія племена медленно соединялись при помощи дикихъ средствъ. Мы не были бы въ состояніи, если бы и захотѣли, прослѣдить всѣ тѣ акты грубаго насилія, которые совершены были за время нѣсколькихъ тысячелѣтій; да если бы прослѣдили ихъ, то все же не могли бы исправить зла, причиненнаго ими.

«Земельная собственность устанавливалась вмѣстѣ съ развитіемъ этого процесса, и, если по своему происхожденію она была исполнена несправедливостей, эти несправедливости совершены были не предками какого-либо класса нынѣ живущихъ людей, а предками всѣхъ нынѣ живущихъ людей. Далекіе прадѣды теперешнихъ англичанъ были разбойниками, которые похитили землю у людей, подобнымъ же образомъ ограбившихъ своихъ предшествен-

«никовъ, такихъ же разбойниковъ. Норманнскіе захваты, «гдѣ полные, а гдѣ частичные, касались земель, которыя «за нѣсколько столѣтій до того захвачены были пиратствовав- «шими датчанами и варягами и отчасти, нѣсколько ранѣе, «нахлынувшими ордами фризскихъ и древне-англійскихъ «племенъ. А изгнанные или поработанные послѣдними «кельтскіе собственники въ болѣе древнее время сами от- «няли землю у людей, населявшихъ землянки, слѣды кото- «рыхъ до сего времени еще попадаются то тутъ, то тамъ. «Что произошло бы, если бы мы вздумали вернуть неспра- «ведливо присвоенныя земли ихъ первоначальнымъ соб- «ственникамъ,—если бы норманны должны были вернуть «земли датчанамъ, варягамъ или фризамъ, эти—кельтамъ, а «кельты—тѣмъ людямъ, которые жили въ пещерахъ и поль- «зовались кремневыми орудіями? Вѣдь прежде всего при- «шлось бы отдать всю Великобританію валлійцамъ и горнымъ «шотландцамъ, и уже они могли бы воспротивиться дальнѣй- «шей передачѣ на томъ основаніи, что они не только от- «няли землю у туземцевъ, но также перебили ихъ и тѣмъ «узаконили свое право собственности!

«Въ настоящее время многіе выражаютъ желаніе, чтобы «право собственности на землю согласовано было съ требо- «ваніями отвлеченной справедливости. Желаніе это, само по «себѣ, заслуживаетъ полнаго сочувствія, и среди нѣкото- «рыхъ лицъ оно поддерживается цѣликомъ внушеніями со- «вѣсти. Но какъ было бы хорошо, если бы лица эти по- «требовали, чтобы не только здѣсь, но и во всѣхъ стра- «нахъ, которыя мы населяемъ, удовлетворены были требо- «ванія отвлеченной справедливости. Однако негодованіе «противъ несправедливаго захвата земли, сдѣланнаго въ «минувшія времена въ Великобританіи, не сопутствуется не- «годованіемъ противъ несправедливыхъ захватовъ, совер- «шающихся въ настоящее время на сторонѣ въ колоніяхъ. «Какъ обладатель высшей государственной власти и какъ

«поставщикъ солдатъ для нашихъ войскъ, народъ отвѣт-
«ственъ за тѣ гнусныя дѣянія, которыя совершаются по-
«всюду и оканчиваются захватомъ новыхъ земель и обез-
«земеліемъ жителей. Разбойническія походы древнихъ
«англичанъ повторяются въ несравненно большихъ размѣ-
«рахъ теперешними англичанами въ ихъ военныхъ пред-
«пріятіяхъ. И тѣмъ не менѣе люди, которые съ омерзениемъ
«говорятъ о древнихъ покушеніяхъ на чужую собственность,
«ни слова не скажутъ противъ этихъ новыхъ несравненно
«большихъ покушеній, мало того, становятся даже пособниками
«и участниками въ нихъ. Оставаясь бездѣтельными и без-
«гласными въ то время, когда ихъ протестъ могъ бы оста-
«новить это повсемѣстное земельное хищеніе, и даже достав-
«ляя солдатъ для его выполненія, они сами становятся ви-
«новными въ немъ. Черезъ своихъ представителей народъ
«совершаетъ повсюду болѣе тяжкія и многочисленныя пре-
«ступленія, чѣмъ тѣ, какія совершены были нѣкогда пред-
«ками нынѣ живущихъ поколѣній.

«Что масса безземельнаго люда видитъ въ частной соб-
«ственности на землю несправедливое учрежденіе — это
«вполнѣ естественно, и мы знаемъ, что она не ошибается.
«Но, когда заходитъ рѣчь о томъ, какъ поправить дѣло,
«тогда сразу же возникаетъ вопросъ: кто же обидчикъ, и
«гдѣ обиженные. Минуя тотъ первичный фактъ, что предки
«теперешнихъ англичанъ какъ владѣющихъ землей, такъ
«и безземельныхъ, вообще говоря, были люди, которые си-
«лой отняли землю у ея первоначальныхъ собственниковъ,
«и останавливаясь лишь на тѣхъ насиліяхъ и обманахъ,
«посредствомъ которыхъ нѣкоторые изъ этихъ предковъ
«обезземелили прочихъ,—спросимъ себя: гдѣ потомки обез-
«земелившихъ, и гдѣ потомки обезземеленныхъ. Обыкновенно
«думаютъ, что теперешніе собственники земли—потомки
«первыхъ, а люди, лишенные теперь земли, потомки вто-
«рыхъ. Но это далеко отъ истины. Въ сущности, среди

«знати есть очень немного людей, права которых восхо-
«дили бы къ тому времени, когда совершены были послѣд-
«ніе захваты; о времени первыхъ захватовъ—нечего и го-
«ворить. Множество лицъ среди теперешнихъ собственни-
«ковъ земли носить фамиліи, указывающія на то, что предки
«ихъ были ремесленниками. Факты эти не оставляютъ сомнѣ-
«нія въ томъ, что въ лицѣ теперешнихъ собственниковъ
«земли мы не встрѣтились бы съ потомками людей, неспра-
«ведливо присвоившихъ себѣ землю. И обратно. Среди без-
«земельныхъ людей есть очень не мало такихъ, которые
«носятъ фамиліи, свидѣтельствующія о томъ, что предки
«ихъ принадлежали къ высшимъ классамъ (и число такихъ
«должно быть удвоено для того, чтобы приняты были во
«вниманіе браки въ женскихъ линіяхъ). Это показываетъ,
«что и среди людей, у которыхъ нѣтъ теперь земли, най-
«дется много такихъ, въ жилахъ которыхъ течетъ кровь
«прежнихъ земельныхъ хищниковъ. А потому то чувство
«обида, которое испытываютъ, вдумываясь въ прошлое,
«люди, лишенные земли, по отношенію къ теперешнимъ ея
«собственникамъ, оказывается направленнымъ далеко не въ
«сторону истинно виноватыхъ. Люди эти сами оказываются въ
«значительной мѣрѣ потомками обидчиковъ, и ихъ чувство
«можетъ направляться какъ разъ противъ потомковъ оби-
«женныхъ.

«Но даже принявъ за несомнѣнное все то, что говорится
«о прошлыхъ несправедливостяхъ, и признавъ ничтожными
«всѣ другія препятствія къ возстановленію справедливаго
«порядка, мы все же должны бы были считаться съ однимъ
«препятствіемъ, которому вообще удѣляютъ слишкомъ мало
«вниманія. Даже допустивъ, что англійскій народъ сдѣлалъ
«землю своей собственностью справедливымъ путемъ—чего
«на дѣлѣ не было; даже допустивъ, что теперешніе соб-
«ственники земли суть потомки людей, которые ограбили
«нѣкогда своихъ собратьевъ—чего нѣтъ на дѣлѣ въ значи-

«тельной мѣрѣ, и даже допустивъ, что теперешній беззе-
«мельный людъ состоитъ изъ потомковъ ограбленныхъ—
«чего тоже на дѣлѣ нѣтъ,—мы все же должны бы были
«признать наличность одной сдѣлки, составляющей сильную
«помѣху къ исправленію несправедливости. Ужъ если счи-
«таться съ прошлымъ, такъ надо считаться во всемъ и
«надо принять въ соображеніе не только то, что терялъ
«народъ при обращеніи земель въ частную собственность,
«но также и то, что онъ получалъ въ возмѣръ, какъ из-
«вѣстную долю вознагражденія. Я говорю о налогѣ въ
«пользу бѣдныхъ. Г. Меккэй, авторъ книги о бѣдныхъ въ
«Англіи, любезно доставилъ мнѣ нижеслѣдующія замѣтки,
«въ которыхъ опредѣлена болѣе или менѣе точно общая
«сумма налоговъ въ пользу бѣдныхъ со времени Елиза-
«веты (1601 г.) въ Англіи и Уэльсѣ:

Никользъ („Исторія законодательства о бѣдныхъ“) не рѣшается
приводить цифры налога ранѣе 1688 г. Для этого года онъ опре-
дѣляетъ сумму налога въ пользу бѣдныхъ приблизительно въ
7 мил. рублей (700.000 ф. стерл.). До начала девятнадцатаго сто-
лѣтія цифры налога приводятся болѣею частью приблизительныя

	Милліоны рублей.
1601—1630 приблизительно	30
1631—1701 (Для 1688 г. у Никольза принято 7 м. р.) . . .	300
1701—1720 (Для 1701 г. у Никольза принято 9 м. р.) . . .	200
1721—1760 (Для 1760 г. у Никольза принято 12,5 м. р.) . .	400
1761—1775 (Для 1775 г. принято 15 м. р.)	220
1776—1800 (Для 1784 г. принято 20 м. р.)	500
1801—1812 (Для 1803 г.—40 м. р.; для 1813 г.—60 м. р.) . .	650
1813—1840 (По точнымъ даннымъ Никольза)	1.700
1841—1890 (По даннымъ Мельголла и офиц. ежегодника) .	3.340
	7.340

«Эта цифра представляетъ сумму, израсходованную
«на помощь бѣднымъ. Подъ общимъ названіемъ налога „въ
«пользу бѣдныхъ“ въ Англіи всегда собирались деньги

«также и на другія надобности—на земскіе и городскіе «расходы, на содержаніе полиціи и т. п. Приведенная ниже «табличка показываетъ для нѣкоторыхъ лѣтъ общую сумму «налога и сумму, израсходованную на бѣдныхъ:

	Годы.	Общая сум- ма налога.	Израсходо- вано на бѣд- ныхъ.	Израсходо- вано на др. надобности (разность).
по Никользу	1803	53.480.000 р.	40.770.000 р.	12.710.000 р. (?)
	1813	86.468.410 „	66.561.060 „	19.907.350 „ (?)
	1853	65.224.120 „	49.390.640 „	15.833.410 „ (?)

		Общая сумма расходовъ.	Дѣйствительный расходъ.
по официалън. ежегоднику	1875	126.942.080 р.	74.884.810 р.
	1889	159.701.260 „	83.664.770 „

Слѣдовательно, сверхъ суммъ, приведенныхъ въ первой таб-
лицѣ, нужно считать на каждый годъ девятнадцатаго столѣтія
еще отъ 12 до 70 милліоновъ рублей расхода „на другія надоб-
ности“.

Мельголтъ, у котораго я заимствую цифры, относящіяся ко вре-
мени между 1853 и 1875 годами, не указываетъ этихъ „прочихъ
расходовъ“

«Конечно, изъ 7.340 милліоновъ рублей, выданныхъ бо-
«лѣе бѣднымъ членамъ безземельнаго класса въ теченіе
«трехъ столѣтій, нѣкоторая часть была собрана въ на-
«логахъ на дома, и лишь та часть, которая причиталась
«съ ренты, могла бы быть по праву отнесена въ счетъ
«суммъ, внесенныхъ собственниками земли. Отъ одного
«землевладѣльца, который, какъ королевскій совѣтникъ, не-
«рѣдко приглашается въ качествѣ эксперта для прекраще-
«нія споровъ, возникающихъ изъ-за неправильностей въ
«распредѣленіи мѣстныхъ налоговъ, я слышалъ отзывъ, что
«изъ всей суммы, полученной бѣдными, по меньшей мѣрѣ

«5.000 милліон. рублей были собраны въ налогахъ съ земли.
«Такимъ образомъ, даже оставляя безъ вниманія тотъ
«фактъ, что сумма эта составила изъ частей, на кото-
«рыя долженъ бы былъ за все время причитываться зна-
«чительный процентъ, мы все же должны бы были при-
«знать, что на искъ безземельныхъ, будь таковой предъ-
«явленъ, землевладѣльцы могли бы отвѣтить встрѣчнымъ
«искомъ и, быть можетъ, на болѣе крупную сумму.

«Собственно, безземельные не имѣютъ законнаго права
«на землю въ ея теперешнемъ состояніи,—расчищенную,
«осушенную, огороженную и застроенную; они имѣютъ
«право лишь на землю въ ея первобытномъ состояніи,—
«гдѣ каменистую, гдѣ болотистую, покрытую лѣсомъ, тер-
«новникомъ или верескомъ. Только эта земля есть соб-
«ственность общества, и естественно возникаетъ во-
«просъ: „Въ какомъ же отношеніи стоитъ эта первоначаль-
«ная „степная“ цѣнность земли къ той суммѣ, которую
«получили болѣе бѣдные изъ безземельныхъ за эти три сто-
«лѣтія. Вѣроятно, собственники земли признали бы очень
«высокой оцѣнкой 5 милліардовъ рублей за землю въ ея
«первобытномъ некультурномъ состояніи, когда она могла
«доставлять лишь дикихъ животныхъ и дикіе плоды.

«Когда въ „Общественной статикѣ“, изданной въ 1850 году,
«я сдѣлалъ изъ закона равной свободы тотъ выводъ, что
«земля не могла быть по праву отчуждена у общества, и
«доказывалъ, что, по уплатѣ вознагражденія существующимъ
«владѣльцамъ, она должна быть возвращена обществу,
«тогда я упустилъ изъ виду вышеизложенныя соображенія.
«Скажу болѣе. Я не видѣлъ тогда достаточно ясно тѣхъ
«послѣдствій, къ какимъ могла бы повести выдача возна-
«гражденія за всю ту цѣнность, какая придана была землѣ
«трудомъ нѣсколькихъ столѣтій. Какъ это можно замѣтить
«изъ гл. XI, я по-прежнему остаюсь вѣренъ той мысли, что
«совокупность людей, образующая общество, есть вер-

«ховная собственница земли, — той мысли, на которую опи-
«рается и юридическая наука и законодательная практика.
«Но я убѣдился, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи
«предмета, что индивидуальная собственность, подчиненная
«главенству государства, должна быть сохранена.

«Даже если бы и возможно было исправить тѣ неспра-
«ведливыя дѣленія, которыя совершены были въ теченіе
«минувшихъ тысячелѣтій; даже если бы и возможно было
«установить порядокъ, справедливый въ отвлеченіи, при-
«миравъ требованія сторонъ, прежнія и теперешнія, то
«все же наступившее вслѣдъ затѣмъ положеніе дѣлъ ока-
«залось бы менѣе желательнымъ, чѣмъ теперешнее. Оставляя
«въ сторонѣ всѣ чисто-финансовыя возраженія противъ
«націонализаціи (а ими все дѣло сводится къ нулю, такъ
«какъ платить пришлось бы больше, чѣмъ получать), доста-
«точно будетъ напомнить о крайнемъ несовершенствѣ упра-
«вленія общественными дѣлами сравнительно съ управленіемъ
«дѣлами частныхъ лицъ, чтобы убѣдиться въ несомнѣнности
«вреда отъ обращенія земли въ собственность государства.
«При существующемъ правѣ собственности, люди, которые
«хозяйствуютъ на землѣ, чувствуютъ непосредственную
«связь между своими усиліями и приобрѣтеніями; тогда какъ
«при системѣ государственной собственности, тѣ люди,
«которые хозяйствовали бы на землѣ, уже не чувствовали
«бы никакой такой связи, и казенщина сразу сказала бы
«въ огромныхъ упущеніяхъ».

Запутывался ли такъ философъ когда-либо ранѣе?

Г. Спенсеръ началъ въ 1850 году съ опредѣленія права
людей на землю. И это опредѣленіе было сдѣлано имъ
вполнѣ удовлетворительно, невзирая на нѣкоторую неточ-
ность, происшедшую отъ смѣшенія равнаго права съ общимъ
или совокупнымъ правомъ. Но въ 1892 году, уже заканчи-

вая систему синтетической философіи, онъ вступаетъ на ложный путь, и все идетъ кругомъ передъ его глазами: живые и мертвые; норманны, датчане, скандинавы, фризы, кельты, саксы, валлійцы и шотландскіе горцы; древніе и новые англичане; плебеи съ аристократическими фамиліями, аристократы съ демократическими и потомки по женской линіи, измѣнившіе свои фамиліи; старинные разбойники и современные грабители... Въ отчаяніи онъ обращается за помощью къ одному землевладѣльцу, королевскому совѣтнику, и окончательно вязнетъ въ англійскихъ законахъ о бѣдныхъ и въ длинномъ рядѣ статистическихъ цифръ.

Въ этомъ жалкомъ положеніи онъ сохраняетъ однако увѣренность, что идетъ по ранѣе избранной имъ вѣрной дорогѣ. „Я“, говоритъ онъ, „по-прежнему остаюсь вѣренъ той мысли, что совокупность людей, образующая общество, есть верховная собственница земли“.

Но, вотъ, въ его собственныхъ словахъ тотъ выводъ, который былъ сдѣланъ имъ первоначально въ „Общественной статикѣ“:

«Представимъ себѣ существъ, одинаково стремящихся къ удовлетворенію своихъ желаній; представимъ себѣ міръ, приспособленный къ удовлетворенію этихъ желаній, міръ, въ который эти существа рождаются одинаковымъ образомъ,—и мы тотчасъ же замѣтимъ, что они должны имѣть равныя права на пользованіе этимъ міромъ... Принципъ равноправности, стало-быть, не допускаетъ собственности на землю... Имъ утверждается, наперекоръ всѣмъ записямъ, обычаямъ и законамъ, право челоувѣчества, въ его цѣломъ, на земную поверхность».

Что признаетъ здѣсь г. Спенсеръ? Не то, что люди обладаютъ правомъ на пользованіе землею въ силу какого-либо акта даренія, завѣщанія или наслѣдованія, совершеннаго ихъ предками или прежде жившими людьми, а то, что они обладаютъ этимъ правомъ въ силу самого факта своего

существованія. Кто жилъ до нихъ на землѣ, и что дѣлали ихъ предки, въ данномъ случаѣ, не имѣетъ никакого значенія. Равное право на пользованіе землей принадлежитъ каждому человѣку, просто, какъ человѣку. Оно возникаетъ вмѣстѣ съ его рожденіемъ и сохраняетъ свою силу вплоть до его смерти. Оно не можетъ быть уничтожено или измѣнено никакимъ человѣческимъ дѣйствіемъ.

И именно такъ смотрятъ на дѣло всѣ тѣ люди, которые требуютъ возстановленія равенства правъ на землю. Если они и указываютъ иногда на прошлое, на незаконность совершавшихся захватовъ земли, то только лишь для того, — какъ это дѣлалъ и г. Спенсеръ въ „Общественной статикѣ“, — чтобы пояснить происхожденіе частной собственности на землю, а отнюдь не для того, чтобы обосновать свое требованіе, касающееся живыхъ людей, на незаконности какихъ-либо дѣяній, совершенныхъ уже умершими ¹⁾. Ни одинъ защитникъ равенства правъ на землю, — какъ и самъ г. Спенсеръ въ тѣ дни, когда онъ былъ „прямымъ“ человекомъ, — не становился на ту полоумную точку зрѣнія,

¹⁾ Я, съ своей стороны, неизмѣнно утверждалъ, что для насъ безразлично, какимъ образомъ земля обращена была въ частную собственность: силою или по добровольному соглашенію; что равное право на пользованіе ею есть неотчуждаемое право всѣхъ живущихъ людей, и что это право есть единственное и достаточное основаніе для требованія возстановить общность владѣнія землею. Такъ, въ 1881 г., въ книжкѣ „Ирландскій земельный вопросъ“ я писалъ:

„Обвиненіе, выставленное противъ ирландскихъ лэндлордовъ состоитъ не въ томъ, что ихъ предки или предки ихъ завѣщателей ограбили предковъ ирландскаго народа. Кому до нихъ какое дѣло? „Пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ“. Обвиненіе, выставленное противъ нихъ, заключается въ томъ, что они, здѣсь и теперь, грабятъ ирландскій народъ.... Тотъ, кто возбуждаетъ народныя страсти и раздуваетъ погасшую ненависть, есть величайшій врагъ народа. Другъ народа старается гасить ихъ всюду, гдѣ это возможно“.

съ которой оказывается, будто право на пользование землей может быть выводимо лишь изъ какого-то права, отнятаго у одного изъ прежнихъ поколѣній, ибо сдѣлать это значило бы допустить осмѣянное самимъ г. Спенсеромъ предположеніе, будто „Богъ далъ одну хартію привилегій одному поколѣнію и другую—другому, слѣдующему за нимъ“.

Но теперь тотъ же самый Гербертъ Спенсеръ уже открыто признаетъ, что единственный вопросъ, затрогивающій нравственную сторону права собственности на землю, есть вопросъ о томъ, кто и кѣмъ былъ ограбленъ въ такое время, о которомъ до насъ не дошло и воспоминаній, и когда всѣ были заняты тѣмъ, что грабили другъ друга. Онъ не только проглатываетъ свои собственные слова, отвергаетъ свои собственные мысли и прячетъ истину, о которой нѣкогда свидѣтельствовалъ, но пытается и все великое движеніе, направленное къ восстановленію равенства правъ на землю и съ силой обнаруживающееся во всѣхъ странахъ англійскаго языка, представить въ видѣ погони за исправленіемъ миновавшихъ несправедливостей, въ видѣ розыска какихъ-то предковъ, ограбившихъ другихъ какихъ-то предковъ,—утверждая, что пока, до окончанія этого розыска, частныя лица спокойно могутъ владѣть какъ своей собственностью неотчуждаемымъ достояніемъ всѣхъ людей. А вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ защитникъ богатыхъ противъ бѣдныхъ и сильныхъ противъ слабыхъ въ своей аргументаціи открыто заявляетъ, что трудящаяся масса въ Англіи, невѣжественная грубая и безсильная изъ-за того, что у ней отняли ея землю, будто бы, утратила свои естественныя права, служа пушечнымъ мясомъ и источникомъ денежныхъ средствъ для тѣхъ войнъ, которыя предпринимались правящими классами.

Все это очень некрасиво, но худшее однако впереди. Г. Спенсеръ изыскиваетъ еще особый смыслъ въ англійскихъ законахъ о бѣдныхъ.

Напомнимъ, что въ „Общественной статикѣ“ г. Спенсеръ провозглашалъ равное право всѣхъ людей на пользованіе землею какъ ихъ естественное, прямое и неотъемлемое право, вытекающее изъ самаго факта ихъ существованія. Онъ заявлялъ, что люди не могутъ быть лишены этого права безъ нарушенія требованій справедливости; что принципъ равноправности не допускаетъ частной собственности на землю, и что не можетъ быть такого способа, какимъ земля на самомъ дѣлѣ могла бы сдѣлаться частной собственностью. Онъ смѣялся надъ мыслью, будто сила можетъ создать право, и будто продажа, завѣщаніе или давность могутъ сдѣлать незаконныя притязанія законными. „Сколько бы разъ мы ни умножали ничто“, говорилъ онъ, „а въ результатѣ мы все равно никогда не получимъ единицы“.

„Чрезъ какое время бывшее первоначально несправедливостью становится справедливымъ?“—спрашивалъ онъ.— „Въ какой мѣрѣ, съ каждымъ годомъ, ошибочное право становится несомнѣннымъ?“ Онъ заявлялъ, что и пользованіе землею, и улучшенія въ ней или на ней, и даже добровольное согласіе всѣхъ нынѣ живущихъ людей не могли бы дать права собственности на землю какому-либо частному лицу или лишить равнаго права на пользованіе ею какого-либо вновь рожденного ребенка. И онъ доказывалъ, затѣмъ, что націонализація земли, которую онъ отстаивалъ тогда, какъ единственный способъ, могущій установить справедливое владѣніе землею, не заключаетъ въ себѣ требованія государственной опеки надъ землевладѣльцами.

Все это остается неопровергнутымъ въ „Справедливости“; остается неопровергнутымъ и то утвержденіе, что націонализація земли повела бы лишь къ перемѣнѣ въ лицахъ, получающихъ ренту, но не къ государственному владѣнію или пользованію землей. Г. Спенсеръ признаетъ, что онъ проглядѣлъ лишь двѣ вещи и только двѣ: отношеніе законовъ о бѣдныхъ къ правамъ собственности на землю и размѣръ

вознагражденія, которое безземельные должны были бы уплатить собственникамъ земли „за всю ту цѣнность, какая придана была землѣ трудомъ нѣсколькихъ столѣтій“.

Законы о бѣдныхъ однако уже не одинъ разъ останавливали на себѣ вниманіе г. Спенсера. Имъ посвящена была одна изъ главъ „Общественной статики“, уже цитированная нами; на нихъ ссылался онъ и въ своихъ недавнихъ писаніяхъ. Въ „Общественной статикѣ“ онъ признавалъ, что приводимое нерѣдко оправданіе законовъ о бѣдныхъ тѣмъ, что они служатъ, будто бы, средствомъ къ вознагражденію обездоленныхъ за отнятіе у нихъ ихъ природнаго права, на видъ очень похоже на правду. Онъ замѣчалъ только, что дѣйствительнымъ средствомъ можетъ быть лишь возстановленіе равенства правъ на землю, и что законы о бѣдныхъ на самомъ дѣлѣ не приводятъ къ вознагражденію обезземеленныхъ, такъ какъ налоги въ пользу бѣдныхъ уплачиваются главнымъ образомъ не-землевладѣльцами и только изрѣдка попадаютъ въ руки людей, лишившихся своего наслѣдія.

Въ 1884 году, въ „Грядущемъ рабствѣ“ онъ повторялъ свое утвержденіе, что не-землевладѣльцы не пользовались никакими благодѣяніями отъ законовъ о бѣдныхъ. Онъ писалъ:

„Деньги, которыя получали отъ прихода, въ силу прежнихъ законовъ о бѣдныхъ, полуразоренные рабочіе въ „качествѣ прибавки къ своей еженедѣльной заработной платѣ, въ сущности, не были тѣмъ благодѣяніемъ, какимъ онѣ могли казаться на первый взглядъ. Ибо выдача этихъ „денегъ“ сопровождалась соотвѣтственнымъ пониженіемъ заработной платы, которая возросла немедленно же вслѣдъ „за отмѣной этой системы субсидій“.

Въ „Грѣхахъ законодателей“ онъ повторялъ, что налоги въ пользу бѣдныхъ, минуя собственниковъ земли, въ сущности падаютъ на не-землевладѣльцевъ. Онъ писалъ:

„Въ прежнее время, благодаря законамъ о бѣдныхъ, „прилежные и предусмотрительные работники должны были „уплачивать столько налоговъ ради содержанія лѣнтяевъ, „что сами нерѣдко попадали въ рабочіе дома, не будучи „въ силахъ вынести тяжести платежей. Теперь положеніе „дѣлъ едва ли улучшилось. Налоги въ нашихъ большихъ „городахъ, поступающіе въ пользу мѣстныхъ обществен- „ныхъ учрежденій, достигли такой высоты, что увеличить „ихъ уже невозможно, не разоривъ мелкихъ торговцевъ и „ремесленниковъ, которымъ и безъ того довольно трудно „сводить концы съ концами“.

Однако, въ Приложеніи В г. Спенсеръ игнорируетъ все это. Онъ допускаетъ, что уплачивали налогъ въ пользу бѣдныхъ землевладѣльцы, а получали безземельные, и, составляя расчетъ между нынѣ живущими безземельными и нынѣ живущими лэндлордами, находитъ возможнымъ включить въ кредитъ послѣднихъ всю сумму этого налога, внесенную землевладѣльцами со времени королевы Елизаветы.

Онъ начинаетъ свой расчетъ съ 1601 года. Онъ записываетъ въ кредитъ лэндлордовъ и въ дебетъ безземельныхъ все то, что собрано было съ земли въ налогахъ въ пользу бѣдныхъ между 1601 и 1890 годами. Но что же затѣмъ ему слѣдовало сдѣлать? Какъ это знаетъ каждый бухгалтеръ, ему слѣдовало взять ту же самую дату, затѣмъ вписать въ дебетъ лэндлордовъ и кредитъ безземельныхъ всю поземельную ренту, полученную собственниками земли съ 1601 по 1890 годы. Къ ней надо было присоединить все то, что досталось землевладѣльцамъ между 1601 и 1890 годами изъ общей суммы налоговъ въ силу ихъ политической власти ¹⁾. А потомъ, туда же надо было впи-

¹⁾ Нѣкоторое понятіе о тѣхъ огромныхъ суммахъ, которыя получались англійскими землевладѣльцами съ придуманныхъ для нихъ должностей, можетъ дать „Альманахъ“ Ливерпульской ассоціаціи финансовыхъ реформъ.

сать стоимость всей англійской земли въ 1890 году за вычетомъ сдѣланныхъ въ ней улучшеній. Разность показала бы долгъ нынѣ живущихъ лэндлордовъ нынѣ живущимъ безземельнымъ, — но только лишь за время съ 1601 года.

Получился бы обыкновенный бухгалтерскій расчетъ между кредиторомъ и должникомъ за время съ 1601 по 1890 годы. Однако у г. Спенсера свое особое „синтетическое“ счетоводство. Вписавъ въ кредитъ лэндлордовъ и въ дебетъ безземельныхъ всю сумму налоговъ въ пользу бѣдныхъ, собранныхъ съ земли за время съ 1601 по 1890 годы, онъ оставляетъ безъ вниманія среднюю прибыль за все это время и вноситъ въ кредитъ безземельныхъ и въ дебетъ лэндлордовъ лишь стоимость англійской земли, при томъ не въ ея теперешнемъ видѣ, а въ ея „первобытномъ, некультурномъ состояніи, когда она могла доставлять лишь дикихъ животныхъ и дикіе плоды“, — т. е. когда на ней не было еще человѣка. Стоимость эту онъ исчисляетъ какимъ-то образомъ въ пять милліардовъ рублей и этой суммой забалансировываетъ счетъ при небольшомъ сальдо въ пользу лэндлордовъ.

Да, и щедръ же г. Спенсеръ къ несчастнымъ безземельнымъ! Не даромъ, видно, назвалъ онъ шестую часть своихъ „Основаній нравственности“ „Этику общественной жизни“ — „Положительной благотворительностью“. Развѣ, на самомъ дѣлѣ, не есть это самая широкая благотворительность, поставить кому-нибудь въ кредитъ его счета пять милліардовъ рублей за землю, которая доставляла только дикихъ животныхъ и дикіе плоды? Будь кто-нибудь другой на мѣстѣ г. Спенсера, и онъ, пожалуй, не назначилъ бы даже гривенника или даже пятиалтынного за землю Англій въ то время, когда на ней еще не появлялось человѣка.

ГЛАВА XIII.

Ректоръ Браунъ.

Чтобы охарактеризовать надлежащимъ образомъ конечный выводъ наиболѣе важнаго разсужденія важнѣйшей книги важнѣйшаго отдѣла великой Спенсеровской синтетической философіи, я позволю себѣ обратиться къ содѣйствію воображенія и представить нѣкоторую иллюстрацію.

Г. Браунъ незадолго до начала междоусобной войны считался однимъ изъ выдающихся гражданъ города Вексберга, въ штатѣ Миссиссиппи. Родился онъ въ Коннектикутѣ въ пуританской семьѣ и былъ воспитанъ въ привычкахъ къ бережливости. Вступивъ въ свѣтъ часовымъ мастеромъ, онъ еще молодымъ человѣкомъ эмигрировалъ въ ту часть Огейо, заселенную пришельцами изъ Новой Англіи, которая еще и теперь въ тѣхъ мѣстахъ извѣстна подъ именемъ Западнаго Резерва. Тамъ онъ сдѣлался школьнымъ учителемъ, присоединился къ мѣстному литературному обществу и произносилъ иногда рѣчи, сочувственно принимаемыя публикою, въ которыхъ онъ не колеблясь называлъ рабство суммой всѣхъ подлостей и настаивалъ на немедленномъ и безусловномъ освобожденіи негровъ. Нѣсколько позднѣе онъ перебрался на югъ и поселился въ Вексбергѣ, гдѣ сдѣлался сначала профессоромъ нравственной философіи въ женской семинаріи, а затѣмъ ректоромъ той же семинаріи. Своими благоразумными отзывами о своеобразномъ учрежденіи юга,

а равно глубокомысліемъ своихъ разсужденій, онъ снискалъ расположеніе лучшаго общества и сдѣлался самымъ дорогимъ гостемъ въ хлѣбосольныхъ семьяхъ болѣе богатыхъ плантаторовъ. Посѣтителямъ обыкновенно съ гордостью говорили о немъ: „О, это — ректоръ Браунъ, одна изъ нашихъ знаменитостей, — величайшій педагогъ и знатокъ нравственной философіи!“

Вопросъ объ уничтоженіи рабства становился тѣмъ временемъ все болѣе и болѣе злобою дня. Аболиціонистовъ еще не было ни въ Висксбергѣ, ни въ его окрестностяхъ, ибо всякій, кто подозрѣвался въ сочувствіи имъ, немедленно же подвергался суду Линча или отсылался на Сѣверъ въ костюмѣ изъ дегтя и перьевъ. Однако рабы нѣтъ-нѣтъ да и пропадали, между прочимъ имѣвшіе особую цѣнность, какъ обученные мастерствамъ; украдена была даже и переправлена тайнымъ образомъ въ Канаду очень цѣнная желтая дѣвочка, которой красота и совершенства были таковы, что владѣлецъ ея отказался взять за нее 5.000 долларовъ. И „общество“ въ Висксбергѣ все больше и больше приходило въ возбужденіе. Хотя никто тогда еще не предполагалъ, что воды Миссиссиппи вскорѣ обогрѣются кровью, и небо Висксберга станетъ озаряться разрывными снарядами, тѣмъ не менѣе на виду у всѣхъ тучи на сѣверѣ, несомнѣнно, становились все гуще и гуще, а въ „кровопролитномъ“ Канзасѣ уже разгоралась гериллясская война.

Межи ректора Брауна пока еще шли по прекраснымъ мѣстамъ, и ему оказывали всюду почтеніе, какъ великому философу, особенно тѣ люди, которые въ глубинѣ души считали его философію недостаточно вразумительной. Тутъ сказывались, конечно, свойства его краснорѣчія, его манера выражать свои понятія длиннѣйшими словами и дѣлать ссылки на людей, о которыхъ никто никогда и не слыхивалъ, и о которыхъ онъ могъ говорить все, что ему заблагоразсудится. Не пренебрегалъ онъ также и совѣтомъ Баль-

зака, и отъ поры до времени прибѣгаль къ такимъ сочетаніямъ словъ, которыя на видъ какъ будто имѣли какой-то смыслъ, но на самомъ дѣлѣ лишены были всякаго смысла. Люди тщетно ломали надъ ними голову и, стыдясь своего невѣжества, тѣмъ болѣе восхищались глубокомысліемъ философа.

Но въ одинъ несчастный день до Висксберга донесся нѣкоторый отголосокъ одной изъ его прежнихъ политическихъ рѣчей на Западномъ Резервѣ. Кое-кто изъ именитыхъ гражданъ счелъ за нужное съ нимъ объясниться. Пришлось солгать немножко, и всѣ успокоились. Предметъ былъ затронутъ лишь слегка, и положеніе ректора Брауна въ Висксбергѣ, въ общемъ, не измѣнилось.

Однако вслѣдъ затѣмъ случилось нѣчто худшее. Его преосвященство Dr. Сорли, одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ проповѣдниковъ южной методистской церкви, предпринялъ путешествіе въ Огейо, и на Западномъ Резервѣ прочелъ лекцію о библейской и патріархальной организаціи трудящихся, усвоенной нашими южными братьями. Кто-то изъ слушателей что-то возразилъ и въ подтвержденіе своихъ словъ сослался на какое-то мѣткое выраженіе друга епископа, ректора Брауна, сохранившееся у него въ памяти. Все обошлось бы благополучно, если бы висксбергская газета Перунъ, предвидя великую славу для Юга отъ посѣщенія Сѣвера краснорѣчивымъ защитникомъ южанъ, не вздумала отправить вмѣстѣ съ нимъ въ путешествіе своего особаго корреспондента, и если бы отчетъ о лекціи епископа не появился своевременно, вмѣстѣ со ссылкой на ректора Брауна, на столбцахъ газеты.

Дѣло приняло опасный оборотъ, и ректоръ Браунъ немедленно же отправилъ въ редакцію „Перуна“ рѣзкое и запальчивое письмо. Онъ выражалъ опасеніе, что, если онъ сохранилъ молчаніе, тогда за его лова будетъ принято то, что никогда имъ не было сказано; давалъ понять, что никогда не

бывалъ въ Огейо, а что, если и говорилъ въ свою бытность тамъ, говорилъ только лишь съ цѣлью подыскать сколько-нибудь твердое основаніе для рабовладѣнія; что онъ говорилъ лишь по отношенію къ трансцендентальной этикѣ, а отнюдь не по отношенію къ подлунной; что онъ всегда настаивалъ на томъ, чтобы рабовладѣльцы Юга были полностью вознаграждены за своихъ рабовъ; что онъ никогда не предполагалъ, чтобы вопросъ объ освобожденіи рабовъ могъ быть поднятъ теперь же, а не по истеченіи нѣсколькихъ милліоновъ лѣтъ, и что самое большое, что было имъ сказано, такъ это то, что ему кажется,—если только, вообще, есть нѣкоторое основаніе дѣлать подобные выводы,—что въ будущемъ рабы могутъ быть освобождены послѣ уплаты ихъ собственникамъ вознагражденія, превышающаго ихъ стоимость; но что онъ, въ сущности, не имѣетъ опредѣленнаго мнѣнія относительно того, что можетъ случиться впоследствии, и лишь убѣжденъ, что, если наступитъ когда либо время освобожденія, рабы во всякомъ случаѣ должны будутъ уплачивать своимъ господамъ, въ видѣ процентовъ на выкупную сумму, гораздо болѣе того, что они доставляютъ имъ теперь, въ видѣ своего труда.

Большинство гражданъ Висксберга, повидимому, вполне удовлетворилось этимъ объясненіемъ, однако все же нашлись и недовольные. Полковникъ Ф. Гринъ настоятельно просилъ патріотовъ не позволять себѣ по отношенію къ ректору Брауну такихъ крутыхъ мѣръ, какъ мазаніе дегтемъ и валяніе въ перьяхъ, а профессоръ Бульгедъ, изъ главной мужской семинаріи, въ своемъ письмѣ въ газету Перунъ, требовалъ отъ своего уважаемаго коллеги категорическаго отвѣта на вопросъ:

„Когда АВ покупаетъ на рынкѣ негра, то негръ этотъ становится ли его собственностью какъ съ нравственной, такъ и съ юридической точекъ зрѣнія“. Если да, то профессоръ Бульгедъ просилъ объяснить, что именно хотѣлъ сказать

его ученый и уважаемый другъ, говоря о возможности освобожденія негровъ, хотя бы по истеченіи милліоновъ лѣтъ; если же нѣтъ, то профессоръ Бульгедъ просилъ объяснить, съ какой стати рабы, прежде чѣмъ вернуть себѣ свою свободу, должны были бы уплачивать своимъ господамъ сумму, превышающую ихъ стоимость.

Свое письмо профессоръ Бульгедъ заканчивалъ нѣсколькими саркастическими замѣчаніями, касавшимися трансцендентальной этики.

Ректоръ Браунъ не отвѣтилъ на этотъ прямой вопросъ своего друга профессора Бульгеда, но постарался отдѣлаться отъ него поскорѣй, заявивъ, что между ними нѣтъ спора, ибо оба они признаютъ за каждымъ гражданиномъ право ставить къ работѣ и погонять своего раба, и пустился затѣмъ въ длинныя объясненія того отношенія, въ какомъ стоятъ другъ къ другу трансцендентальная и подлунная этики. Тѣмъ не менѣе было очевидно, что требовалось сдѣлать нѣчто большее, и въ газетахъ вскорѣ же появилось объявленіе о томъ, что ректоръ Браунъ рѣшилъ отложить на нѣкоторое время печатаніе XXIV и XXV тома своего обширнаго сочиненія по нравственной философіи и немедленно же выпустить XXVI томъ, содержащій главу о владѣніи рабами, которую онъ предполагаетъ прочесть гражданамъ Виксберга на публичномъ митингѣ.

Чтеніе это привлекло множество слушателей изъ высшаго общества Виксберга. Но явилось также нѣсколько и болѣе грубыхъ гражданъ, при чемъ одни изъ нихъ, прежде чѣмъ войти въ залу, сложили на заднемъ дворѣ какой-то длинный брусъ, принесенный ими съ собою, а другіе проходили съ ведрами, отъ которыхъ пахло, какъ будто, дегтемъ, и съ мѣшками, довольно объемистыми, но, очевидно, легкими. Однако лекція имѣла огромный успѣхъ, и по окончаніи ея ректору Брауну совсѣмъ было оттрепали руки его почитатели; восторженная толпа провожала его до дома и ликую

восклицала, что никогда еще не было въ Висксбергѣ такого разгрома любителей негровъ.

Хотя стройные періоды ректора мѣстами и пострадали отъ примѣси къ нимъ репортерскаго жаргона того времени, тѣмъ не менѣе я все же позволю себѣ привести здѣсь отчетъ объ этомъ чтеніи, появившійся на другой день въ газетѣ въ сопровожденіи самыхъ горячихъ похвалъ:—

(Изъ Висксбергскаго „Перуна“, отъ 19 іюня, 1859 г.).

Все, что есть у насъ въ Висксбергѣ богатаго, красиваго и наряднаго, въ полномъ составѣ собралось вчера вечеромъ послушать чтеніе по рабовладѣльческому вопросу нашего знаменитаго гражданина ректора Брауна, пользующагося огромной извѣстностью за свои сочиненія по нравственной философіи. Нашъ репортеръ насчиталъ въ залѣ тридцать семь полковниковъ, двоихъ майоровъ и тридцать двухъ судей, помимо пастырей всѣхъ главныхъ церквей. Жаль только,—какъ это и замѣчали многіе слушатели, когда они въ восторгѣ поздравляли другъ друга и ректора Брауна въ концѣ чтенія,—что въ числѣ присутствующихъ на немъ не было Вильяма Ллойда Гаррисона и Уэнделля Филлипса, ибо, если бы ихъ несчастныя раболюбивыя шкуры пробила хоть немножко глубокая ученость, несокрушимая логика и строго математическая манера доказательствъ ректора Брауна, вѣрно бы они очень побавили тону, даже если бы и не поняли всей преступности своего намѣренія ограбить вдовъ и сиротъ въ попыткѣ уничтожить наше мѣстное благотѣльное учрежденіе.

Многаго изъ чтенія ректора Брауна мы не можемъ сообщить нашимъ читателямъ сегодня же утромъ, ибо нашъ репортеръ, не будучи достаточно свѣдущимъ въ нравственной философіи, оказался не въ состояніи возстановить по своимъ замѣткамъ смыслъ нѣкоторыхъ глубокомысленныхъ изреченій ректора и не зналъ, какъ написать фамиліи кое-кого изъ упомянутыхъ имъ авторовъ. Кромѣ того, нѣкоторыя мѣста лекціи невозможно было записать вслѣдствіе шума, какой поднялся въ залѣ въ то время, когда ректоръ Браунъ коснулся нѣкоторыхъ вопросовъ трансцендентальной этики и заявилъ, будто онъ всегда держался и будетъ держаться того мнѣнія, что съ точки зрѣнія трансценден-

тальной этики всѣ люди приблизительно одинаковы. Однако полковникъ Джонсонъ поднялся съ своего мѣста и успокоилъ публику, пригласивъ ее сдержать свое волненіе и выждать дальнѣйшихъ объясненій ректора; когда же г. Браунъ объяснилъ, что трансцендентальная этика имѣетъ дѣло съ явленіями на той сторонѣ луны, а подлунная на этой, въ залѣ вновь водворилось молчаніе. Только къ концу чтенія ректоръ развернулся, что называется, во всю и довель присутствующихъ до высшей точки восхищенія и энтузіазма. Онъ говорилъ:

„Есть люди, которые увѣряютъ, будто негры изъ рабовладѣльческихъ областей Юга должны быть возвращены въ свою родную землю, по выплатѣ ими должнаго вознагражденія ихъ господамъ. Однако гдѣ мы найдемъ людей, которые привезли ихъ сюда? Одни рабы были доставлены сюда на испанскихъ корабляхъ, другіе на португальскихъ, голландскихъ, англійскихъ или американскихъ; ко-рабли эти давно уже сгнили или затонули, а собствен-ники ихъ и команда умерли, не оставивъ даже потомства, которое не было бы смѣшано съ прочими жителями нашей страны. Кромѣ того, они доставляли сюда негровъ лишь отъ торговцевъ съ африканскаго берега. Кто же скажетъ намъ, гдѣ именно взяты были предки cadaго изъ здѣшнихъ негровъ, и кѣмъ они были приведены къ берегу? Многіе изъ этихъ рабовъ носятъ такіа имена, какъ Браунъ, Смитъ, Джонъ и Симонъ, изъ коихъ видно, что таковы были фамиліи людей, которые доставили сюда ихъ предковъ. Тогда какъ другіе носятъ чисто личныя имена, какъ Цезарь, Ганнибалъ, Дикъ, Томъ, Гарри, Ефремъ, Александръ и Навуходоносоръ, изъ коихъ ровно ничего нельзя заключить о прошломъ ихъ предковъ: можетъ быть, они были вывезены изъ Африки, а можетъ быть, изъ Англій, изъ Италіи, изъ Іерусалима, изъ Греціи или Ассиріи. Да и что дѣлали эти негры для свободы: слышалъ ли кто-нибудь, чтобы они выражали свое сочувствіе къ не-

„зависимости Греціи, свой протестъ противъ русскаго на-
„шествія на Венгрію, или чтобы они содѣйствовали сколько-
„нибудь обращенію евреевъ въ христіанскую вѣру или от-
„правкѣ миссіонеровъ на острова Южнаго моря, гдѣ чело-
„вѣкъ еще чувствуетъ нужду въ духовномъ просвѣтлѣніи.
„И, наоборотъ, развѣ они не сочувствовали британской ти-
„ранніи, когда та захватывала нашу береговую линію, развѣ
„они не дѣлались наемниками короля Георга такъ же охотно,
„какъ защитниками своихъ патріотичныхъ господъ, боров-
„шихся за свободу? Да и теперь, когда рабъ бѣжитъ отъ
„своего владѣльца, гдѣ ищетъ онъ пристанища? Развѣ не
„направляется онъ прямехонько въ Канаду, страну, томя-
„щуюся подъ властью отжившей монархіи и управляемую
„какимъ-то аристократомъ-губернаторомъ съ неограничен-
„ными полномочіями? Людямъ, которые предлагаютъ надѣ-
„лать негровъ-рабовъ свободой и отправить ихъ затѣмъ
„на родину, выплативъ вознагражденіе ихъ собственникамъ,
„очень не мѣшало бы удостовѣриться сначала, точно ли у
„этихъ рабовъ есть сколько-нибудь реальная любовь къ
„свободнымъ учрежденіямъ“.

„Думать, что рабство было установлено путемъ несправед-
„ливости, и что оно не оправдывается съ точки зрѣнія тран-
„сцендентальной этики,—вполнѣ естественно. Тѣмъ не менѣе
„всякій, кто задался бы цѣлью исправить эту несправедли-
„вость, неизбежно столкнулся бы съ вопросомъ: кто пора-
„ботилъ теперешнихъ рабовъ. Ихъ собственники ихъ не
„порабощали, они лишь купили ихъ. Порабощены они были
„другими неграми, такими же, какъ они,—быть можетъ, ихъ
„матерями, двоюродными братьями и тетками. Гдѣ теперь
„потомки поработителей, гдѣ потомки порабощенныхъ? Какъ
„ихъ искать? Да если бы они и были найдены, все же на
„пути къ исправленію неправды у насъ оказались бы почти
„непреодолимая преграды. Возвращаясь къ прошлому, намъ
„пришлось бы разсчитываться вчистую и вписывать въ

„счетъ также все то, что было израсходовано владѣльцами
„на пищу, одежду и содержаніе негровъ за все время ихъ
„пребыванія въ нашей странѣ“.

„Я, какъ-то, совѣщался по этому вопросу съ однимъ изъ
„выдающихся нашихъ торговцевъ неграми, который по-
„купалъ и продавалъ рабовъ, конечно, болѣе, чѣмъ кто-
„либо другой на всемъ нашемъ юго-западѣ, и онъ сообщилъ
„мнѣ, сдѣлавъ точное исчисленіе, что въ общей массѣ ра-
„бовъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, при всѣхъ потеряхъ,
„которыя должны нести собственники изъ-за кормленія дѣ-
„тей, больныхъ и стариковъ, и при неизбѣжныхъ расхо-
„дахъ на надсмотрщиковъ, погонщиковъ, караульныхъ и
„ищейныхъ собакъ, средняя годичная стоимость содержанія
„раба для средняго собственника равняется по меньшей
„мѣрѣ 267 долларамъ 57 сентамъ съ дробью. Будемъ вели-
„кодушны къ неграмъ и, отбросивъ 57 сентовъ съ дробью,
„примемъ стоимость содержанія раба хозяину равной лишь
„267 долларамъ въ годъ“.

„Такъ какъ первая партія негровъ была высажена въ
„Джемстаунѣ въ Виргиніи въ 1620 году, а привозная тор-
„говля неграми уничтожена въ 1808, то мы можемъ при-
„нять среднее время пребыванія каждаго изъ рабовъ въ
„нашей странѣ равнымъ ста пятидесяти годамъ. Умноживъ
„на это число 267 (стоимость годичнаго содержанія раба
„въ долларахъ), мы найдемъ стоимость каждаго раба его
„собственнику, не считая процентовъ, равной 40.050 дол-
„ларамъ.

(Громкія рукоплесканія).

Тутъ на одной изъ заднихъ скамеекъ поднялся какой-то
человѣкъ и съ очень замѣтнымъ акцентомъ сѣверянина
спросилъ ректора Брауна, включаетъ ли онъ въ общее чи-
сло рабовъ также новорожденныхъ негрскихъ дѣтей. И
когда ректоръ отвѣтилъ утвердительно, этотъ непрошенный
гость было продолжалъ: „Какимъ же образомъ ребенокъ-
негръ, только что родившійся, можетъ стоять своему хо-

зяину, сорокъ тысячъ пятьде... Конца его словъ уже нельзя было слышать, такъ какъ онъ немедленно былъ удаленъ изъ залы, чуть ли не надъ головами присутствующихъ. Нѣсколько мгновений замѣтно было сильное возбужденіе, однако полковникъ Джонсонъ вновь успокоилъ аудиторію, попросивъ молодыхъ людей, стоявшихъ у входа, не отводить нарушителя порядка далѣе сосѣдняго участка пустопорожней земли, чтобы не прерывать теченія того праздника, какое устроилъ для нихъ своею рѣчью ихъ знаменитый соотечественникъ. Когда вновь наступила полная тишина, ректоръ Браунъ продолжалъ:

„Надо имѣть въ виду, что негры не имѣютъ права на самихъ себя въ ихъ теперешнемъ состояніи: вымытыхъ, одѣтыхъ, накормленныхъ, цивилизованныхъ, обращенныхъ въ христіанскую вѣру и наученныхъ работать; что они имѣютъ право на самихъ себя лишь въ ихъ первобытномъ дикомъ и нецивилизованномъ состояніи. А въ какомъ отношеніи стоитъ эта первоначальная цѣнность раба къ той цѣнности, которую онъ получилъ теперь благодаря полуторасталѣтнимъ усиліямъ владѣльцевъ? Мы знаемъ, что рабы покупались въ загонахъ и доставлялись на палубы кораблей за цѣну отъ полуфунта бусъ до бутылки рома или манчестерскаго мѣшкетъ, при чемъ уже собственниками оплачивался провозъ ихъ въ Америку и огромная страховая премія въ виду ихъ неизбѣжно высокой смертности,—двѣ крупныя статьи дебета негровъ, которыя, какъ вамъ извѣстно, не были включены мною въ счетъ расхода на негровъ. Мой другъ, работоторговецъ, опредѣляетъ эту первоначальную цѣну раба, въ среднемъ, самое большое, въ 15 шиллинговъ 9 пенсовъ. Примемъ ее равной 4 долларамъ на американскія деньги. Такимъ образомъ, мы узнаемъ, что для справедливаго исправленія неправды каждый негръ на Югѣ долженъ бы былъ уплатить своему хозяину разницу въ 40.046 долларовъ!“

(Громкія и продолжительныя рукоплесканія).

„Когда, много лѣтъ тому назадъ, находясь на Запад-
„номъ Резервѣ, я вывелъ изъ трансцендентальной этики то
„заключеніе, что право собственности на человѣка по спра-
„ведливости не могло бы быть отчуждено отъ самого чело-
„вѣка, и доказывалъ, что рабы должны быть освобождены
„по выдачѣ вознагражденія ихъ собственникамъ, я прогля-
„дѣлъ предыдущія соображенія. Сверхъ того, я не видѣлъ
„ясно, что произошло бы, если бы было дано вознагражде-
„ніе за всѣ тѣ расходы на рабовъ, которые сдѣланы были
„собственниками въ теченіе этихъ полутора лѣтъ. Я по-
„прежнему придерживаюсь своего первоначальнаго вывода,
„поскольку это касается трансцендентальной этики,—но въ
„то же время болѣе полный пересмотръ этого вопроса при-
„велъ меня къ заключенію, что слѣдуетъ удержать рабство,
„хотя бы и подчиненное праву раба выкупать себя, внося
„собственнику всю ту сумму, въ какую онъ ему обошелся,
„т. е. 40.046 долларовъ. Нетрудно однако замѣтить, что
„такая сдѣлка была бы убыточна и для самихъ рабовъ, ибо
„при теперешнихъ цѣнахъ на негровъ ихъ продаютъ, какъ
„большихъ, такъ и малыхъ, не дороже 1.000 долларовъ за
„каждаго. И если я допускалъ тогда нѣкоторую возмож-
„ность того, что спустя милліоны лѣтъ рабамъ дозволено
„будетъ освободиться по выплатѣ полного вознагражденія
„ихъ собственникамъ, то теперь я вижу, что при человѣч-
„ествѣ, такомъ, каково оно есть, реорганизація эта должна
„дѣлаться все болѣе и болѣе невыгодной, ибо долгъ ра-
„бовъ своимъ хозяевамъ будетъ все возрастать и возра-
„стать“. *(Еще болѣе громкія и продолжительныя рукопле-
сканія; присутствующіе по приглашенію профессора Буль-
геда трижды выкрикиваютъ троекратное ура; аудиторія
приходитъ въ движеніе; дамы машутъ носовыми плат-
ками).*

„Позволю себѣ замѣтить, что и вообще всѣ толки о пре-
„доставленіи рабамъ свободы я считаю не только глупыми,

„но и преступными. Такъ какъ самъ рабъ, по нашимъ законамъ, признается собственностью хозяина, то ясно, что онъ уже имѣетъ свою свободу въ свободѣ своего хозяина. Такимъ образомъ равная свобода каждого дѣлать все, что онъ пожелаетъ, лишь бы имъ не нарушалась одинаковая свобода другихъ людей, признается уже законами Юга въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями этики, и намъ остается лишь препятствовать всѣми средствами распространенію аболиціонистскихъ теорій въ нашей странѣ свободныхъ и смѣлыхъ людей“.

Энтузіазмъ слушателей превзошелъ всякое описаніе. Профессоръ Бульгедъ бросился на эстраду и обнялъ ректора. За нимъ послѣдовали и всѣ наши лучшіе граждане. Тѣмъ временемъ несчастный проходимецъ, прервавшій чтеніе ректора, былъ вымазанъ въ дегтѣ на сосѣднемъ участкѣ, вывалянъ въ перьяхъ и доставленъ на брускѣ къ выходу изъ залы. Къ несчастію, всѣ усилія полиціи розыскать виновниковъ этой продѣлки остались тщетными. Можно только догадываться, что она была дѣломъ негровъ, которые слушали у открытыхъ оконъ и, конечно, были возмущены презрительнымъ отзывомъ чужеземца о цѣнности чернокожихъ младенцевъ.

Я обращаю вниманіе читателя лишь на сходство философскихъ пріемовъ г. Спенсера съ пріемами Брауна. Но я отнюдь не предлагаю дѣлать какое-либо личное сравненіе между этими философами. Допустить его значило бы поступить несправедливо въ отношеніи къ ректору, ибо онъ дѣйствовалъ во всякомъ случаѣ подъ вліяніемъ страха предъ дегтемъ и перьями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

НРАВСТВЕННЫЙ СМЫСЛЪ ЭТОГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Я скорѣе повѣрилъ бы во всѣ басни Талмуда и Алькорана, чѣмъ призналъ бы нашъ міръ лишеннымъ разумаго начала... При поверхностномъ знакомствѣ съ философіей, правда, люди обнаруживаютъ обыкновенно нѣкоторую склонность къ атеизму; тѣмъ не менѣе, болѣе глубокое изученіе ея всегда приводитъ къ религіи; ибо видя разсѣянно вторичныя причины, человѣкъ сплошь и рядомъ успокаивается на нихъ и не идетъ дальше, но вникая во всю цѣпь этихъ причинъ, во всей ея связности и послѣдовательности, онъ всегда въ концѣ концовъ доходитъ до представленія о Провидѣніи или Божествѣ.—Б э к о н ъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Нравственный смысл этого изслѣдованія.

Я представилъ читателю достаточно данныхъ для сужденія о причинахъ, побудившихъ г. Спенсера отречься отъ своихъ прежнихъ заявленій по земельному вопросу.

Однако я пренебрегъ бы и высокой репутаціей г. Спенсера и его огромнымъ вліяніемъ и не предпринялъ бы такого подробнаго изслѣдованія, если бы оно касалось только его одного. Моя цѣль была нѣсколько сложнѣе.

Оставивъ свои прежнія мнѣнія, г. Спенсеръ усвоилъ другія, на которыхъ лежитъ отпечатокъ признанныхъ авторитетовъ нашего времени. Подыскивая оправданія для такой перемѣны, онъ бралъ лучшее, что только могъ найти, и его недомолвки, ошибки и увертки можно замѣтить въ аргументаціи множества другихъ выдающихся писателей, отстаивавшихъ господствующую нынѣ систему. Ясно, что лучшей защиты этой системы никто не придумалъ и не можетъ придумать.

Имѣя въ виду огромную извѣстность г. Спенсера и его признанный талантъ; зная, что онъ самъ исповѣдывалъ нѣкогда тѣ убѣжденія, которыя пытается теперь выставить на позоръ,—я выбралъ его, лишь какъ выдающагося представителя тѣхъ людей, которые отвергають справедливость и полезность восстановленія равенства правъ на землю. Я перепечаталъ полностью всѣ его выраженія, ка-

сающіяся земельного вопроса, начиная съ первой его книги и кончая послѣдней, дабы исключить всякую возможность извращеній, и затѣмъ я подвергъ эти выраженія изслѣдованію, которое въ состояніи провѣрить каждый человѣкъ обычныхъ способностей и образованія. Я представилъ такимъ образомъ самый лучший примѣръ, какой только можно найти въ сочиненіяхъ одного человѣка, какъ того, что можетъ быть сказано за равное право на землю, такъ и того, что можетъ быть сказано противъ него.

И я желалъ остановиться на этомъ примѣрѣ не ради той умственной проституціи, какую онъ раскрываетъ, а ради того урока, какой можетъ быть выведенъ изъ него: довѣрять лишь своему собственному разсудку. Не авторитетъ г. Спенсера, какъ наставника въ общественныхъ дѣлахъ, хотѣлъ я подорвать, а слѣпое довѣріе къ авторитетамъ. Ибо въ вопросахъ общественной жизни масса не можетъ увѣренно полагаться на авторитеты. Чуть дѣло коснется неправды, сказывающейся на распредѣленіи богатства и приводящей къ дѣленію общества на богачей и бѣдняковъ, и признанные органы общественнаго мнѣнія и народнаго просвѣщенія, подчиняясь вліянію богатства, всегда будутъ отстаивать взгляды и желанія людей, получающихъ дѣйствительную или воображаемую выгоду отъ этой неправды.

Что мысль въ общественныхъ вопросахъ такъ спутана и затемнена, что мечты и желанія большинства людей, глубоко, хотя и смутно сознающихъ неправду, отклоняются въ сторону пустыхъ и опасныхъ мѣропріятій,—обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ фактомъ, что люди, которые признаются за особенно свѣдущихъ въ общественныхъ и экономическихъ законахъ, посвящаютъ свои силы не раскрытію коренной несправедливости, а сокрытію ея, не просвѣщенію народной мысли, а ея затемненію.

Сѣтовать на это—безполезно, ибо такова природа вещей, и фактъ этотъ обнаруживается во всякомъ великомъ

общественномъ движеніи, начиная съ того, которое смутило римскихъ богачей провозглашеніемъ Бога отцомъ всѣхъ людей и людей братьями, и кончая тѣмъ, которое у насъ на глазахъ разбило цѣпи рабовъ. Но надо признать это, чтобы люди, добивающіеся истины въ вопросахъ общественной и экономической жизни, не довѣрялись слѣпо авторитетамъ, а сами работали головой, полагаясь лишь на собственный разумъ.

Однако мнѣ вѣрится, что это изслѣдованіе побудитъ людей пользоваться своими силами не только при рѣшеніи проблемъ, касающихся общества, но также и при рѣшеніи тѣсно связанныхъ съ ними, еще болѣе сложныхъ проблемъ, касающихся природы и назначенія человѣка.

Выходя за предѣлы извѣстнаго имъ и присвоивая себѣ непринадлежащій имъ авторитетъ, признанные учителя вѣры долгое время позволяли себѣ отвергать истины, раскрываемыя естественными науками. Теперь, подобнымъ же образомъ, признанные знатоки естественныхъ наукъ, тоже выходя за предѣлы извѣстнаго имъ и присвоивая себѣ непринадлежащій имъ авторитетъ, отвергаютъ истины, раскрываемыя религіей. И множество людей, бросая одни авторитеты, нерѣдко извращенные соблазнами господствующей неправды, подпадаютъ подъ вліяніе другихъ авторитетовъ, которые въ своемъ абсолютномъ материализмѣ оказываются не менѣе дѣйствительнымъ средствомъ для подавленія совѣсти и для защиты себялюбивыхъ побужденій, чѣмъ какое бы то ни было извращеніе религіозныхъ истинъ.

Г. Спенсеръ является выдающимся представителемъ такого рода авторитетовъ. Всюду признаваемый за научнаго философа, по преимуществу; восхваляемый своими цѣнителями, какъ величайшій изъ всѣхъ мыслителей, какъ человѣкъ, разрабатывающій темную область философіи путемъ примѣненія къ ней точныхъ научныхъ методовъ,—

онъ истолковываетъ простымъ смертнымъ смыслъ величайшихъ научныхъ открытій нашего времени въ приложеніи къ наиболѣе важнымъ проблемамъ. И въ результатъ масса людей приходитъ къ смутному убѣжденію, будто современная наука признала вѣру въ Бога невѣжественнымъ суевѣріемъ и надежду на будущую жизнь пустой мечтой.

Люди вѣрятъ въ науку и питаютъ глубокое уваженіе къ ея признаннымъ наставникамъ, подчиняясь ихъ вліянію такъ же, какъ они подчинялись нѣкогда вліянію учителей вѣры. Они вѣрятъ, что въ чистой и ясной области научныхъ изслѣдованій нѣтъ мѣста для соблазновъ, извращеній и ложныхъ толкованій. И они сохраняютъ свою вѣру въ людей науки даже тогда, когда тѣ, переступая границу своихъ знаній, начинаютъ высказываться по вопросамъ политики и религіи. Такъ и г. Спенсеръ, составивъ себѣ имя научнаго философа, сталъ признаваться затѣмъ вообще честнымъ, безбоязненнымъ мыслителемъ, заботящимся лишь о раскрытіи и провозглашеніи истины. Вліяніе его стало безгранично. И онъ воспользовался имъ,—сначала, чтобы убить надежду на жизнь въ иномъ мірѣ, а затѣмъ—чтобы отвергнуть у народной массы право на жизнь здѣсь, на землѣ,—чтобы поддержать неправду, превосходящую древнее рабство и обрекающую множество людей не только на физическое голоданіе, но также на умственные и нравственные лишенія и голодовки, на невѣжество, развратъ и преждевременную смерть.

Мы лишь случайно касались болѣе общихъ вопросовъ, затрогиваемыхъ Синтетической философіей; тѣмъ не менѣе наше изслѣдованіе, все же, предоставляло читателю полную возможность разобратъ въ наиболѣе важныхъ особенностяхъ г. Спенсера, на которыхъ держится его репутація,—оцѣнить его писательскую честность и его способность къ отчетливому и логическому мышленію. Оно вывело этого человѣка, именуемаго философомъ, изъ области

громкихъ фразъ и высокопарныхъ разсужденій и ставило его въ такую обстановку, гдѣ всякій могъ легко понять его и оцѣнить. Въ своей первой книгѣ, написанной имъ въ то время, когда онъ вѣрилъ въ Бога, въ божественно-предначертанный порядокъ, въ нравственное чувство, — въ книгѣ нынѣ уже лишенной всѣхъ ея прелестей, — онъ былъ честнымъ, безбоязненнымъ, хотя нѣсколько и неосторожнымъ мыслителемъ. Но въ его теперешнихъ философскихъ построеніяхъ, прослѣженныхъ нами, онъ оказался, какъ философъ, смѣшнымъ, а какъ человѣкъ, презрѣннымъ, — переметной сумой („Vicar of Bray“), набитой звонкими словами, громкими фразами и самыми удивительными логическими неразберихами.

Если намъ удалось разбить идола, тогда я вѣрю, что чрезъ это мы пробудимъ нѣсколько и народную мысль.

Преклоняясь предъ авторитетомъ экономистовъ, какъ будто сговорившихся не находить того, что они взялись искать, многіе люди сдѣлались слѣпы къ красотѣ и гармоніи экономическихъ законовъ и стали называть праздною мечтой благородную мысль о томъ строѣ общества, когда всѣ имѣли бы работу, досугъ и довольство, и всѣ были бы честны, великодушны и мужественны. Подобнымъ же образомъ, преклоняясь предъ мнимымъ авторитетомъ естественныхъ наукъ и не испытавъ еще, лично, никакихъ логическихъ противорѣчій, многіе люди въ наше время стали подавлять въ себѣ мысль о духовномъ началѣ, вѣру въ Бога и въ будущую жизнь. Сознавая свое невѣжество, не довѣряя своимъ силамъ, путаясь въ научныхъ тонкостяхъ и метафизической терминологіи, люди эти, встрѣчаясь съ теоріями такихъ ученыхъ, какъ г. Спенсеръ, бываютъ очень склонны принимать ихъ на вѣру. Они полагаютъ, что авторъ вездѣ и во всемъ видитъ и знаетъ болѣе, чѣмъ они, и, замѣчая умственное превосходство, съ полной увѣренностью приписываютъ его обладателю также и превосход-

ство нравственныхъ качествъ. Я знаю чувства этихъ людей, ибо я помню время, когда я самъ чувствовалъ такъ же, какъ они.

И этимъ людямъ, я вѣрю, мое изслѣдованіе будетъ полезно, ибо оно сдѣлаетъ ихъ болѣе осторожными. Касаясь вопросовъ, вполне доступныхъ для людей съ обычными познаніями и развитіемъ, мы прослѣживали логическіе приемы и испытывали степень добросовѣстности выдающагося изъ числа тѣхъ философовъ, которые во имя науки устраняютъ изъ своихъ разсужденій всякую мысль о Богѣ и унижаютъ человѣка, отнимая у него его высшее достоинство и самую радостную надежду. И если въ этихъ простыхъ вопросахъ мы наталкивались на такую путаницу, такое легковѣріе и такое грубое пренебреженіе къ самымъ элементарнымъ правиламъ логическаго разсужденія, то какъ станемъ мы относиться со слѣпымъ довѣріемъ къ выводамъ другихъ лицъ въ болѣе сложныхъ вопросахъ,—въ вопросахъ, въ которыхъ всегда запутывался и долженъ запутываться умъ человѣка?

Не будемъ,—какъ я и говорилъ вначалѣ,—слишкомъ низко цѣнить наши силы во всемъ томъ, что касается повседневныхъ явленій и нашихъ общихъ отношеній. Если мы не ученые и не философы, все же мы люди. И въ вопросахъ, въ которыхъ безсильны телескопы, микроскопы, спектральный анализъ и химическіе реактивы, принимать на вѣру рѣшенія людей, говорящихъ „Такъ гласитъ наука“, столь же нелѣпо, какъ въ вопросахъ, подлежащихъ вѣдѣнію естественныхъ наукъ, принимать рѣшенія людей, увѣряющихъ, будто „Такъ гласитъ религія“.

Я не касаюсь никакихъ символовъ вѣры и не хлопочу о томъ, чтобы всѣ люди имѣли одинаковыя религіозныя убѣжденія. Мнѣ нужно лишь одного: чтобы всѣ люди мыслили самостоятельно,—иначе они будутъ бросать одно суевѣріе только лишь для того, чтобы усвоить другое, быть

можетъ, худшее. Для каждаго изъ насъ думать, что онъ ничего не можетъ знать, такъ же опасно, какъ думать, что онъ знаетъ все. Есть вещи, которыя дано знать всякому, кто обладаетъ разумомъ и хочетъ имъ пользоваться, и,— какъ говорилъ тотъ, надъ кѣмъ насмѣхались ученые его времени, кого преслѣдовали первосвященники, и кого распяло благовоспитанное общество, выражавшее свою волю чрезъ людей, невѣдавшихъ, что они творили,—есть вещи, которыя утаены отъ мудрыхъ и разумныхъ и открыты младенцамъ.

Исторія и теорія статистики. Пер. съ нѣм. п. ред. и съ дополн. проф. Янсона. Ц. 2 р.

Дарестъ, Р. Изслѣдованія по исторіи права. Пер. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.

Зайцевъ, В. Древняя исторія Востока. Ц. 2 р. **Его-же.** Древняя исторія Запада Т. I. Эллинская эпоха. Ц. 4 р.

Джеббъ, Р. Гомеръ. (Введеніе къ Иліадъ и Одиссеѣ). Ц. 1 р. 50 к.

Платонъ. Апологія Сократа, Критонъ. Ц. 50 к.

Модестовъ, В. Лекціи по исторіи римской литературы. Ц. 5 р.

Тацитъ, К. Сочиненія: Т. I. Агрикола. Германія. Исторія. Ц. 2 р. 50 к.

Т. II. Лѣтописи. Разговоръ объ ораторахъ. Ц. 3 р. 50 к. Пер. В. И. Модестова.

Апулей. Золотой оселъ. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к., вел. 2 р. 50 к.

Мюллеръ, А. Исторія Ислама съ основ. до новѣйшихъ временъ. Ц. 10 р.

Куглеръ, Б. Исторія крестовыхъ походовъ. Съ рис. и картами. Ц. 3 р.

Додю, Г. Исторія монархическихъ учрежденій въ Латино-Іерусалимскомъ королевствѣ (1099—1291). Пер. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.

Сорель, А. Европа и французская революція. Цѣна за I и II тт. 6 р., за III и IV тт. 5 р. 50 к.

Наказъ Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторыя. На русскомъ и французскомъ языкахъ. Ц. 3 р., велен. 5 р.

Монтескье. Персидскія письма. Ц. 2 р. 50 к.

Лесаажъ. Исторія Жиль Блаза де Сантльяна. Ц. 2 р. 50 к.

Бобржинскій, М. Очеркъ исторіи Польши. Цѣна за оба тома 5 р. 50 к.

Ждановъ, Ив. Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованія и матеріалы. Ц. 5 р.

Бѣловъ, Е. Русская исторія до реформы Петра Великаго. Ц. 3 р.

Майковъ, Л. Н. Пушкинъ. Ц. 1 р. 50 к., веленев. 2 р. 50 к.

Его-же Историко-литературные очерки. Ц. 2 р.

Мануиловъ, А. Аренда земли въ Ирландіи. Ц. 2 р. 50 к.

Куторга, М. С. Собраніе сочиненій. 2 тт. Ц. 9 р.

Минаевъ, И. П. Очерки Цейлона и Индіи. 2 чч. Ц. 2 р. 50 к.

Сѣрошевскій, В. На краю лѣсовъ. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 25 к.

Діонео. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Ц. 1 р. 50 к.

Мерцаловъ, А. Е. Вологодская старина. Ц. 1 р.

Шереръ, В. Исторія нѣмецкой литературы. Цѣна за оба тома 5 р. 50 к., отдѣльно по 3 р. за томъ.

Кенетъ Грэмъ. Золотой возрастъ. Ц. 75 к. **Его-же.** Дни грезъ Ц. 75 к.

Вотье. Мѣстное управленіе въ Англіи Пер. съ фр. В. Водовозова. Ц. 2 р.

Фонъ-Шаккъ, А. Ф. Исторія норманновъ въ Сициліи. Ц. 2 р. 50 к.

Лазарилло изъ Тормезъ. Пер. съ испанск. Ц. 75 к.

Могра. Послѣдніе дни одного общества. Пер. съ фр. Ц. 3 р.

Спенсеръ, Г. Основныя начала. Пер. съ англ. Ц. 2 р.

Штраусъ, Давидъ. Ульрихъ ф. Гуттенъ. Ц. 3 р.

Поль Луи Курье. Сочиненія. Политическіе памфлеты. Ц. 2 р.

Нидерле. Люди въ доисторическую эпоху. Ц. 5 р.

Тенъ-Бринкъ. Шекспиръ. Пер. П. И. Вейнберга. Ц. 75 к.

Сеайль. Леонардо да-Винчи. Пер. съ франц. Ц. 2 р.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа, 3 тт. Ц. 8 р.

Ларра. Общественные очерки Испаніи. Пер. М. В. Ватсонъ. Ц. 2 р. 50 к.

Левесъ. Женскіе типы Шекспира. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.

Метенъ. Соціализмъ въ Англіи. Пер. съ фр. Ц. 1 р. 50 к.

Рейбо. Жеромъ Патюро въ поискахъ соціальнаго положенія. Ц. 1 р. 25 к.

Паскаль. Письма о морали и политикѣ іезуитовъ. Ц. 2 р.

Недавно вышедшія изданія Л. Ф. ПАНТЕЛЪЕВА.

- Генри Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность. Ц. 2 р.
 Риглажъ. Соціологія Конта. Ц. 2 р. 50 к.
 Бельшовскій. Жизнь Гете. Пер. п. ред. П. И. Вейнберга. Т. I. Ц. 2 р. 50 к.
 П. Л. Болье. Новыя англо-саксонскія общества. Австралія и Новая Зеландія. Южная Африка (нѣсколько главъ посвящено Трансваалю). Ц. 2 р.
 Бернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка и квакеры. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к.
 Ибервегъ-Гейнце. Исторія новой философіи. Изд. 2-ое. Ц. 6 р.
 Лихтенбергъ. Афоризмы. Пер. съ нѣм. Н. М. Соколова. Ц. 1 р. 50 к.
 Дриль, Д. Ссылка во Франціи и Россіи. Ц. 1 р.
 Ланге, Ф. А. Исторія матеріализма. 2-ое изд. Ц. 1 р. 50 к.
 Елпатьевскій, С. Разказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к.
 Бойезенъ, Гіальмаръ. „Фаустъ“ Гете. Комментарій къ поэмѣ. Ц. 1 р. 50 к.
 Бартъ, Пауль. Философія исторіи какъ соціологія. Ч. I. Ц. 1 р. 75 к.
 Кохъ, М. Исторія нѣмецкой литературы. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 25 к.
 Грегоровіусъ, Ф. Исторія города Аѳинъ въ средніе вѣка. 2 тт. Ц. 3 р. 50 к.
 Тома, Э. Римъ и Имперія въ первые два вѣка новой эры. Ц. 1 р. 50 к.
 Бецольдъ. Исторія реформациі въ Германіи. 2 тт. Ц. 5 р. 50 к.
 Гаусратъ, А. Средневѣковые реформаторы. Пер. съ нѣм. подъ ред. Э. Л. Радлова. Т. I. Абеляръ. Арнольдъ Брешианскій. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Арнольдисты. Вальденцы. Францискъ Ассизскій. Вѣчное Евангеліе. Сегарелли. Дольчино. Ц. 2 р.
 Штернъ, Альфредъ. Исторія революціи въ Англіи. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.
 Морганъ, Л. Г. Первобытное общество, съ пред. М. М. Ковалевскаго. Ц. 3 р.
 Монтескье. О Духѣ Законовъ, съ пред. М. М. Ковалевскаго. Ц. 4 р.
 Прокоповичъ, С. Н. Къ критикѣ Маркса. Ц. 1 р. 50 к.
 Генри де Уокеръ. Развитие австралійской демократіи. Ц. 1 р. 80 к.
 Мижуевъ, П. Г. Великій расколъ англо-саксонской расы. Американская революція. Ц. 1 р. 25 к.
 Бутру, Эмиль. Паскаль. Пер. съ франц. Ц. 80 к.
 Старке, К. Н. Первобытная семья, ея возникновеніе и развитіе. Ц. 1 р. 60 к.
 Рибо. Опытъ изслѣдованія творческаго воображенія. Пер. съ фр. Ц. 80 к.
 Рескинъ, Джонъ. Прогулки по Флоренціи. Пер. А. Герцыкъ Ц. 60 к.
 Филипповичъ, Евг. Основанія Политической экономіи. Пер. съ нѣм. Ц. 3 р.
 Дауденъ, Эд. Исторія французской литературы. Ц. 1 р. 50 к.
 Игнатовичъ, И. И. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Ц. 1 р.

Печатаются и готовятся къ печати:

- Ибервегъ-Гейнце. Исторія древней философіи.—Исторія средневѣковой философіи.—Исторія философіи у славянскихъ народовъ въ обработкѣ Я. Н. Колубовскаго.
 Вундтъ. Система Философіи.
 Мякотинъ, В. А. Историческія монографіи.

Складъ всѣхъ изданій Л. Ф. Пантелъева въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова.

Цѣна
1р. 50к.

Г. ДЖОРДЖЪ

ЗАПУТАВШІЙСЯ

ФИЛОСОФЪ.

1902